This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Mus 1695.14.3

THE MUSIC LIBRARY
OF THE
HARVARD COLLEGE
LIBRARY

78/14/80

DATE DUE

~~JAN 7 ENT~~			
~~APR 10~~ TERM			
JAN 31 1998			
FEB 10 2002			
[illegible]			
MAR 03 2003			

HIGHSMITH 45-220

АЛЕКСАНДРЪ ПОРФИРЬЕВИЧЪ

БОРОДИНЪ

Ков. П

АЛЕКСАНДРЪ ПОРФИРЬЕВИЧЪ

БОРОДИНЪ

ЕГО ЖИЗНЬ, ПЕРЕПИСКА И МУЗЫКАЛЬНЫЯ СТАТЬИ

1834—1887

ИЗДАНІЕ

А. С. Суворина

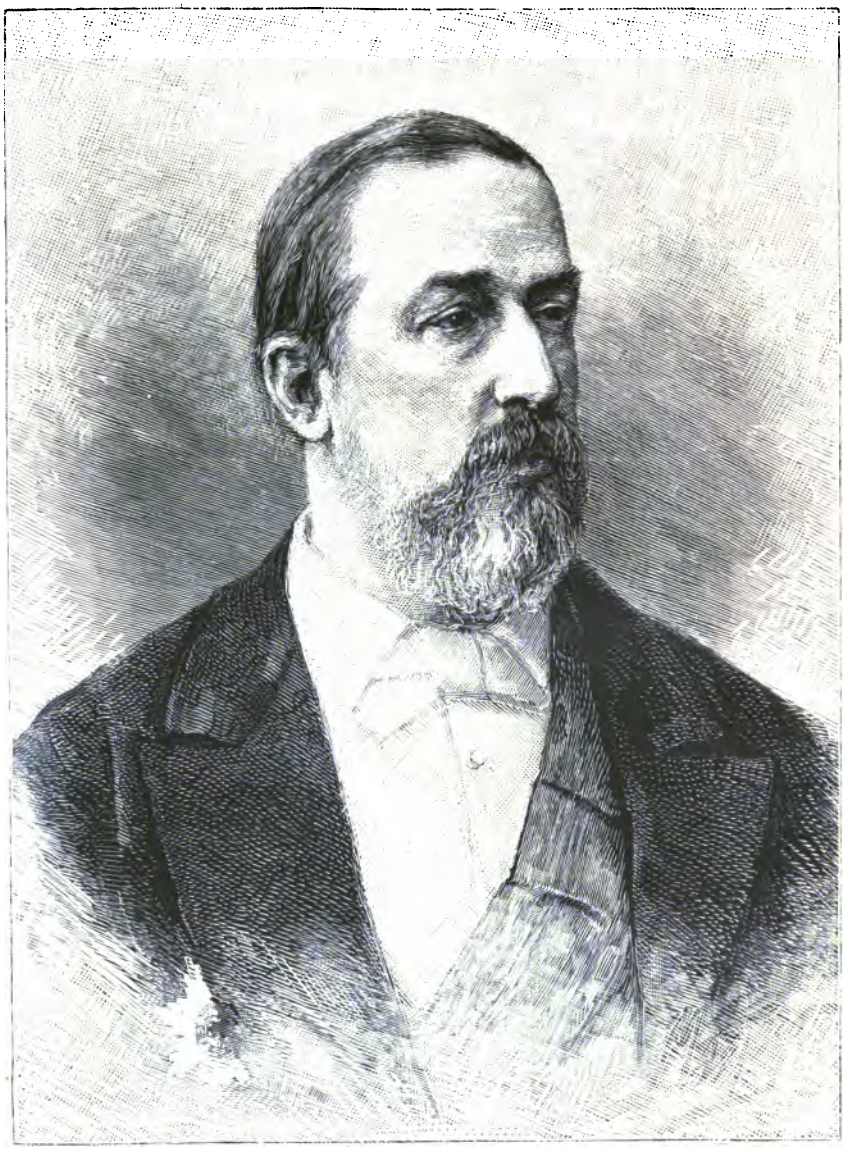
С.-ПЕТЕРБУРГЪ

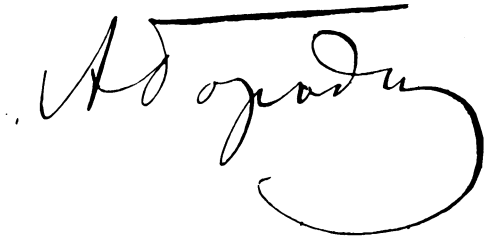
Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 11—2

1889

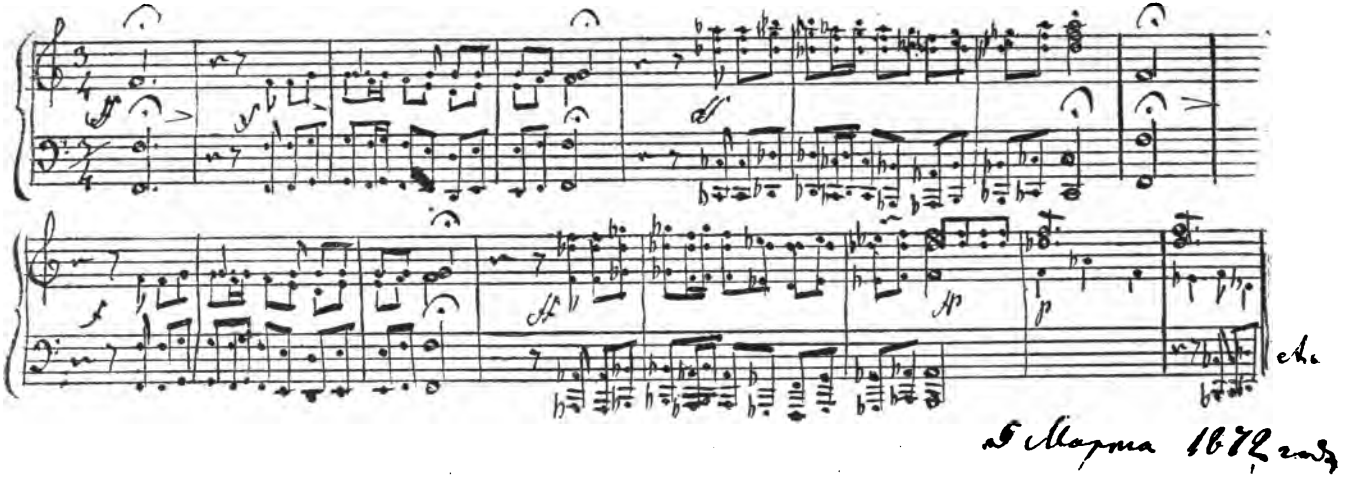
Mus 1695.14.3

Дозв. ценз. Спб., 11 февраля 1889 г.





Съ портрета, снятаго фотографомъ Соловьевымъ въ 1885 г.



Автографъ А. П. Бородина, подаренный имъ В. В. Стасову 5-го марта 1872 года.

(Жрецъ и народный хоръ, въ храмѣ Радегаста: сцена въ оперѣ-балетѣ „Млада". Впослѣдствіи, эта сцена, въ измѣненномъ видѣ, вошла въ составъ Пролога въ оперѣ „Князь Игорь").

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе XI

I.

Біографія А. П. Бородина 1

II. ПИСЬМА.

1869.

1. Къ В. В. Стасову. 20-го апрѣля 61
2. Къ нему же. 3-го іюня . . . . . —
3. Къ К. С. Бородиной. 3-го октября 62
4. Къ ней же. 27-го октября 63
5. Къ ней же. 3-го ноября 65
6. Къ ней же. 16-го ноября 68

1870.

7. Къ ней же. 14-го февраля 70
8. Къ ней же. 4-го марта 73
9. Къ ней же. 16-го марта 75
10. Къ ней же. 8-го мая 76
11. Къ ней же. 11-го мая 80

1871.

12. Къ Н. А. Римскому-Корсакову. 11-го августа 82
13. Къ нему же. 22-го августа 83
14. Къ К. С. Бородиной. 26-го и 27-го октября 84
15. Къ Л. И. Шестаковой. 28-го октября 86
16. Къ К. С. Бородиной. 12-го ноября 87

1872.

17. Къ В. В. Стасову. 1-го марта 89
18. Къ Н. Н. или А. Н. Пургольдъ. Весна . . . . . —

стр.
19. Къ Над. Ник. Пургольдъ. 31-го марта 90
20. Къ А. Н. Пургольдъ. Осень 91

1873.

21. Къ В. В. Стасову. 2-го января 91
22. Къ К. С. Бородиной. 5-го октября . . . . . —
23. Къ В. В. Стасову. 15-го октября 94
24. Къ М. Н. Римскому-Корсакову. 18-го октября . . . . . —
25. Къ В. В. Стасову. 10-го ноября 95

1874.

26. Къ нему же. 3-го января 96
27. Къ Л. А. Куломзиной. 18-го сентября . . . . . —
28. Къ М. П. Мусоргскому. Ноябрь 98

1875.

29. Къ Л. И. Кармалиной. 15-го апрѣля 98
30. Къ Л. А. Куломзиной. 29-го іюля 101
31. Къ В. В. Стасову. 18-го сентября 106
32. Къ К. С. Бородиной. 19-го сентября . . . . . —
33. Къ ней же. 26-го сентября 107

1876.

34. Къ Л. И. Кармалиной. 1-го іюня 108
35. Къ В. В. Стасову. 5-го декабря 114

1877.

36. Къ Л. И. Шестаковой. Январь 114
37. Къ Л. И. Кармалиной. 19-го января 115
38. Къ К. С. Бородиной. 3-го іюля 117
39. Къ ней же. 12-го іюля 133
40. Къ ней же. 18-го іюля 141
41. Къ ней же. 23-го іюля 148
42. Къ ней же. 30-го іюля 152
43. Къ В. В. Стасову. 22-го ноября 158

1878.

44. Къ нему же. 2-го апрѣля 159
45. Къ А. П. Діанину. 12-го августа . . . . . —
46. Къ нему же. Августъ 160
47. Къ Л. И. Шестаковой. Октябрь 161

1879.

48. Къ ней же. 2-го января 161
49. Къ В. В. Стасову. 31-го января 162
50. Къ нему же. 4-го августа . . . . . —

стр.
51. Къ Н. А. Римскому-Корсакову. 4-го августа 165
52. Къ В. В. Стасову. 15-го августа 167

1880.

53. Къ нему же. 23-го іюля 168
54. Къ Л. И. Шестаковой. 8-го ноября 172
55. Къ К. С. Бородиной. 22-го декабря 173

1881.

56. Къ В. В. Стасову. 10-го января 174
57. Къ нему же. 31-го января . . . . . —
58. Къ Л. И. Шестаковой. 25-го мая . . . . . —
59. Къ К. С. Бородиной. 30-го мая 175
60. Къ Н. Н. Римской-Корсаковой. 1-го (13-го) іюня 176
61. Къ К. С. Бородиной. 7-го (19-го) іюня 181
62. Къ Ц. А. Кюи. 12-го іюля 185
Приложеніе 189

1882.

63. Къ Ѳ. И. Стравинскому. 9-го января 206
64. Къ В. В. Стасову. 3-го февраля 207
65. Къ А. Н. Молась. 3-го февраля . . . . . —
66. Къ Н. А. Римскому-Корсакову. 16-го апрѣля 208
67. Къ В. В. Стасову. 31-го мая 209

1883.

68. Къ Л. И. Шестаковой. 3-го января . . . . . —
69. Къ Ѳ. И. Стравинскому. 6-го февраля . . . . . —
70. Къ М. П. Бѣляеву. 18-го апрѣля . . . . . —
71. Къ В. В. Стасову. 4-го августа 210

1884.

72. Къ К. С. Бородиной. 18-го іюня . . . . . —
73. Къ графинѣ де-Мерси Аржанто. 29-го іюня 212
74. Къ ней же. 15-го сентября 213
75. Къ К. С. Бородиной. 16-го октября 216
76. Къ графинѣ де-Мерси Аржанто. 17-го октября . . . . . —
77. Къ К. С. Бородиной. 21-го октября 221
78. Къ графинѣ де-Мерси Аржанто. 22-го октября 223
79. Къ ней же. 23-го октября 224
80. Къ ней же. 6-го ноября . . . . . —

1885.

81. Къ ней же. 18-го января 230
82. Къ ней же. 28-го января 232
83. Къ ней же. 14-го февраля 235

стр.
84. Къ графинѣ де-Мерси Аржанто. 24-го апрѣля . . . . . —
85. Къ ней же. 25-го іюня 237
86. Къ К. С. Бородиной. 4-го (16-го) августа 238
87. Къ графинѣ де-Мерси Аржанто. 24-го августа 241
88. Къ К. А. Протопоповой. 25-го августа (6-го сентября) 242
89. Къ К. С. Бородиной. Августъ . . . . . —
90. Къ ней же. 21-го августа (9-го сентября) 244
91. Къ ней же. 30-го ноября 247
92. Къ ней же. 3-го декабря 249
93. Къ ней же. 7-го декабря 252
94. Къ ней же. 25-го декабря 255

1886.

95. Къ ней же. Суббота (получено 1-го января) 257
96. Къ ней же. 1-го января 259
97. Къ ней же. 2-го января 261
98. Къ И. И. Гаврушкевичу. 6-го мая 262
99. Къ Л. И. Шестаковой. 6-го августа 264
100. Къ К. С. Бородиной. 16-го октября 265

1887.

101. Къ ней же. 20-го января 267
102. Къ ней же. 3-го февраля 269
103. Къ ней же. 9-го февраля 270
104. Къ ней же. 14-го февраля 272

III. МУЗЫКАЛЬНЫЯ СТАТЬИ.

1. Музыкальныя замѣтки:
I. Концерты Русскаго Музыкальнаго Общества (1868) . . . 275
II. Тоже 282
III. Концерты Русскаго Музыкальнаго Общества (1869) . . . 287
IV. Концертъ Безплатной Музыкальной Школы—Концерты Русскаго Музыкальнаго Общества (1869) 300
2. Листъ у себя дома въ Веймарѣ [изъ личныхъ воспоминаній А. П. Бородина (1883)]:
I. 317
II. 322

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Надгробный памятникъ А. П. Бородина 331

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Вскорѣ послѣ кончины А. П. Бородина, въ 1887 году, я издалъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ (а также въ видѣ отдѣльной брошюры) жизнь Бородина и нѣсколько писемъ его. Съ тѣхъ поръ матеріалъ мой значительно увеличился.

По моей убѣдительной просьбѣ, жена покойнаго, Кат. Серг. Бородина, не взирая на злую и мучительную болѣзнь, которая дала ей всего только на 4½ мѣсяца пережить мужа, — рѣшилась продиктовать одному изъ своихъ знакомыхъ, и одному изъ самыхъ горячихъ поклонниковъ Бородина, Сем. Ник. Кругликову, воспоминанія свои о мужѣ изъ разныхъ эпохъ его жизни. Эти подробности, а равно и другія, вновь мною полученныя съ разныхъ сторонъ, много прибавили характерныхъ свѣдѣній и чертъ къ прежней моей біографіи.

Но еще значительнѣе, по объему и содержанію, собраніе писемъ Бородина, накопившихся у меня за эти два года. Прежде я напечаталъ ихъ 14, теперь печатаю — 104. По моему мнѣнію, многія письма Бородина равняются его музыкальнымъ созданіямъ—столько въ нихъ таланта, художественности, мысли, граціи, юмора, силы. Не знаю, много ли равныхъ этимъ письмамъ можно найти во всей нашей литературѣ. Многія между ними—истинныя художественныя созданія. По талантливости, картинности, тонкой наблюдательности и живости, особенно отличаются тѣ письма, гдѣ

Бородинъ разсказываетъ свое знакомство и свиданія съ Листомъ въ 1877 и 1881 годахъ. Твердо зная все то, что до сихъ поръ писано о Листѣ, я могу сказать, что ни въ одной европейской литературѣ нѣтъ такого живаго и глубокоталантливаго портрета высокаго нашего современника. И это оттого, что Бородинъ былъ до глубины души проникнутъ страстнымъ обожаніемъ къ генію и необычайной личности геніальнаго музыканта. Но, кромѣ такого значенія, письма Бородина имѣютъ еще другое, также очень важное. Они заключаютъ въ себѣ очень богатыя данныя для исторіи музыкальнаго движенія въ Россіи за его время. Постоянная болѣзнь Кат. Серг. Бородиной заставила ее прожить много лѣтъ вдали отъ неблагопріятнаго петербургскаго климата. Бо́льшую часть послѣднихъ лѣтъ своей жизни она прожила въ Москвѣ и ея окрестностяхъ (близь Москвы, въ селѣ Раменскомъ, она и скончалась 28-го іюня 1887 года). Привыкнувъ, въ теченіе цѣлой четверти столѣтія, дѣлиться съ нею всѣми мыслями и ощущеніями, Бородинъ очень часто писалъ ей изъ Петербурга и изъ-за границы, во время своихъ путешествій, рѣшительно обо всемъ его интересовавшемъ, искренно, живо, съ увлеченіемъ. Многочисленныя письма къ товарищамъ, друзьямъ и близкимъ знакомымъ дополняютъ это драгоцѣнное собраніе писемъ, и рисуютъ въ самыхъ картинныхъ и глубокихъ о́бразахъ, и людей, и событія, и самого Бородина, за послѣднія 27 лѣтъ. Въ письмахъ — лучшая и совершеніѣйшая его біографія. Я печатаю письма, какія мнѣ удалось собрать со всѣхъ сторонъ, откуда только возможно было, цѣликомъ, лишь съ пропускомъ подробностей семейныхъ и слишкомъ интимныхъ, или вовсе незначительныхъ.

Наконецъ, я печатаю также нѣсколько музыкальныхъ статей Бородина, напечатанныхъ имъ самимъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 1868—69 гг. и въ журналѣ „Искусство“ 1883 года. Найти послѣднія — было не трудно, онѣ напечатаны такъ недавно, и притомъ подписаны фа-

миліей Бородина. Совсѣмъ другое дѣло было со статьями его въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“. Всѣ ихъ совершенно забыли, даже самые ближайшіе друзья Бородина (и не мудрено, нашъ музыкальный кружокъ печаталъ, въ то время, такъ много статей); мы всѣ не помнили даже, въ какомъ году статьи Бородина появились на свѣтъ; притомъ же подъ ними не стояло подписи Бородина. У меня одного, кажется, сохранилось смутное воспоминаніе о статьяхъ, еще рукописныхъ, которыя Бородинъ приносилъ на мой просмотръ еще въ концѣ 60-хъ годахъ. Долгое время всѣ мои поиски были тщетны, но наконецъ, послѣ многихъ моихъ переговоровъ съ Ц. А. Кюи, мало-по-малу припомнившимъ прежнія обстоятельства, мнѣ удалось розыскать эти статьи, за подписями: —ъ и Б. А розыскатьэти статьи и сохранить ихъ навсегда съ именемъ Бородина — стоило. Такъ много въ нихъ характерныхъ оцѣнокъ разнообразнѣйшихъ музыкальныхъ произведеній нашего времени и въ высшей степени замѣчательныхъ мнѣній о талантливѣйшихъ композиторахъ, русскихъ и иностранныхъ. Многія изъ этихъ мнѣній и оцѣнокъ были у Бородина общія съ его друзьями и товарищами по музыкальному дѣлу: Балакиревымъ, Кюи, Мусоргскимъ и Римскимъ-Корсаковымъ. Но многія другія имѣютъ совершенно индивидуальный, свой собственный критическій характеръ.Эти статьи непремѣнно надо было сберечь.

И вотъ, А. С. Суворинъ далъ мнѣ возможность издать въ свѣтъ полную біографію, письма и статьи человѣка, котораго я такъ глубоко, такъ безмѣрно цѣню и обожаю, котораго я считаю предназначеннымъ для великаго будущаго. Благодарность моя — безпредѣльна. Мнѣ кажется, если не теперь, то когда-нибудь впослѣдствіи, это самое скажутъ многіе другіе.

В. Стасовъ.

15-го февраля 1889 г.
(День открытія памятника Бородина).

I

БІОГРАФІЯ

I.

Александръ Порфирьевичъ Бородинъ родился 31-го октября 1834 года въ Петербургѣ, въ Измайловскомъ полку. Онъ происходилъ, по отцу, изъ рода князей Имеретинскихъ. На сохранившемся до сихъ поръ у А. П. Діанина портретѣ (масляными красками) отца его, написано: „Родился въ 1772 году". На сохранившемся также портретѣ его матери написано: „Родилась въ 1809 году". И такъ, Бородинъ явился на свѣтъ, когда его отцу было 62 года, а матери только 25 лѣтъ. Отецъ его, князь Лука Семеновичъ Гедеановъ, былъ членъ Библейскаго Общества и потому представленъ на портретѣ (въ синемъ фракѣ) съ маленькимъ евангеліемъ въ рукахъ. У него сильно выраженная восточная физіономія. Сынъ имѣлъ (судя по множеству портретовъ изъ разныхъ эпохъ его жизни) необыкновенное сходство съ отцомъ, и потому мы всѣ, близко знавшіе его, всегда были поражены характерностью его восточнаго типа. Мать Бородина, Авдотья Константиновна, рожденная Антонова, изъ Нарвы, во второмъ замужествѣ г-жа Клейнеке, жена военнаго медика, была необыкновенно красива въ молодости (это показываетъ ея портретъ, въ платьѣ декольтé), и даже до глубокой старости, когда мы ее знали, сохранила нѣкоторые остатки прежней стройности и изящества. Въ эпоху рожденія Бородина она имѣла хорошій достатокъ и жила

въ собственномъ каменномъ четырехъ-этажномъ домѣ, въ Измайловскомъ полку. По привычкамъ тогдашняго времени, незаконнорожденнаго Сашу записали законнорожденнымъ сыномъ крѣпостнаго слуги князя Гедеанова. Двухлѣтнимъ ребенкомъ, Саша, однажды, бѣгая, запнулся о порогъ двери, ведущей на балконъ, страшно ударился и разсѣкъ себѣ лобъ такъ сильно, что шрамъ остался навѣки. Мать Бородина была женщина съ малымъ образованіемъ, но умная, энергичная, и со своими, очень опредѣленными взглядами на жизнь. Она была всегда противъ обученія дѣтей въ казенныхъ заведеніяхъ, и потому рѣшилась дать своему горячо-любимому сыну Александру воспитаніе домашнее.

По словамъ К. С. Бородиной, жены Бородина, Александръ

„въ раннюю пору своего дѣтства представлялъ изъ себя существо крайне нервное, болѣзненное. Это былъ чудный ребенокъ, красавецъ съ виду, а по свойствамъ характера — необыкновенно кроткій, ясный. Сколько нибудь грубаго слова никто отъ него никогда не слыхалъ. Мать его боготворила и баловала страшно. Она очень любила кошекъ и звала его „мой 100-рублевый котикъ“. Никакихъ педагогическихъ теорій она не знала, но умѣла не вредить ему своимъ баловствомъ и съ необыкновенною чуткостью изучала его нѣжную организацію и рѣдкую натуру...“

По словамъ его брата, Д. С. Александрова, Бородинъ былъ ребенокъ болѣзненный, слабый, худенькій, и оставался такимъ даже лѣтъ до 13. Родственники совѣтовали матери не очень-то учить его, полагая, что у него чахотка и что ему недолго жить. Но она ихъ не слушала и бодро продолжала воспитаніе своего сына. Впрочемъ, ея попеченія о немъ были безпредѣльны, такъ что изъ опасенія, чтобъ его не раздавили лошади, она сама переводила его за руку черезъ дорогу даже тогда, когда ему было 14 лѣтъ.

Бородинъ былъ съ самаго дѣтства чрезвычайно понятливъ, способенъ, прилеженъ и отличался при занятіяхъ замѣчательнымъ терпѣніемъ. Всего лучше онъ зналъ тогда языки: нѣмецкій и французскій. Первому онъ учился у фрейлейнъ Луизхенъ, нѣмки, проживавшей у нихъ въ домѣ

въ качествѣ домоправительницы и компаніонки матери; по-французски онъ учился у француженки-учительницы, приходившей къ нимъ на уроки. На этихъ двухъ языкахъ онъ говорилъ совершенно свободно.

„Дѣтство Саши, — говоритъ К. С. Бородина, — нераздѣльно шло съ кузиной Мари Готовцевой, воспитывавшейся у матери Саши. Дружба съ кузиной была страшная, хотя они и говорили другъ другу „вы". Саша отличался совсѣмъ не мальчишескою любовью играть въ куклы, и привыкъ даже говорить про себя въ женскомъ родѣ: „я пришла", „я ушла". Мать свою, вслѣдъ за кузиной, онъ звалъ „тетенькой". Вспоминая это время, мужъ мой часто впослѣдствіи говаривалъ мнѣ: „А все-таки какъ ни былъ я тихъ и скроменъ, какъ ни похожъ нравомъ на дѣвочку, но во мнѣ порою сказывался мальчишка. Играешь, играешь съ кузиной въ куклы, и вдругъ, иной разъ, по какому-то странному вдохновенію, пока она зазѣвается, возьмешь да всѣ куклы и перевѣшаешь за шею на веревочкѣ. Куклы висятъ — я въ восторгѣ, а Мари заливается слезами". У обоихъ дѣтей были большія склонности къ разнымъ фантастическимъ представленіямъ. Особенно Саша любилъ предаваться мечтаніямъ и улетать куда-то въ сказочный міръ. Толчкомъ къ такимъ путешествіямъ въ тридесятое царство было все: и купидоны, намалеванные на потолкѣ, и излюбленный уголокъ на печкѣ. Очень любилъ Саша этотъ уголокъ. Оттуда ему виднѣлось какое-то окошечко, и черезъ него часть сада, именно съ печки представлявшагося ему чѣмъ-то волшебнымъ. Саша часто влѣзалъ на печку и видѣлъ тамъ необыкновенныя вещи. Намечтавшись вдоволь, онъ слѣзалъ къ своей Мари и дѣлился съ нею впечатлѣніями. „У меня, — говорилъ онъ, — большой дворецъ, и тамъ я живу. Дворецъ высокій-высокій, — до неба". Мари не отставала: у нея оказывался дворецъ еще выше — „до неба, да еще съ эту комнату"... Не отставала Мари отъ Саши также въ благонравіи. Взявшись за руки, приходили они бывало тихохонько къ тетенькѣ, и спрашивали позволенія — то идти внизъ на кухню, къ кухаркѣ Маріѣ Михайловнѣ, которая угощала ихъ разными разностями (особенно Саша былъ великій лакомка), то — „жениться". „Можно, можно, — отвѣчала тетенька. — Вотъ вы теперь ступайте, поиграйте, а ужъ потомъ и женитесь"... Отъ временъ дѣтства у Саши осталась одна привычка: спать въ темной комнатѣ. Во всю его жизнь, въ спальнѣ у него на ночь всегда должны были быть спущены густыя занавѣски. Если же почему нибудь нельзя было этого сдѣлать, онъ, собираясь спать, завязывалъ себѣ глаза. Однимъ изъ любимыхъ развлеченій Саши и Мари было устроивать театръ. Тутъ они являлись и драматическими авторами, и актерами. Публикой для ихъ „Пре-

красной Астраханки“ и проч., неизмѣнно должны были быть тетенька и бонна Луиза. Саша любилъ также представлять шарманщика. Влюбился Саша въ первый разъ 9-ти лѣтъ. Предметомъ его страсти оказалась взрослая особа. Звали ее Елена. Это была Елена и высокая, и толстая! Маленькому тщедушному Сашѣ приходилось, танцуя съ нею, обнимать ея колѣна, дальше роста его не хватало. Но какъ онъ ревновалъ ее, когда она танцовала съ другими! Въ честь ея онъ тогда же сочинилъ польку „Hélène“ (эта полька, F-Dur, находится въ бумагахъ Бородина). Вообще же музыкальность проявилась у него еще ранѣе. Они жили тогда около Семеновскаго плаца. Сашѣ было 8 лѣтъ. На плацу играла иногда военная музыка, и Саша, въ сопровожденіи Луизы, непремѣнно отправлялся ее слушать. Онъ перезнакомился съ музыкантами, разсматривалъ ихъ инструменты, слѣдилъ, какъ на каждомъ изъ нихъ играютъ. А дома садился за фортепіано, и по слуху наигрывалъ что слышалъ. Видя такую его любовь и способность къ музыкѣ, мать устроила для него уроки на флейтѣ. Солдатикъ изъ военнаго оркестра Семеновскаго полка приходилъ учить его, но полтиннику за урокъ“.

На 12-ти-лѣтнемъ возрастѣ Бородинъ получилъ товарища, который отъ сихъ самыхъ поръ и надолго впослѣдствіи игралъ очень значительную роль его въ жизни. Это былъ Михаилъ Романовичъ Щиглевъ, нынче извѣстный музыкальный преподаватель, а въ 50-хъ и 60-хъ годахъ одинъ изъ ревностнѣйшихъ почитателей Даргомыжскаго и неизмѣнный членъ его музыкальнаго кружка. Отецъ его былъ преподавателемъ математики въ императорскомъ Александровскомъ Лицеѣ и Гатчинскомъ сиротскомъ Институтѣ. Маленькій Михаилъ Щиглевъ игралъ на фортепіано, лѣтъ съ 5, все по слуху; 6 или 7 лѣтъ отъ роду научился нотамъ отъ отца, а скоро потомъ сталъ учиться музыкѣ у довольно плохого учителя, Пормана. Когда ему было 12 лѣтъ, одинъ знакомый отца, Ѳ. А. Ѳедоровъ, привезъ къ нимъ въ домъ, въ Царское Село (гдѣ тогда помѣщался Лицей), маленькаго Бородина, совершенно однихъ съ нимъ лѣтъ. Знакомство двухъ мальчиковъ началось съ того, что они вцѣпились другъ другу въ волосы и такъ катались по полу.

„Считая себя уже музыкантомъ,—разсказываетъ въ своей, написанной для меня, запискѣ М. Р. Щиглевъ,—я положительно спасовалъ

передъ новымъ моимъ гостемъ, который поразилъ меня своими необыкновенными музыкальными способностями. Ѳедоровъ уговорилъ моихъ родителей отдать меня въ Петербургъ, въ семейство Саши Бородина, чтобъ ближе было ходить въ 1-ю гимназію, куда меня хотѣли отдать, и чтобъ готовиться по наукамъ вмѣстѣ съ Сашей Бородинымъ, которому тоже нужно было подготовляться къ Медико-хирургической Академіи. Такимъ образомъ, я переѣхалъ (въ 1846 г.) въ домъ къ матери А. П. Бородина, и насъ стали учить учителя, приглашенные отдѣльно для каждаго предмета. Русскому языку, исторіи и географіи училъ нѣкто Степановъ. Математику преподавалъ А. А. Скорюховъ, человѣкъ пьющій, но замѣчательно умный и знавшій свое дѣло. Французскому языку училъ французъ Béguin, изъ Лицея, страстный бильярдный игрокъ. Англійскому языку обучалъ Джонъ Роперъ, очень добродушный, но недалекій англичанинъ, служившій гувернеромъ въ Коммерческомъ училищѣ. Приходя на урокъ, онъ всегда объявлялъ матери Бородина, что очень вспотѣлъ и что у него „рыже подъ мышками“. Чистописанію, рисованію и черченію обучалъ Филадельфинъ, учитель 1-й гимназіи, бывшій семинаристъ, неряшливый, съ длинными черными волосами, очень угрюмый человѣкъ. По-нѣмецки продолжала учить нѣмка Луизхенъ. Былъ даже учитель для танцевъ, имъ Бородинъ учился еще раньше знакомства съ М. Р. Щиглевымъ, съ двоюродной сестрой своей Маріей Владиміровной Готовцевой, и когда она танцовала качучу, то онъ аккомпанировалъ ей на фортепіано. Учителемъ фортепіанной игры поступилъ, по рекомендаціи Щиглевыхъ, нѣмецъ Порманъ, человѣкъ очень методическій и терпѣливый, но преподаватель не мудрый“.

Но, вступая въ новый домъ, М. Р. Щиглевъ скоро замѣтилъ, что у Саши Бородина не одна страсть къ музыкѣ, но есть еще другая, не менѣе сильная, страсть къ химіи. Не только его собственная комната, но чуть не вся квартира была наполнена банками, ретортами и всякими химическими снадобьями. Вездѣ на окнахъ стояли банки съ разнообразными кристаллическими растворами. И Сашу Бородина даже немножко за это преслѣдовали: во-первыхъ, весь домъ провонялъ его химическими препаратами, а, во-вторыхъ, боялись пожара. Въ свободное отъ уроковъ время, онъ занимался еще лѣпленіемъ изъ мокрой бумаги, гальванопластикой, составлялъ и дѣлалъ акварельныя краски, но всего болѣе игралъ съ М. Р. Щиглевымъ въ четыре руки.

„Мы оба,—разсказываетъ этотъ послѣдній,—бойко играли и свободно читали ноты, и на первый же годъ переиграли въ четыре руки и знали чуть не наизусть всѣ симфоніи Бетховена и Гайдна, но въ особенности заигрывались Мендельсономъ. Рано начали мы съ Бородинымъ наслаждаться оркестровой музыкой. Мы слушали оркестръ въ Павловскѣ, гдѣ игралъ тогда Іоганнъ Гунгль. Вскорѣ начались симфоническіе концерты въ Университетѣ, подъ управленіемъ Карла Шуберта. Мы не пропускали ни одного изъ этихъ концертовъ. Чтобъ познакомиться съ камерной музыкой, я самоучкой сталъ играть на скрипкѣ, а Бородинъ, также самоучкой, на віолончели"...

Бородинъ, говорятъ, очень порядочно игралъ на флейтѣ. И именно вслѣдствіе прилежныхъ занятій съ этимъ инструментомъ у него явилась мысль самому сочинять что-нибудь для него. Первымъ сочиненіемъ Бородина вышелъ тогда концертъ для флейты съ фортепіано (первая половина D-Dur, вторая D-Moll), сочиненный имъ въ 1847 г., т. е. когда ему было 13 лѣтъ. Самъ онъ игралъ партію флейты, акомпанировалъ на фортепіано вѣрный другъ его, М. Р. Щиглевъ. Слѣдующимъ сочиненіемъ его было тріо для двухъ скрипокъ и віолончели (G-Dur), на темы изъ „Роберта" Мейербера. Это было сочиненіе маленькое, занимало всего одну страницу, но замѣчательно было тѣмъ, что маленькій 13-ти-лѣтній Бородинъ написалъ его, безъ партитуры, прямо на голоса.

Въ 1848 году М. Р. Щиглевъ поступилъ въ 1-ю гимназію, но продолжалъ ходить во всѣ отпуски къ своему другу, и они попрежнему много играли въ 4 руки и на скрипкѣ съ віолончелью. Про характеръ своего брата въ этотъ періодъ жизни, Д. С. Александровъ разсказываетъ:

„Мальчикъ онъ былъ тихій, спокойный, но нѣсколько разсѣянный. Если онъ чѣмъ нибудь увлекался, или просто былъ занятъ, то надо бывало повторить нѣсколько разъ вопросъ, прежде чѣмъ онъ на него отвѣтитъ... Нашей матери,—продолжаетъ Д. С. Александровъ,—совѣтовали отдать брата въ университетъ; но какъ разъ случились тамъ къ этому времени какіе-то безпорядки, и она отдумала. Одинъ знакомый (тотъ самый Ѳ. А. Ѳедоровъ, который за 4 года передъ тѣмъ познакомилъ Бородина съ Щиглевымъ) посовѣтовалъ отдать его въ Медико-хирургическую Академію, гдѣ былъ хорошо знакомъ съ инспекторомъ Ильинскимъ. Мать наша свезла Сашу къ этому инспектору,

тотъ проэкзаменовалъ его во всѣхъ предметахъ, нашелъ его знанія очень удовлетворительными, и братъ, не имѣя еще полныхъ 16-ти лѣтъ, послѣ того поступилъ (въ 1850 г.) вольнослушающимъ въ академію *). Все семейство перебралось на Выборгскую сторону, поближе къ Академіи, и поселилось на Бочарной (нынче Симбирской) улицѣ, противъ Артиллерійскаго училища, въ домѣ доктора Чарнаго. При переѣздѣ этомъ произошелъ одинъ пустой, но очень характерный случай. Мать наша не была ханжа, но очень религіозна,—разсказываетъ Д. С. Александровъ. — Она пожелала, чтобы раньше всего былъ перевезенъ на новую квартиру образъ Спасителя. Это она поручила Ѳ. А. Ѳедорову, а тотъ пригласилъ себѣ для компаніи учителя англійскаго языка, Джона Ропера. Друзья поѣхали, везя образъ и графинъ водки, назначенный для угощенія ломовыхъ извозчиковъ. Но такъ какъ оба любили выпить, то по дорогѣ изъ Измайловскаго полка на Выборгскую сторону выпили весь графинъ, да еще нѣсколько разъ заѣзжали въ погребки, и порядочно нагрузились. По пріѣздѣ же на новую квартиру, Роперъ поднявъ рюмку, провозгласилъ тостъ за великобританскій народъ. Ѳедорова это возмутило, и съ возгласомъ:—А мы не посрамимъ земли Русской!—онъ ударилъ англичанина кулакомъ по носу и разбилъ въ кровь... Занятіямъ по Академіи братъ предался всей душой. Онъ скоро совсѣмъ провонялъ трупнымъ запахомъ препаровочной, и мы, дома, сильно на это жаловались. Читалъ онъ обыкновенно, сидя въ креслѣ и ноги положивъ на подоконникъ **). Дома почти всегда ходилъ въ халатѣ и туфляхъ. На второмъ курсѣ ему пришлось, однажды, препаровать трупъ, у котораго прогнили позвонки. Братъ просунулъ въ отверстіе средній палецъ, чтобъ изслѣдовать, насколько глубоко болѣзнь проѣла хребетъ. При этомъ какая-то тонкая кость впилась ему въ палецъ подъ ноготь; отъ этого у него сдѣлалось трупное зараженіе, отъ котораго онъ слегъ и поправился лишь благодаря усиліямъ профессора Бессера. Учился братъ отлично и „первымъ“ переходилъ изъ курса въ курсъ. Разъ только, при одномъ переходномъ экзаменѣ, срѣзался у законоучителя Черепнина, потому что объяснилъ своими словами какой-то текстъ св. Писанія, тогда какъ требовалась буквальная его передача. Это нѣсколько повредило ему впослѣдствіи:

*) Незадолго до поступленія въ Медико-хирургическую Академію, Бородинъ былъ приписанъ, по желанію матери его, въ купечество 3-й гильдіи по Тверской губерніи. В. С.

**) По словамъ М. Р. Щиглева, Бородинъ почти никогда не читалъ романовъ, кромѣ самыхъ талантливыхъ. Въ 17—18-ти-лѣтнемъ возрастѣ любимымъ его чтеніемъ были сочиненія Пушкина, Лермонтова, Гоголя, статьи Бѣлинскаго, философскія статьи въ журналахъ.

онъ кончилъ академическій курсъ безъ медали. Ближайшими товарищами его были, по большей части, все студенты-нѣмцы, чему особенно сильно способствовала антипатія нашей матери къ русскимъ, которыхъ она (хотя и русская, но родомъ изъ Нарвы) не долюбливала „за грубость нравовъ“. Изъ этихъ нѣмецкихъ товарищей хорошо помню: М. Ф. Ледерлэ, Вертера, Киоха, Цвернера, Ѳ. П. Ландцерта и Дистфельда, замѣчательнаго чудака, но предобрѣйшаго и ограниченнаго человѣка. Всѣ эти господа бывали у насъ часто, танцовали; въ разговорѣ преобладалъ нѣмецкій языкъ“...

Въ Медико-хирургической Академіи Бородинъ почти съ самаго же начала всего болѣе сталъ заниматься химіей. Находясь на 3-мъ курсѣ, онъ отправился къ профессору химіи, знаменитому Зинину, съ просьбой заниматься въ академической лабораторіи. Зининъ встрѣтилъ его насмѣшками, не вѣря, чтобы студентъ его курса сталъ серьезно заниматься такимъ предметомъ: такихъ примѣровъ еще не бывало. Но вскорѣ Зинину пришлось убѣдиться въ томъ, что недовѣріе было напрасное. Бородинъ быстро пошелъ впередъ, а Зининъ сдѣлался самымъ ревностнымъ его покровителемъ и наставникомъ. Большую часть времени своего Бородинъ отдавалъ лабораторіи. Онъ увлекался своимъ профессоромъ и его преподаваніемъ. Въ своей превосходной біографіи Зинина, написанной въ 1880 г. вмѣстѣ со знаменитымъ профессоромъ Бутлеровымъ и напечатанной въ „Журналѣ Русскаго физико-химическаго Общества“ Бородинъ говоритъ: „Войдя въ составъ профессоровъ С.-Петербургской медицинской академіи, Н. Н. Зининъ перенесъ сюда тѣ же живыя и высокія начала строгой науки, прогресса и самодѣятельности, которыхъ проводникомъ онъ былъ прежде въ Казани. Слово его съ каѳедры не только было вѣрною передачею современнаго состоянія, но и трибуною новаго направленія въ наукѣ... Онъ не скупился на идеи, бросалъ ихъ направо и налѣво, и не разъ развивалъ на лекціяхъ многое такое, о чемъ нѣсколько лѣтъ спустя приходилось слышать, какъ о новомъ открытіи, или новой мысли въ наукѣ... Въ ту пору, еще начинающіе ученые, гости, спѣ-

шили подѣлиться результатами своихъ первыхъ работъ, посовѣтоваться съ опытнымъ авторитетнымъ хозяиномъ лабораторіи Медико-хирургической Академіи, Зининымъ, о своихъ идеяхъ, планахъ, намѣреніяхъ. Лабораторія превратилась въ миніатюрный химическій клубъ, въ импровизированное засѣданіе химическаго общества, гдѣ жизнь молодой русской химіи кипѣла ключомъ, гдѣ велись горячіе споры, гдѣ хозяинъ, увлекаясь самъ и увлекая гостей, громко, высокимъ теноромъ, съ жаромъ развивалъ новыя идеи, и, за неимѣніемъ мѣла и доски, писалъ пальцемъ на пыльномъ столѣ уравненіе тѣхъ реакцій, которымъ впослѣдствіи было отведено почетное мѣсто въ химической литературѣ. Это была пора патріархальныхъ дружескихъ отношеній между учителемъ и учениками... Мнѣ живо помнятся веселыя, чисто товарищескія и большею частью всегда поучительныя бесѣды Зинина со студентами... Живо помнятся мнѣ также прогулки съ нимъ на дачѣ въ каникулярное время. Это были настоящія учебныя экскурсіи. Опытный и страстный натуралистъ, Зининъ умѣлъ подъ каждымъ листикомъ, камешкомъ, на каждомъ деревѣ или травкѣ найти интересный предметъ для наблюденія и бесѣдъ".

Однако и музыка продолжала сильно занимать Бородина.

„Я взялъ нѣсколько уроковъ на скрипкѣ у скрипача Ершова,— разсказываетъ М. Р. Щиглевъ, — а Бородинъ также немного уроковъ на віолончели у віолончелиста Шлейко. Въ это время мы познакомились съ двумя Васильевыми, очень музыкальными личностями, имѣвшими для насъ немалое значеніе. Одинъ изъ нихъ былъ Вл. Ив. Васильевъ, пѣвецъ (впослѣдствіи басъ петербургской русской оперной труппы, извѣстный подъ именемъ „Васильева 1-го"). Подъ мой аккомпанементъ (говоритъ М. Р. Щиглевъ, скоро пріобрѣвшій большую опытность и умѣніе въ дѣлѣ аккомпанированія), Васильевъ много пѣлъ друзьямъ и знакомилъ ихъ съ вокальными сочиненіями. Другой былъ скрипачъ Петръ Ив. Васильевъ, который знакомилъ ихъ съ квартетной музыкой. Онъ игралъ 1-ю скрипку, М. Р. Щиглевъ—2-ю, Бородинъ—віолончель; альта нанимали. Мы не упускали никакого случая поиграть тріо или квартетъ гдѣ бы то ни было, и съ кѣмъ бы то ни было. Ни непогода, ни дождь, ни слякоть—ничто насъ не удерживало

и я, со скрипкой подъ мышкой, а Бородинъ съ віолончелью въ байковомъ мѣшкѣ на спинѣ, дѣлали иногда громадные концы пѣшкомъ, напримѣръ, съ Выборгской въ Коломну, такъ какъ денегъ у насъ не было ни гроша".

Однажды музыкальное собраніе продолжалось у нихъ 24 часа, отъ 7 часовъ вечера одного дня до 7 часовъ вечера другого дня. Одно изъ наиболѣе посѣщаемыхъ ими квартетныхъ собраній происходило у Ив. Ив. Гаврушкевича, чиновника II-го отдѣленія Собственной его величества канцеляріи. Гаврушкевичъ былъ страстный любитель камерной музыки, самъ віолончелистъ, и у него въ продолженіе зимы собирались (отъ 1850 г. до 1860 г.), въ его квартирѣ, въ деревянномъ домикѣ Лисицына, на Артиллерійскомъ плацу, близъ Преображенскаго собора, многіе музыканты изъ оркестра и любители.

„Участвовали здѣсь (пишетъ мнѣ И. И. Гаврушкевичъ изъ Чернигова) Н. Я. Аѳанасьевъ, П. И. Васильевъ, Пикль, Яковлевъ-Якобсонъ, О. К. Гунке, О. К. Дробишъ, Лабазинъ, М. Рѣзвый. Играли двойные квартеты Шпора, Гаде, квинтеты Боккерини, Фейта, Онслова, Гебеля. Квартеты (Мендельсона и др.) игрались у меня рѣдко, отъ обилія скрипачей и альтистовъ. Бородинъ только слушалъ, а если не было віолончелиста Дробиша, то участвовалъ въ квинтетахъ, въ партіи 2-й віолончели. Онъ слабо владѣлъ віолончельною техникою, но былъ твердъ въ темпѣ и живо схватывалъ красоты гармоническія и мелодическія. Съ любопытствомъ и юношескою впечатлительностью слушалъ А. П. Бородинъ квинтеты Боккерини, съ удивленіемъ—Онслова, съ любовью—Гебеля. У Гебеля онъ находилъ вліяніе русской Москвы. Нѣмцы не любили этого нѣмца за то, что отъ него пахло Русью. На моихъ собраніяхъ, А. П. Бородинъ являлся благодушнѣйшимъ юмористомъ, человѣкомъ сдержаннымъ, сосредоточеннымъ; каламбурилъ я, а онъ добродушно ухмылялся"...

Во всю жизнь свою Бородинъ не забывалъ этихъ собраній, и, спустя 30 лѣтъ, всего за 9 мѣсяцевъ до смерти, онъ писалъ И. И. Гаврушкевичу, изъ Москвы (письмо 6-го мая 1886 года):

„Я весьма часто и весьма тепло вспоминаю о васъ, о вашихъ вечерахъ, которые я такъ любилъ и которые были для меня серьезной и хорошей школой, какъ всегда бываетъ серьезная камерная музыка. Съ благодарностью вспоминаю я о вашихъ вечерахъ, и съ удовольствіемъ

о вашихъ пельменяхъ, которые мы запивали „епископомъ“, какъ вы оригинально обозвали бишофъ“... Въ этомъ же письмѣ Бородинъ вотъ какъ отзывался о своей прежней игрѣ на віолончели: „Я давно бросилъ играть: во-первыхъ, потому, что всегда игралъ пакостно, и вы только, по милому благодушію вашему, терпѣли меня въ ансамблѣ— что правда, то правда! — во-вторыхъ, что отвлеченъ былъ другими занятіями, даже на поприщѣ музыкальномъ, гдѣ оказался пригоднѣе въ качествѣ композитора“.

На собраніяхъ у И. И. Гаврушкевича иногда присутствовалъ также, въ 50-хъ годахъ, и Сѣровъ, и когда онъ съ жаромъ защищалъ, однажды, противъ нѣмецкихъ музыкантовъ, арранжировку Гаврушкевичемъ для струннаго октета „Хоты“ Глинки, говоря, что напрасно они не хотятъ признавать ничего и никого, кромѣ „нѣмецкаго“, то и Бородинъ съ нимъ соглашался.

„А. П. Бородинъ говорилъ мнѣ, — разсказываетъ также И. И. Гаврушкевичъ, — что пробуетъ свои силы въ композиціи, а такъ какъ онъ любитъ и пѣніе, то начиналъ съ романсовъ, но не показывалъ ихъ, говоря, что передъ квартетами и квинтетами — все пустяки... Когда же я совѣтовалъ А. П. Бородину воспользоваться знакомствомъ съ О. К. Гунке, какъ опытнымъ руководителемъ композиціи *), да и написать квинтетъ съ двумя віолончелями, А. П. Бородинъ отвѣчалъ: „Это очень трудно, потому что здѣсь двѣ примы, и я не въ состояніи написать віолончельную партію, чтобъ она была красива и въ натурѣ инструмента. Вѣдь вы видѣли, съ какимъ недовѣріемъ встрѣчаютъ даже артисты диллетанта, чиновника, имѣющаго другую профессію. Притомъ мнѣ стыдно будетъ передъ Зининымъ, который сказалъ въ аудиторіи: „Господинъ Бородинъ, поменьше занимайтесь романсами— на васъ я возлагаю всѣ свои надежды, чтобъ приготовить замѣстителя своего, а вы все думаете о музыкѣ и двухъ зайцахъ“.

Одинъ изъ романсовъ, про которые здѣсь говорится, написанъ былъ, по словамъ М. Р. Щиглева, Бородинымъ, на

*) О. К. Гунке былъ сначала музыкантомъ петербургскаго опернаго оркестра, потомъ однимъ изъ преподавателей музыкальной теоріи. Сѣровъ не мало пользовался въ молодости его совѣтами и даже одно время бралъ у него уроки. Впослѣдствіи онъ былъ начальникомъ театральной нотной конторы, а подъ конецъ жизни библіотекаремъ консерваторіи.

4-мъ курсѣ Академіи, для Адел. Серг. Шашиной, пѣвицы-любительницы, обладавшей огромнымъ контральтовымъ голосомъ въ три октавы, отъ *C* до *C*. Романсъ (F-moll) сочиненъ былъ на слова: „Красавица рыбачка“; но г-жа Шашина оставила его совершенно въ сторонѣ, потому что любила одну только итальянскую музыку. Д. С. Александровъ говоритъ, что Бородинъ сочинялъ, будучи на 4-мъ же курсѣ академіи, много фугъ, и при этомъ такъ углублялся въ то, что игралъ на фортепіано, что забывалъ все окружающее, которое какъ бы переставало для него существовать. М. Р. Щиглевъ разсказываетъ, что на 4-мъ курсѣ сочинено Бородинымъ тріо „Чѣмъ тебя я огорчила“, немного по-нѣмецки, но подъ вліяніемъ „Жизни за царя“. Партіи сохранились, и тріо было исполнено въ 1883 году въ „кружкѣ любителей“, собиравшемся въ залѣ Демутова трактира, на Мойкѣ, гдѣ Бородинъ былъ тогда дирижеромъ на музыкальныхъ вечерахъ. Другое сочиненіе этого времени было скерцо B-moll, для фортепіано, написанное подъ вліяніемъ музыки, слышанной въ университетскихъ концертахъ. Въ этой пьесѣ, по словамъ М. Р. Щиглева, въ первый разъ встрѣчается у Бородина русскій пошибъ. Ему было тогда 19 лѣтъ.

Изъ этого періода жизни Бородина близкіе ему люди помнятъ не мало очень характерныхъ анекдотовъ. Такъ, напримѣръ, возвращался однажды Бородинъ со своимъ другомъ Щиглевымъ, ночью, домой. Темень была страшная, фонари еле-еле мерцали по Петербургской сторонѣ, лишь кое-гдѣ. Вдругъ Щиглева поразилъ какой-то неопредѣленный шумъ, и шаги Бородина, шедшаго впереди, перестали раздаваться. Но вслѣдъ затѣмъ онъ услыхалъ у себя подъ ногами звуки флейты. Оказалось, что Бородинъ слетѣлъ въ подвалъ лавки и, испугавшись за свою флейту, которая вылетѣла изъ ящика, бывшаго у него подъ мышкой, мгновенно поднялъ ее и началъ пробовать, цѣла ли она.

Кончивъ курсъ свой въ Академіи, Бородинъ сильно боялся не получить мѣста при госпиталѣ, потому что былъ

своекоштнымъ студентомъ. Однако же дѣло кончилось тѣмъ, что за успѣхи въ наукахъ его прикомандировали, въ числѣ четырехъ, 25-го марта 1856 года, къ 2-му военно-сухопутному госпиталю, ординаторомъ. Еще въ 1853 году, одинъ изъ товарищей его, Ледерлэ, вышелъ изъ 4-го курса, по случаю севастопольской войны, и поступилъ лекаремъ во флотъ. Онъ сильно уговаривалъ Бородина сдѣлать то же, но мать не согласилась.

„По выходѣ изъ Академіи, — разсказываетъ Д. С. Александровъ,— нѣмецкій элементъ товарищества исчезъ для моего брата и замѣнился русскимъ. Сожителемъ и товарищемъ брата сдѣлался И. М. Сорокинъ, женившійся потомъ на нашей двоюродной сестрѣ Машѣ Готовцевой. Въ первый годъ службы ординаторомъ госпиталя, моему брату, какъ дежурному, пришлось однажды вытаскивать занозы изъ спинъ прогнанныхъ сквозь строй шести крѣпостныхъ человѣкъ полковника В., котораго эти люди, за жестокое обращеніе, заманивъ въ конюшню, высѣкли кнутами. Съ братомъ три раза дѣлался обморокъ, при видѣ болтающихся клочьями лоскутовъ кожи. У двухъ изъ наказанныхъ виднѣлись даже кости. За это время мой братъ хотя и занимался иногда музыкой, однако она замѣтно отошла у него на второй планъ, благодаря тому, что исполненія обязанностей службы и занятія химіей оставляли ему мало досуговъ“.

Къ этому времени относится начало знакомства Бородина съ Мусоргскимъ, описанное имъ самимъ въ запискѣ, написанной, по моей просьбѣ, въ мартѣ 1881 года, скоро послѣ смерти Мусоргскаго.

„Первая моя встрѣча съ Модестомъ Петровичемъ Мусоргскимъ,— сказано тутъ,— была въ 1856 году (кажется, осенью, въ сентябрѣ или октябрѣ). Я былъ свѣжеиспеченный военный медикъ и состоялъ ординаторомъ при 2-мъ военно-сухопутномъ госпиталѣ; М. П. былъ офицеръ Преображенскаго полка, только что вылупившійся изъ яйца (ему было тогда 17 лѣтъ). Первая наша встрѣча была въ госпиталѣ, въ дежурной комнатѣ. Я былъ дежурнымъ врачемъ, онъ дежурнымъ офицеромъ. Комната была общая, скучно было на дежурствѣ обоимъ; экспансивны мы были оба; понятно, что мы разговорились и очень скоро сошлись. Вечеромъ того же дня мы были оба приглашены на вечеръ къ главному доктору госпиталя, Попову, у котораго имѣлась взрослая дочь; ради нея часто дѣлались вечера, куда обязательно приглашались дежурные врачи и офицеры. Это была любезность

главнаго доктора. М. П. былъ въ то время совсѣмъ мальчонкомъ, очень изящнымъ, точно нарисованнымъ офицерикомъ: мундирчикъ съ иголочки, въ обтяжку, ножки вывороченныя, волоса приглажены, припомажены, ногти точно выточенные, руки выхоленныя, совсѣмъ барскія. Манеры изящныя, аристократическія, разговоръ такой же, немного сквозь зубы, пересыпанный французскими фразами, нѣсколько вычурными. Нѣкоторый оттѣнокъ фатоватости, но очень умѣренной. Вѣжливость и благовоспитанность необычайныя. Дамы ухаживали за нимъ. Онъ садился за фортеніано и, вскидывая кокетливо ручками, игралъ весьма сладко, граціозно и проч., отрывки изъ „Трователе“, „Травіаты“ и т. д., а кругомъ его жужжали хоромъ „charmant, délicieux!“ и проч. При такой обстановкѣ я встрѣчалъ М. П. раза 3 или 4 у Попова и на дежурствѣ въ госпиталѣ. Вслѣдъ затѣмъ я долго не встрѣчался съ М. П., такъ какъ Поповъ вышелъ, вечера прекратились, а я пересталъ дежурить въ госпиталѣ, состоя уже ассистентомъ при каѳедрѣ химіи“...

Про внѣшность Бородина за это время мы получаемъ нѣсколько подробностей въ воспоминаніяхъ его брата.

„Благодаря своей тонкой фигурѣ,—разсказываетъ Д. С. Александровъ,—яркому румянцу, и вообще красивой наружности, мой братъ очень нравился женщинамъ. Многія изъ барынь очень настойчиво за нимъ ухаживали, и особеннымъ упорствомъ въ преслѣдованіи его своей благосклонностью отличалась жена одного доктора. Онъ же мало обращалъ вниманія на женщинъ. Разсѣянность брата продолжала въ этотъ періодъ быть прежняя. Еще во время студенчества съ нимъ бывали не разъ забавныя приключенія. Такъ, напримѣръ, они вдвоемъ съ М. Р. Щиглевымъ отправились однажды на музыкальный вечеръ, который долженъ былъ окончиться танцами. Было въ числѣ приглашенныхъ множество барынь. И что же: когда братъ Саша вошелъ, всѣ стали переглядываться, иные улыбаться. Онъ былъ въ студенческомъ мундирѣ, при шпагѣ, а панталоны остались заправленными въ сапоги, какъ они со Щиглевымъ шли по улицѣ въ большую грязь. Щиглевъ увелъ его оправиться. Точно также, будучи уже лекаремъ 2-го сухопутнаго госпиталя, онъ, надѣвъ, однажды лѣтомъ, мундиръ, шпагу и фуражку, отправился по Самсоніевскому проспекту (гдѣ они тогда жили) совершенно безъ брюкъ. Его уже позвала назадъ, черезъ окно, мать, слѣдившая всегда за нимъ“...

Въ іюнѣ 1857 года, Бородинъ былъ командированъ заграницу для сопровожденія лейбъ-окулиста И. И. Кабата на офталмологическій конгрессъ въ Брюсселѣ.

Въ 1859 году произошла вторая встрѣча Бородина съ Мусоргскимъ.

„Осенью 1859 года,—разсказываетъ въ своей запискѣ Бородинъ,—я снова свидѣлся съ нимъ у адъюнктъ-профессора академіи и доктора артиллерійскаго училища, С. А. Ивановскаго. Мусоргскій былъ ужъ въ отставкѣ. Онъ порядочно возмужалъ, началъ полнѣть, офицерскаго пошиба уже не было. Изящество въ одеждѣ, въ манерахъ и проч. были тѣ же, но оттѣнка фатовства уже не было ни малѣйшаго. Насъ представили другъ другу; мы, впрочемъ, сразу узнали одинъ другого и вспомнили первое знакомство у Попова. Мусоргскій объявилъ, что вышелъ въ отставку, потому что „спеціально занимается музыкой, а соединить военную службу съ искусствомъ — дѣло мудреное“, и т. д. Разговоръ невольно перешелъ на музыку. Я былъ еще ярымъ мендельсонистомъ, въ то время Шумана не зналъ почти вовсе. Мусоргскій былъ уже знакомъ съ Балакиревымъ, понюхалъ всякихъ новшествъ музыкальныхъ, о которыхъ я не имѣлъ и понятія. Ивановскіе, видя, что мы нашли общую почву для разговора—музыку, предложили намъ сыграть въ четыре руки А-мольную симфонію Мендельсона. М. П. немножко поморщился и сказалъ, что очень радъ, только чтобъ его „уволили отъ Andante, которое совсѣмъ не симфоническое, а одно изъ „Lieder ohne Worte“, или что-то въ родѣ этого, переложенное на оркестръ“. Мы сыграли первую часть и скерцо. Послѣ этого, Мусоргскій началъ съ восторгомъ говорить о симфоніяхъ Шумана, которыхъ я не зналъ тогда еще вовсе. Началъ наигрывать мнѣ кусочки Es-дурной симфоніи Шумана; дойдя до средней части, онъ бросилъ, сказавъ: „Ну, теперь начинается музыкальная математика“. Все это мнѣ было ново, понравилось. Видя, что я интересуюсь очень, онъ еще кое-что поигралъ мнѣ новое для меня. Между прочимъ, я узналъ, что онъ и самъ пишетъ музыку. Я заинтересовался, разумѣется; онъ мнѣ началъ наигрывать какое-то свое скерцо (чуть ли не B-дурное); дойдя до Trio, онъ процѣдилъ сквозь зубы: „Ну, это восточное!“ и я былъ ужасно изумленъ небывалыми, новыми для меня элементами музыки. Не скажу, чтобы они мнѣ даже особенно понравились сразу: они скорѣе какъ-то озадачили меня новизною. Вслушавшись немного, я началъ оцѣнять и наслаждаться. Признаюсь, заявленіе его, что онъ хочетъ посвятить себя серьезно музыкѣ, сначала было встрѣчено мною съ недовѣріемъ и показалось маленькимъ хвастовствомъ; внутренно я подсмѣивался немножко надъ этимъ. Но, познакомившись съ его „скерцо“, призадумался: вѣрить или не вѣрить?...“

Всего четыре года съ небольшимъ послѣ выпуска изъ Академіи, т. е. еще въ 1858 году, Бородинъ держалъ экза-

менъ на доктора медицины и 3-го мая защищалъ диссертацію. Затѣмъ, въ слѣдующемъ 1859 году, былъ посланъ заграницу для усовершенствованія въ своихъ ученыхъ познаніяхъ. Замѣтимъ здѣсь, со словъ К. С. Бородиной, что при окончаніи своего курса, т. е. на 25 году жизни, Бородинъ внушалъ такія серьезныя опасенія насчетъ своего слабаго здоровья, что въ конференціи Академіи высказывались даже сомнѣнія, можно ли-молъ посылать такого болѣзненнаго юношу заграницу для ученыхъ цѣлей.

Бородинъ прожилъ заграницей съ октября 1859 по осень 1862 года. Всего болѣе онъ прожилъ въ Гейдельбергѣ, гдѣ занимался въ лабораторіи тогда еще молодого и начинающаго, а впослѣдствіи знаменитаго химика Эрленмейера. Въ одно время были съ нимъ въ Гейдельбергѣ многіе молодые русскіе ученые, впослѣдствіи свѣтила нашей науки: Менделѣевъ, Сѣченовъ, Боткинъ, Юнге. Вся эта даровитая молодежь ревностно занималась своимъ дѣломъ всю зиму, а весной и лѣтомъ предпринимала маленькія поѣздки по Германіи и остальной Европѣ. Профессоръ Д. И. Менделѣевъ разсказывалъ мнѣ, что три такихъ поѣздки онъ совершилъ со своимъ товарищемъ и другомъ Бородинымъ въ 1860 и 1861 годахъ: весной и осенью 1860 года по Италіи, въ 1861 году—по Швейцаріи.

„Пускались мы въ дорогу съ самымъ маленькимъ багажемъ,—говоритъ Д. И. Менделѣевъ,—съ однимъ миніатюрнымъ саквояжемъ на двоихъ. Ѣхали мы въ однѣхъ блузахъ, чтобъ совсѣмъ походить на художниковъ, что очень выгодно въ Италіи—для дешевизны; даже почти вовсе не брали съ собою рубашекъ, покупали новыя, когда нужда была, а потомъ отдавали кельнерамъ въ гостинницахъ, вмѣсто на чай. Весной 1860 года мы побывали въ Венеціи, Веронѣ и Миланѣ; осенью того же года — въ Генуѣ и Римѣ, послѣ чего Бородинъ поѣхалъ на короткое время въ Парижъ. Въ первую поѣздку съ нами случилось курьезное происшествіе на желѣзной дорогѣ. Около Вероны нашъ вагонъ стала осматривать и обыскивать австрійская полиція: ей дано было знать, что тутъ въ поѣздѣ долженъ находиться одинъ политическій преступникъ, итальянецъ, только что бѣжавшій изъ заключенія. Бородина, по южному складу его физіономіи, приняли сразу именно

за этого преступника, обшарили весь нашъ скудный багажъ, допрашивали насъ, хотѣли арестовать, но скоро потомъ убѣдились, что мы дѣйствительно русскіе студенты — и оставили насъ въ покоѣ. Каково было наше изумленіе, когда, проѣхавъ тогдашнюю австрійскую границу и въѣхавъ въ Сардинію, мы сдѣлались предметомъ цѣлаго торжества, все въ вагонѣ же: насъ обнимали, цѣловали, кричали „виватъ", пѣли во все горло. Дѣло въ томъ, что въ нашемъ вагонѣ все время просидѣлъ политическій бѣглецъ, только его не замѣтили, и онъ благополучно ушелъ отъ австрійскихъ кортей. Италіей мы пользовались вполнѣ на распашку послѣ душной замкнутой жизни въ Гейдельбергѣ. Бѣгали мы весь день по улицамъ, заглядывали въ церкви, музеи, но всего болѣе любили народные маленькіе театрики, восхищавшіе насъ живостью, веселостью, типичностью и безпредѣльнымъ комизмомъ истинно народныхъ представленій. Въ 1861 году мы ѣздили въ Фрейбергъ (швейцарскій) слушать знаменитый тамошній органъ, для чего должны были складываться человѣкъ по пяти и платить франковъ по 20 съ человѣка, не взирая на свои скудныя средства для исполненія музыки. Въ томъ же 1861 году мы ѣздили на первый международный химическій конгрессъ въ Карлсруэ. Изъ русскихъ тамъ видную роль игралъ нашъ профессоръ Н. Н. Зининъ, изъ иностранцевъ—знаменитый итальянскій химикъ Канницаро".

Въ 1861 году Бородинъ жилъ въ Гейдельбергѣ, въ „пансіонѣ" Гофмана, бывшаго профессора Московскаго университета. Здѣсь онъ познакомился съ молодой русской, Катериной Сергѣевной Протопоповой (будущей женой своей), пріѣхавшей въ Германію изъ Москвы, по предписанію докторовъ, для поправленія своего здоровья. Она была очень образованная и даровитая піанистка, ученица сперва нѣкоего Константинова (ученика Фильда), потомъ Рейнгардта, потомъ еще Шульгофа—этотъ послѣдній уже при первой встрѣчѣ сказалъ про нее: „Mais elle chante!"—наконецъ она училась у Шпаковскаго, ученика Листа. Она была хорошо знакома съ фортепіанными сочиненіями Бетховена, Шумана, Шопена, Листа, и страстно любила ихъ. Она и заграницу пріѣхала на деньги, вырученныя отъ небольшого концерта, даннаго въ Москвѣ. Въ пансіонѣ Гофмана, тотчасъ по пріѣздѣ Протопоповой, въ маѣ 1861 года, разнеслась вѣсть о ней, какъ о замѣчательной піанисткѣ. Депутація русскихъ,

жившихъ у Гофмана, и въ числѣ которыхъ были Майновъ, Лисенко, братья Баксты, Бородинъ и многіе другіе, явилась въ первый же день просить ее: познакомиться съ ними и играть имъ. Протопопова исполнила ихъ желаніе, и для перваго раза сыграла имъ фантазію F-moll Шопена и „Schlummerlied“ Шумана.

„Пока я играла,—разсказываетъ К. С. Бородина,—Бородинъ стоялъ у фортепіано и весь превратился въ слухъ. Онъ тогда еще почти вовсе не зналъ Шумана, а Шопена развѣ немного больше. Онъ себя въ первый же день нашего знакомства отрекомендовалъ „ярымъ мендельсонистомъ“. Какъ вамъ сказать, какое онъ на меня сразу произвелъ впечатлѣніе? Красивъ онъ былъ, дѣйствительно *), и еще лучше, чѣмъ на карточкѣ у г-жи К*. Несомнѣнно мнѣ было, что и уменъ онъ очень; непринужденное же остроуміе такъ и било у него ключомъ. Понравилось мнѣ его любовное отношеніе къ музыкѣ, а я ее боготворила. Мнѣ было отрадно, что я заставила яраго мендельсониста такъ упиваться дорогими для меня Шопеномъ и Шуманомъ. Но что-то предвзятое, помимо моей воли, еще въ Москвѣ сложившееся противъ Бородина вслѣдствіе разсказовъ К*, отталкивало меня отъ него. Но у насъ музицированіе не прекращалось; нашлись въ нашемъ обществѣ и смычки, и это позволило намъ приняться за камерную музыку. Я продолжала свою пропаганду Шумана. Послѣ его „Humoresque“ и квинтета, Бородинъ совсѣмъ „очумѣлъ“ (по его собственнымъ словамъ) отъ восторга. Мы часто бывали вмѣстѣ. День его устроивался такъ: съ 5-ти часовъ утра до 5-ти вечера — химическая лабораторія; съ 5-ти до 8-ми—наши съ нимъ прогулки по горамъ. Какія хорошія это были прогулки, чего только мы съ нимъ не переговорили тогда! Онъ все больше и больше начиналъ мнѣ нравиться, а руки я все-таки ему не подавала, и по горамъ карабкаться старалась безъ его помощи. Съ 8-ми или 9-ти часовъ вечера до 12-ти—музыка въ залѣ гофманскаго пансіона. Но вотъ прошло 6 дней. Бородинъ мнѣ и говоритъ: „Знаете, матушка Катерина Сергѣевна, вѣдь вы мнѣ съ вашимъ Шуманомъ спать не даете. И у васъ-то онъ какой хорошій выходитъ“. А когда мы въ тотъ день прощались, онъ спросилъ, улыбнувшись: „Когда же, наконецъ, вы мнѣ дадите свою ручку?“ Я точно дожидалась этихъ словъ. Я уже больше

) Знакомая К. С. Бородиной, г-жа К, въ это время много наговорила ей о встрѣчѣ съ Бородинымъ за годъ передъ тѣмъ, на рейнскомъ пароходѣ, о его красотѣ, интересности и симпатичности. Она была къ нему неравнодушна.

ничего не чувствовала противъ Бородина... Съ тѣхъ поръ Бородинъ сталъ мнѣ братомъ. Уже тогда начались нѣжныя его заботы обо мнѣ, всю жизнь его затѣмъ не прекращавшіяся... А. П. просто трогалъ меня своей заботливостью о моемъ здоровьѣ, леченьи, даже о моихъ денежныхъ средствахъ. Мы съ моей знакомой Р* зачастили какъ-то въ Баденъ-Баденъ, и страсть-было какъ наглупили, увлекшись рулеткой. Бородинъ испугался за насъ, но даже виду не показалъ. Онъ разыгралъ цѣлую комедію, будто крайне нуждается въ деньгахъ, и попросилъ у меня взаймы почти всѣ деньги, какія у меня тогда были. Отказать ему я была не въ силахъ, но потомъ съ оставшимися своими грошами должна была забыть про рулетку. Уже только гораздо позже узнала я, что А. П. спасалъ меня.

Однажды поѣхала я съ Бородинымъ въ Баденъ-Баденъ на музыку. Тамъ вѣдь нѣчто въ родѣ нашего Павловска. Пока оркестръ игралъ какую-то пьесу, я обратилась къ А. П.: „Какъ, говорю я, хорошъ переходъ изъ такой-то тональности въ такую!“ Я видѣла, какъ изумился Бородинъ. „Какъ! Вы такъ слышите абсолютную тональность? Да вѣдь это такая рѣдкость!“ воскликнулъ онъ и погрузился въ какія-то думы, а лицо его и глаза его въ то же время были такіе ясные, счастливые. Я тогда не поняла, что̀ съ нимъ творится; мнѣ странно было его удивленіе, я ничего такого важнаго не находила въ этой особенности музыкальнаго слуха. А между тѣмъ, какъ мнѣ потомъ разсказывалъ Александръ, въ этотъ самый вечеръ, именно послѣ четырехъ этихъ моихъ словъ, для него стало несомнѣнно, что онъ меня крѣпко, безповоротно, на всю жизнь любитъ. И дѣйствительно, съ этого вечера мы знали уже навѣрное, каждый самъ про себя, что мы любимъ другъ друга... Ну, а тамъ скоро и объяснились.

По праздникамъ мы ѣздили, иногда всей гофманской компаніей, въ Мангеймъ, гдѣ особенно тщательно ставились, и съ прекраснымъ ансамблемъ исполнялись, нѣкоторыя нѣмецкія оперы. Тамъ мы съ Александромъ въ истинномъ значеніи слова любовались красотами „Фрейшюца“; впервые слышали на сценѣ Вагнеровыхъ: „Тангейзера“, „Моряка-Скитальца“, „Лоэнгрина“. Массивность, яркость и блескъ Вагнеровой оркестровки просто ослѣпляли насъ въ чудесномъ исполненіи мангеймскаго оркестра. Раньше мы изъ Вагнера только разбирали кое-что по фортепіанному переложенію.

Съ наступленіемъ осени и холодовъ, мнѣ, отдышавшейся за лѣто, снова стало хуже. Я усиленно стала кашлять, кровь пошла горломъ. Грудь ломило, я поблѣднѣла, похудѣла, краше въ гробъ кладутъ. Бородинъ и Сорокинъ повезли меня къ гейдельбергской знаменитости профессору Фридрейху. Тотъ, видно, не особенно любилъ съ больными церемониться, прямо такъ и хватилъ: „И мѣсяца не проживетъ, если

сейчасъ же не уѣдетъ въ теплый климатъ. Пусть ѣдетъ въ Италію, въ Пизу, тамъ тепло теперь". Что-жъ дѣлать! Мы тронулись на югъ вдвоемъ. А. П. оставилъ на нѣсколько дней гейдельбергскую лабораторію, чтобы меня проводить и устроить въ Пизѣ. Тамъ встрѣтилъ насъ итальянскій октябрь, не чета германскому: жара, комары, лѣто совершенное. Мнѣ сразу стало легче дышать; на меня снова повѣяло жизнью. А жизни мнѣ хотѣлось тогда болѣе, чѣмъ когда-нибудь. Но дни бѣжали. Пришелъ послѣдній часъ, Александру нельзя было со мной оставаться. Нравственная пытка настала для насъ обоихъ. На меня напалъ какой-то паническій страхъ остаться одной, совсѣмъ одной, безъ любимаго существа, въ чужомъ городѣ, среди чужихъ людей, не понимающихъ моей французской и нѣмецкой рѣчи. Александръ уложилъ свои вещи, въ послѣднюю минуту пошелъ съ оффиціальнымъ визитомъ къ двумъ извѣстнымъ пизанскимъ химикамъ: Лукка и Тассинари. Я осталась одна. Сказать нельзя, какъ мнѣ было больно. Я бросилась на постель и заливалась слезами. Вдругъ, ушамъ не вѣрю, слышу голосъ Александра: „Катя, вообрази себѣ, что случилось! Я не ѣду въ Гейдельбергъ, я останусь здѣсь съ тобой все время. Лукка и Тассинари приняли меня любезнѣйшимъ образомъ. Лабораторія у нихъ превосходная, свѣтлая, удобная; они мнѣ ее предложили въ полное мое распоряженіе... И какъ вѣдь хорошо это вышло: фтористыя соединенія, къ которымъ я теперь приступаю, требуютъ опытовъ на воздухѣ; въ Гейдельбергѣ холодно слишкомъ для этого, здѣсь же я могу этимъ заниматься всю зиму"... Это было блаженство. Снова полились обильныя слезы, но онѣ уже другое значили. И какъ быстро я поправляться начала!

Итальянскому языку мы оба выучились очень скоро. Черезъ 1½ мѣсяца мы бѣгло болтали по-итальянски.

Химія не мѣшала Александру отдавать нѣкоторое время и музыкѣ. Онъ, напримѣръ, игралъ на віолончели въ оркестрѣ пизанскаго театра, гдѣ все болѣе давались оперы Доницетти.

Въ Пизѣ мы познакомились съ директоромъ тамошней музыкальной школы, синьоромъ Менокки. Это былъ любезный человѣкъ, но музыкантъ не особенный. Помню, какъ-то при немъ Александръ не болѣе какъ въ какой-нибудь часъ набросалъ фугу. Нужно было видѣть изумленіе signor professore. Съ тѣхъ поръ сталъ онъ смотрѣть на А. П. какъ на музыкальное чудо, хотя та фуга была совсѣмъ дѣтская и обыденная. По его протекціи, намъ было дозволено играть иногда на огромномъ органѣ пизанскаго собора. У этого органа была двойная клавіатура, и требовалось 10 человѣкъ, чтобъ приводить въ движеніе его мѣхъ. Мы играли тамъ Баха, Бетховена, особенно же, помню, уго-

дила я публикѣ, когда разъ, во время Offertorium, сыграла „Силы небесныя"—Бортнянскаго.

Въ зиму 1861 года А. П. сочинилъ квинтетъ à la Глинка, и скерцо, для фортепіано, въ 4 руки, à la Мендельсонъ. Въ Германіи единственною, кажется, попыткою собственнаго музыкальнаго сочиненія былъ секстетъ для струнныхъ инструментовъ, безъ контрбаса (D-moll), написанный имъ въ Гейдельбергѣ въ концѣ 1859 или началѣ 1860 года. Онъ былъ совершенно въ Мендельсоновскомъ стилѣ, и своему другу, М. Р. Щиглеву, онъ писалъ тогда же, что сочинилъ его такъ, единственно для того, „чтобъ угодить нѣмцамъ". По возвращеніи въ Петербургъ, онъ всегда молчалъ про него, и даже никогда Щиглеву не показалъ.

II.

Воротился Бородинъ въ Россію въ ноябрѣ 1862 года, и 8-го декабря уже избранъ былъ адъюнктъ-профессоромъ на каѳедру химіи Медико-хирургической Академіи. Лекціи его и, независимо отъ научнаго ихъ достоинства, отношеніе его къ студентамъ отличались такими качествами, что навѣки остались въ памяти у всѣхъ его слушателей. Бывшій его ученикъ, а впослѣдствіи товарищъ и другъ, профессоръ А. П. Доброславинъ, сообщаетъ о томъ много интересныхъ подробностей въ запискѣ своей, посвященной памяти безконечно дорогого ему Бородина.

„Какъ теперь помню я ту минуту,—пишетъ онъ,—когда мы, студенты 2-го курса, увидѣли его въ первый разъ въ аудиторіи. Молодой человѣкъ, красивый, въ лѣтнемъ статскомъ нальто, нескорою, немного валкою походкой пробирался въ кабинетъ къ профессору Зинину. Вскорѣ разнеслось по аудиторіи, что это Бородинъ, только что вернувшійся изъ-за границы. Всѣ студенты, близко стоявшіе къ Зинину, часто слыхали отъ него о скоромъ возвращеніи любимаго его ученика. У такой экспансивной натуры, какъ Зининъ, отношенія ко всѣмъ слушателямъ его были вообще самыя сердечныя, но къ Бородину они были еще сердечнѣе: онъ считалъ его своимъ духовнымъ сыномъ, да

Бородинъ со своей стороны считалъ его своимъ вторымъ отцомъ. Не было научной мысли, не было пріема въ работѣ, о которыхъ не поговорили бы и не посовѣтовались бы взаимно учитель съ ученикомъ. Студенты отнеслись съ большимъ интересомъ къ лекціямъ Бородина, читавшаго органическую химію. Новая лабораторія, на углу Александровскаго моста, открытая въ 1863 году, поступила подъ вѣдѣніе Бородина, какъ директора, такъ какъ Зининъ, настоящій директоръ ея, получилъ около этого времени квартиру при лабораторіи въ Академіи Наукъ. Самъ онъ, только женившись на Кат. Серг. Протопоповой (въ апрѣлѣ 1863 г.), переѣхалъ въ новое зданіе, первый подъѣздъ съ Невы, и прожилъ тутъ до самой своей смерти. Лабораторія помѣщалась въ одномъ корридорѣ съ его квартирой, и Бородинъ работалъ тамъ безъ устали вмѣстѣ со студентами, чуть не цѣлые дни напролетъ. Но во время своихъ работъ Бородинъ всегда сохранялъ свое свѣжее и благодушное расположеніе духа въ отношеніи къ ученикамъ и сработникамъ своимъ, и всегда готовъ былъ прерывать всякую свою собственную работу, безъ нетерпѣнія, безъ раздраженія, чтобъ отвѣчать на предлагаемые вопросы. Занимающіеся въ лабораторіи чувствовали себя точно въ семейномъ кружкѣ. Но онъ не забывалъ и музыки. Работая, онъ почти всегда что-то про себя мурлыкалъ, охотно говорилъ и спорилъ съ работавшими о музыкальныхъ новостяхъ, направленіяхъ, техникѣ музыкальныхъ произведеній и, наконецъ, мы часто слышали, когда онъ бывалъ у себя въ квартирѣ, какъ по лабораторному корридору неслись стройные звуки профессорскаго фортепіано. Благодушіе и доброжелательство Бородина поражали всѣхъ: каждый могъ идти къ нему со своими идеями, вопросами, соображеніями, не боясь отказа, высокомѣрнаго пріема, пренебреженія. Очень рѣдкія вспышки раздраженія вызывались у Бородина развѣ только небрежнымъ или неряшливымъ отношеніемъ занимающихся въ лабораторіи къ дѣлу. „Ахъ, батенька,—слышалось тогда,—что вы дѣлаете! Вѣдь этакъ вы перепортите всѣ инструменты въ шкафахъ! Развѣ можно здѣсь, въ чистой лабораторіи, напускать всякой дряни въ воздухъ! Идите въ черную“. Близкое, задушевное отношеніе Бородина къ ученикамъ не ограничивалось только лабораторіей. Почти всѣ работавшіе тамъ были приняты въ его семью, какъ самые близкіе знакомые, часто завтракали, обѣдали и даже ужинали у него, когда оставались долго въ лабораторіи. Квартира Бородина была, можно сказать, постоянно настежъ для всей молодежи. По выходѣ учениковъ его изъ Академіи, онъ постоянно хлопоталъ объ участи каждаго, употреблялъ всѣ усилія, чтобъ доставить ему помощь. Часто про него говаривали, что нельзя было встрѣтить его въ обществѣ безъ того, чтобъ онъ о комъ либо не просилъ, кого либо не устраивалъ“...

Самостоятельная дѣятельность Бородина началась еще съ 1857 года, почти тотчасъ по окончаніи курса въ Медико-хирургической Академіи. Она, главнымъ образомъ, была направлена на разработку главныхъ спеціальныхъ вопросовъ по части органической химіи путемъ лабораторныхъ изслѣдованій. Множество большихъ и малыхъ его изслѣдованій этого рода напечатано въ русскихъ и иностранныхъ химическихъ изданіяхъ, а именно: въ „Журналѣ физико-химическаго Общества", въ „Comptes-rendus" Парижской академіи наукъ, въ „Annalen der Chemie" Либиха, въ „Zeitschrift für Chemie" Эрленмейера, и друг. Бывшій прежде ученикъ Бородина, а теперь преемникъ его по каѳедрѣ химіи въ Медицинской Академіи, адъюнктъ-профессоръ А. П. Діанинъ, говоритъ про ученые труды своего дорогого учителя слѣдующее:

„Въ числѣ восьми мемуаровъ, напечатанныхъ Бородинымъ до 1862 года, особенно выдается по своему высокому интересу изслѣдованіе надъ фтористымъ бензоиломъ. По возвращеніи въ Россію, особенно цѣннымъ вкладомъ въ науку, доставившимъ Бородину еще бо́льшую извѣстность въ ученомъ мірѣ, какъ талантливому химику, была его работа надъ уплотненіемъ алдегидовъ. Наконецъ, въ самое послѣднее время его дѣятельность была посвящена разработкѣ методовъ изслѣдованія процесса, въ высокой степени важнаго для физіологіи и медицины вообще — процесса азотистаго метаморфоза. Результатомъ этой дѣятельности явились удобный въ экспериментальномъ отношеніи азометрическій приборъ и доведенный до крайней степени простоты методъ опредѣленія азота въ органическихъ веществахъ, имѣющихъ отношеніе для обмѣна. Большое число изслѣдованій, производившихся въ лабораторіяхъ другихъ академическихъ каѳедръ, сдѣлано при посредствѣ методовъ Бородина и изложеніе ихъ вошло въ учебники. Покойный профессоръ оставилъ послѣ себя, не считая мелкихъ статей и замѣтокъ, 20 химическихъ мемуаровъ". („Новое Время", 19-го февраля 1887 года).

Ученые труды Бородина доставили ему почетную и солидную извѣстность въ научномъ мірѣ, въ Россіи и заграницей. Въ день похоронъ Бородина, знаменитый русскій врачъ, С. П. Боткинъ, одно изъ свѣтилъ русской науки, въ письмѣ на имя Физико-химическаго Общества, называлъ Бо-

родина „первоклассным химикомъ“. Другой знаменитый нашъ ученый, также свѣтило современной науки, профессоръ химіи Д. И. Менделѣевъ, равномѣрно всегда признавалъ въ прежнемъ своемъ товарищѣ и пріятелѣ Бородинѣ „первокласснаго химика, которому многимъ обязана химія“, и высказывалъ мысль многихъ лучшихъ, значительнѣйшихъ современныхъ химиковъ, что Бородинъ стоялъ бы еще выше по химіи, принесъ бы еще болѣе пользы наукѣ, еслибы музыка не отвлекала его слишкомъ много отъ химіи. Онъ разсказываетъ, что во время своихъ путешествій, онъ при встрѣчѣ съ химиками всегда тотчасъ слышалъ вопросъ: „Ну, что сдѣлалъ новаго вашъ Бородинъ?“

Кромѣ Медико-хирургической (нынѣ Военно-медицинской) Академіи, Бородинъ читалъ также съ 1863 года лекціи химіи въ Лѣсной академіи, съ 1872—на Женскихъ медицинскихъ курсахъ. Относительно этого послѣдняго учрежденія его заслуги были особенно значительны. Вмѣстѣ съ П. Н. Тарновской и профессоромъ М. М. Рудневымъ, онъ былъ одинъ изъ основателей курсовъ, и потомъ, въ продолженіе цѣлыхъ 15 лѣтъ онъ никогда не переставалъ изъ всѣхъ силъ хлопотать и заботиться о ихъ поддержкѣ, процвѣтаніи и о всяческой помощи имъ. Отношеніе его къ студенткамъ было такое же сердечное, горячее и безпредѣльно-доброжелательное, какъ къ студентамъ Академіи. Всего лучше рисуетъ эти отношенія надпись вокругъ серебрянаго вѣнка, принесеннаго женщинами-врачами ко гробу и на могилу Бородина. Тутъ было сказано: „Основателю, охранителю, поборнику женскихъ врачебныхъ курсовъ, опорѣ и другу учащихся — отъ женщинъ-врачей десяти курсовъ, 1872—1887“.

III.

Въ первые дни возвращенія Бородина изъ чужихъ краевъ въ Россію, въ 1862 году, произошло событіе, которое произвело рѣшительный переворотъ въ его художественной жиз-

ни. Это было его знакомство съ Балакиревымъ и его товарищами по музыкѣ. Знакомство это превратило его изъ дилетанта въ истиннаго и глубокаго музыканта.

Въ запискѣ своей о первыхъ встрѣчахъ и знакомствѣ съ Мусоргскимъ, Бородинъ разсказываетъ:

„Послѣ моего возвращенія изъ-за границы осенью 1862 года, я познакомился съ Балакиревымъ (въ домѣ у С. П. Боткина), и третья моя встрѣча съ Мусоргскимъ была у Балакирева, когда тотъ жилъ на Офицерской, въ домѣ Хилькевича. Мы съ Мусоргскимъ снова узнали другъ друга сразу, вспомнили объ первыя встрѣчи. Мусоргскій тутъ уже сильно выросъ музыкально. Балакиревъ хотѣлъ меня познакомить съ музыкою своего кружка, и прежде всего съ симфоніей „отсутствующаго“ (это былъ Римскій-Корсаковъ, тогда еще морской офицеръ, только что ушедшій въ далекое плаваніе въ Сѣверную Америку). Мусоргскій сѣлъ съ Балакиревымъ за фортепіано (Мусоргскій на primo, Балакиревъ на secondo). Игра была уже не та, что въ первыя двѣ встрѣчи. Я былъ пораженъ блескомъ, осмысленностью, энергіей исполненія и красотою вещи. Они сыграли финалъ симфоніи. Тутъ Мусоргскій узналъ, что и я имѣю кое-какія поползновенія писать музыку, сталъ просить, чтобъ я показалъ что-нибудь. Мнѣ было ужасно совѣстно, и я наотрѣзъ отказался“.

Новый знакомый Бородина, Балакиревъ, хотя на цѣлыхъ два года моложе его, сдѣлался первымъ и настоящимъ его учителемъ. Балакиревъ стоялъ въ то время во главѣ трехъ талантливыхъ юношей, вмѣстѣ и учениковъ, и товарищей, и друзей его. Это были: Кюи, Мусоргскій, Римскій-Корсаковъ. Не смотря на свои молодые годы, Балакиревъ былъ ихъ настоящимъ наставникомъ, училъ ихъ техникѣ, музыкальной формѣ и инструментовкѣ, но еще болѣе истинному пониманію лучшихъ музыкальныхъ созданій. Говоря про свои отношенія къ молодому Мусоргскому, Балакиревъ писалъ мнѣ въ 1881 году: „Такъ какъ я не теоретикъ, я не могъ научить Мусоргскаго гармоніи (какъ, напримѣръ, теперь учитъ Н. А. Римскій-Корсаковъ), но я объяснялъ ему „форму сочиненій“. Для этого мы переиграли съ нимъ, въ 1857—1858 годахъ, въ 4 руки, всѣ симфоніи Бетховена и многое другое еще изъ сочиненій Шумана, Шуберта, Глинки

и другихъ; я объяснялъ ему техническій складъ исполняемыхъ нами сочиненій, и его самого занималъ разборомъ формы". Нѣчто подобное предпринято было, четыре года позже, Балакиревымъ и въ отношеніи Бородина, но только съ тою разницею, что этотъ послѣдній въ то время уже гораздо болѣе молодого, начинающаго Мусоргскаго зналъ и слышалъ хорошей музыки: Бетховенъ и Глинка (хотя и далеко не весь) давно и твердо были ему извѣстны, да и самъ Балакиревъ въ эти четыре года далеко стоялъ выше Балакирева 1858 года. У него уже сочинены были почти всѣ лучшіе его романсы и весь „Лиръ"; Безплатная Музыкальная Школа была уже имъ задумана и создана. Онъ былъ вполнѣ зрѣлый художникъ. Но учительство Балакирева, столько же выросшее, имѣло въ отношеніи къ Бородину то общее съ учительствомъ его въ отношеніи къ Мусоргскому, къ Кюи и Римскому-Корсакову, что онъ во всѣхъ ихъ воспитывалъ самостоятельность и независимость музыкальнаго пониманія. Одаренный отъ природы необыкновеннымъ критическимъ даромъ и тактомъ, Балакиревъ не преклонялся ни передъ какимъ музыкальнымъ авторитетомъ только потому, что онъ давно такимъ былъ признанъ въ Европѣ. Онъ старался анатомировать и вглядѣться во все самъ, не слушаясь и не боясь никакой традиціи, и часто приходилъ въ своихъ глубокихъ и мѣткихъ анатоміяхъ къ результатамъ, совершенно противоположнымъ тому, что общепринято. Съ такой самостоятельностью мысли воспитался, подъ вліяніемъ Балакирева, и Бородинъ. Всѣ его понятія быстро измѣнились и перестановились. Послѣдніе остатки мендельсонизма окончательно исчезли. Но сверхъ того Бородинъ былъ обязанъ Балакиреву чѣмъ-то другимъ еще.

„Наше знакомство,—пишетъ мнѣ Балакиревъ,—имѣло для него то важное значеніе, что до встрѣчи со мной онъ считалъ себя только дилетантомъ и не придавалъ значенія своимъ упражненіямъ въ сочиненіи. Мнѣ кажется, что я былъ первымъ человѣкомъ, сказавшимъ ему, что настоящее его дѣло—композиторство. Онъ съ жаромъ принялся сочинять свою Es-дурную симфонію. Каждый тактъ проходилъ черезъ

мою критическую оцѣнку, а это въ немъ могло развивать критическое художественное чувство, окончательно опредѣлившее его музыкальные вкусы и симпатіи"...

„Наши занятія съ Бородинымъ,—говорилъ мнѣ въ другомъ письмѣ М. А. Балакиревъ,—заключались въ пріятельскихъ бесѣдахъ и происходили не только за фортепіано, но и за чайнымъ столомъ. Бородинъ (какъ и вся тогдашняя наша компанія) игралъ новое свое сочиненіе, а я дѣлалъ свои замѣчанія касательно формы, оркестровки и проч., и не только я, но и всѣ остальные члены нашей компаніи принимали участіе въ этихъ сужденіяхъ. Такимъ образомъ сообща выработывалось критически все направленіе нашей композиторской дѣятельности. Могу прибавить, что и жена Бородина, Екатерина Сергѣевна, принимала участіе въ нашихъ бесѣдахъ. Она была прекрасная музыкантша и весьма порядочная піанистка. Ея симпатичная личность вносила особенную сердечность въ наши бесѣды, воспоминаніе о которыхъ будетъ для меня всегда драгоцѣнно"...

Симфонія Бородина складывалась медленно, она сочинялась нѣсколько лѣтъ, и была окончена лишь въ 1867 году. Въ этотъ періодъ времени Бородинъ сильно возмужалъ и развился. На него имѣли громадное вліяніе концерты Безплатной Школы, гдѣ, подъ управленіемъ Балакирева, исполнялись всѣ высшія созданія Глинки и Даргомыжскаго, но вмѣстѣ и все лучшее, что было сдѣлано во вторую четверть нашего вѣка Берліозомъ, Шуманомъ, Листомъ. Громадное вліяніе оказывали также на Бородина сочиненія его новыхъ товарищей и друзей: Балакирева, Кюи, Мусоргскаго и Римскаго-Корсакова. Они гораздо раньше его выступили со своимъ самостоятельнымъ музыкальнымъ творчествомъ, но всѣхъ ихъ онъ скоро догналъ. Онъ съ ними тотчасъ же сравнялся, а въ иномъ сталъ и выше.

Поразительно то превращеніе, которое случилось съ нимъ въ эту эпоху, во время быстраго его роста. Во весь періодъ молодости своей Бородинъ былъ во всѣхъ музыкальныхъ своихъ вкусахъ западникъ и даже спеціально „ярый мендельсоннстъ", по его собственнымъ словамъ. И что же! Подъ вліяніемъ той истинно національной русской музыки, которую онъ теперь всего больше и чаще слышалъ

въ концертахъ Безплатной Школы и въ кругу своихъ товарищей, онъ вдругъ превращается въ композитора, у котораго всего сильнѣе и талантливѣе высказывается рýсскій національный и неразрывно связанный съ нимъ восточный элементъ. Казалось бы, сами обстоятельства жизни влекли къ національному элементу и творчеству Балакирева, Мусоргскаго, Римскаго-Корсакова. Всѣ они родились внѣ Петербурга и объевропеенныхъ центровъ; они родились и провели всю молодость свою въ глубинѣ Россіи, въ коренной національной средѣ, въ деревнѣ: Балакиревъ—въ Нижегородской, Мусоргскій—въ Псковской, Римскій-Корсаковъ—въ Новгородской губерніи, подобно тому, какъ великій ихъ предшественникъ и глава, Глинка, родился и провелъ всю первую молодость въ деревнѣ Смоленской губерніи. Съ Бородинымъ дѣло произошло иначе: онъ родился въ Петербургѣ и здѣсь же провелъ всю свою жизнь. Лишь въ зрѣлыхъ лѣтахъ случалось ему жить подолгу внутри Россіи, въ губерніяхъ Московской, Владимірской, Костромской *).

*) Единственное исключеніе въ его жизни составляла поѣздка, въ молодыхъ еще годахъ, вскорѣ по окончаніи курса въ Медико-хирургической Академіи, въ Вологду. Профессоръ Зининъ порекомендовалъ Бородина, какъ надежнаго химика, тогдашнему богачу Кокореву, для открытія и анализа соляныхъ минеральныхъ водъ въ имѣніи его, въ Солигаличскомъ уѣздѣ, Вологодской губерніи. Но эта поѣздка продолжалась недолго. Къ этому времени относится одинъ любопытный и характерный анекдотъ, разсказываемый Д. С. Александровымъ. При открытіи Солигаличскихъ водъ, многія мѣстныя барыни осаждали Бородина, молодого и красиваго, своими ухаживаніями. Одна изъ нихъ, вызвавшись однажды довезти его до квартиры, увезла въ свое имѣніе, находившееся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Солигалича; этого онъ вначалѣ, по разсѣянности, не замѣтилъ. Барыня, красивая и роскошная, призналась ему, по пріѣздѣ, что она его похитила и что онъ теперь въ ея рукахъ. Она переодѣлась въ роскошный пеньюаръ, угощала его богатымъ ужиномъ. Но когда, ночью, она снова его посѣтила, новая Пентефріева жена нашла своего прекраснаго Іосифа крѣпко и непросыпно спящимъ. На утро сконфуженный Бородинъ поспѣшилъ уѣхать.

И не смотря на это, національный элементъ составляетъ самую могучую ноту въ творчествѣ Бородина: въ правдивости и глубинѣ русскаго склада своихъ высшихъ созданій онъ не уступаетъ ни Глинкѣ, ни своимъ товарищамъ въ новой русской музыкальной школѣ. Какимъ образомъ случилось это изумительное превращеніе,—вотъ психологическая тайна, которой не объяснитъ, конечно, никто. Невольно вспоминается одинъ изъ новыхъ музыкальныхъ нашихъ критиковъ, г. Ивановъ, который въ своей премудрости и глубокомысліи высказывалъ (печатно) претензіи свои на біографовъ Глинки, зачѣмъ они не выяснили и не показали, какъ сложился, въ его молодые года, національный и вообще художественный складъ Глинки. О, какое глубокомысленное и остроумное требованіе! Точно будто возможно для другихъ, для постороннихъ то, чего не способенъ никогда разобрать, разъанатомировать внутри себя даже и самъ художникъ! Ему, да и всѣмъ его біографамъ и изслѣдователямъ, доступна такая микроскопическая, такая самомалѣйшая, такая внѣшняя сторона души! Но комическимъ нашимъ музыкальнымъ писателямъ непремѣнно надо казаться очень глубокими и основательными.

Свѣдѣнія о сочиненіи первой симфоніи Бородина мы получаемъ изъ разсказовъ его жены, Катерины Сергѣевны. „Мы выбрались изъ-за границы, говоритъ она, въ ноябрѣ 1862 года. Плоды только что сложившагося знакомства съ Балакиревымъ сказались баснословнымъ, по силѣ и скорости, образомъ, меня окончательно поразившимъ: уже въ декабрѣ, онъ, этотъ западникъ, этотъ „ярый мендельсонистъ“, только что сочинившій скерцо à la Мендельсонъ, игралъ мнѣ, почти цѣликомъ, первое Allegro своей симфоніи Es-dur! Зиму я прожила у моей матери въ Москвѣ. Въ апрѣлѣ 1863 года была наша свадьба, въ Петербургѣ. Въ маѣ онъ уже мнѣ показывалъ кое-что изъ финала симфоніи. Скерцо сочинено было въ 1864 году. Andante же сложилось въ 1865 году. Вотъ какъ это было. Въ тотъ годъ мы снова

ѣздили заграницу и остановились въ Грацѣ. Александръ вернулся съ прогулки по Карпатскимъ горамъ, близъ какой-то бесѣдки одного стараго замка. Тамъ ему пришла въ голову Des-дурная середина Andante, именно эти такъ удачно въ ней вышедшіе вздохи качающагося акомпанимента. Какъ теперь вижу его, за фортепіано, когда онъ что-нибудь сочинялъ. И всегда-то разсѣянный, онъ въ такія минуты совсѣмъ улеталъ отъ земли. По десяти часовъ подрядъ, бывало, сидитъ онъ, и все уже тогда забывалъ. Могъ совсѣмъ не обѣдать, не спать. А когда онъ отрывался отъ такой работы, то долго еще не могъ прійти въ нормальное состояніе. Его тогда ни о чемъ нельзя было спрашивать, непремѣнно бы отвѣтилъ невпопадъ. Какъ онъ не любилъ, чтобы на него тогда смотрѣли! И если онъ даже чувствовалъ мой взглядъ на себѣ, то говорилъ съ потѣшной интонаціей немножко капризнаго ребенка: „Не смотри! Что за охота глядѣть на поглупѣвшее лицо!“ А совсѣмъ оно у него тогда было не поглупѣвшее. Я такъ любила, напротивъ, этотъ растерянный, куда-то улетѣвшій, вдохновенный взглядъ“...

Едва кончивъ свою первую симфонію, приводившую въ глубокій восторгъ Балакирева и его товарищей своею оригинальностью, своею поэтичностью и силой, своимъ мастерствомъ и, наконецъ, національнымъ элементомъ, характерно и могуче выразившимся въ тріо скерцо, Бородинъ сейчасъ же принялся за новыя сочиненія, но на этотъ разъ вокальныя. Въ 60-хъ годахъ, товарищи-художники новой нашей музыкальной школы устремили все свое творчество на сочиненіе романсовъ и оперъ. Кюи сочинялъ своего „Ратклиффа“, Мусоргскій принимался за „Бориса Годунова“, Римскій-Корсаковъ—за „Псковитянку“; даже Балакиревъ, повидимому, менѣе своихъ товарищей наклонный къ оперѣ, принимался за оперу „Жаръ-Птица“, и набрасывалъ нѣсколько превосходныхъ номеровъ для нея. Всѣ они сочиняли, сверхъ того, цѣлую массу высоко талантливыхъ романсовъ. Боро-

динъ увлекся тѣмъ же настроеніемъ. Въ промежутокъ времени отъ 1867 по 1870 годъ онъ сочинилъ нѣсколько романсовъ и принялся за оперу. Романсы—это цѣлый непрерывный рядъ истинныхъ chefs d'oeuvre'овъ красоты, страстности, выразительности, талантливѣйшей декламаціи и оригинальныхъ, своеобразныхъ формъ. Въ 1867 году сочинена „Спящая княжна", въ 1868 году—„Старая пѣсня" (Пѣснь о темномъ лѣсѣ), „Фальшивая нота", „Морская царевна", „Отравой полны мои пѣсни"; въ 1870 году (въ мартѣ) „Море". Иные изъ этихъ романсовъ и пѣсенъ, какъ, напримѣръ, „Спящая княжна", „Морская царевна", „Пѣсня темнаго лѣса" были полны глубокаго и могучаго эпическаго духа, словно это однѣ изъ лучшихъ страницъ изъ „Руслана"—Глинки. Здѣсь являлись изъ-подъ могучей кисти уже тѣ самыя формы и очертанія, которыя должны были съ чудной поэзіей и силой нарисоваться однажды въ оперѣ „Князь Игорь". Много способствовало желанію Бородина и его товарищей сочинять романсы то обстоятельство, что къ ихъ кружку принадлежала талантливая пѣвица А. П. Моласъ. Она была ученица Даргомыжскаго, и, кромѣ своей собственной даровитости, всего болѣе была обязана ему во всемъ, что касается простоты, естественности и глубокой правды декламаціи. Всѣ вокальныя сочиненія „товарищей", доступныя ея женскому голосу, были тотчасъ же исполняемы ею на ихъ собраніяхъ (у ея дяди, В. Ѳ. Пургольда, у Кюи, у Л. И. Шестаковой, у меня), и выполнялись съ такими талантомъ, глубокой правдивостью, увлеченіемъ, тонкостью оттѣнковъ, которые для такихъ впечатлительныхъ и талантливыхъ людей, какъ „товарищи", должны были непремѣнно служить горячимъ стимуломъ для новыхъ и новыхъ сочиненій. Ея столько же талантливая сестра, Н. Н. Пургольдъ, являлась превосходной аккомпаніаторшей этихъ сочиненій на фортепіано. Бородинъ часто бывалъ такъ увлеченъ дивнымъ исполненіемъ А. Н. Пургольдъ, что говаривалъ ей при всѣхъ, что иные его

романсы сочинены „ими двумя вмѣстѣ“. Всего чаще онъ это повторялъ по поводу кипучаго страстностью романса: „Отравой полны мои пѣсни“.

Романсъ „Море“—это высшій изъ всѣхъ романсовъ Бородина, и, по моему мнѣнію, самый великій, по силѣ и глубинѣ созданія, изъ всѣхъ, какіе есть до сихъ поръ на свѣтѣ. Но онъ существуетъ теперь для насъ не съ тѣмъ текстомъ, какой для него первоначально предназначался. Нынѣшній текстъ говоритъ только про „молодого пловца, везущаго съ собой товаръ дорогой, непродажный“; „съ добычей богатой онъ ѣдетъ домой, съ камнями цвѣтными, съ парчей дорогой, съ жемчугомъ крупнымъ, съ казной золотой—съ женой молодой“. Первоначально задуманъ былъ другой образъ: та самая музыка, которую мы теперь знаемъ, рисовала молодого изгнанника, невольно покинувшаго отечество по причинамъ политическимъ, возвращающагося домой—и трагически гибнущаго среди самыхъ страстныхъ, горячихъ ожиданій своихъ, во время бури, въ виду самыхъ береговъ своего отечества.

Въ послѣдніе годы своей жизни Бородинъ сочинилъ еще нѣсколько романсовъ, но они уже далеко уступаютъ прежнимъ его сочиненіямъ въ этомъ родѣ. Въ нихъ нѣтъ эпическаго элемента, составлявшаго главную силу „Моря“, „Спящей княжны“, „Морской царевны“, „Лѣса“, и нѣтъ той кипучей страстности, которая дѣлаетъ „Море“ и „Отравой полны“ высокими художественными созданіями. Романсъ „У людей-то въ дому“ (на слова Некрасова), конечно, заключаетъ милый, изящный комизмъ, но не блеститъ особеннымъ творчествомъ. Романсъ „Для береговъ отчизны дальней“ (на слова Пушкина) написанъ въ 1881 г. по поводу смерти Мусоргскаго, и хотя онъ и очень благозвученъ, но мало содержитъ глубокаго и истиннаго чувства, и самъ авторъ вполнѣ это сознавалъ; поэтому, какъ по собственному желанію, такъ и согласно съ мнѣніемъ ближайшихъ друзей, онъ до конца жизни даже не отдалъ его

въ печать. „Septain“ (Семистишіе) написанъ въ 1886 году, въ память пребыванія въ замкѣ у графини Аржантэ, причемъ музыка, мало удачная и довольно ординарная, лишь слѣдуетъ за мало удачными восхвалительными стихами какого-то бельгійскаго поэта. Романсъ „Изъ слезъ моихъ“ (на слова Гейне), сочиненный еще раньше всѣхъ этихъ романсовъ, уже вовсе почти не отличается никакими особенными достоинствами. За то романсъ „Арабская мелодія“, на собственныя слова Бородина (гдѣ онъ примѣнялся къ текстамъ арабскихъ пѣсенъ, прочитаннымъ имъ у меня въ Публичной Библіотекѣ), полонъ изящества и выразительности. Это лучшій романсъ Бородина послѣдняго времени.

Одновременно съ первыми романсами своими, Бородинъ принимался за сочиненіе оперы „Царская невѣста“ на сюжетъ драмы Мея, указанный ему Балакиревымъ. Было уже сочинено нѣсколько превосходныхъ сценъ и хоровъ (самый замѣчательный былъ хоръ пирующихъ буйныхъ опричниковъ), но сюжетъ этотъ скоро пересталъ нравиться Бородину, и онъ забросилъ оперу, а самъ просилъ меня выдумать ему другой сюжетъ, но непремѣнно также русскій. Я предлагалъ разные, но онъ долго не рѣшался остановиться ни на которомъ.

Между тѣмъ была исполнена оркестромъ его симфонія Es-dur.

Въ своей біографіи Бородина, напечатанной въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1887 года, и потомъ выпущенной въ видѣ отдѣльной брошюры, были высказаны мною свѣдѣнія не вполнѣ вѣрныя насчетъ перваго исполненія Es-dur'ной симфоніи Бородина передъ публикою. Я говорилъ, что симфонія успѣха не имѣла и была принята публикой апатично. Я ошибся. По счастію, я имѣю теперь возможность исправить свою невѣрность, благодаря разсказу М. А. Балакирева, не только очевидца, но бывшаго дѣйствующимъ лицомъ въ томъ концертѣ.

„Въ то время,—говоритъ Балакиревъ,—для дирижированія концертами Русскаго Музыкальнаго Общества, за выходомъ Рубинштейна, по настоянію покойнаго Кологривова, былъ приглашенъ я. Бывши дѣйствующимъ лицомъ, я очень хорошо помню, какъ произошло это крупное событіе.

Дирекція Русскаго Музыкальнаго Общества вздумала въ то время кликнуть кличъ нашимъ композиторамъ—предложить или представить въ Общество на разсмотрѣніе свои сочиненія, которыя должны были подвергнуться пробному испытанію въ оркестрѣ. Въ отвѣтъ на этотъ призывъ, представлено было не мало слабыхъ дилеттантскихъ произведеній, пробы которыхъ должны были произойти въ Михайловскомъ дворцѣ. Желая воспользоваться случаемъ поскорѣе попробовать въ оркестрѣ симфонію Бородина, чтобы заблаговременно, до концертныхъ репетицій, имѣть возможность исправить какъ оркестровыя партіи, такъ и промахи въ самой оркестровкѣ, еслибъ они оказались,—я имѣлъ неосторожность включить ее въ число пьесъ, представленныхъ на пробу, и этимъ чуть не испортилъ дѣло. Дирекція сразу посмотрѣла на Бородина не какъ на композитора, а какъ на дилетанта, пробующаго сочинять. А такъ какъ на пробѣ не хватило времени добиться хоть сколько-нибудь сноснаго ея исполненія—она вышла и слишкомъ оригинальной, и трудной — а въ партіяхъ нашлось довольно много ошибокъ, да и кромѣ ея нужно было переиграть порядочное число пьесъ, то въ результатѣ вышло то, что она произвела дурное впечатлѣніе и дирекція ждала съ ужасомъ публичнаго ея исполненія. Предотвратить его не было возможности, такъ какъ при вступленіи своемъ въ завѣдываніе концертами Русскаго Музыкальнаго Общества я выговорилъ себѣ право составлять программы по своему усмотрѣнію.

Наконецъ день исполненія ея былъ назначенъ (4-го января 1869 г.). Афиша была выпущена и начались трудныя репетиціи. Уже послѣ первой изъ нихъ мнѣніе о симфоніи стало у нѣкоторыхъ мѣняться и Кологривовъ, относившійся съ сердечной горячностью и къ дѣлу, и ко мнѣ, съ радостью сообщилъ мнѣ, что симфонія начинаетъ нравиться не только ему, но и другимъ. Ник. Ив. Заремба, тогдашній директоръ Консерваторіи и теоретикъ, тоже перемѣнилъ о ней свое мнѣніе, и увѣрился въ несомнѣнной талантливости ея автора. Это меня и обрадовало, и ободрило. Но я все-таки не былъ спокоенъ, и съ тревогой на душѣ ожидалъ субботы, 4-го января: еще много было противниковъ у этой музыки среди заурядныхъ музыкантовъ по профессіи, гораздо менѣе публики способныхъ къ воспринятію чего-либо новаго, выходящаго изъ обычныхъ рамокъ симфонической музыки. Много интересовался ходомъ этого дѣла и покойный А. С. Даргомыжскій, бывшій въ то время въ числѣ директоровъ Русскаго Музыкальнаго Общества. Онъ

также съ нетерпѣніемъ ожидалъ этого концерта. На второмъ онъ уже не могъ присутствовать, онъ былъ смертельно боленъ.

Наконецъ роковой вечеръ насталъ, и я вышелъ на эстраду дирижировать Es-dur'ную симфонію Бородина. Первая часть принята была со стороны публики холодно. По окончаніи ея немного похлопали и умолкли. Я испугался и поспѣшилъ начать Scherzo, которое прошло бойко и вызвало взрывъ рукоплесканій. Авторъ былъ вызванъ. Публика заставила повторить Scherzo. Остальныя части также возбудили горячее сочувствіе публики, и послѣ финала авторъ былъ вызванъ нѣсколько разъ. Тогдашній музыкальный критикъ, Ѳ. М. Толстой, ненавистникъ новой русской музыки, сталъ мнѣ даже нахваливать финалъ, и видимо былъ растерянъ отъ неожиданнаго успѣха симфоніи. Кологривовъ радовался отъ души и сердечно привѣтствовалъ Бородина. Умирающій Даргомыжскій съ нетерпѣніемъ ожидалъ извѣстія о томъ, какъ прошелъ концертъ, но, къ сожалѣнію, никто изъ насъ послѣ концерта къ нему не заѣхалъ, боясь тревожить больного поздно ночью; заѣхалъ одинъ только пріятель его, К. Н. Вельяминовъ, но тотъ, однако же, не могъ разсказать ему обо всемъ подробно. На утро уже не стало Даргомыжскаго: онъ скончался отъ аневризма около 5-ти часовъ утра, 5-го января, а потому въ слѣдующемъ концертѣ и былъ исполненъ подъ моимъ управленіемъ Requiem Моцарта. Но всего болѣе доволенъ былъ авторъ исполненіемъ своей симфоніи, рѣшившей его судьбу. Успѣхъ сильно подѣйствовалъ на него, и тогда же онъ принялся за сочиненіе второй симфоніи H-moll, чувствуя въ музыкѣ настоящее свое призваніе".

Успѣхъ его симфоніи въ средѣ истинныхъ русскихъ музыкантовъ и собственное сознаніе ея высокихъ качествъ придали новыя силы Бородину. Онъ въ началѣ того же 1869 года задумалъ свою 2-ю симфонію (H-moll), и игралъ оттуда „матеріалы" своимъ друзьямъ. Но тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ атаковать меня требованіями сюжета для оперы. Онъ говорилъ, что „оперу ему теперь больше бы хотѣлось сочинять, чѣмъ симфонію". Я сдѣлалъ новое усиліе, и подъ впечатлѣніемъ долгихъ разговоровъ съ нимъ на музыкальномъ нашемъ собраніи у Л. И. Шестаковой, 19-го апрѣля 1869 года, въ ту же ночь придумалъ сюжетъ оперы, взятый мною изъ „Слова о полку Игоревѣ". Мнѣ казалось, что тутъ заключаются всѣ задачи, какія потребны для таланта и художественной натуры Бородина: широкіе

эпическіе мотивы, національность, разнообразнѣйшіе характеры, страстность, драматичность, Востокъ въ многообразнѣйшихъ его проявленіяхъ. Къ раннему утру 20-го апрѣля весь сценаріумъ, очень подробный, былъ написанъ, и при этомъ я тутъ вставилъ много выписокъ изъ „Ипатьевской лѣтописи“ и изъ самаго „Слова о полку Игоревѣ“. Я немедленно отправилъ свою работу и свои объясненія Бородину. Въ тотъ же день онъ отвѣчалъ мнѣ: „Не знаю, какъ и благодарить васъ за такое горячее участіе въ дѣлѣ моей будущей оперы... Вашъ проектъ такъ полонъ и подробенъ, что все выходитъ ясно какъ на ладонкѣ... Мнѣ этотъ сюжетъ ужасно по душѣ. Будетъ ли только по силамъ? Не знаю. Волковъ бояться, въ лѣсъ не ходить. Попробую“.

И такъ, 20-го апрѣля 1869 года была рѣшена судьба оперы Бородина, которая, какъ эпическая опера, есть, на ряду съ „Русланомъ и Людмилой“ Глинки, высшая эпическая опера нашего вѣка. Она и носитъ посвященіе автора: „Памяти М. И. Глинки“.

Бородинъ отнесся съ необычайною внимательностью и тщательностью къ сюжету своей оперы. Точь-въ-точь какъ Мусоргскій, когда тотъ принимался за сочиненіе „Борися Годунова“ и „Хованщины“, Бородинъ перечиталъ все, что только могло относиться къ его сюжету. Я доставлялъ ему изъ Публичной Библіотеки лѣтописи, трактаты, сочиненія о „Словѣ о полку Игоревѣ“, переложенія его въ стихи и прозу, изслѣдованія о половцахъ; онъ читалъ, сверхъ того, эпическія русскія пѣсни, „Задонщину“, „Мамаево побоище“ (для сцены женъ, прощающихся съ мужьями), эпическія и лирическія пѣсни разныхъ тюркскихъ народовъ (для княжны Кончаковны и вообще всего половецкаго элемента). Наконецъ, отъ В. Н. Майнова онъ получилъ нѣкоторые мотивы изъ пѣсенъ финско-тюркскихъ народовъ, и черезъ него же, отъ знаменитаго венгерскаго путешественника Гунфальви, музыкальные мотивы, записанные имъ въ Средней Азіи, или у потомковъ древнихъ половцевъ, живущихъ еще и до сихъ

поръ нѣсколькими селеніями въ одномъ округѣ Венгріи. Конечно, все это вмѣстѣ придало необыкновенную историчность, правду, реальность и національный характеръ не только его либретто, но еще болѣе и самой музыкѣ. Въ моемъ первоначальномъ либретто Бородинъ сдѣлалъ, въ теченіе 16—17 лѣтъ, что̀ имъ сочинялся „Игорь“, многія очень существенныя измѣненія. Иное онъ выбросилъ вовсе вонъ (напримѣръ, разсказъ купцовъ о битвѣ при Каялѣ, сцену возвращенія молодого князя Владиміра съ женой, бывшей княжной Кончаковной, изъ половецкаго плѣна, и сцену свадебныхъ обрядовъ при ихъ бракѣ въ концѣ оперы), иное совершенно вновь сочинилъ въ началѣ и въ концѣ оперы (напримѣръ, весь прологъ, комическія сцены совершенно вновь созданныхъ имъ гудочниковъ Скулы и Ерошки). Отъ всего этого опера очень много выиграла въ правдѣ, интересѣ, силѣ, живописности и разнообразіи.

Раньше всѣхъ былъ сочиненъ „Сонъ Ярославны“. Бородинъ писалъ своей женѣ, 3-го октября 1869 г., про свои успѣхи по части химическихъ своихъ изслѣдованій, и говорилъ, что находится „въ пассіи лабораторныхъ работъ“, но тутъ же прибавлялъ: „Музикусовъ я также ублаготворилъ первымъ нумеромъ „Игоря“, гдѣ „Сонъ Ярославны“ вышелъ прелестенъ“.

Но какъ ни сильно плѣненъ былъ первоначально Бородинъ этимъ сюжетомъ, какъ ни великолѣпны были первые нумера, имъ сочиненные для оперы (романсъ Кончаковны, шествіе половецкихъ князей и др.), черезъ годъ онъ къ нему совершенно охладѣлъ, сколько я ни пытался воодушевить его снова къ операѣ, сколько ни напоминалъ все, что̀ тамъ прежде такъ нравилось ему. Все было тщетно. Много нашихъ свиданій прошло совершенно понапрасну, у Бородина замѣтна была неохота даже и говорить объ этомъ сюжетѣ. Въ ближайшемъ его антуражѣ (именно отъ самой его жены, К. С. Бородиной) мнѣ тогда случилось не разъ слышать такого рода разсужденіе, что „теперь не время

сочинять оперы на сюжеты глубокой, полусказачной древности, а надо брать для оперной сцены сюжеты современные, драмы изъ нынѣшней жизни". Сомнѣваюсь, чтобъ Бородинъ раздѣлялъ это воззрѣніе, онъ—урожденный эпикъ, страстный поклонникъ „Руслана",—но во всякомъ случаѣ такія сужденія, много разъ повторяемыя, могли дѣйствовать на него разслабляющимъ и удручающимъ образомъ. Никакія мои уговариванія и споры не помогали, Бородинъ былъ непреклоненъ, а когда я горько жаловался на напрасную пропажу чуднаго музыкальнаго „матеріала", уже созданнаго имъ для „Игоря", онъ отвѣчалъ: „А насчетъ этого не безпокойтесь. Матеріалъ не пропадетъ. Все это пойдетъ во 2-ю мою симфонію". И дѣйствительно, онъ перенесъ на нее весь свой пылъ и горячность, и ревностно сталъ заниматься ея сочиненіемъ. Въ 1871 году была уже кончена первая изумительная по грандіозности, красотѣ и силѣ первая часть ея, и мы всѣ (особливо Мусоргскій и я, просто сходившіе отъ нея съ ума и называвшіе ее „львицей") очень часто слыхали ее на нашихъ маленькихъ музыкальныхъ собраніяхъ. Но зимой съ 1871 на 1872 годъ случилось событіе, давшее всему совершенно новое направленіе.

Тогдашній директоръ театровъ, С. А. Гедеоновъ, самъ драматическій писатель, вздумалъ поставить на театрѣ такую пьесу, которая была бы очень блестяща, привлекала бы громадную публику и дала бы большіе сборы. Это была его драма „Млада", на половину опера, на половину балетъ. Музыку для балета долженъ былъ сочинять Минкусъ, тогдашній авторъ балетной музыки для нашего театра, а музыку оперы Гедеоновъ черезъ меня предложилъ написать четыремъ музыкальнымъ пріятелямъ: Бородину, Кюи, Мусоргскому и Римскому-Корсакову. Сначала я не хотѣлъ даже браться за это порученіе, думая, что всѣ четверо откажутся. Вышло иначе. Они съ удовольствіемъ приняли предложеніе, и работа у нихъ тотчасъ же закипѣла. Гедеоновъ требовалъ, чтобъ музыка была сочинена въ самый короткій

срокъ—это требованіе было выполнено съ удивительной быстротой. Всѣ четыре композитора были тогда въ самой полной силѣ и расцвѣтѣ своего таланта: оттого созданная ими для „Млады“ музыка носитъ на себѣ печать самаго высокаго творчества. Сюжетъ оперы-балета основывался на исторіи, языческой религіи и нравахъ западныхъ, балтійскихъ славянъ древнѣйшаго періода. Эта эпическая задача была въ высшей степени по душѣ Бородину. Онъ взялъ на свою долю весь 4-й актъ, куда входили сцены языческаго богослуженія въ храмѣ; сцены между Яромиромъ и верховнымъ жрецомъ; явленіе тѣней древнихъ славянскихъ князей; сцены страсти и ревности между двумя изъ числа главныхъ дѣйствующихъ лицъ: молодымъ княземъ Яромиромъ и безумно любящею и ревнующею его Войславой; подъемъ водъ моря отъ прилива, затопленіе храма и общая гибель. По просьбѣ Бородина, я доставилъ ему множество сочиненій, которыя должны были ему дать полное понятіе о жизни, религіи и обрядахъ балтійскихъ славянъ. Бородинъ быстро и ревностно изучалъ ихъ, всего болѣе сочиненіе профессора Срезневскаго „О богослуженіи славянъ“,—и результатомъ этого вышло, что въ короткое время Бородинъ создалъ рядъ сценъ, изумительныхъ по вдохновенію, глубоко-историческому колориту и эпической красотѣ. Въ это время, въ началѣ 1872 года, я очень часто видѣлся съ нимъ, и часто заставалъ его, утромъ, у его высокой конторки, въ минуту творчества, съ вдохновеннымъ, пылающимъ лицомъ, съ горящими, какъ огонь, глазами и съ измѣнившеюся физіономіею. Особенно помню одно время: у него было легкое нездоровье, онъ недѣли съ двѣ оставался дома и почти все время не отходилъ отъ фортепіано. Въ эти дни онъ сочинилъ всего болѣе, все самое капитальное и изумительное, для „Млады“, и когда я приходилъ къ нему, онъ тотчасъ же съ необыкновеннымъ увлеченіемъ и огнемъ игралъ мнѣ и пѣлъ все вновь сочиненное. Всѣ товарищи его и сами создавали въ то время изумительныя сцены для „Млады“:

явились „Коло“, или „пляска“ и хоры—у Римскаго-Корсакова; сцена и сонъ Яромира, явленіе злого божества, Морены—у Кюи; шествіе славянскихъ князей, большая народная сцена на площади, „служеніе Черному козлу“—у Мусоргскаго; но всѣ они были невольно принуждены сознавать громадное, въ настоящемъ случаѣ подавляющее первенство Бородина, и съ глубокой симпатіей дружбы и удивленія преклонялись передъ своимъ обожаемымъ товарищемъ. „Идоложертвенный хоръ Радегасту“ и „дуэтъ князя Яромира съ княжной Войславой“ всего болѣе поражали ихъ, какъ и насъ всѣхъ, ближайшихъ знакомыхъ Бородина.

Любопытно вспомнить, съ какою точностью и добродушною покорностью относился при этомъ случаѣ Бородинъ къ требованіямъ театральнаго начальства. Гедеоновъ желалъ, чтобъ собственно „музыкальные нумера“ его оперы-балета были не длинны. Бородинъ до того строго выполнилъ это требованіе, что по часамъ выставилъ надъ каждымъ своимъ нумеромъ, сколько минутъ, даже съ половиной продолжается каждая его сцена *).

Но затѣя Гедеонова не состоялась. Для постановки „Млады“, съ ея сложными историческими, бытовыми и фантастическими подробностями, требовались десятки тысячъ рублей, но ими дирекція не располагала. Были уже нарисованы талантливымъ нашимъ декораторомъ М. А. Шишковымъ великолѣпные проекты декорацій древне-языческаго славянскаго храма и др.; мы вдвоемъ съ Н. А. Лукашевичемъ (завѣдывавшимъ тогда декораціями и костюмами) сочиняли, по историческимъ источникамъ, древне-славянскіе костюмы, выдумывали разные фантастическіе полеты цѣлаго кордебалета по сценѣ, или колебанья русальихъ дѣвъ на длинныхъ гнущихся вѣтвяхъ деревъ; но всѣ пригото-

*) Такъ наприм., надъ „дуэтомъ Войславы и Яромира“ надписано: 4 минуты; надъ „явленіемъ Морены“: 1 минута; надъ сценой „Разливъ, буря, гибель храма“: 1½ минуты; надъ „явленіемъ Млады“: ½ минуты; наконецъ, надъ „Апоѳеозомъ“: 1½ минуты.

вленія скоро были брошены въ сторону, по недостатку денегъ. Четыре композитора должны были спрятать въ дальніе портфели всѣ свои чудесныя композиціи. Бородинъ снова обратился къ своей 2-й симфоніи, и съ энергіей сталъ ее работать. Еще передъ „Младой“, въ концѣ 1871 года, была кончена, какъ я сказалъ уже, 1-я часть, теперь онъ сталъ продолжать другія.

Но осенью или зимою 1874 года пріѣхалъ съ Кавказа молодой докторъ В. А. Шоноровъ (нынѣ уже умершій), бывшій слушатель Бородина на курсахъ Медико-хирургической Академіи и всегда глубоко-симпатизировавшій ему человѣкъ. Среди интимнаго, совершенно случайнаго разговора, онъ услышалъ, что Бородинъ бросилъ свою оперу и даже и не думаетъ продолжать. Шоноровъ съ жаромъ сталъ доказывать своему учителю и другу, что это истинное преступленіе, что музыка его оперы поразительна и глубоко талантлива, и что сюжетъ именно всего болѣе соотвѣтствуетъ натурѣ Бородина. Но Бородинъ уже и самъ въ это время снова начиналъ чувствовать аппетитъ къ своей оперѣ, не разъ задумывался о ней, только все не рѣшался. Разговоръ съ Шоноровымъ глубоко подѣйствовалъ на Бородина, далъ ему окончательный толчокъ. Онъ рѣшился продолжать оперу. На другой же день онъ, весь радостный и сіяющій, точно отъ найденнаго счастья, прибѣжалъ ко мнѣ въ Публичную Библіотеку и объявилъ, что „Игорь“ его—воскресъ, и вотъ теперь заживетъ новою жизнью. Нельзя разсказать, какъ я былъ обрадованъ, какъ обнималъ и поздравлялъ Бородина. У насъ пошли переговоры о разныхъ перемѣнахъ и улучшеніяхъ въ либретто. Все имъ вновь придуманное было необыкновенно хорошо, сценично и часто даже—пластично (особенно сцены съ комическими Скулой и Ерошкой, въ началѣ и концѣ оперы). Почти все, что ни назначалось для „Млады“, все вошло теперь въ составъ оперы „Князь Игорь“, но въ расширенномъ и возвеличенномъ видѣ. „Идоложертвенный хоръ“ жрецовъ и народа въ

храмѣ Радегаста послужилъ основой началу Пролога въ „Игорѣ“; сцена Яромира и жреца вошла въ составъ нѣкоторыхъ сценъ самого Игоря; дуэтъ Яромира и Войславы легъ въ основаніе сцены Игоря, князя Владиміра и Кончаковны (терцетъ) въ 3-мъ дѣйствіи „Игоря“ (бѣгство изъ Половецкаго стана); „Явленіе тѣней древнихъ славянскихъ князей“, въ храмѣ Радегаста, послужило для сцены солнечнаго затмѣнія въ Прологѣ „Игоря“, и т. д. Одна только сцена „Подъема водъ“ и затопленія храма Радегаста, (впрочемъ, не доконченная Бородинымъ въ 1872 году, осталась матеріаломъ, вовсе не употребленнымъ въ оперѣ „Князь Игорь“. Однако, уже и съ самаго начала въ новую оперу очень многое было сочинено Бородинымъ совершенно вновь. Скоро пошли у него одно за другимъ высокія созданія, отдѣльныя части этой глубоко-исторической народной музыкальной драмы.

К. С. Бородина разсказываетъ, что эти произведенія являлись на свѣтъ въ такой послѣдовательности:

„Половецкій маршъ“ написанъ въ 1874 году и навѣянъ чтеніемъ описанія, у одного путешественника, казней у японцевъ. Въ томъ же году произошелъ на свѣтъ „Плачъ Ярославны“.

Лѣтомъ 1875 года Александръ, вмѣстѣ со мною, жилъ въ Москвѣ у матери моей, въ Голицынской больницѣ. Къ этому времени относятся „Половецкія пляски съ хоромъ“ и „Пѣсня Владиміра Галицкаго“.

Лѣто 1876 года проводили мы въ Рузѣ. Сентябрь уже наступилъ и Александру пора уже было въ Петербургъ. Онъ поѣхалъ, но Москва-рѣка задержала его; она, обыкновенно мирная, съ чего-то вздумала разлиться. Къ тому же, поднялся сильный вѣтеръ и переѣхать не было возможности. А. П. постоялъ нѣсколько времени на берегу. А берегъ въ томъ мѣстѣ крутой, и съ него уныло было смотрѣть на разгулявшуюся рѣку, на сѣрыя, грустно прыгающія и катящіяся волны. А. П. вернулся назадъ; ему отрадно было лишній день провести со своими, но онъ не могъ отдѣлаться отъ впечатлѣнія, рожденнаго въ немъ только что видѣнной сѣрой картиной. Онъ сѣлъ за фортепіано, и у него сразу, цѣликомъ, вылилось аріозо Ярославны: „Какъ уныло все кругомъ!“

Около 1877 года создалась каватина Владиміра Игоревича, подъ впечатлѣніемъ нѣкоего романическаго приключенія. Одна молодая дѣ-

вушка страстно полюбила Александра, и ему еле удалось повернуть ее себѣ въ „дочки“.

Въ Костромѣ, лѣтомъ 1880 года, сочиненъ женскій хорикъ въ $^{5}/_{4}$“...

Къ несчастію, академическая служба, комитеты и лабораторія, а отчасти и домашнія дѣла, страшно отвлекали Бородина отъ его великаго дѣла. „Работать на музыкальномъ поприщѣ мнѣ почти не приходится,—писалъ онъ Л. И. Кармалиной 1-го апрѣля 1875 года.—Если и есть иногда физическій досугъ, то недостаетъ нравственнаго досуга—спокойствія, необходимаго для того, чтобы настроиться музыкально. Голова не тѣмъ занята“. Про образъ сочиненія своего онъ разсказываетъ въ томъ же письмѣ любопытныя подробности: „Когда я боленъ настолько, что сижу дома, ничего „дѣльнаго“ дѣлать не могу, голова трещитъ, глаза слезятъ, черезъ каждыя двѣ минуты приходится лазить въ карманъ за платкомъ—я сочиняю музыку. Нынче я два раза въ году былъ боленъ подобнымъ образомъ, и оба раза болѣзнь разрѣшилась появленіемъ новыхъ кирпичиковъ для зданія будущей оперы. Написалъ большой маршъ „Половецкій“, выходную арію Ярославны, „Плачъ Ярославны“, женскій хорикъ въ половецкомъ лагерѣ, кое-что для танцевъ (восточныхъ, такъ какъ половцы все-таки восточный народъ). У меня накопилось не мало матеріаловъ и даже готовыхъ номеровъ, оконченныхъ и закругленныхъ (напримѣръ, хоры, арія Кончаковны и проч.). Но когда мнѣ удастся все это завершить?...“ Никогда,—отвѣчала ему судьба изъ невѣдомыхъ глубинъ. Великая опера Бородина, достойный товарищъ „Руслана“—Глинки, и черезъ 15 почти лѣтъ осталась недоконченною, недоработанною. Тысячи помѣхъ постоянно опутывали бѣднаго автора, и онъ горько жаловался на это въ разговорахъ и письмахъ. „Съ оперой у меня—одинъ срамъ!—писалъ онъ Л. И. Шестаковой 3-го января 1883 года,—... винюсь во всѣхъ моихъ винахъ передъ вами и передъ музыкой“... Въ тѣ же времена, въ 1884 году, мнѣ разсказывала сама жена его, К. С. Бородина, что

ему въ то время случалось иногда долго ночью не спать, что онъ тревожно и безпокойно ворочался въ постели, и на вопросы ея отвѣчалъ ей съ выраженіямъ страданія: „Не могу больше сочинять! Не могу больше сочинять!“

Но когда являлась возможность и охота сочинять, Бородинъ сочинялъ много и быстро. Такъ, въ первой половинѣ 70-хъ годовъ онъ одновременно и свою 2-ю симфонію доканчивалъ, и сочинялъ „Игоря“, да еще на прибавокъ ко всему этому писалъ свой 1-й струнный квартетъ. Второй квартетъ сочиненъ имъ въ началѣ 80-хъ годовъ тоже очень быстро.

Въ 1876 году была, наконецъ, кончена 2-я симфонія и въ первый разъ исполнена въ концертѣ Русскаго Музыкальнаго общества, подъ управленіемъ капельмейстера Направника, въ залѣ Дворянскаго собранія, 2-го февраля 1877 года. Сочувствія публики она не заслужила. И немудрено. Бородинъ, какъ и всѣ почти новые русскіе композиторы, не приходился по понятіямъ и вкусамъ нашей публики и критики. Когда, еще въ 1869 году, въ первый разъ дали въ концертѣ 1-ю симфонію (Es-dur) Бородина, Сѣровъ отнесся къ ней съ полнымъ презрѣніемъ: „Симфонія нѣкоего Бородина мало кому понравилась,—писалъ онъ въ „Голосѣ“.—Вызывали его и хлопали ему усердно только пріятели“. Въ 1874 году г. Ларошъ вотъ какъ отзывался вообще о Бородинѣ, по всегдашнему ничего въ немъ не понимая, глумясь и зубоскаля:

„Одинъ изъ членовъ кружка, г. Бородинъ, принялъ случайныя секунды трелей Листовскихъ за гармоническіе интервалы, за составныя части аккордовъ, и вслѣдствіе этого написалъ романсъ („Спящая княжна“), гдѣ секунды, вездѣ понятныя, какъ трели, ударяются просто въ видѣ аккордовыхъ частей, въ видѣ консонансовъ. Трудно объяснить немузыкальному читателю, какая оргія диссонансовъ бушуетъ въ этомъ романсѣ, какъ неуклонно и безжалостно онъ, такъ сказать, царапаетъ слухъ своими секундами; читатель музыкальный и невидавшій романса, напротивъ, едва повѣритъ, что секунды въ видѣ самостоятельныхъ консонансовъ тянутся въ немъ, не прекраща-

ясь, нѣсколько страницъ. Бо́льшая часть этого замѣчательнаго произведенія написана pianissimo... Въ произведеніяхъ, подобныхъ этому, pianissimo какъ будто поставлено изъ деликатности къ слушателю, изъ состраданія къ нему, или изъ чувства стыда. Такъ иногда разговаривающіе при посторонникъ начинаютъ говорить шопотомъ такія вещи, которыя не рѣшаются произнести вслухъ... Авторъ почти въ каждомъ изъ своихъ сочиненій поставилъ себѣ задачей сдѣлать слушателю какую-нибудь непріятность; заглавіе одной изъ нихъ „Фальшивая нота“ есть какъ бы девизъ его композиторской дѣятельности: нужно непремѣнно, чтобы хоть гдѣ-нибудь была фальшивая нота; иногда фальшивыхъ нотъ нѣсколько, иногда (какъ въ „Княжнѣ“) большинство фальшиво. Только однажды въ его карьерѣ, на него, повидимому, нашло сомнѣніе въ избранномъ имъ идеалѣ. Онъ началъ усматривать обиліе причиненной имъ какофоніи, и написалъ самообличительный романсъ „Отравой полны мои пѣсни“; но это благодѣтельное раздумье не было продолжительно и ни къ чему не привело, такъ какъ прошлою осенью онъ допустилъ г. Бесселя до изданія трехъ новыхъ романсовъ, „фальшивыя ноты“ которыхъ попрежнему полны „отравы“. Неправдоподобно, но, тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, что этотъ врагъ и гонитель музыки не лишенъ композиторскаго таланта. Наряду съ болѣзненными и уродливыми причудами, которыми усыпаны его сочиненія, у него иногда мелькаютъ красивыя, полнозвучныя и даже богатыя гармоніи. Очень можетъ быть, что тенденція, влекущая его отъ прекраснаго къ безобразному, противорѣчитъ его врожденному инстинкту и составляетъ не болѣе, какъ плодъ пресыщенія, соединеннаго съ недостаточнымъ художественнымъ образованіемъ... Бородинъ — преувеличенный шуманистъ лѣваго фланга, Мусоргскій — преувеличенный Даргомыжскій послѣдняго періода. У обоихъ — тенденціозное стремленіе къ музыкально-безобразному и нелѣпому“... („Голосъ“, 1874, № 18).

Въ 1879 году г. критикъ Соловьевъ писалъ:

„....Хотя Кончакъ въ своей аріи типичности не имѣетъ, но она отличается нѣкоторой музыкальной красотой, въ особенности въ послѣдней части, Шопеновскаго пошиба (!!!)... Ярославна кукуетъ, кукуетъ, въ ухо вамъ такъ и лѣзетъ какая-то назойливая мелодія, которая одному моему другу цѣлую ночь спать не дала... Пѣснь Владиміра Галицкаго... я выразилъ одному господину мое удивленіе, какъ можно такъ грубо писать, на что мнѣ отвѣтили въ извиненіе, что это декоративная музыка. Да, дѣйствительно, это декорація, написанная только не кистью, а шваброй или помеломъ“. („С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1879, №№ 20 и 330).

Еще одинъ изъ столько же глубокомысленныхъ критиковъ, г. Ивановъ, правда, до извѣстной степени милостиво одобрялъ 2-ю симфонію Бородина, но находилъ, что

„въ финалѣ лежитъ причина, помѣшавшая успѣху талантливаго произведенія Бородина... Финалъ жстрадетъ несоразмѣрностью частей (!!!); въ немъ нѣтъ, напримѣръ, коды, необходимость которой можетъ невольно чувствоваться даже неподготовленными слушателями... Слушая музыку Бородина, видишь передъ собою какой-то богатырскій міръ, иногда неуклюжій (!?), но всегда характерный. Даже въ мѣстахъ нѣжнаго, лирическаго характера, въ музыкѣ Бородина замѣчается извѣстная тяжеловѣсность... Его массивность порою производитъ утомленіе. Въ первой симфоніи (Es-dur) она отчасти подавляетъ слушателя. Еще общій недостатокъ: отсутствіе цѣльности. Это сказывается... въ изысканныхъ тонкостяхъ современной пряной гармоніи, иногда мало вяжущейся съ напѣвами русскаго характера“...

Въ 1880 году тотъ же критикъ г. Соловьевъ говорилъ:

„Нельзя сказать, чтобъ наши композиторы положили много труда, до Чайковскаго, для симфонической концертной музыки: нѣсколько увертюръ, танцевъ, картинъ — вотъ все, что сдѣлано у насъ на Руси въ этой области“.

Такимъ образомъ, напримѣръ, великолѣпный „Антаръ„— Римскаго-Корсакова и цѣлыхъ двѣ великолѣпныхъ симфоніи Бородина, давно восхищающія Европу, вовсе не идутъ въ счетъ у этого превосходнаго писателя.

Въ 1887 году, тотъ же г. Соловьевъ писалъ, что увертюра къ „Игорю“ слушается легко, и „по подвижному характеру и свободѣ музыкальнаго изложенія подходитъ къ типу увертюръ французскихъ комическихъ оперъ. Только не будетъ ли она слишкомъ уже легка по отношенію ко всей оперѣ, сюжетъ которой, во всякомъ случаѣ, серьезенъ“ („Новости“, 26-го октября 1887 г., № 294).

Въ то же самое время, г. Ларошъ говорилъ въ своемъ Некрологѣ Бородина, что при всей своей талантливости, онъ постоянно пишетъ все только „каррикатуры“ на Глинку и Шумана; что Бородинъ „весь зараженъ дилеттантизмомъ“; что „вся бѣда въ томъ, что его музыкальное образованіе не было достаточно прочно и обширно“; что „его

искалѣчила та же грубая, дилеттантская, полуграмотная школа, которая искалѣчила на Руси дюжины полу-талантовъ"; наконецъ, признавалъ едва ли не самымъ замѣчательнымъ произведеніемъ Бородина его квартетъ, потому что находилъ тамъ „почти совершенно европейскую технику"; вся же вообще дѣятельность Бородина, по музыкѣ, состояла изъ нѣсколькихъ „озадачивающихъ и безплодныхъ фейерверковъ" („Русскій Вѣстникъ", 1887 г., октябрь).

Пока наши доморощенные мудрецы и доки, вмѣстѣ съ публикой, по легкомыслію и безвкусію, ничего не понимали въ Бородинѣ, — высшіе иностранные художники, лучшая часть публики и критики относились къ нему совершенно иначе. Листъ, со своей чуткой и глубокой натурой, съ перваго же разу, какъ только узналъ Бородина и его произведенія, почувствовалъ, какая это крупная, художественная величина. Въ интимныхъ письмахъ къ женѣ своей, Бороднпъ разсказываетъ знакомство свое съ Листомъ въ Веймарѣ, въ 1877 году, разговоры свои съ нимъ и его взглядъ на современную европейскую и русскую музыку.

„Вы знаете Германію?—говорилъ ему однажды Листъ.—Здѣсь пишутъ много. Я тону въ морѣ музыки, которою меня заваливаютъ, но, Боже! до чего все это плоско (flach). Ни одной живой мысли! У васъ же течетъ живая струя. Рано или поздно (вѣрнѣе, что поздно) она пробьетъ себѣ дорогу и у насъ"... Когда, на вопросъ Листа, Бородинъ сказалъ ему, что не учился ни въ какой консерваторіи, Листъ засмѣялся и сказалъ: „Это ваше счастье. У васъ громадный и оригинальный талантъ. Не слушайте никого, работайте на свой собственный манеръ"...

При второй встрѣчѣ Листа съ Бородинымъ, въ 1881 году, въ Магдебургѣ, Листъ высказался опять-таки въ томъ же смыслѣ (мы узнаемъ это изъ тогдашняго письма Бородина, отъ 12 іюля 1881 г., къ его пріятелю Ц. А. Кюи, не оконченнаго и послѣ смерти Бородина найденнаго въ его бумагахъ).

„Полюбуйтесь, — говорилъ Листъ, показывая Бородину одну изъ многочисленныхъ постоянно присылаемыхъ ему партитуръ. — Вотъ этакъ у насъ пишутъ! Посмотрите-ка, ну что это такое!.. Вотъ пого-

дите, ужо на концертѣ вы еще все это сегодня услышите! Сами увидите, что это за музыка! Нѣтъ, намъ нужно васъ, русскихъ. Вы мнѣ нужны. Я безъ васъ не могу — sans vous autres Russes! — засмѣялся Листъ.—У васъ тамъ живая, жизненная струя, у васъ будущность,— а здѣсь кругомъ, большею частью, мертвечина"...

Въ 1880 году Листъ писалъ Бородину изъ Рима (3-го сентября):

„Я очень запоздалъ со своимъ заявленіемъ насчетъ того, что вы должны знать лучше меня: это, что инструментовка вашей сильно замѣчательной симфоніи (Es-dur) сдѣлана рукою мастера и превосходно соотвѣтствуетъ сочиненію. Для меня это было серьезное наслажденіе услыхать ее на репетиціяхъ и на концертѣ „Музыкальнаго съѣзда" въ Баденъ-Баденѣ. Лучшіе знатоки и многочисленная публика апплодировали вамъ"...

Письма Листа къ другимъ русскимъ композиторамъ (къ Кюи и Балакиреву) и разговоры Листа съ разными знакомыми его въ Буда-Пештѣ, сообщаемые венгерской писательницей, Янкой Воль, въ ея воспоминаніяхъ о Листѣ — высказываютъ совершенно такія же мысли, такой же взглядъ на новыхъ русскихъ музыкантовъ, такое же сочувствіе къ новой русской школѣ: въ ней Листъ видѣлъ залоги самаго широкаго и оригинальнаго развитія русской музыки на пользу всей остальной Европѣ. Въ 1879 году ему пришлось новый разъ высказаться въ этомъ же смыслѣ,—и именно по поводу „Paraphrases", этой милой музыкальной „шутки" четырехъ нашихъ композиторовъ. Происхожденіе этихъ „Paraphrases" было слѣдующее. Бородинъ любилъ иногда позабавиться музыкальнымъ фарсомъ.

„Вѣчный каламбуристъ въ жизни, — говоритъ К. С. Бородина, — А. П. любилъ каламбурить и пародировать въ музыкѣ. Музыкальныхъ шутокъ у него было много. Онъ, конечно, ихъ не издавалъ, но въ своемъ кругу любилъ посмѣшить знакомыхъ кадрилью на мотивы „Псковитянки"—Римскаго-Корсакова; вальсомъ, построеннымъ на темѣ Варлаама, въ „Борисѣ Годуновѣ"—Мусоргскаго: „Вотъ ѣдетъ ёнъ"; ланьсѣ, устроеннымъ въ церковныхъ тонахъ; пародіей романса „Южная ночь"— Римскаго-Корсакова, гдѣ онъ, оставивъ мелодію неприкосновенной, измѣнилъ текстъ и акомпанементъ до такой степени, что вся благоуханная прелесть и поэзія романса замѣнились, для смѣха, самой разухабистой тривіальностью"...

Все это дѣлалось въ 60-хъ и 70-хъ годахъ. Въ 1866 или 1867 году, на московскомъ Маломъ театрѣ была дана (всего одинъ разъ, впрочемъ) пьеса Виктора Крылова „Богатыри", состоявшая изъ литературныхъ пародій, къ которымъ Бородинъ придѣлалъ нѣсколько музыкальныхъ пародій на разные аріи и хоры изъ „Аскольдовой Могилы", „Рогнѣды" и т. д. Московскій капельмейстеръ Мертенъ положилъ эту пародію на оркестръ и дирижировалъ представленіе. Лѣтъ 10 спустя, Бородинъ часто игралъ знакомымъ свою комическую польку на извѣстную тему, играемую дѣтьми однимъ пальцемъ каждой руки. Эта „Полька" такъ понравилась товарищамъ Бородина по музыкѣ, Кюи, Римскому-Корсакову и Лядову, что они сочиняли и сами нѣсколько комическихъ и граціозныхъ варіацій и пьесъ на ту же тему, Бородинъ прибавилъ свой комическій „Requiem" и свой комическій „Маршъ", и все вмѣстѣ было издано подъ заглавіемъ: „Paraphrases". Листъ пришелъ въ такое восхищеніе отъ этого талантливаго созданія („merveilleuse oeuvre", какъ онъ писалъ авторамъ его), что пожелалъ самъ въ немъ участвовать, и далъ для 2-го изданія цѣлую варіацію своего собственнаго сочиненія.

Въ 1884 году Листъ писалъ графинѣ де-Мерси Аржантò, въ тѣ годы сдѣлавшейся ревностной распространительницей сочиненій новыхъ русскихъ музыкантовъ:

„Конечно, дорогой доброжелательный другъ мой, вы сто разъ правы, оцѣняя нынѣшнюю музыкальную Россію и наслаждаясь ею. Римскій-Корсаковъ, Кюи, Бородинъ, Балакиревъ — мастера съ выходящею изъ ряда вонъ оригинальностью и значеніемъ. Ихъ созданія вознаграждаютъ меня за скуку, наносимую мнѣ другими сочиненіями, болѣе распространенными и прославляемыми, но о которыхъ мнѣ трудно было бы сказать то, что̀ вамъ нѣкогда писалъ изъ Амстердама скрипачъ Леонаръ послѣ одного романса Шумана: „Сколько души, но и какой успѣхъ!" Рѣдко успѣхъ торопится сопровождать душу. Въ Россіи, новые композиторы, не смотря на свой примѣчательный талантъ и умѣнье, имѣютъ успѣхъ еще умѣренный. Высшее общество ожидаетъ, чтобъ они имѣли успѣхъ въ другихъ мѣстахъ, прежде чѣмъ аплодировать имъ въ Петербургѣ... На ежегодныхъ концертахъ „Музыкальнаго Германскаго и

всеобщаго союза" (Allgemeiner Deutscher Musik-Verein), всякій разъ исполняютъ, вотъ уже нѣсколько лѣтъ, по моему указанію, которое-нибудь сочиненіе русскихъ сочинителей. Мало-по-малу публика образуется"...

Еще въ 1881 году, по поводу исполненія „Антара"—Римскаго-Корсакова въ Магдебургѣ, Листъ говорилъ Бородину:

„На первыхъ репетиціяхъ музыкантамъ многое показалось смутнымъ, ну, а потомъ, когда на слѣдующихъ репетиціяхъ поразобрались немножко, то прежде всего вошли во вкусъ мастерской инструментовки и оцѣнили ее по достоинству, и тогда играли съ большимъ интересомъ. Вы знаете, у насъ въ Германіи вѣдь туговато, не вдругъ понимаютъ музыку. Вотъ поэтому-то необходимо давать такія вещи, какъ „Антаръ" de M-r Rimsky, и въ возможно хорошемъ исполненіи"...

Все, чего такъ желалъ Листъ, осуществилось. Новая русская музыкальная школа сдѣлалась въ немногіе годы крупною величиною въ глазахъ Европы, не только въ одной Германіи, но и въ Бельгіи и Франціи. Бородинъ занялъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ во всеобщемъ уваженіи.

Въ 1880 году написана была имъ симфоническая поэма „Въ Средней Азіи", назначенная къ исполненію, вмѣстѣ съ другими сочиненіями, для музыкальнаго иллюстрированія живыхъ картинъ изъ русской исторіи, которыя хотѣли поставить на театрѣ во время торжества празднованія 25-тилѣтія царствованія императора Александра II. Симфоническая поэма Бородина была прелестна по поэтичности, колориту пейзажа, по изумительнымъ краскамъ оркестра. Можно было сожалѣть развѣ только объ одномъ: о томъ, что созданіе это короче, чѣмъ того желалъ бы, конечно, всякій, и что авторъ не придалъ ему такихъ широкихъ и обширныхъ рамокъ, какія присутствуютъ во всѣхъ „Symphonische Dichtungen"—Листа. Но Бородинъ принужденъ былъ волей-неволей, соображаться съ малою продолжительностью „живой картины" и вгонять свое созданіе въ предѣлы немногихъ минутъ. Наша публика отнеслась къ этому чудному созданію съ довольно умѣреннымъ сочувствіемъ, а нѣкоторые изъ невѣжественнѣйшихъ критиковъ—прямо съ пре-

зрѣніемъ. Критикъ г. Соловьевъ написалъ (въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 1880 г., № 103):

„Въ этой пьесѣ появляются двѣ темы, русская и восточная отдѣльно, потомъ онѣ схватываются подъ руки и прогуливаются по сценѣ, изображаемой музыкою на манеръ Давида (автора „Le Désert“)... Музыка довольно миленькая и составляетъ утѣшительный контрастъ съ мазней изъ оперы „Игорь“, которою публика угощалась въ концертахъ Безплатной Школы“...

Конечно, надъ изреченіями подобной мудрости Бородинъ могъ только добродушно хохотать. Но въ письмѣ къ старому знакомому, Ив. Ив. Гаврушкевичу, отъ 6-го мая 1887 года, онъ вотъ какъ описывалъ успѣхъ своихъ созданій заграницей:

„На поприщѣ композитора мнѣ пока везетъ, особенно заграницей. Обѣ мои симфоніи имѣютъ тамъ большой успѣхъ, котораго я не ожидалъ. Первая (Es-dur) исполнялась съ большимъ успѣхомъ на фестиваляхъ и концертахъ въ Баденъ-Баденѣ, Лейпцигѣ, Дрезденѣ, Ростокѣ, Антверпенѣ, Льежѣ и проч., и составила мнѣ солидную репутацію, особенно въ Германіи. Вторая (H-moll) особенно понравилась бельгійскимъ музыкантамъ и публикѣ, такъ что была причиною явленія небывалаго въ Брюсселѣ, что „по требованію публики“ была исполнена вторично въ слѣдующемъ концертѣ (Concert populaire), чего не случалось никогда съ самаго основанія этихъ концертовъ! Въ Льежѣ и на Антверпенской выставкѣ ее играли тоже съ огромнымъ успѣхомъ. Теперь, кажется, будутъ ее исполнять въ Зондерсгаузенѣ, на фестивалѣ съѣзда Музыкальнаго Общества. Эта симфонія доставила мнѣ еще лучшую репутацію. Но всего популярнѣе заграницею оказалась моя симфоническая поэма „Въ Средней Азіи“, которая облетѣла всю Европу, начиная съ Христіаніи и оканчивая Монако. Не смотря на непопулярную программу сочиненія (рѣчь идетъ объ успѣхѣ русскаго оружія въ Средней Азіи), музыка эта почти всюду вызывала bis, а иногда (въ Вѣнѣ — у Штрауса, въ Парижѣ — у Ламурё и др.), по требованію публики, повторялась и въ слѣдующемъ концертѣ. Первому моему квартету повезло не только въ Европѣ (Карлсруэ, Лейпцигѣ, Льежѣ, Брюсселѣ, Антверпенѣ и др.), но и въ Америкѣ, да еще какъ! Въ нынѣшній сезонъ Филармоническое Общество въ Буффало исполнило его 4 раза! Вещь небывалая для сочиненія иностраннаго автора, изъ новыхъ! Вокальныя вещи мои тоже имѣли всюду успѣхъ (чтобы не сглазить!)“...

Привести всѣ отзывы о сочиненіяхъ Бородина, появив-

шіеся за послѣдніе три года въ газетахъ нѣмецкихъ, французскихъ бельгійскихъ и голландскихъ, нѣтъ здѣсь никакой возможности. Для этого надо было бы гораздо болѣе мѣста, чѣмъ занимаетъ вся настоящая статья. Довольно будетъ сказать (покуда), что всѣ западные музыкальные критики, писавшіе о немъ, изумлялись постоянно его великому таланту, нерѣдко называли Бородина композиторомъ „истинно геніальнымъ“, оригинальнымъ и могучимъ въ высшей степени, человѣкомъ, близко родственнымъ съ Бетховеномъ по силѣ таланта, и стоящимъ даже выше всѣхъ остальныхъ своихъ товарищей изъ новой русской школы, только крупныя созданія которыхъ были довольно часто исполняемы заграницей, это послѣднее время одновременно съ произведеніями Бородина.

Въ 1885 и 1886 годахъ, Бородинъ самъ присутствовалъ на „русскихъ концертахъ“, дававшихся въ Льежѣ, по иниціативѣ и при энергическомъ содѣйствіи графини де-Мерси Аржантò, посвятившей себя пропагандѣ новой русской музыки, и въ Брюсселѣ, а также Антверпенѣ. Онъ имѣлъ утѣшеніе видѣть такое признаніе своего таланта, въ какомъ наибольшая масса публики, музыкантовъ и критики отказывала ему въ Россіи. Онъ былъ переполненъ чувствомъ благодарности къ графинѣ Аржантò за ея симпатическую иниціативу и горячую пропаганду, и посвятилъ ей двѣ вещи. Первая изъ нихъ—небольшая фортепіанная сюита (Petite suite pour Piano), состоящая изъ 7-ми пьесъ: „Au couvent“, Intermezzo“, двѣ мазурки, „Rêverie“, „Sérénade“, „Nocturne“). Всему вмѣстѣ онъ хотѣлъ вначалѣ дать заглавіе: „Petit poême d'amour d'une feune fille“, а про содержаніе послѣдней пьески „Nocturne“ онъ писалъ женѣ своей изъ Льежа, въ августѣ 1885 года: „On est bercée par le bonheur d'être aimée“ (Убаюкивающее счастье быть любимой). Эти семь пьесокъ полны таланта и поэзіи, особенно: „Au couvent“, и еще болѣе три послѣдніе. Но въ нихъ почти вовсе нѣтъ ничего фортепіаннаго: это созданія чисто оркестровыя, съ чѣмъ всегда

соглашался и самъ авторъ. Притомъ же, эти три послѣднія вещицы, высоко-поэтическія и цѣнныя, не взирая на всю краткость, сочинены были, каждая отдѣльно, еще въ 70-хъ годахъ. Другое сочиненіе было—романсъ на французскія слова (Septain—седмистишіе, какъ онъ называлъ), въ честь графини Аржантò и ея красиваго замка. Молодому капельмейстеру Жадулю, обожателю новой русской музыки вообще, и бородинской въ особенности, онъ, въ 1885 же году, посвятилъ свое фортепіанное скерцо (Es-dur). Это были одни изъ самыхъ послѣднихъ его сочиненій.

Послѣ того, онъ сочинилъ еще, въ ноябрѣ 1886 года, маленькое, но въ высшей степени оригинальное и изящное Andante въ струнномъ квартетѣ, написанномъ сообща съ Н. А. Римскимъ-Корсаковымъ, А. К. Лядовымъ и А. К. Глазуновымъ на ноты B—LA—F (Bélaeff): этотъ квартетъ поднесенъ авторами близкому и дорогому имъ человѣку, М. П. Бѣляеву, въ день его именинъ, 23 ноября 1886 года. Послѣдними сочиненіями его были: нѣкоторыя новыя части изъ оперы „Князь Игорь“, откуда онъ многое игралъ своимъ друзьямъ и товарищамъ даже въ январѣ 1887 года, 2-й струнный квартетъ, начатый уже довольно давно, и, наконецъ, начатая 3-я симфонія для большого оркестра. Ни опера, ни симфонія не были кончены, но онъ ими занимался даже во всю первую половину февраля мѣсяца. Послѣднее, что онъ сочинилъ въ „Игорѣ“, это — хоръ половецкаго дозора и речитативъ Игоря съ Кончакомъ. И вдругъ всему наступилъ конецъ. Разразился неожиданный громовой ударъ. 15 февраля, въ послѣдній день масляницы, на веселомъ вечерѣ у себя дома, среди гостей, у него собравшихся, среди начатаго разговора, Бородинъ упалъ и мгновенно скончался отъ разрыва сердца, не испустивъ ни стона, ни крика, словно страшное вражеское ядро ударило въ него и смело его изъ среды живыхъ.

Бородинъ похороненъ въ Александро-Невской лаврѣ, рядомъ со своимъ другомъ Мусоргскимъ. Всѣ его поклонники,

очень многочисленные, вся Медицинская Академія, всѣ женщины-врачи 10-ти выпусковъ, находившіяся въ Петербургѣ, провожали его. Молодежь несла его на рукахъ до могилы, мужчины и женщины; цѣлый лѣсъ вѣнковъ сопровождалъ его тѣло. Одинъ изъ нихъ, серебряный, носилъ надпись: „Основателю, охранителю, поборнику женскихъ врачебныхъ курсовъ, опорѣ и другу учащихся—женщины-врачи 10-ти выпусковъ. 1872—1887". Другой, съ лентами изъ тяжелаго золотаго глазета, съ надписью черными бархатными буквами и золотыми кистями, носилъ надпись: „Великому русскому музыканту—отъ товарищей и почитателей".

Черезъ годъ послѣ кончины Бородина, я, въ статьѣ подъ заглавіемъ: „Поминки по Бородинѣ" давалъ нашей публикѣ („Новости" 15 февраля 1888 г., № 46) слѣдующій отчетъ о томъ, что было сдѣлано съ посмертными сочиненіями Бородина—его друзьями, товарищами и почитателями:

„Черезъ немного недѣль послѣ смерти Бородина, Н. А. Римскій-Корсаковъ, взявшій на себя обязанность разсмотрѣть и привести въ порядокъ, для возможности всеобщаго пользованія, все то, что осталось недоконченнаго и неизданнаго между музыкальными твореніями его покойнаго друга, созвалъ въ квартиру покойнаго ближайшихъ товарищей его по музыкальному дѣлу, его ближайшихъ друзей и почитателей: здѣсь молчаливымъ свидѣтелемъ и какъ бы предсѣдателемъ собранія былъ самъ Бородинъ, въ лицѣ портрета, поставленнаго на столъ рядомъ съ грудами руконисныхъ нотъ, о которыхъ должна была пойти рѣчь. Самымъ капитальнымъ, но, къ сожалѣнію, не вполнѣ доконченнымъ созданіемъ являлась тутъ опера „Князь Игорь", на сюжетъ, взятый изъ „Слова о полку Игоревомъ". Разсмотрѣли либретто, приготовленное самимъ авторомъ, разсмотрѣли музыку, какъ уже вполнѣ законченную, такъ и оставшуюся въ наброскахъ и черновыхъ эскизахъ. Потомъ разсмотрѣли прочія сочиненія Бородина, еще не опубликованныя или недодѣланныя: нѣкоторыя части III-й симфоніи, струнный квартетъ, романсы. Послѣ этого Н. А. Римскій-Корсаковъ подробно изложилъ свой планъ дѣйствія, который не могъ не быть одобренъ всѣми присутствовавшими, во-первыхъ, потому, что Н. А. Римскій-Корсаковъ—крупный русскій художникъ, которому глубоко драгоцѣнны интересы русской музыки и русской музыкальной школы, наслѣдницы Глинки; потомъ онъ въ продолженіе долгихъ лѣтъ былъ связанъ съ Бородинымъ самою тѣсною дружбою, твердо зналъ всѣ

музыкальныя намѣренія Бородина, къ чему надо прибавить и то, что Бородинъ любилъ съ нимъ, и часто, совѣщаться по разнымъ подробностямъ своихъ композицій и много разъ игралъ ихъ ему (какъ и другимъ ближайшимъ друзьямъ и знакомымъ), начиная отъ времени еще самаго зачаточнаго ихъ вида и до поры полнаго художественнаго ихъ развитія; наконецъ, Римскій-Корсаковъ теперь уже въ третій разъ приступалъ къ этому высокому и трогательному дѣлу: заканчиванію, для публичнаго исполненія и всеобщаго пользованія, музыкальныхъ твореній крупныхъ русскихъ композиторовъ послѣ ихъ внезапной смерти; однажды онъ кончилъ и поставилъ на сцену „Каменнаго гостя"—Даргомыжскаго, другой разъ—„Хованщину"—Мусоргскаго; теперь очередь пришла и для „Игоря"—Бородина. Нельзя было уже впередъ не быть глубоко увѣреннымъ, что такой высокій художникъ, какъ Римскій-Корсаковъ, исполнитъ свое дѣло съ такимъ священнымъ почтеніемъ къ памяти усопшаго композитора, съ такимъ мастерствомъ и великолѣпнымъ результатомъ, какъ этого не въ состояніи былъ бы исполнить ни одинъ изъ всѣхъ его сотоварищей, какіе у насъ есть на лицо. Собраніе радостно утвердило всѣ его предположенія, — и вотъ теперь дѣло уже доведено до конца. Вся партитура „Игоря" докончена и ждетъ постановки на сценѣ; увертюра къ „Игорю" на память записана (фактъ небывалый въ подобныхъ размѣрахъ и при необыкновенной сложности вещи), и оркестрована А. К. Глазуновымъ*); многіе отрывки изъ оперы были исполнены въ продолженіе прошлаго года въ концертахъ: Безплатной Школы и „русскихъ симфоническихъ"; двѣ части III-й симфоніи Бородина возстановлены частью на память, частью по писаннымъ черновымъ, тѣмъ же Глазуновымъ, а потомъ исполнены въ одномъ изъ „русскихъ симфоническихъ концертовъ"; посмертные романсы Бородина розысканы, приведены въ порядокъ и также исполнялись въ тѣхъ же концертахъ; наконецъ, вся эта громадная масса музыкальныхъ сочиненій Бородина напечатана въ великолѣпномъ и необыкновенно изящномъ видѣ М. П. Бѣляевымъ, пріобрѣвшимъ право собственности на все самое главное еще при жизни Бородина, отъ него самого, а на остальное—послѣ его смерти: опера издана въ видѣ полной партитуры, для оркестра и голосовъ, а также въ видѣ переложенія для голосовъ съ фортепіано".

Заключу настоящій очеркъ тѣмъ, что я говорилъ про

---

*) Кромѣ того, А. К. Глазуновымъ закончены и оркестрованы нѣкоторые номера оперы, что и указано въ предисловіи, и въ самыхъ партитурахъ.

Бородина нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ своей статьѣ „25 лѣтъ русскаго искусства“ („Вѣстникъ Европы“ 1883 года):

„Бородинъ сочинилъ въ количественномъ отношеніи немного, гораздо менѣе прочихъ своихъ товарищей, но произведенія его, почти всѣ безъ исключенія, носятъ печать полнаго развитія и глубокаго совершенства. Слабыхъ между ними нѣтъ. Слабѣе другихъ оказываются развѣ только его сочиненія для камерной музыки, струнные квартеты, но и здѣсь нѣкоторыя отдѣльныя части являются произведеніями крупнаго таланта. Талантъ Бородина равно могучъ и поразителенъ какъ въ симфоніи, такъ и въ операѣ, и въ романсѣ. Главныя качества его—великанская сила и ширина, колоссальный размахъ, стремительность и порывистость, соединенная съ изумительной страстностью, нѣжностью и красотой. Комическій и декламаціонный элементъ, юморъ, столько же свойственны таланту Бородина, какъ Даргомыжскому и Мусоргскому. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оперы „Князь Игорь“ онъ проявилъ такую же неподражаемую способность къ комизму, какъ и тѣ двое, его прототипы и учителя въ этомъ родѣ. Бородинъ не пожелалъ держаться прогрессивныхъ формъ новаго времени, которыя присутствуютъ въ „Каменномъ гостѣ“, „Борисѣ Годуновѣ“ и „Хованщинѣ“: въ большинствѣ случаевъ онъ сохраняетъ прежнюю общепринятую форму арій, дуэтовъ и проч., съ ихъ условною симметричностью и квадратностью. Точно также, хотя могучій и необычайно оригинальный талантъ его давалъ ему всю возможность и въ симфоніяхъ примкнуть къ той новой, свободной, вполнѣ несимметричной формѣ созданія, которую впервые началъ въ своихъ „Symphonische Dichtungen“ Листъ. и которая есть характернѣйшая принадлежность новаго періода оркестровыхъ сочиненій, но и здѣсь Бородинъ не пожелалъ стать на сторону коренныхъ новаторовъ, а предпочелъ удержать прежнія условныя, утвержденныя преданіемъ формы. Эта преданность старымъ, условнымъ формамъ и нѣкоторая, иногда доходящая до излишества, массивность сочиненія, составляютъ главные, почти единственные недостатки Бородина. Не смотря на это, какъ въ операѣ, такъ и въ симфоніяхъ, такъ и въ романсахъ своихъ, Бородинъ проявляетъ, въ предѣлахъ прежнихъ рамокъ сочиненія, такую силу творчества и вдохновенія, съ которыми можетъ равняться немногое во всей музыкѣ. Подобно Глинкѣ, Бородинъ есть эпикъ въ самомъ широкомъ значеніи слова, и вмѣстѣ „національнъ“ въ такой мѣрѣ и могучести, какъ самые высокіе композиторы русской школы. Восточный элементъ играетъ у него столь же великую, оригинальную и значительную роль, какъ у Глинки, Даргомыжскаго, Балакирева, Мусоргскаго и Римскаго-Корсакова. По всему построенію онъ принадлежитъ къ числу композито-

ровъ, нуждающихся творить только лишь программную музыку, и, подобно Глинкѣ, онъ могъ бы сказать: „для моей необузданной фантазіи надобенъ текстъ, или положительныя данныя“. Изъ двухъ великолѣпныхъ, необыкновенно своеобразныхъ его симфоній, могучихъ, мужественныхъ, страстныхъ и увлекательныхъ, вторая (H-moll) еще выше, и силою своею она обязана не только бо́льшему росту таланта, но, безъ сомнѣнія, еще и тому, что она имѣетъ характеръ національный и программный. Здѣсь слышится древній русскій богатырскій складъ, однородный со складомъ и характеромъ его оперы „Игорь“. (Прибавлю здѣсь, что самъ Бородинъ разсказывалъ мнѣ не разъ, что въ „Adagio“ онъ желалъ нарисовать фигуру „баяна“, въ 1-й части— собраніе русскихъ богатырей, въ финалѣ — сцену богатырскаго пира, при звукѣ гусель, при ликованіи великой народной толпы). Богатство характеровъ, личностей, элементовъ народно-русскаго и восточнаго (половецкаго), смѣняющаяся трагедія и комедія, страсть, любовь и юморъ, глубокая характеристика, картины природы — дѣлаютъ оперу Бородина монументальнымъ явленіемъ русской музыки, родственнымъ, по силѣ и оригинальности, съ „Русланомъ“—Глинки—въ однихъ отношеніяхъ, съ „Борисомъ Годуновымъ“—Мусоргскаго—въ другихъ отношеніяхъ, и оригинальнымъ, новымъ и поразительнымъ — повсюду. Талантливая, колоритная инструментовка стоитъ вездѣ у Бородина на одной степени мастерства съ его талантливымъ творчествомъ“.

Послѣ Бородина осталось много писемъ къ друзьямъ и знакомымъ, въ высокой степени важныхъ и интересныхъ. Я печатаю здѣсь все, что до сихъ поръ могъ собрать, пропуская лишь подробности семейной жизни или детали незначительныя. Письма эти ярко рисуютъ натуру Бородина, его характеръ, талантливость и наполнявшіе его глубокіе интересы.

II

ПИСЬМА

1. Къ В. В. Стасову.

Воскресенье (Пасха), 20-го апрѣля 1869 г.

Не знаю, какъ и благодарить васъ, добрѣйшій Владиміръ Васильевичъ, за такое горячее участіе въ дѣлѣ моей будущей оперы. Я хотѣлъ самъ быть у васъ, да не удалось. Вашъ проектъ такъ полонъ и подробенъ, что все выходитъ ясно, какъ на ладонкѣ*); если придется сдѣлать какія нибудь измѣненія, такъ они будутъ состоять въ сокращеніяхъ. Я къ вамъ явлюсь какъ нибудь, чтобы взять книжки для текста (обѣщаюсь не зачитать). Мнѣ этотъ сюжетъ ужасно по душѣ. Будетъ ли только по силамъ?—не знаю. Волковъ бояться — въ лѣсъ не ходить. Попробую. Вашъ А. Бородинъ.

2. Къ нему же.

Вторникъ, 3-го іюня 1869 г.

Ужасно сожалѣю, что не засталъ васъ дома; пришелъ освѣдомиться о матеріалахъ для „Князя Игоря“. Когда вы будете дома? На всякій случай, напишите мнѣ сегодня же

*) Мой проектъ и сценаріумъ оперы „Князь Игорь“ сохранился въ хбумагаъ А. П. Бородина. В. С.

по городской почтѣ, или пришлите. Я ѣду завтра съ вечернимъ поѣздомъ Николаевской дороги. Но во всякомъ случаѣ я забѣгу къ вамъ завтра утромъ часамъ къ 10-ти. До свиданья. А. Бородинъ.

3. Къ К. С. Бородиной.

Пятница, 3-го октября 1869 г.

Пишу къ вамъ, милая точечка, совсѣмъ сонный: цѣлый день работалъ въ лабораторіи. У меня теперь весьма счастливый періодъ лабораторной дѣятельности — идетъ все на ладъ. Поэтому самому я теперь въ пассіи лабораторныхъ работъ. Только чуть-чуть не случилось непріятнаго столкновенія на химическомъ полѣ съ Кекуле, который, въ одной изъ своихъ работъ, затронулъ ту область, въ которой я работаю; правда, что онъ выходилъ изъ совершенно другихъ началъ и билъ совершенно не на то, на что я, но всетаки, при дальнѣйшемъ ходѣ своихъ изслѣдованій, онъ легко могъ напасть на такія идеи и преслѣдовать тѣ же цѣли, что и я. Въ предупрежденіе возможности столкновенія, я вчера сообщилъ свою работу въ засѣданіи Химическаго Общества, хотя работа была еще далеко не округлена. Всѣ химикусы нашли ее, впрочемъ, крайне интересною и по фактической сторонѣ, и по теоретическому развитію идей. Эти дни я былъ занятъ, съ утра до вечера, обработкой литературы, собранной по этому предмету. Музикусовъ я также ублаготворилъ первымъ нумеромъ „Игоря“, гдѣ сонъ Ярославны вышелъ прелестенъ... Да, я забылъ тебѣ сказать еще, что вышелъ „Ратклифъ“ и въ очень хорошемъ изданіи. Еще скажу тебѣ, что консерваторія прислала мнѣ билеты на всѣ симфоническія и квартетныя собранія. Она поступила съ тактомъ, я тоже — пошелъ на первый же квартетный вечеръ. Расположеніе духа у меня продолжаетъ быть великолѣпнымъ, и я даже иногда пою мои сочиненія („On n'est pas écrevisse“, „Ah, si l'on savait

comme on aime", „On aime son petit Pigot" и другія; впрочемъ, новаго ничего не произвелъ въ этомъ родѣ; жду тебя, одинъ не могу вдохновиться). Насколько моя голова исправна внутри, настолько же неисправна снаружи: я облѣзъ какъ Зибертъ; линяю какъ собака. Теперь уже никто не говоритъ мнѣ: у васъ плохая шевелюра, а всякій говоритъ: у васъ плѣшь еще не очень велика. Я начинаю вѣрить, что Калининъ былъ правъ, говоря, будто лысина у Штоля и Шмидта*) образовалась отъ кранкенхейльскаго мыла. Я бросилъ проклятое мыло и принялся за мазь (помаду) съ феноломъ. Только пачкотня страшная и вонь дегтемъ каменнаго угля. Ну, клопикъ, прощайте, цѣлуютъ васъ крѣпко и крестятъ на ночь: „спите". Майчикъ.

4. Къ ней же.

27-го октября 1869 г.

...Вчера мы втроемъ были въ концертѣ — первомъ концертѣ Безплатной Школы. Балакиревъ какъ сказалъ, такъ и сдѣлалъ: первый концертъ былъ 26-го. Шли слѣдующія пьесы: увертюра „Фаустъ"—Вагнера, хоръ изъ „Фауста"—Шумана; фантазія Листа на „Ruines d'Athènes (въ 1-й разъ)—игралъ Кроссъ съ оркестромъ; 2-я русская увертюра Балакирева; два хора изъ „Оберона" и 5-я симфонія Бетховена. Составъ концерта прелестный, а исполненіе—восторгъ! Хоры школы нынѣшній годъ больше и лучше прошлогодняго. Надобно замѣтить, что *** во что бы то ни стало хотѣлось отвадить учениковъ отъ Безплатной Школы и потому открыли безплатные классы хорового пѣнія въ консерваторіи, обѣщали даже стипендіи и пособія, и, кромѣ того, завели манеру каждый разъ потчивать поющихъ бутербродами и чаемъ. Ученики Безплатной Школы, дѣйстви-

*) Штоль и Шмидтъ—очень извѣстная въ Петербургѣ фирма дрогистовъ. Изъ нихъ первый былъ совершенно лысъ. В. С.

тельно, иногда ходятъ туда „пить чай“, но продолжаютъ пѣть все-таки въ школѣ. Не смотря на то, что не щадятъ ни энергіи, ни денегъ—дѣла Музыкальнаго Общества идутъ изъ рукъ вонъ плохо. Въ субботу назначенъ былъ первый концертъ, но должны были отложить, потому скандалъ: было взято всего 60 билетовъ съ чѣмъ-то! А между тѣмъ, къ моему крайнему удивленію, дѣла школы идутъ пока недурно: въ четвергъ еще было взято билетовъ приблизительно на 3,000 руб., слѣдовательно, расходы школы уже окуплены. Слава Богу! Когда *** стало извѣстно, что концерты Безплатной Школы состоялись и притомъ концертная серія ея открылась ранѣе, нежели у Музыкальнаго Общества, они пришли въ ужасное негодованіе. Въ концертѣ вчера публики было, впрочемъ, не особенно много; зала Дворянскаго собранія не была полна. Этого, разумѣется, и надобно ожидать: тутъ нѣтъ ничего привлекательнаго ни для салонной публики, ни для гостинаго двора. Зато публика была отборная и слушала въ высшей степени прилично, тишина во время исполненія была изумительная. Балакирева приняли очень хорошо и тепло: вызывали въ началѣ, въ концѣ и 3 раза вызвали послѣ увертюры. Хоръ (женскій) изъ „Оберона“ заставили повторить. Надобно замѣтить еще, что администрація школы сдѣлала величайшую оплошность: забыла публиковать въ газетахъ о первомъ концертѣ, такъ что многіе, нечитавшіе афишъ, ничего не знали о концертѣ и потомъ сожалѣли, что не были. Ахъ, какъ я былъ бы радъ, еслибы дѣла школы пошли хорошо и подорвали опоганившееся Музыкальное Общество! Но со всѣмъ тѣмъ Милію бѣдному приходится очень туго: дѣятельность-то въ школѣ у него безплатная, какъ и самая школа, а жить надобно; да притомъ у него на рукахъ обѣ сестры. Но замѣчательно: я никогда не видалъ Милія въ такомъ превосходномъ расположеніи духа, какъ теперь. Онъ не только не унываетъ, но хлопочетъ и трудится съ такою энергіею и страстью, какъ никогда. И

даже физически онъ сталъ какъ-то крѣпче. Вотъ оно, истинный-то художникъ! Какъ только онъ выпутается изъ финансовыхъ затрудненій — не знаю. Кажется, еслибъ можно было, такъ бы и помогъ ему, именно матеріально помогъ. Въ остальномъ онъ не нуждается. А какія милыя пѣвички молодыя наши! Вообрази, солистки: Скордули, Хвостова и другія, сами пошли пѣть въ хоръ, чтобы держать менѣе твердыхъ хористокъ и, разумѣется, это не мало помогаетъ изумительной стройности хора. Хвостова притащила туда съ собою 18 своихъ ученицъ — юницъ непозволительныхъ и вполнѣ бомондныхъ... Лабораторійка моя скоро готова совсѣмъ: вчера окончены работы по проведенію газа. Завтра придутъ столяры, укрѣпятъ мебель на мѣстахъ, послѣзавтра выкрасятъ и раздѣлаютъ. Какъ все это мило, уютно, удобно! Майчики (стыдно сознаться) иногда безъ всякой нужды заходятъ туда только „посотѣть“ (посмотрѣть); а когда будетъ совсѣмъ готово — все будутъ сидѣть тамъ. Правда. Ну, прощайте, миленькій сопикъ, крещу васъ и цѣлую крѣпко-накрѣпко. Маму тоже. Остальнымъ усердно кланяюсь. Я.

5. Къ ней же.

3-го ноября 1869 г.

... Въ субботу я былъ въ 1-мъ концертѣ Музыкальнаго Общества. Играли IV-ю симфонію (B-Dur) Бетховена и майчикъ *), вспомнилъ Пипи **): эту симфонію играли какъ разъ майчики въ гейдельбергскомъ Musikvereiп'ѣ и Пипи были на репетиціи. Затѣмъ играли концертъ (Лешетицкій) Шумана, пѣли два хора (Палестрины и Гайдна) безъ оркестра, и въ заключеніе играли Марокскій маршъ—Леопольда Мейера (?!), оркестрованный Берліозомъ. Кромѣ того

*) Мальчикъ, т. е. самъ Бородинъ.

**) Екатерина Сергѣевна—жена Бородина.

пѣла три пьесы московская пѣвица Артò, приглашенная на одинъ концертъ за 3,000 франковъ для привлеченія публики.

Вотъ до чего дошли дѣла, что пришлось приглашать для серьезныхъ симфоническихъ концертовъ итальянскую оперную пѣвицу. Пѣла же она мазурку Шопена и варіаціи Роде, фіоритурныя, вычурныя и безсодержательныя до-нельзя. Не смотря на присутствіе двора Е. П. и бомонда, пріемъ былъ холоденъ, многіе даже изъ приверженцевъ находили неловкимъ такой ангажементъ и такой выборъ пьесъ для серьезныхъ концертовъ. Публики было много и самая бомондная—кавалергарды, пажи, лицеисты, правовѣды, весь дворъ Е. П., институтки разныя, институтрисы, директрисы, разные Анисимовы, Шапошниковы и др. цѣнители музыки. Даровыхъ билетовъ роздано куча. Членовъ съ грѣхомъ пополамъ набрали уже 250 человѣкъ. Самый характеръ концерта напомнилъ мнѣ салонъ: итальянское фіоритурное пѣніе, точно „Севильскій Цирюльникъ“; Мароккскій маршъ, игранный обыкновенно въ Павловскомъ вокзалѣ; эполеты, сабли, непозволительныя декольтѐ и пр., пр. Совершенно другое впечатлѣніе, нежели прежнихъ концертовъ. Направникъ, впрочемъ, дирижировалъ недурно, гораздо лучше А. Рубинштейна. У послѣдняго, впрочемъ, больше огня; Направникъ нѣсколько ремесленъ и холоденъ. Сосчитавъ, во что обходится имъ нашъ бѣдный Милій, я припомнилъ фразу Островскаго: „много ты денегъ заплатишь!“ Ради сверженія Милія уже заплатили Зейфрицу 2,000 р., Гиллеру заплатили 5,000 р. *), Направнику 1,000 р., Черни 1,000 р., Артò 3,000 франковъ, субсидіи Сѣрову за ..... статьи, за журналъ „Музыкальный сезонъ“, издаваемый (подъ редакціею Фаминцына) de jure—Іогансеномъ и

*) Зейфрицъ и Гиллеръ, капельмейстеры, которыхъ Музыкальное Общество вызывало, въ концѣ 60-хъ годовъ, изъ-за границы, для дирижированія его концертами. В. С.

de facto.... А сколько еще придется платить впередъ на разныя приманки, не считая расходы на чай и бутерброды хористамъ. Да: „много ты денегъ заплатишь“. Замѣчательно, что послѣ этого концерта, въ той же залѣ была репетиція концерта Безплатной Школы, не смотря на позднее время. Зала точно волшебствомъ перемѣнила вдругъ свой видъ: публика въ эполетахъ и декольтѣ исчезла; на эстрадѣ стоялъ Милій. На переднихъ стульяхъ сидѣли: я, Корсинька, Бахъ *) и прочіе посѣтители Безплатной Школы. Въ воздухѣ, гдѣ едва успѣли замереть звуки „Мароккскаго марша“ и фіоритуры Артò—раздались могучіе звуки „Леліо“—Берліоза. На другой день былъ 2-й концертъ Безплатной Школы, и съ большимъ успѣхомъ, хотя зала не была совершенно полна: ни аксельбантовъ, ни директоровъ, ни директрисъ, ни институтрисъ, ни пажей, ни голыхъ плечъ придворныхъ барынь не было. Зато все музыкальное было въ полномъ составѣ.

Играли: увертюру „Ифигенія въ Авлидѣ“ (Глинка), два отрывка изъ „Леліо“ (Берліоза) съ хоромъ, концертъ Шумана віолончельный (въ 1-й разъ), соло Давыдовъ; увертюру „Сонъ въ лѣтнюю ночь“—Мендельсона; „Иванъ Грозный“—симфоническое сочиненіе А. Рубинштейна, гдѣ, къ удивленію, очень много хорошаго; просто нельзя узнать, что это А. Рубинштейна. Никакой мендельсоновщины, ничего подобнаго прежнему, мѣстами положительная сила. Кромѣ всего этого, Хвостова спѣла три романса: „Lied der Braut“ Шумана, „Еврейскую ночь“ Корсинькину и пѣсню Лауры изъ „Каменнаго гостя“. Спѣла она очень хорошо. Вообще обѣ Хвостовы милыя барышни и принимаютъ горячее участіе въ дѣлахъ школы. Пѣвица Хвостова притащила съ собою 18 ученицъ и съ ними поетъ сама въ хорѣ; сестра ея увезла съ акта (въ училищѣ) нѣсколькихъ пѣвицъ..... А

*) Прозвище В. В. Стасова среди его музыкальныхъ пріятелей, данное ему вслѣдствіе того, что въ 50-хъ годахъ онъ особенно много занимался сочиненіями Баха.

какъ онѣ обѣ славно живутъ. Вотъ, безъ всякихъ толковъ о „самодѣятельности и самостоятельности“, прелестно устроились обѣ... Ну, прощай, радость моя, цѣлую тебя крѣпко... Твой Я.

6. Къ ней же.

16-го ноября 1869 года.

Ахъ вы, мой глупенькій Писойчикъ; что̀ это вы развольновались такъ? „А те нобль трѐ жѐ реконнѐ тонъ санъ“; по твоимъ страхамъ я узнаю тебя — мою милую, мою хорошую, мою глупую умницу. Ну, какъ тебѣ не стыдно волноваться изъ пустяковъ? Что̀ же касается до сна твоего, то ты имъ даешь мнѣ прекрасную мысль: мнѣ непремѣнно нуженъ „сонъ Ярославны“ для „Игоря“. Тотъ, который сочинилъ мнѣ Бахъ (В. Стасовъ), мнѣ не нравится, нужно что̀ нибудь пострашнѣе. Вотъ я и придумалъ изобразить, что Игорь во снѣ сбрилъ себѣ оба уса. А какая это широкая тема для музыки!

Кстати о музыкѣ. Сегодня былъ третій концертъ „Безплатной Школы“—самый лучшій и самый удачный. Шли: „Святая Елисавета“—Листа, „Садко“—концертъ Литольфа (Голландскій), исполненный Лешетицкимъ, и B-дурная симфонія Шумана. „Елисавета“ верхъ совершенства, благоуханіе, прелесть съ начала до конца! Рѣдко что̀ меня пробирало такъ, какъ „Елисавета“. Что̀ за интродукція! что̀ за хоры! Даже „Nächtlicher Zug“ на меня не дѣйствовалъ такъ сильно, какъ „Елисавета“! За то и успѣхъ ея, сверхъ моего ожиданія, былъ громадный. Балакирева вызывали послѣ каждаго нумера нѣсколько разъ. И, я признаюсь, меня поразило чутье публики: всего менѣе понравился маршъ крестоносцевъ—самый доступный и самый блестящій нумеръ по внѣшнему эфекту. Это въ родѣ того, какъ было съ моей симфоніей: помнишь, всего лучше принято было

andante, а не скерцо, не смотря на то, что послѣднее несравненно доступнѣе и эфектнѣе.

„Садко“, въ новой редакціи, гдѣ исправлены многіе промахи оркéстровки и усовершенствованы прежніе эфекты—прелесть. Публика приняла пьесу восторженно, и Корсиньку вызвали три раза..... Объ исполненіи и говорить нечего—это просто совершенство. Меня особенно удивляютъ хоры: когда они успѣваютъ разучивать такія трудныя и сложныя вещи? А какъ славно поютъ! Только Калининъ одинъ и ехидствуетъ противъ Школы изо всѣхъ нашихъ знакомыхъ. Разумѣется, я не говорю о тѣхъ ехидствующихъ, которые..... Злоба ихъ не имѣетъ предѣла: Сѣровъ въ—„Journal de St.-Pétersbourg“ и Фаминцынъ въ „Музыкальномъ Сезонѣ“—неистовствуютъ такъ что страхъ! Балакирева и весь кружокъ мѣшаютъ съ грязью и не скупятся на самыя площадныя ругательства и самыя гнусныя клеветы. Три №№ „Сезона“ исключительно посвящены словоизверженіямъ противъ Милія. Но, какъ на зло имъ, пріемъ Милію въ каждомъ концертѣ все теплѣе и теплѣе. А сегодня публика приняла Милія просто восторженно и вызывала много разъ и послѣ „Елисаветы“, и послѣ „Садко“, и послѣ симфоніи. Пріемъ этотъ служитъ лучшимъ отвѣтомъ на оскорбленія и клеветы обскурантовъ. Если дѣла пойдутъ такъ, то выйдетъ, что даромъ потратились на основаніе музыкальнаго журнала. Я даже увѣренъ, что онъ, вопреки желанію редактора и издателей, послужитъ скорѣе средствомъ, чтобы упрочить музыкальное значеніе Милія. Отношеніемъ *** съ братіею къ Безплатной Школѣ и Милію возмущены даже многіе профессора консерваторіи, какъ Лешетицкій, Вѣнявскій и пр.... А между тѣмъ всѣми силами хлопочутъ о подорваніи Безплатной Школы; билеты въ Музыкальное Общество, разовые, на хоры, спустили до 50 к., въ залъ—по 2 р., лишь бы привлечь больше публики... Пригласили опять солистку en vogue и для 2-го концерта—Лавровскую. Публики тамъ, говорятъ, дѣйствительно, было много, полный

залъ. Но это скорѣе салонъ, нежели концертный залъ. Такого же одушевленія, дѣйствительно, художественной музыки, какъ въ Безплатной Школѣ,— и помину нѣтъ!

Признаюсь, я никакъ не думалъ, чтобы Безплатная Школа могла окупить свои концерты, и ужасно боялся за нее. Во второмъ концертѣ Музыкальнаго Общества я не былъ; изъ всего, что тамъ игралось, для меня было интереснаго только „Festklänge"—Листа. Къ тому же я ужасно усталъ. Это было въ субботу (вчера), когда у насъ была длиннѣйшая и жаркая конференція... Въ эту конференцію Z потерпѣлъ два жестокія пораженія по поводу представленныхъ имъ кандидатовъ. Вообще, чѣмъ больше я изучаю эту личность, тѣмъ болѣе убѣждаюсь въ томъ, что это далеко не честный господинъ, и даже далеко не столь глубоко свѣдущій, какъ о немъ трубятъ хористы нигилизма. Внѣшній эффектъ и [illegible]ность—вотъ его идеалы, и для нихъ онъ готовъ продать отца родного. Прежде я многое дурное въ его поведеніи приписывалъ его страстности, увлекательности, ерундоватости — теперь я убѣдился, что многое (и большая часть его поступковъ) просто сознательно нечестны; слово расходится у него съ дѣломъ на каждомъ шагу. Да, впрочемъ, ну его совсѣмъ!.. Прощай, моя радость, цѣлую тебя крѣпко. Будь весела и здорова. Маму крѣпко обнимаю и цѣлую. Поклоны...

7. Къ ней же.

С.-Петербургъ, суббота, 14-го февраля 1870 г.

Милая ты моя, самая лучшая, Ноинькая, не сердись на меня, что я не отвѣчалъ тебѣ тотчасъ на твое страстное письмо. Оно пришло безъ меня, а когда я читалъ его, то былъ измученъ и утомленъ до невозможности разными разностями, и положительно не въ состояніи отвѣчать съ подобающею страстностью. Вообще я это время сильно треплюсь и физически, и нравственно. Нравственно, впро-

чемъ, не особенно, только разныя кляузы академическія портятъ расположеніе духа, но они, впрочемъ касаются не меня. Физически же треплюсь сильно...

... Въ 9½ часовъ, въ воскресенье, я отправился къ Пахитонову и тамъ предавался воспоминаніямъ о давно прошедшемъ періодѣ моего музикійствованія, когда я посѣщалъ еще пѣвческія упражненія, гдѣ, бывало, пѣлись всякія „Mia letizia“, „Fra poco“, романсы Гурилева, Варламова и Вильбоа. Вообрази, что и теперь въ подобныхъ кружкахъ поется совершенно то же самое: тѣ же „Fra poco“, тѣ же „Пловцы“—Варламова, тѣ же „Моряки“—Вильбоа. На меня повѣяло чѣмъ-то далекимъ, далекимъ. Боже мой, какъ это все было давно! Тѣ же пѣсни, тѣ же нравы, та же маленькая зависть, крошечныя интрижки между поющими, громадныя самолюбія, торжествующія или оскорбленныя! Все то же: кажется, какъ будто все это окаменѣло, да такъ и осталось до сихъ поръ. Я тамъ произвелъ фуроръ и эфектъ необычайный. Должно замѣтить, что тамъ было также не мало изъ „инвалидовъ“ — кружка Даргомыжскаго *), инспекторъ консерваторіи Соколовъ и пр. Я ждалъ ехидство на Балакирева и нашъ кружокъ; однако, ничего не было. Въ понедѣльникъ утромъ я узналъ, что къ намъ, собственно къ майчику въ лабораторійку, будетъ пріѣзжать работать герцогъ Лейхтенбергскій (Николай Максимиліановичъ). На бѣду Зибертъ уѣхалъ въ Воронежъ, жениться. Такая досада; тутъ надобно было пороть горячку, все привести въ порядокъ, приготовить все необходимое для его работы... А тутъ мнѣ прислали первую корректуру моей химической статьи изъ Бюллетеня Академіи, сочиненіе Секки для разсмотрѣнія, отъ конференціи, работы по комиссіямъ о назначеніи пособія для одной книжки Хлѣбникова о работахъ

*) Инвалиды — прозвище, данное В. В. Стасовымъ многимъ изъ тѣхъ, которые въ то время собирались, всякую недѣлю, у Даргомыжскаго, пѣть хоромъ и разсуждать о музыкѣ.

Соколова, о газовомъ заводѣ... Вечеромъ былъ у меня Стасовъ (Владиміръ, Бахъ); онъ ужасно неистовствовалъ по поводу моего новаго романса и привезъ мнѣ билетъ на „Профета“ (который шелъ въ пятницу). Не одинъ Стасовъ приходитъ въ неописанный телячій восторгъ отъ моей музыки. У меня сдѣлалось одной поклонницей больше: Маня Смирнова съ утра до вечера поетъ „Княжну“ и неистовствуетъ особенно при послѣднихъ тактахъ, „и никто не знаетъ скоро ли (такъ поетъ Маня) часъ ударитъ пробужденія!“ Вообрази, что она поетъ всю „Княжну“ вѣрнешенько отъ начала до конца, съ увлеченіемъ и экспрессіею; сама подобрала первые такты акомпанемента по слуху и ужасно восторгается именно интерваломъ секунды (mi-bémol и ré-bem.): только синкопическія фигуры ей даются съ трудомъ. Притомъ она обнаруживаетъ замѣчательное эстетическое чутье: Смирновы имѣютъ глупую и безвкусную привычку кончать исполненіе акомпанемента тамъ, гдѣ оканчивается пѣніе и не доигрываютъ романсы. Маня приходитъ въ ярость отъ этого, особенно когда исполняютъ „Княжну“. „Доиграй! Доиграй! кричитъ она. Тутъ не все!“ А еще сыграй, какъ „часъ пробужденія“-то ударитъ въ концѣ, и ужасно радуется этимъ ударомъ Fa-bémol и do. Вотъ оно, молодое-то поколѣніе, небось сразу схватываетъ „Zukunftsmusik“. Впрочемъ, не однѣ дѣвочки маленькія пустились въ музыку. Вообрази, — въ „Пророкѣ“ встрѣчается мнѣ Павелъ (Василискъ Перцовъ) и сообщаетъ, между прочимъ, что онъ посѣщаетъ Безплатную Школу, въ качествѣ ученика, три раза въ недѣлю; но, находя, что этого еще недостаточно, онъ взялъ учителя пѣнія, который приходитъ къ нему на домъ два раза въ недѣлю... Цѣлую тебя крѣпко. Мамѣ цѣлую ручки. Поклонъ.... Твой Я.

8. Къ ней же.

С.-Петербургъ, 4-го марта 1870 г.

Милая моя золотайка, моя дороговка, мой вѣчный Пугайчикъ, вѣчно боящійся, вѣчно волнующійся! Во-первыхъ, я и живъ, и здоровъ; во-вторыхъ, ничего необычайнаго со мною не происходитъ... Теперь съ великимъ княземъ у меня уходятъ почти всѣ утра. Онъ пріѣзжаетъ почти каждый день въ $9^1/_2$ часовъ и остается до $12^1/_2$ часовъ, или до 1 часа. Мы съ нимъ очень сошлись. Это такой милый, такой симпатичный молодой человѣкъ и притомъ джентельменъ до конца ногтей. Какъ съ нимъ ни деликатничай, какъ ни будь любезенъ все останешься у него въ долгу. При всемъ этомъ онъ простъ и естественъ въ высшей степени, умница, весьма начитанъ и относится къ наукѣ серьезно. Вслѣдствіе такого чрезвычайнаго случая, моя лабораторійка убрана, и въ ней все содержится въ большомъ порядкѣ. Это мнѣ также стоило хлопотъ и потери времени, ибо, какъ нарочно, въ то время я былъ безъ Николая Христіановича. Но что̀ дѣлать — profession oblige, точно такъ же какъ и noblesse oblige. Но что смѣшно, такъ это отношеніе другихъ прочихъ ко мнѣ. * и другіе относятся ко мнѣ какъ будто почтительно немного...

Что же касается музыкальной полосы, то она далеко не такая, какъ ее тебѣ описали. Это писала, вѣроятно, Маша, ибо она какъ разъ застала меня за окончаніемъ моей новой морской баллады („Море“). Произведеніе это цѣнится строгими цѣнителями крайне высоко. Многіе, въ томъ числѣ и Балакиревъ, считаютъ ее выше „Княжны“. Это очень много. Въ самомъ дѣлѣ, вещь вышла хорошая: много увлеченія, огня, блеску, мелодичности, и все въ ней очень вѣрно сказано въ музыкальномъ отношеніи. А я, признаюсь, боялся за эту штуку; всѐ думалъ, что выйдетъ коряво, неловко, и пр. Вышелъ эфектъ, совершенно неожиданный! Балаки-

ревъ и Кюи въ восторгѣ, о Корсинькѣ и Мусоргскомъ нечего и говорить. Пургольдши съ ума сходятъ отъ этой вещи. Бахъ — неистовствуетъ до послѣдней степени, баситъ мнѣ всякіе комплименты; Щербачевъ усиленно благодаритъ (онъ спеціалистъ по части благодаренья: всѣхъ и за все благодаритъ). Штуку я эту посвятилъ Баху, во-первыхъ, потому, что онъ главнымъ образомъ интересовался и неистовствовалъ до появленія ея въ писанномъ видѣ; во-вторыхъ, потому, что я хотѣлъ смягчить ударъ, нанесенный рѣшительнымъ отказомъ и отреченіемъ писать „Игоря“. Куда мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, связываться съ оперою! Трудъ и потеря времени громадные; постановка невѣрна еще, да если и постановятъ, то гдѣ мнѣ возиться съ цѣлымъ ворохомъ мелкихъ хлопотъ, непріятностей, съ дирекціей, съ артистами и репетиціями? А сюжетъ, между тѣмъ, какъ ни благодаренъ для музыки, врядъ ли можетъ понравиться публикѣ. Драматизма тутъ мало, движенія сценическаго почти никакого. Наконецъ, сдѣлать либретто, удовлетворяющее и музыкальнымъ, и сценическимъ требованіямъ, не шутка. У меня на это не хватитъ ни опытности, ни умѣнья, ни времени. Успѣхъ оперы ничѣмъ не обезпеченъ. Ошибочное третированіе сюжета съ драматической и сценической стороны можетъ открыться только впослѣдствіи, и поправить дѣло будетъ такъ же трудно, какъ и въ „Ратклиффѣ“. Ко всему этому я пришелъ послѣ многихъ попытокъ сдѣлать нѣсколько нумеровъ изъ тѣхъ матерьяловъ, которые имѣлись въ готовности*). Наконецъ, мнѣ опера (не драматическая въ строгомъ смыслѣ) кажется вещью неестественною. Это мнѣ рѣзко выяснилось послѣ того, какъ я слышалъ „Пророка“ на Маріинской сценѣ. Притомъ же, я по натурѣ лирикъ и симфонистъ, меня тянетъ къ симфоническимъ формамъ. Пока подожду и буду писать, что будетъ писаться,

*) Матерьялы отъ начатой прежде и брошенной оперы: „Царская невѣста“ на сюжетъ изъ драмы Мея. В. С.

не задаваясь никакой большою задачею *). Продолженіе въ слѣдующемъ письмѣ. Тамъ же и подпись. Жди.

9. Къ ней же.

Воскресенье, 16-го марта 1870 г.

... Вообще у меня теперь лабораторный стихъ: иногда часовъ до 12 и долѣе не могу уйти изъ лабораторіи. За то къ ночи такъ умаюсь, что просто бѣда. Музыка теперь совсѣмъ въ загонѣ. Рѣшительно нѣтъ времени. Милій и музикусы на меня сердятся, и первый даже какъ будто дуется немного. Кстати о Миліи: онъ въ Москву не поѣхалъ и не поѣдетъ, такъ что нынѣшній годъ онъ дирижировать въ Москвѣ не будетъ... Всѣ наперерывъ зовутъ меня, удивляются и пеняютъ мнѣ, что рѣдко бываю, что нигдѣ меня не видать и т. д. А ты не повѣришь, какихъ мнѣ усилій стоитъ иногда заставить себя идти куда бы то ни было. И самъ не понимаю отчего. Обломовщина это что ли? Разочарованія же тутъ никакого нѣтъ, пресыщенія обществомъ тоже нѣтъ. Сегодня, однако, соберусь къ Пургольдамъ. Тамъ поютъ сегодня всего „Каменнаго гостя“. Интересно послушать. Тамъ сегодня будетъ, кажется, и Костя Маковскій съ женою. Имъ, повидимому, давно ужъ хочется сойтись съ „новою музыкою“ и представителями ея у насъ. Сначала они все разсчитывали бывать у меня и перезнакомиться съ кѣмъ слѣдуетъ. Но я, послѣ одного насильственно вы-

*) Напомнимъ читателямъ слова А. П. Бородина въ письмѣ его къ В. В. Стасову отъ 20-го апрѣля 1869 года: „Мнѣ этотъ сюжетъ ужасно по душѣ. Будетъ ли только по силамъ? — не знаю. Волковъ боятся—въ лѣсъ не ходить“. Задолго до того Бородина сильно тянуло къ оперѣ, и упадокъ охоты писать ее — былъ только временный. Въ 1872 году снова явилось одушевленіе къ оперѣ вообще, къ „Князю Игорю“—въ особенности, и въ короткое время создался рядъ chefs d'oeuvre'овъ, изъ которыхъ состоитъ эта опера, и гдѣ на лицо — множество дѣйствія, драматизма и движенія. В. С.

званнаго визита къ Маковскимъ, больше не былъ и къ себѣ ихъ не звалъ. Гдѣ мнѣ тутъ возиться съ ними! Наконецъ, при помощи Платоновой, съ одной стороны, Стасова—съ другой—они сошлись съ Пургольдами. Костя учитъ партію Донъ-Карлоса въ „Каменномъ гостѣ“, поетъ „Ратклиффа“ и т. д., и т. д. Я думаю только, что все это ненадолго. Вкуса у Маковскихъ серьезнаго къ музыкѣ нѣтъ; убѣжденій тоже никакихъ. Тонъ же общества, къ которому они привыкли, совсѣмъ другой, нежели у нашего музыкальнаго кружка. Поэтому я не надѣюсь здѣсь на что-либо прочное, и жду, что скóро Маковскіе начнутъ ругáть всѣхъ насъ наповалъ.

Ты пишешь о романсахъ моихъ? Я ихъ передалъ Милію для пересылки. Симфоническія сочиненія Листа я уже получилъ, но наслаждаться разборомъ ихъ у меня нѣтъ времени. Хотѣлось бы мнѣ лѣтомъ пристроиться такъ, чтобы имѣть подъ рукою инструментикъ, хоть самый плохенькій. Твой Я.

10. Къ ней же.

8-го мая 1870 г.

Милая Дуеинька! Ко-ко-ко! Ужасно васъ любятъ! Ужасъ какъ любятъ Маинькую! Отдохнули эти дни, отгулялись, покончили всѣ дѣла къ субботѣ, и начали гулять и—все думать о Пипи. Все думаютъ... такъ ужасно все думаютъ!...

Къ Корсинькѣ я попалъ рано утромъ отъ Пезинга, гдѣ я былъ въ 9 часовъ утра. Корсинька живетъ теперь одинъ, нанимаетъ комнатку за 11 рублей. Онъ обрадовался мнѣ неописанно. Велѣлъ тотчасъ же поставить самоваръ и началъ самъ чайничать и преуморительно: длинный, въ партикулярной жакеткѣ, неловкій и весь сіяющій отъ радости, онъ размахивалъ руками, кричалъ, заваривалъ чай, раздувалъ самоваръ и наливалъ. Умора! Мнѣ ужасно жаль, что ты не могла его видѣть. Мы засѣли съ нимъ играть: сна-

чала двѣ прелестныя фуги Баха, изъ которыхъ одной я не зналъ вовсе (Gis-moll, во 2-й тетради). Ужасно хороша! Это меня очень освѣжило послѣ всѣхъ хлопотъ и суеты дѣловой! Затѣмъ онъ мнѣ сыгралъ твой романсъ. Потомъ я ему наигрывалъ новую симфоническую вещь, которую я теперь стряпаю (ту, что наигрывалъ въ Москвѣ *). Корсецъ неистовствовалъ и говорилъ, что это самая сильная и лучшая изъ всѣхъ моихъ вещей. Такъ кричалъ и размахивалъ руками, оттопыривалъ нижнюю губу, мигалъ и подыгрывалъ, то басъ, то дискантъ. Кромѣ того, мы еще кое-что просмотрѣли. Отъ него я думалъ отправиться къ Дядѣ въ часъ. Только слышу — бьютъ часы... Считаю: разъ, два, три, четыре! Это съ половины десятаго-то! А между музыкою мы не забывали пропускать чай и усидѣли вдвоемъ два самовара! Я давно такъ всласть не музицировалъ и не пилъ такъ много чаю.

У Маши, т. е. у Маковскихъ я былъ въ воскресенье по назначенію Елены Тимоѳеевны **). Маша здорова теперь. Сначала до 3-хъ часовъ писали майчикову рожицу, которая все дѣлается болѣе и болѣе похожею на оригиналъ. Потомъ я прошелся съ Машей къ Санъ-Галли (за дѣломъ) и воротился обѣдать къ другимъ Маковскимъ и Смирновымъ. Маковскіе теперь только и твердятъ о „новой музыкѣ“ и новыхъ музыкантахъ. Съ самаго утра у нихъ разсужденія, споры о реализмѣ въ музыкѣ, о новомъ направленіи и пр. Сашокъ то ругается съ противниками новой музыки, то млѣетъ, таетъ и цѣлыми днями реветъ отъ новой музыки. Даже маленькая Маня удивляется и спрашиваетъ: „о чемъ она плачетъ?“ Наконецъ, Маня порѣшила, что Сашокъ „жалѣетъ музыку“, оттого и плачетъ (это не анекдотъ, а правда). Маковскіе сошлись и съ Пургольдами, и съ Хво-

*) Симфонія H-moll Бородина. В. С.

**) Елена Тимоѳеевна, первая жена К. Е. Маковскаго, живописица, писавшая въ это время портретъ Бородина. В. С.

стовыми; Сашекъ бѣгаетъ чуть не каждый день къ Хвостовымъ и у нихъ страшная дружба, чего я, признаюсь, даже не ожидалъ. Въ субботу у Маковскихъ исполняютъ всего „Каменнаго гостя“. Приглашена вся наша компанія въ полномъ составѣ, кромѣ Людмилы Ивановны *), впрочемъ. Надолго ли этотъ культъ „новой музыки“—не знаю. Думаю: ненадолго. Именно потому, что это культъ, а не выработанное и спокойное убѣжденіе, сознательное и трезвое... Отъ Маковскихъ я пошелъ къ Хвостовымъ. Обѣ Хвостовы были дома и очень были рады мнѣ. Тамъ былъ братъ Петра Ильича, Чайковскій. Мы провели очень пріятно вечеръ, чаировали, музицировали и болтали, причемъ много говорили объ Италіи. Это возбудило во мнѣ рядъ самыхъ теплыхъ, самыхъ свѣтлыхъ и дорогихъ воспоминаній о нашемъ итальянскомъ житьѣ-бытьѣ; такъ что мнѣ ужасно захотѣлось видѣть тебя и быть съ тобою. За невозможностью выполнить этого, я поневолѣ ограничился тѣмъ, что много разсказывалъ Хвостовымъ о тебѣ, объ Италіи, о Пизѣ, о Ченгони, включительно до Аннунціаты и Джанджакомо. Разумѣется, самаго-то интереснаго о тебѣ и обо мнѣ я не разсказалъ, т. е. того именно, что̀ служило солнцемъ, освѣщавшимъ и согрѣвавшимъ весь итальянскій пейзажъ. Впрочемъ, увлеченіе, съ которымъ я говорилъ, было такъ велико, что возбудило и въ моихъ собесѣдницахъ рядъ самыхъ пріятныхъ и свѣтлыхъ представленій. Дѣло дошло до того, что, въ ознаменованіе итальянскихъ воспоминаній, Хвостовы пригласили меня въ субботу къ себѣ обѣдать по-итальянски: ризотто, стуффато и макароны, настоящія итальянскія, сдѣланныя по-итальянски. Пойду и буду кушать, физически съ Хвостовыми, духовно—съ тобой. Я уже писалъ тебѣ, что Хвостовы живутъ очень мило, на всемъ лежитъ печать какой-то порядочности и дѣвственности...

Въ театрѣ я былъ на „Фаустѣ“. Палечекъ, изъ Праги,

*) Л. И. Шестакова, сестра Глинки.

дебютировалъ въ роли Мефистофеля. Голосъ у него не силенъ, но хорошо выработанъ. Актеръ онъ превосходный, фразируетъ очень хорошо и довольно чисто поетъ по-русски. Публика приняла его очень хорошо. У Пургольдовъ исполняли „Каменнаго гостя“ и кое-что еще. У Людмилы Ивановны были вчера, во вторникъ, такъ какъ въ понедѣльникъ вся компанія, кромѣ меня, слушала Палечка въ „Робертѣ“. Милій уморителенъ! Я тебѣ писалъ, что онъ давно дуется на меня и явно сухъ, сердитъ и порой придирчивъ ко мнѣ. Прихожу къ Людмилѣ Ивановнѣ—Милія узнать нельзя: раскисъ, разнѣжился, глядитъ на меня любовными глазами, и, наконецъ, не зная, чѣмъ выразить мнѣ свою любовь, осторожно взялъ меня двумя пальцами за носъ и поцѣловалъ крѣпко въ щеку. Я невольно расхохотался! Ты, разумѣется, угадала причину такой перемѣны: Корсинька разсказалъ ему, что я пишу симфоническую штуку *) и наигрывалъ ему кое-что изъ нея. Уморительный Милій! Онъ меня теперь „простилъ“, въ родѣ того, какъ Надя или Варя прощаютъ маму или тебя: „миленькая, я васъ простила, я на васъ больше не сержусь“...

Тетушка**) невольно поддалась гибельному направленію, влекущему женщинъ въ бездну, т. е. изучаетъ медицину. Постоянно я застаю ее читающею то „Курсъ акушерства“ или „Женскихъ болѣзней“, то „Спеціальную патологію“, то „Хирургію“, то „Гигіену“, то „Судебную медицину“. Вотъ-те и прогрессъ! Какъ есть—передовая женщина! И очки, и волосы стриженые, медицинскія книжки читаетъ! Ну, прощай; цѣлую тебя крѣпко. Я.

---

*) Симфонія H-moll.

**) Такъ, по привычкѣ, принятой со временъ дѣтства (см. Біографію), Бородинъ называлъ свою мать, жившую съ нимъ вмѣстѣ. В. С.

11. Къ ней же.

Понедѣльникъ, 11-го мая 1870 г.

Голубушка моя дорогая, ты не повѣришь, какою болью отозвалось во мнѣ твое письмо, полное грусти и безнадежности..... Понимаю, но не хвалю. И къ чему тутъ приплетать сожалѣнія обо мнѣ? Какъ будто у всѣхъ жизнь проходитъ по маслу? Какъ будто у другихъ нѣтъ какихъ-нибудь мозолей на душѣ, которыя ноютъ въ дурную погоду? Оглянись кругомъ, и всмотрись ближе, такъ увидишь, что мы еще одни изъ самыхъ счастливыхъ людей на свѣтѣ. Говорю тебѣ это съ полнымъ сознаніемъ и глубокимъ убѣжденіемъ. Но полно объ этомъ. Перехожу къ сторонѣ реальной. Ты пишешь о дачѣ, спрашиваешь, что я думаю о Сокольникахъ и Коломенскомъ? Что мнѣ думать? Дѣлай какъ знаешь лучше. Мнѣ будетъ вездѣ хорошо, было бы тебѣ хорошо. Однимъ словомъ, поступай такъ, чтобы дача была возможно хороша и возможно дешева, а гдѣ—это все равно. Сокольники имѣютъ преимущество — сосновую рощу, зато Коломенское расположено выгоднѣе въ топографическомъ отношеніи: мѣсто высокое, хорошо провѣтриваемое, близь большой рѣки...

Въ субботу утромъ я былъ на послѣднемъ сеансѣ у Маковскаго; въ пятницу — на предпослѣднемъ. Портретъ мой конченъ и вышелъ чудо какъ хорошъ. Елена, впрочемъ, тоже очень талантлива. Послѣдній coup-de-main портрету данъ Константиномъ. Въ какіе нибудь полчаса, портретъ, до того еще не очень походившій на меня, точно ожилъ: нѣсколько точекъ, нѣсколько черточекъ и штриховъ, и фигура майчика точно высунулась изъ полотна, глаза заблестѣли, лицо какъ у живого... Костя, ей Богу, молодецъ! Талантливъ каналья, какъ.....! Елена, впрочемъ, тоже очень талантлива, ибо Костя далъ только окончательную отдѣлку, главное же дѣло было все-таки Елены. Маша въ восторгѣ.

Елена сообщила ей, что она хотѣла бы оставить портретъ еще у себя, съ тѣмъ, чтобы сдѣлать второй такой же. Второй этотъ назначается тебѣ въ подарокъ. Я, впрочемъ, протестовалъ противъ этого. Право совѣстно! Елена со всѣхъ беретъ по 150 руб. за портретъ; Костя съ Дмитрія Стасова взялъ 700 р. за портретъ его дѣтей, а намъ вдругъ предлагаютъ подарокъ! Чѣмъ мы въ состояніи отдарить? А пользоваться одолженьемъ даромъ — право неловко.....

Отъ Хвостовыхъ мы отправились на вечеръ къ Маковскимъ. У послѣднихъ собралось человѣкъ до 40, въ томъ числѣ всѣ наши, кромѣ Корсиньки, который въ этотъ день былъ именинникъ. Изъ прежнихъ знакомыхъ Маковскіе пригласили весьма немногихъ, человѣкъ пять-шесть самыхъ избранныхъ. Тонъ общества былъ прелестный. По этому случаю и Маша рѣшилась быть у Маковскихъ и Марья Егоровна тоже. Когда наши музикусы увидали тамъ Машу, то выразили удивленіе и радостно привѣтствовали ее. Бесѣда Маши, бесѣда радушная и простая, съ Балакиревымъ и Мусоргскимъ, сразу подняли фонды Маши у Маковскихъ, у Хвостовыхъ и пр., которые лебезятъ передъ нашимъ кружкомъ, въ особенности передъ Балакиревымъ..... „Каменный гость“ прошелъ менѣе хорошо, чѣмъ у Пургольдъ, но произвелъ сенсацію...

Недавно (въ четвергъ) у Маковскихъ былъ Моденька, игралъ тамъ своего „Бориса“ и произвелъ эфектъ. Всѣ, не говоря о Сашкѣ, и Костя, и Елена прельстились оперой Моденьки. Въ субботу, кромѣ „Каменнаго гостя“, исполнены были три романса Балакирева и три моихъ, и произвели громаднѣйшій эфектъ, особенно мои... Маша была у меня вчера и передала приглашеніе Маковскихъ на выставку*). Я не поѣхалъ. Некогда. Вообще гоньба за нами ужасная.....

*) Выставка Всероссійская, въ Соляномъ Городкѣ. В. С.

12. Къ Н. А. Римскому-Корсакову.

Давыдково, 11-го августа 1871 г.

Давно я собираюсь написать вамъ, дорогой Николай Андреевичъ, да по свойственной мнѣ распущенности въ дѣлѣ переписки съ друзьями — не собрался до сихъ поръ. Можетъ быть я не собрался бы и до сего часа, еслибъ не вѣсти, доставленныя мнѣ изъ Питера. Вѣсти эти касаются васъ и Милія. Обѣ вѣсти меня сильно переволновали, но въ различномъ смыслѣ: одна сильно порадовала, другая сильно опечалила. Мнѣ сообщали, что вы поступаете профессоромъ инструментовки въ консерваторію, которая обновляется и реформируется..... О васъ ходятъ толки въ средѣ московскихъ музыкантовъ.....

Теперь я вамъ сообщу два слова объ насъ грѣшныхъ. Мы живемъ на дачѣ и благодушествуемъ; еслибы не маленькія неудобства, то благоденствіе было бы полное. Я новаго ничего не написалъ, но оркеструю симфонію, хотя боюсь, что не успѣю кончить, такъ какъ работаю вообще довольно тихо. По вечерамъ иногда грѣшу по музыкальной части совершенно другимъ образомъ: отыскалъ я скрипача, весьма милаго, талантливаго, но совершенно наивнаго. Желая натолкнуть его на путную музыку и показать ему, что можно играть что-нибудь получше Берiо и Вьетана, я его, при помощи жены, посвятилъ въ камерную музыку Бетховена, Шумана и пр., отъ которой онъ теперь совсѣмъ безъ ума. Вообще натура у него очень музыкальная и очень человѣческая (въ лучшемъ смыслѣ слова). Такъ какъ эта музыка производится большею частью au naturel, то я, за неимѣніемъ віолончелиста, иногда дѣйствую на віолончели (вообразите??!). Напишите, что дѣлаете вы, что „Псковитянка“, что наши милыя сестрицы по искусству, что добрѣйшая Людмила Ивановна, Модинько, Кюи, Бахъ и пр. Не полѣнитесь настрочить посланіе. Само собою разумѣется,

что вы передадите отъ меня поклоны всѣмъ, кому слѣдуетъ. Съ своей стороны я вамъ передаю поклонъ отъ всѣхъ, кто васъ горячо любитъ, а такихъ здѣсь не мало. До свиданія — въ сентябрѣ. Искренно любящій васъ А. Бородинъ.

13. Къ нему же.

Давыдково, 22-го августа 1871 г.

Благодарю васъ, другъ Николай Андреевичъ, за скорое извѣщеніе и за сообщаемыя новости. За васъ я искренно радуюсь: вы какъ нельзя болѣе на своемъ мѣстѣ и можете принести громадную пользу музыкальному дѣлу и учащейся молодежи *). Относительно же Милія я душевно скорблю.

Вы меня спрашиваете о томъ, всю ли симфонію я оркеструю **), или только злополучную первую часть? Увы! стыжусь сказать—только первую часть (краснѣю письменно). Но перейдемъ къ другому. Я хочу васъ просить о большомъ одолженіи: узнайте въ Консерваторіи, можно ли поступить стипендіатомъ на скрипку, и если можно, то что̀ слѣдуетъ дѣлать для того, чтобы попасть туда? Дѣло идетъ объ одномъ молодомъ скрипачѣ, очень бѣдномъ, очень хорошемъ и очень способномъ человѣкѣ. Онъ уже порядочно играетъ и учится въ классѣ Кламрота, горячо любитъ свое дѣло и относится къ нему крайне честно. Мнѣ бы очень хотѣлось ему какъ-нибудь помочь. Напишите также (конфиденціально), какъ преподаютъ тамъ скрипачи (Ауеръ и проч.), ревностно или нѣтъ; у кого тамъ лучше учиться и проч. Обращаюсь къ вамъ, зная, что и вы не прочь будете сдѣлать доброе дѣло хорошему человѣку. Въ Москвѣ же ему, по разнымъ причинамъ, положительно невозможно заниматься какъ слѣдуетъ. Ему совѣтуютъ ѣхать заграницу къ Іоахиму и т. д.

*) Рѣчь идетъ о поступленіи Римскаго-Корсакова преподавателемъ въ Консерваторію. В. С.

**) Вторая симфонія Бородина, H-moll. В. С.

Разумѣется все это не имѣетъ смысла. — Дачное житье у насъ кончилось, мы завтра переѣзжаемъ въ Москву. Когда пріѣду въ Петербургъ — не знаю. Москва. Изъ здѣшнихъ музыкантовъ вижусь съ Кашкинымъ, который вамъ усердно кланяется и искренно радуется за консерваторію, которая въ лицѣ вашемъ пріобрѣла капитальнаго дѣятеля. Чайковскій тоже пріѣхалъ въ Москву изъ Кіева, но я его еще не видалъ. Онъ написалъ квартетъ струнный и кончилъ цѣлый актъ оперы. Но пора кончить; надобно укладывать вещи; тороплюсь. До свиданія; обнимаю васъ крѣпко.

Искренно любящій васъ А. Бородинъ.

14. Къ К. С. Бородиной.

Воскресенье и Понедѣльникъ 26-го и 27-го октября 1871 г.

Благодарю тебя, моя дорогая „поэтесса“ за твои пародіи на „Фальшивую ноту“. Ты спрашиваешь меня, которое изъ трехъ стихотвореній мнѣ больше всѣхъ нравится? По содержанію—послѣднее (вѣтреное); по правильности и совершенству стиха—больное (содержаніе его мнѣ не нравится, ты сама это знаешь: я ужасно не люблю жалкихъ словъ). Каламбуръ твой насчетъ „вѣтрогона“—очень хорошъ. Аппробую его вполнѣ; желаю только, чтобъ онъ оправдалъ данный мнѣ эпитетъ на дѣлѣ... Для провѣрки я прочелъ сейчасъ еще разъ твои стихотворенія и, по правдѣ сказать, „вѣтреное“ оказывается лучшимъ и по стиху. Въ „жалкомъ“ у тебя нехороши риѳмы: „страдала“ и „звучало“; а и о—это нехорошо, неправильно. Надино, т. е. первое стихотвореніе, самое слабое. Продолжай, поэтесса, продолжай. Можетъ быть современемъ сдѣлаешься вторымъ Пушкинымъ или Лермонтовымъ.

О себѣ писать новаго нечего. Я—весь хлопоты. Работы въ новыхъ лабораторіяхъ подвигаются страхъ какъ медленно, вслѣдствіе безпрерывныхъ задержекъ самаго разнообразнаго свойства. Я ежеминутно долженъ слѣдить за ра-

ботами, направлять ихъ и понукать, а то—или ничего не дѣлается, или дѣлается не такъ, какъ слѣдуетъ. Сорокинъ еще боленъ и обязанность секретаря приходится нести мнѣ. Вчера, въ субботу, я дѣлалъ и докладъ въ конференціи вмѣсто Сорокина. Въ лабораторіи началъ работать, но правильно работать не удается; безпрерывно отвлекаютъ меня разныя разности. Вслѣдствіе безтолковости письмоводителя Главнаго Управленія по дѣламъ печати, выходъ мой изъ редакціи еще не состоялся; придется ѣхать еще въ понедѣльникъ въ Главное Управленіе по дѣламъ печати.

Музыкою въ это время, разумѣется, я не занимаюсь вовсе. Некогда, совершенно некогда. Вчера вечеромъ, впрочемъ, былъ у Пургольдъ; тамъ производилась вся „Псковитянка“ цѣликомъ въ послѣдовательномъ порядкѣ, актъ за актомъ. Музыка невообразимой красоты, но,—какъ справедливо замѣтилъ **, — холодноватая, безстрастная; за исключеніемъ, впрочемъ, сцены „Вѣча“, которая изумительно хороша по силѣ, красотѣ, новизнѣ и эфекту. Словомъ, это музыка первый сортъ во всѣхъ отношеніяхъ. Кромѣ меня, было у Пургольдъ много народу: вся наша компанія (кромѣ Милія, которому было послано приглашеніе, но который и тутъ уклонился), Азанчевскій, театральные господа разные, Өимъ*), Людмила Ивановна, Никольскій, Стасовы и т. д. Исполненіе было на двухъ роялях. На одномъ играла Надежда Пургольдъ, на другомъ—Корсинька подыгрывалъ все, что она не могла выполнить одна. Выходило все очень хорошо. Пѣли—Модинька, Васильевъ и Александра Пургольдъ. Не понимаю, что̀ Балакиревъ такъ упорно уклоняется отъ нашего кружка и, очевидно, избѣгаетъ всякихъ свиданій?..

. . . . . .

. . . . . .

Остальные члены кружка теперь живутъ болѣе согласно, чѣмъ когда либо. Особенно Модинька съ Корсинькой, съ тѣхъ поръ, какъ живутъ въ одной комнатѣ, сильно раз-

*) Н. Н. Ладыженскій. В. С.

вились оба. Оба они діаметрально противоположны по музыкальнымъ достоинствамъ и пріемамъ; одинъ какъ бы служитъ дополненіемъ другому. Вліяніе ихъ другъ на друга вышло крайне полезное. Модестъ усовершенствовалъ речитативную и декламаціонную сторону у Корсиньки; этотъ, въ свою очередь, уничтожилъ стремленіе Модеста къ корявому оригинальничанью, сгладилъ всѣ шероховатости гармонизаціи, вычурность оркестровки, нелогичность построенія музыкальныхъ формъ—словомъ, сдѣлалъ вещи Модеста несравненно музыкальнѣе. И во всѣхъ отношеніяхъ нашихъ ни тѣни зависти, тщеславія, безучастія; всякій радуется искренно малѣйшему успѣху другого. Отношенія самыя теплыя, не исключая и Кюи, который, напримѣръ, нарочно прибѣжалъ ко мнѣ только для того, чтобы послушать конецъ финала моего. Одинъ только Милій чуждается этой семейной равноправности! Ну, да что объ этомъ! Пора кончить... Ну, будь здорова, не хандри и не измышляй себѣ никакихъ болѣзней новыхъ; довольно и того, что есть. Цѣлую тебя безъ конца. А. Бородинъ.

15. Къ Л. И. Шестаковой.

Моя кровать. 28-го октября 1871 г.

Дорогая, хорошая Людмила Ивановна, я боленъ, лежу въ постели, а тутъ бѣда: меня треплетъ лихорадка, а я порю горячку—оркеструю тѣ части 2-й симфоніи, которыя затерялись; вдругъ—о ужасъ!—ищу партитуры скерцо и анданте—ни того, ни другого нѣтъ. Все перерыли—нигдѣ не нашли. Я такъ и порѣшилъ, что надъ симфоніей тяготѣетъ какой-то фатумъ (только не „Фатумъ“—Чайковскаго), что такъ ей на роду написано „теряться“. Но что мнѣ дѣлать тогда? вновь все оркестровать? когда же я поспѣю? Я было хотѣлъ уже изобразить на лицѣ уныніе, какъ вдругъ является—дай Богъ ему сто лѣтъ жизни—вѣчный мой благодѣтель Бахъ и сообщилъ, что ноты у васъ на рояли, за-

вернуты въ афишу. Отцы! вотъ благодать-то! А я всѣмъ уже повадился разсказывать мною неумышленно сочиненную небылицу о томъ, какъ я взялъ этотъ свертокъ, положилъ въ карманъ, уходя отъ васъ; какъ зашелъ въ колбасную Парфенова, купилъ колбасу, положилъ туда же; купилъ горчицу—положилъ туда же; купилъ десятокъ яблоковъ—положилъ туда же; купилъ два лимона—положилъ туда же (каковъ карманъ-то долженъ быть? совсѣмъ поповскій); какъ все принесъ въ цѣлости, а партитуру обронилъ, или позабылъ. И таково мнѣ жалостно становилось при мысли, что, можетъ быть, теперь именно Парфеновъ (да еще не самъ, а мальчишка его) завертываетъ въ нее колбасы да сосиски, да еще, можетъ быть, не свѣжія... Родная, пришлите партитурки съ моимъ посланнымъ, А. П. Діанинымъ, сыномъ моимъ, если не по плоти, то по духу. Самъ безъ ноги, а ручку вамъ цѣлую. А. Бородинъ.

16. Къ К. С. Бородиной.

Воскресенье, 12-го ноября 1871 г.

Любимка моя, наконецъ-то я дождусь тебя! Пріѣзжай, дорогая моя, пріѣзжай смѣло; у насъ теперь (въ квартирѣ) тепло и сухо, вони никакой нѣтъ, кислородъ будетъ, и даже мостъ для тебя поставили. Мостъ нынѣшній разъ соорудили изумительно живо. Въ среду вечеромъ стала Нева, а къ Субботѣ мостъ былъ готовъ, такъ что профессора изъ конференціи отправлялись черезъ мостъ на ту сторону. Я воспользовался мостомъ, чтобы быть на первомъ концертѣ Музыкальнаго Общества. Вотъ программа: 1) Es-dur'ная симфонія Шумана; 2) арія Пажа изъ „Гугенотовъ“; пѣла новая пѣвица Консерваторіи—Крутикова; хорошій голосъ, но поетъ безстрастно, ученически, и, кажется, не даровита; 3) концертъ венгерскій Іоахима, исполнилъ Ауэръ; 4) Отрывки изъ „Нюренбергскихъ пѣвцовъ“—Вагнера (Мельниковъ пѣлъ соло-пѣсни Ганса Сакса; 5) Прелюдія и арія Баха—

Ауэръ; 6) „Она мнѣ жизнь“—пѣла Крутикова; 7) „Леонора“—Бетховена, № 3. Въ будущую субботу концертъ Безплатной Школы. Милій теперь веселъ, энергиченъ попрежнему, хлопочетъ; спѣвки и репетиціи идутъ дѣятельно. Вчера, виноватъ третьяго дня, т. е. въ пятницу, у Пургольдъ исполняли „Бориса“ всего, кромѣ послѣдняго дѣйствія. Прелесть! Какое разнообразіе! Какіе контрасты! Какъ все теперь округлено и мотивировано. Мнѣ очень понравилось. Какъ опера, „Борисъ“—по моему мнѣнію сильнѣе „Псковитянки“, хотя послѣдняя болѣе богата чисто музыкальными красотами..... Марья Александровна приходила просить совѣта: поступать ли ей въ Консерваторію, или нѣтъ. Лешетицкій и прочіе не соглашаются учить ее иначе, какъ чтобы она совсѣмъ перемѣнила методу игры. Здѣшняя Консерваторія страшно противъ методы Виллуана и Рубинштейновъ. А можетъ быть это благовидный предлогъ, чтобы отказать Маріи Александровнѣ, такъ какъ многаго отъ нея не ожидаютъ, а фортепіанный классъ и безъ того переполненъ. Не только стипендіаткой, — трудно попасть даже въ комплектъ..... Я теперь дѣйствую по всѣмъ статьямъ: читаю лекціи, работаю и проч. У меня опять пошло на ладъ по части устройства лабораторіи — столяры пилятъ, стучатъ, долбятъ, строгаютъ, на полъ летятъ щепки и стружки, въ комнатѣ воняетъ клеемъ и... доказательствомъ натуги, съ которой работаютъ столяры; сегодня газовщики принялись за работы, а печники покончили съ ней. Все это требуетъ постояннаго надзора и понуканій. Сегодня принесли и бракетъ (для сюрпризика Пипи); оказалось, однако, что кое-что нужно тамъ измѣнить. Поэтому легко можетъ быть, что до вашего пріѣзда сюрпризикъ не будетъ готовъ. „Татарочки“, можетъ быть, будутъ только рисованные майчикомъ на бумажкѣ, такъ какъ нѣтъ денежекъ. Увы! кажется, мнѣ придется раскошелиться и сдѣлать новую шинель; прежняя до срамоты неприлична—просто стыдно днемъ ходить по улицѣ. До свиданія, скораго, радостнаго, хм-хм-

шнаго, очень хорошаго! Жду тебя съ нетерпѣніемъ. Твой А. Бородинъ.

17. Къ В. В. Стасову.

1-го марта 1872 года.

Благодарю васъ за вашу крайнюю любезность, многоуважаемый Владиміръ Васильевичъ, и пересылаю вамъ „Море“, равно какъ и Срезневскаго *), которымъ вы мнѣ оказали большую помощь. Будьте здоровы и веселы. Преданный вамъ А. Бородинъ.

18. Н. Н. или А. Н. Пургольдъ **).

Весна 1872 года.

Вообразите мое горе, не могу быть у васъ сегодня, простудился и совсѣмъ расхворался. Позвольте мнѣ вмѣсто себя прислать къ вамъ моего двоюроднаго брата, Митю, и профессора Доброславина, которыхъ вы однажды уже удостоили честью быть у васъ. Этимъ вы доставите обоимъ безконечное наслажденіе, такъ какъ оба они ярые поклонники „Бориса“ ***), и одинъ изъ нихъ назвалъ даже своего сына Борисомъ. Еслибы у него родилась дочь, я увѣренъ, что онъ назвалъ бы ее „Псковитянкой“, хотя такого имени въ святцахъ не имѣется. Зная, какъ вы меня балуете всегда (помню: черепаху, сочувствіе къ моей музыкѣ, три яйца въ смятку, чай въ неуказанное время и пр.), я увѣренъ, что вы не откажете въ просьбѣ глубоко-преданному А. Бородину.

---

*) Сочиненіе профессора И. И. Срезневскаго: „О богослуженіи славянъ“. Его Бородинъ тщательно изучалъ при сочиненіи музыки къ IV-му акту „Млады“. В. С.

**) Такова подпись на конвертѣ. В. С.

***) „Борисъ Годуновъ“, опера Мусоргскаго, которую въ то время много разъ исполняли въ семействѣ Пургольдъ. В. С.

19. Къ Над. Ник. Пургольдъ.

31-го марта 1872 года.

Прибѣгаю къ вамъ съ большою просьбою: пришлите мнѣ, пожалуйста, оба дуэта мои *). Мнѣ они очень нужны. Я написалъ сцену явленія тѣней и сцену обращенія Войславы къ Моренѣ**). Остается свести концы съ концами и вписать все куда слѣдуетъ. Еще прошу васъ убѣдительно прислать мнѣ тетрадочку или двѣ той самой бумаги, какой мнѣ преподнесъ Николай Андреевичъ. Эта бумага и ваша черепаха ***) производятъ чудеса; изъ такого лѣнтяя, какъ я, сдѣлали человѣка, который сидитъ и пишетъ, пишетъ, пишетъ. Я подозрѣваю, что бумага и черепаха достались вамъ изъ храма Радегаста и потому именно обладаютъ такою чудесною силою. Не будьте же Мореной ****), пришлите все, о чемъ прошу и за что благодарю заранѣе. Александрѣ Николаевнѣ скажите, что я паинька, какимъ и постараюсь быть до тѣхъ поръ, пока не приду въ негодность. Не пришлете бумаги и дуэты — испорчусь мгновенно, и придется вамъ дарить мнѣ вторую черепаху бо̀льшихъ размѣровъ, нежели первая. Жена вамъ усердно кланяется. Вашъ А. Бородинъ.

---

*) Изъ оперы „Млада“. На автографномъ оригиналѣ дуэта Яромира съ Войславой стоитъ дата: 12-го марта 1872 г. В. С.

**) На автографномъ оригиналѣ этихъ двухъ сценъ написана дата: 14-го апрѣля—время положенія этихъ сочиненій на бумагу. Въ тотъ же день написаны также (сочиненные раньше): „Разливъ, буря, гибель храма“, „Явленіе Млады“ и „Апоѳеозъ“. В. С.

***) Игрушечка, подаренная ему, какъ упрекъ за его медленность. В. С.

****) Злая волшебница въ „Младѣ“, сцену съ которою сочинялъ тогда Ц. А. Кюи. В. С.

20. Къ А. Н. Пургольдъ.

Осень 1872 года.

Вы обѣщали „постараться“ быть у насъ. „Постарались“ или нѣтъ? Если постарались, то какое это стараніе: всамдѣлишное, или нѣтъ, т. е. увѣнчается оно результатомъ, или нѣтъ? Вотъ вопросы, которые не даютъ мнѣ покоя. Если будете у насъ сегодня, пріѣзжайте пораньше. Пришлите словечко въ отвѣтъ. Горящій нетерпѣніемъ видѣть васъ сегодня у насъ А. Бородинъ.

21. Къ В. В. Стасову.

2-го января 1873 года.

Многоуважаемый Владиміръ Васильевичъ, можете представить себѣ мою скорбь по случаю отсутствія моего на торжествѣ. Пришелъ окончательно въ негодность и уподобился тому грѣшнику, о которомъ писано въ „Атенеѣ“:

„Потёкъ—и ослабѣлъ;
Напрягся—и упалъ“.

Примите заочно мои поздравленія (или правильнѣе наши, потому что въ этой операціи участвуетъ и жена моя). Быть можетъ къ четвергу починюсь и буду у вашего брата на Сергіевской. Искренно преданный вамъ А. Бородинъ.

22. Къ К. С. Бородиной.

5-го октября 1873 г.

...Во вторникъ утромъ я, по обыкновенію, читалъ лекціи и проч. Вечеромъ пошелъ къ Кюи, который приглашалъ меня еще въ воскресенье. У него былъ всякій людъ: Бессель, Модинька, Лядовъ, Саріотти, Коммисаржевскій (съ женою), Стасовы и пр. Исполняли „Тизбу“. Бессель сообщилъ

мнѣ, между прочимъ, что Θифъ *) принесъ въ одно общество мои романсы съ намѣреніемъ ужасать публику безобразіемъ новой музыки, и началъ глумиться надъ ними. Въ обществѣ былъ піанистъ Гартвигсонъ, ученикъ Листа, солистъ датскаго короля. Тотъ пришелъ въ ужасный восторгъ отъ романсовъ, началъ горячо защищать ихъ и сѣлъ играть, говоря, что изъ нихъ можно и нужно сдѣлать фортепіанныя вещи, и что вещи эти будутъ очень хороши. Θифъ, неожидавшій этого, огорчился и очень удивился такому заявленію.—Когда я еще сидѣлъ у Кюи, началась пальба съ крѣпости; вѣтеръ свистѣлъ и завывалъ все сильнѣе и сильнѣе. Кто-то пришелъ и сообщилъ, что вода сильно поднялась и черезъ Литейный мостъ прекратили ѣзду. Я бросился домой. Кюи просилъ меня остаться у него ночевать, но я не остался. Иду по улицѣ—вѣтеръ валитъ съ ногъ; мелкіе камешки, щепки, песокъ летятъ по улицѣ и бьютъ по лицу точно розгами. Вода въ Невѣ поднялась въ уровень съ тротуаромъ. Суда прибило къ берегу. Не прошло двухъ минутъ,—улицу начало заливать. Я—бѣгомъ на мостъ. Не пускаютъ. Насилу я проскочилъ черезъ огромную щель, образовавшуюся въ мосту на мѣстѣ соединенія пловучей части съ береговою. Я пробѣжалъ бѣгомъ по мосту, который качался какъ корабль, и трещалъ, какъ будто его ломали тысячи рабочихъ рукъ. Ревъ вѣтра и прибой волнъ, сѣдыя гривы которыхъ хватали чуть не на мостъ—дополняли картину, освѣщаемую, какъ молніей — выстрѣлами. Суда подрейфовало и навалило на мостъ. Около нашего берега тонула барка съ известью, возлѣ нея другая съ капустою; судорабочіе въ ужасѣ кричали о помощи, и, къ счастію, по обломкамъ добрались до берега, промокшіе до костей. Доски, бревна, мачты летѣли и ломались, какъ лучинки. На ломавшіяся барки, до половины погрузившіяся въ воду, нанесло новыя барки съ дровами, плотъ, нѣсколько

*) Θеофилъ Толстой, писавшій музыкальныя критики съ подписью: „Ростиславъ“. В. С.

мелкихъ судовъ. Все это крушилось, трещало, качалось, доски летѣли, какъ щепки; крики людей, ревъ вѣтра, выстрѣлы съ крѣпости, гулъ волнъ—все это смѣшалось въ общій, ужасный шумъ, гдѣ нельзя было бы разслышать собственнаго слова. Вдали вспыхнуло зарево пожара и дополняло картину. Къ счастью, люди всѣ спаслись. Я былъ послѣдній, перешедшій черезъ мостъ. Прихожу домой: у насъ шумъ, крикъ, переполохъ. Подвальный этажъ начало заливать. Всѣ выбирались наверхъ. По лѣстницамъ сновали бабы и служителя, шлепая по водѣ, уровень которой постоянно подымался. Вскорѣ всѣ перетащили что̀ можно въ корридоръ, представлявшій подобіе цыганскаго табора. Самые разнообразные предметы тѣснились въ кучу: сундуки, рухлядь, платье, посуда, дѣти, бѣлье, кошки, образа, мебель, женщины, перины, подушки, самовары и пр. Перетащивъ лабораторію, т. е. все цѣнное, подверженное порчѣ—я пошелъ съ Митей *) на улицу. До половины, улицу залило водою. Мы прошли далѣе. На площади около гауптвахты все было покрыто выступившею водою, мы могли дойти только до Астраханской улицы, далѣе идти было уже невозможно. Посреди улицы плавала бѣлая масса, которую мы сначала приняли за человѣка: оказалось, что это были гуси и утки, загнанные бурею и барахтавшіеся въ импровизированной рѣкѣ. Путь къ Самсоньевскому мосту былъ залитъ. Несчастные извозчики, застигнутые наводненіемъ, ѣхали въ бродъ. Лошади по колѣно тонули въ водѣ. Этакого наводненія я никогда еще не видалъ. Оказалось потомъ, что въ другихъ мѣстахъ было еще хуже, на Караванной, Морской и пр. Васинька нашъ былъ очень испуганъ наводненіемъ и, задравъ хвостъ, стрѣлою пробѣжалъ по водѣ, прямо ударился въ каминную и успокоился только черезъ нѣкоторое время, устроившись на ночь на платьѣ К. Е. На другое утро, когда вода сбыла, видъ погрома былъ ужасный:

*) Братъ Бородина. В. С.

вся Нева около берега и близь моста была усѣяна досками, обломками, между которыми плавали кочни капусты, дрова и пр. Одну барку нанесло, поперегъ, на нашу водокачальню, и когда уровень воды понизился, барка переломилась пополамъ, представляя очень странный видъ какой-то гигантской сломанной дѣтской игрушки. Утро въ среду ушло опять на лекціи и пр. Вечеромъ было засѣданіе конференціи, гдѣ Ціонъ подалъ ....шую жалобу на Ванчуша. Ванчушъ держалъ себя съ большимъ достоинствомъ и довелъ своимъ хладнокровіемъ Ціона до бѣшенства.... Пока я пишу тебѣ эти строки, Васька сидитъ у меня на шеѣ и тщательно лижетъ голову, пробирая между волосами тонкимъ и липкимъ языкомъ. Съ нѣкоторыхъ поръ онъ меня принимаетъ за подобнаго ему кота, съ которымъ состоитъ въ дружескихъ отношеніяхъ, повадился спать у меня на столѣ, на книгахъ, въ самой удобной позѣ.... Ну, прощай, пора спать. Завтра у меня лекція въ 9 часовъ утра, а теперь 1 часъ ночи. Спите! Поцѣлуй нашихъ... Твой А. Бородинъ.

23. Къ В. В. Стасову.

15-го октября 1873 г.

Многоуважаемый Владиміръ Васильевичъ, съ душевнымъ прискорбіемъ извѣщаю васъ—если не о кончинѣ, то, по крайней мѣрѣ, о полной невозможности двинуться къ вамъ. Нога моя наказала-таки меня за игнорированіе медицинской мудрости. Теперь я обреченъ на лежаніе и сидѣніе въ теченіе нѣсколькихъ дней. Тѣло мое на кушеткѣ, но духъ съ вами. Жму вашу руку. А. Бородинъ.

24. Къ М. Н. Римскому-Корсакову *).

18-го октября 1873 г.

Милостивый государь Михаилъ Николаевичъ, вашъ па-

*) Это шуточное письмо писано къ сыну Н. А. Римскаго-Корсакова, ему было тогда всего 2 мѣсяца отъ роду. В. С.

пенька далъ мнѣ трубу, не совсѣмъ, а только поиграть. Теперь я въ большомъ затрудненіи. Папенька вашъ просилъ возвратить ее поскорѣе, а маменька, не любящая вообще шумныхъ игрушекъ, просила продержать ее подольше. Не находя возможнымъ выполнить оба желанія одновременно, я рѣшился обратиться къ вамъ съ просьбою вывести меня изъ затруднительнаго положенія: пересылаю игрушку вамъ, предоставляя на ваше усмотрѣніе, какъ поступить съ нею далѣе. При этомъ считаю нужнымъ предупредить васъ: не берите этой трубы въ ротъ—она мѣдная. Простите, что я позволяю себѣ давать вамъ подобные совѣты, вы еще такъ молоды; я старше васъ, больше живу на свѣтѣ, а потому опытнѣе (кромѣ того, я учился медицинѣ). Мнѣ хорошо извѣстно, что молодые люди вашего возраста склонны къ подобнаго рода увлеченіемъ, и безъ всякой осторожности берутъ въ ротъ все, что попадаетъ подъ руку. Я самъ когда-то имѣлъ эту привычку, правда, очень давно, но впослѣдствіи совершенно отсталъ отъ нея. И такъ, повѣрьте, что если я позволилъ себѣ дать подобный совѣтъ, то единственно изъ желанія добра молодому человѣку.

Передайте мой искренній привѣтъ вашей милой маменькѣ и извинитесь передъ папенькой, если я задержалъ игрушку слишкомъ долго.

Примите увѣренія, милостивый государь, въ истинномъ почтеніи и преданности. А. Бородинъ.

25. Къ В. В. Стасову.

10-го ноября 1873 г.

Мнѣ очень больно, что не могу быть у Людмилы Ивановны. Я все еще безъ ноги. Г-жѣ Кармалиной передайте, что я глубоко тронутъ ея вниманіемъ и любезностью и весьма дорожу честью быть представленнымъ ей. Я о ней много слышалъ, какъ о даровитой артисткѣ, горячо любящей и понимающей искусство, а потому высоко цѣню ея сочув-

ствіе къ моей музыкѣ. Что же касается до посѣщенія меня, то я рѣшительно протестую. Какъ мнѣ ни желательно познакомиться съ нею, но думаю, что слѣдуетъ отклонить ее отъ этого намѣренія. Посудите сами: переправы нужной нѣтъ *), морозъ, снѣгъ... Нѣтъ, это рѣшительно невозможно! Авось я поправлюсь и самъ въ состояніи буду ѣхать къ ней. Вѣроятно она еще пробудетъ нѣкоторое время въ Петербургѣ. Передайте мой искренній привѣтъ Людмилѣ Ивановнѣ и выразите ей всю скорбь мою. Жму вашу руку. Искренно преданный вамъ А. Бородинъ.

26, Къ нему же.

3-го января 1874 г.

Письмо ваше получилъ своевременно, но попасть къ вамъ не могъ. Вотъ уже три дня, какъ я прихварываю. Надѣялся починиться немного и отправиться къ вамъ вчера, но къ вечеру у меня сдѣлалось лихорадочное состояніе, головная боль и прочія прелести. Это помѣшало мнѣ принести поздравленіе по случаю вашего домашняго праздника и пожелать: чтобы за 50-мъ годомъ рожденія праздновать: 51-ый, 52-ой, 53-ій и т. д., въ порядкѣ цѣлыхъ чиселъ до 100 и болѣе, и притомъ, чтобы я каждый разъ былъ живъ и здоровъ и присутствовалъ на праздникѣ. Жена поздравляетъ васъ и жметъ вашу руку. Весь вашъ А. Бородинъ.

27. Къ Л. А. Куломзиной.

С.-Петербургъ, 18-го сентября 1874 г.

Пользуюсь любезнымъ позволеніемъ написать вамъ о томъ, какъ мы добрались домой...

... Путешествіе въ Москву было менѣе удобно уже тѣмъ, что поѣздъ былъ переполненъ народомъ и намъ пришлось

*) Александровскій мостъ въ то время еще строился. В. С.

просидѣть всю ночь; такая была тѣснота повсюду. Не смотря на это, Катя уснула отлично, до того ее укачала ѣзда въ экипажѣ и воздухъ. Я же не спалъ всю ночь и передо мною проходили, какъ въ панорамѣ, и Губачово, и Рожново, со всѣми мирными, ясными, свѣтлыми воспоминаніями о проведенномъ тамъ времени, о хорошихъ людяхъ и хорошей природѣ... Въ Москвѣ мы нашли хорошую погоду и открытыя объятія доброй старушки матери, которая насъ ждала и несказанно была рада нашему пріѣзду. Черезъ два дня я уѣхалъ въ Питеръ съ Лизой, а Катя осталась у матери на неопредѣленное время. На желѣзной дорогѣ между Москвою и Петербургомъ я встрѣтилъ цѣлую компанію моихъ ученицъ, которыя возвращались изъ Крыма. Онѣ меня и Лизу закормили виноградомъ уму непостижимой сладости и мы провели время очень пріятно.

Теперь я дома, всецѣло окунулся въ омутъ академической жизни—экзамены, переэкзаменовки, лекціи, лаборатоpія, конференціи, комиссіи, рапорты, донесенія,—все это охватило меня сразу, такъ что не дало даже путемъ осмотрѣться. Но я, какъ полковая лошадь, услышавшая трубу, навострилъ уши и ринулся со свѣжими силами въ строй академической дѣятельности. Изъ-за всего этого, гдѣ-то, вдалекѣ—очень далеко сквозятъ мирные образы Губачова, Рожнова. Домикъ Рожновскій опять погрузился въ зимнюю спячку, отдѣлавшись отъ докучливыхъ посѣтителей, нарушившихъ его многолѣтній сонъ. И съ тѣхъ поръ въ Хуторкѣ никого не живетъ и даже соловей—и тотъ не поетъ, а только индѣйскій пѣтухъ глупо кричитъ на дворѣ, сопровождая свою глупую подругу по опустѣлой усадьбѣ. Полкашка и Кутузка уныло глядятъ на балконъ, откуда никто имъ не выкинетъ косточки; мухи подохли. двухвостки разбрелись, голуби на чердакѣ притихли... Настаетъ осень и скоро—зима! Записался. Прощайте, жму дружески ваши руки, кланяюсь Жанѣ Антоновнѣ, дѣтишекъ цѣлую. Вашъ А. Бородинъ.

28. Къ М. П. Мусоргскому.

Ноябрь 1874 г.

Голубчикъ Модестъ Петровичъ, вы были такъ милы, что дали согласіе на приглашеніе васъ къ участію въ концертѣ 2-го декабря въ пользу нашихъ студентовъ. Податель этой записки — депутатъ отъ студенчества нашего и передастъ вамъ, вмѣстѣ со мною, просьбу не отказать въ участіи.

Пѣть будутъ Меншикова, Каменская, Палечекъ, Энде, Бичурина. Рояль Шредера. Жму вашу руку. Если что нужно—черкните словечко поскорѣе. Вашъ А. Бородинъ.

29. Къ Л. И. Кармалиной.

С.-Петербургъ, 15-го апрѣля 1875 г.

....Всякій человѣкъ болѣе или менѣе эгоистъ и охотно говоритъ о себѣ. Я человѣкъ, слѣдовательно не лишенъ этой слабости. Потому начинаю съ себя. Мнѣ въ этотъ длинный промежутокъ времени жилось всяко: болѣе скверно, впрочемъ, чѣмъ хорошо. За выходомъ одного изъ нашихъ профессоровъ химіи, доля труда, который несъ послѣдній, пала на меня, и эта новая дѣятельность, требовавшая предварительной организаціи учебнаго труда, поглощала у меня много времени. Далѣе, Академія наша находится на скамьѣ подсудимыхъ и ждетъ рѣшенія своей участи. Положеніе это исключительное, переходное, крайне скверно отзывается на всѣхъ дѣлахъ Академіи, а слѣдовательно и на положеніи моей каѳедры. Множество хлопотъ, заботъ, нужной и ненужной возни, при относительно туго подвигающемся успѣхѣ дѣла, плохихъ финансовыхъ дѣлахъ каѳедры и проч., далеко не располагаютъ къ хорошему настроенію духа и оставляютъ очень мало досуговъ для любимыхъ занятій. Домашнія дѣла идутъ тоже не блестяще, — бѣдная жена моя все хвораетъ, и нынѣшній годъ болѣе, чѣмъ предыдущіе.

Одно, что меня нѣсколько хорошо настроиваетъ, это—дѣла женскихъ курсовъ, которые хотя и много отнимаютъ у меня времени, но за то даютъ нравственное удовлетвореніе, совершенно отвѣчающее ожиданіямъ. Вслѣдствіе учебныхъ и ученыхъ занятій, всякихъ комиссій, комитетовъ, засѣданій и проч., и проч., мнѣ почти не остается досуговъ для музыки. Я только урывками кое-когда улучу минутку, чтобы посмотрѣть что-нибудь новое, послушать другихъ и т. д. Самому работать на музыкальномъ поприщѣ почти не приходится. Если и есть иногда физическій досугъ, то недостаетъ нравственнаго досуга — спокойствія, необходимаго для того, чтобы настроиться музыкально. Голова не тѣмъ занята. Я нынче только издалъ фортепіанное переложеніе первой симфоніи моей — и только. Арранжементъ второй симфоніи такъ и застрялъ на половинѣ. Однако же, подобно чахоточному больному, который хотя и на ладанъ дышетъ, но все толкуетъ о томъ, какъ уѣдетъ на югъ, будетъ пить козье молоко, гулять въ рощѣ и проч., я тоже толкую объ оперѣ, которую собираюсь писать; только между чахоточнымъ и мною та разница, что онъ можетъ приводить въ исполненіе свои планы, когда поправляется здоровьемъ, я же—наоборотъ, когда заболѣю. Когда я боленъ настолько, что сижу дома, ничего дѣльнаго дѣлать не могу, голова трещитъ, глаза слезятъ, черезъ каждыя двѣ минуты приходится лазить въ карманъ за платкомъ, — я сочиняю музыку. Такъ и нынче, я два раза въ году былъ боленъ подобнымъ образомъ, и оба раза болѣзнь разрѣшилась появленіемъ новыхъ кирпичиковъ для зданія будущей оперы. Опера эта „Князь Игорь“. Матеріалы мнѣ доставилъ В. В. Стасовъ. Либретто я стряпаю самъ. Написалъ большой маршъ „Половецкій“, выходную арію Ярославны, „Плачъ Ярославны“ для послѣдняго дѣйствія, женскій хорикъ въ половецкомъ лагерѣ, кое-что для танцевъ (восточныхъ—такъ какъ половцы все-таки восточный народъ). У меня уже накопилось не мало матеріаловъ и даже готовыхъ номеровъ,

оконченныхъ и закругленныхъ (напримѣръ, хоры, арія Кончаковны и проч.). Но когда мнѣ удастся все это завершить? Недоумѣваю.

Одна надежда на лѣто. Но лѣтомъ я долженъ дооркестровать вторую симфонію, которую давнымъ-давно обѣщался доставить куда слѣдуетъ и, къ стыду моему, не доставилъ до сихъ поръ. Нужно еще окончить переложеніе ея для фортепіано, котораго давно ждетъ Бессель. Еще—къ ужасу Стасова и Модеста (Мусоргскаго) набросалъ струнный квартетъ, который тоже нѣтъ времени докончить. Страшно! Стыдно! Жалко! Смѣшно! А вѣдь ничего не подѣлаешь? Подобно Клоду Фролло въ „Notre Dame de Paris", останется только написать на стѣнѣ по-гречески—„Fatalité"—и успокоиться. Больше ничего не придумаю. Вѣроятно, вы уже слышали кое-что о нашихъ музыкальныхъ дѣлахъ отъ нашихъ музыкальныхъ друзей и проч. Кюи дѣйствуетъ—много сдѣлалъ въ Тизбѣ своей. Модестъ пишетъ „Хованщину" и тоже сдѣлалъ порядочно. Корсинька возится съ Безплатною Школой, пишетъ всякіе контрапункты, учится и учитъ всякимъ хитростямъ музыкальнымъ. Пишетъ курсъ инструментовки—феноменальный, которому подобія нѣтъ и никогда не было; но тоже не имѣетъ времени пока, и оставилъ работу въ ожиданіи досуговъ. Онъ выступилъ въ посту съ концертомъ Безплатной Школы, что вамъ, безъ сомнѣнія, уже извѣстно. Музыки не пишетъ пока. Безъ сомнѣнія, вы много слышали о разладѣ, распаденіи и проч. нашего кружка. Я на это смотрю не совсѣмъ такъ, какъ Людмила Ивановна и многіе другіе. Пока я не вижу тутъ ничего, кромѣ естественнаго положенія вещей. Пока всѣ были въ положеніи яицъ подъ насѣдкою (разумѣю подъ послѣднею Балакирева), всѣ мы были болѣе или менѣе схожи. Какъ скоро вылупились изъ яицъ птенцы—обросли перьями. Перья у всѣхъ вышли по необходимости различныя; а когда отросли крылья—каждый полетѣлъ, куда его тянетъ по натурѣ его. Отсутствіе сходства въ направленіи, стремле-

ніяхъ, вкусахъ, характерѣ творчества и проч., по-моему, составляетъ хорошую и отнюдь не печальную сторону дѣла. Такъ должно быть, когда художественная индивидуальность сложится, созрѣетъ и окрѣпнетъ. (Балакиревъ этого какъ-то не понималъ и не понимаетъ). Многихъ печалитъ теперь то обстоятельство, что Корсаковъ поворотилъ назадъ, ударился въ изученіе музыкальной старины. Я не скорблю объ этомъ. Это понятно: Корсаковъ развивался обратно, нежели, напримѣръ, я. Онъ началъ съ Глинки, Листа, Берліоза, ну, разумѣется, пресытился ими и ударился въ ту область, которая ему неизвѣстна и сохраняетъ интересъ новизны. Я началъ со стариковъ, и только подъ конецъ перешелъ къ новымъ.—Но пора кончить. Въ заключеніе скажу вамъ, что, не смотря на эфемерное знакомство наше съ вами, мы съ женой часто вспоминаемъ васъ и то высокое художественное наслажденіе, которое вы доставили намъ въ послѣдній вечеръ. Остается желать, чтобы вы скорѣе навѣстили Петербургъ и не забыли насъ. А пока жму вамъ дружески руку и прошу прощенія за безалаберное письмо нелѣпѣйшаго изъ вашихъ почитателей А. Бородина.

30. Къ Л. А. Куломзиной.

Москва. 29-го іюля 1875 г.

Много времени прошло, много, какъ говорится, воды утекло съ тѣхъ поръ, какъ я получилъ ваше милое письмо, многоуважаемая Лизавета Александровна. Вотъ и зима прошла и весна, боюсь сказать—и лѣто прошло; если не прошло, то наисходѣ. Убираютъ хлѣбъ, жнутъ; цвѣтутъ астры, осенніе цвѣты; рябина краснѣетъ порядкомъ; клубника и земляника стали предметомъ для пріятныхъ воспоминаній, малина отживаетъ послѣдніе дни; дѣти, отпущенныя на вакацію, начинаютъ зубрить, переводить и писать заданные уроки. Вотъ надняхъ былъ ровно годъ, какъ вы приходили къ намъ пѣшкомъ съ однимъ изъ отпрысковъ ва-

шей семьи, изъ Губачова въ благословенное Рожново. Это было наканунѣ Смоленской Божіей Матери. Помните, какъ вамъ громоздили импровизированную постель изъ дверныхъ досокъ и ящиковъ въ комнатѣ Марьи Александровны? Какъ мы пріятно, семейно провели тогда вечеръ! Я съ наслажденіемъ вспоминаю прошлое лѣто, Губачово съ его радушіемъ и истинно-родственной теплотой и заботливостью, Рожново съ его архаической простотою нравовъ, свободою, широко раскинутыми полями, съ волнующейся рожью, запущеннымъ, поросшимъ садомъ, моею любимою липою, гдѣ я работалъ и лѣнился одинаково съ наслажденіемъ, забывая вполнѣ всю мелкую возню, всѣ дрянныя дрязги, которыми преисполнена жизнь. Да, много времени утекло... А я, къ стыду моему, только теперь собрался писать вамъ! Только теперь посылаю вамъ слово благодарности за все расположеніе, всю готовность пріютить насъ нынѣшній годъ въ вашемъ сосѣдствѣ. Скверно, мерзко, пакостно... Ну, словомъ, не пріищу эпитета, которымъ бы окрестить мое отношеніе къ вамъ. Этому причиной, впрочемъ, отчасти та неустойчивость, неувѣренность, постоянное колебаніе, которыя фаталистически преслѣдовали меня во всемъ, что окружало меня нынѣшній годъ. Находясь въ зависимости отъ окружающихъ обстоятельствъ, я въ свою очередь былъ нерѣшителенъ, сидѣлъ у моря и ждалъ погоды; не зналъ, какъ отвѣчать вамъ на ваши любезныя приглашенія и предложенія. Такъ шли дни за днями, недѣли за недѣлями. Вопросъ о передачѣ Академіи въ министерство народнаго просвѣщенія и всѣ послѣдствія отсюда не позволяли мнѣ располагать лѣтомъ вполнѣ по моему усмотрѣнію. Вопросъ этотъ затянулся неимовѣрно, и это отразилось очень непріятно на моей академической дѣятельности. Всѣ ремонтныя работы по лабораторіи, всѣ проекты по организаціи учебныхъ занятій, вопросъ о бюджетѣ каѳедры и пр., и пр.,—все затянулось до рѣшенія главнаго, жизненнаго вопроса Академіи! А между тѣмъ время шло; я не зналъ,

гдѣ и какъ мнѣ придется проводить лѣто. Вотъ почему я не могъ отвѣчать вамъ; отвѣчать надобно было категорически, а я самъ не зналъ, что̀ мнѣ предстоитъ лѣтомъ. Вслѣдствіе необходимости побывать въ теченіе лѣта въ Петербургѣ по случаю капитальнаго ремонта лабораторіи и организаціи учебнаго кабинета, я вынужденъ былъ отказаться отъ мысли заѣхать слишкомъ далеко, и рѣшился остаться въ Москвѣ. Нѣсколько разъ я думалъ совершить прогулку къ вамъ въ Губачово для освѣженія, но и это не состоялось по разнымъ причинамъ, о которыхъ говорить не стоитъ. Вотъ я и сѣлъ писать вамъ. Любо—читайте, нѣ любо—бросьте. О себѣ писать мнѣ нечего; я всю зиму заваленъ былъ дѣломъ по каѳедрѣ, по Академіи, всякими комитетами и комиссіями. Собирался снять съ себя фотографическую карточку и прислать вамъ, но (опять приходится краснѣть) не собрался до снхъ поръ; вышлю вамъ осенью съ повинною за промедленіе. Музыкой почти не занимался вовсе, если не считать изданія моей первой симфоніи въ 4 руки и управленія хорами въ студенческомъ концертѣ, и еще кое-чего... Наша питомица, Раида, вышедшая замужъ и остававшаяся зимой у насъ, подарила меня здоровеннымъ внукомъ, при рожденіи котораго я исполнялъ отчасти должность повитухи (où va se nicher la chimie!). Не ограничиваясь этою ролью по отношенію къ младенцу, я дѣйствовалъ въ качествѣ крестнаго отца, и столь же успѣшно, какъ и въ первомъ случаѣ. Изъ нашихъ общихъ знакомыхъ я могу, хочу и обязанъ сообщить вамъ о милѣйшей, добрѣйшей, чудодѣйственнѣйшей, неизмѣнной Маріи Александровнѣ, которую я уважаю все болѣе и болѣе по мѣрѣ того, какъ я ее узнаю. Это добрѣйшая, честнѣйшая, откровеннѣйшая, безхитростнѣйшая натура въ свѣтѣ. Еслибы она была Господомъ Богомъ, къ ней бы вполнѣ примѣнялась первая заповѣдь: „Азъ есмь... да не будутъ тебѣ иніи... развѣ мене“... И воистину не отыскать другой Марьи Александровны Миропольской. Говоря о ней, я невольно вспоми-

наю наши съ ней похожденія въ тотъ день, когда мы ѣздили поклониться Суздальской святынѣ. Помните, какъ она васъ серьезно упрекала въ томъ, что вы „юродствуете“? Я, кажется, никогда въ жизни не смѣялся такъ, какъ тогда! Въ этомъ отношеніи она осталась совершенно вѣрна себѣ и чудитъ попрежнему. Такъ, напримѣръ, въ Москвѣ она съумѣла отыскать гдѣ-то такія изумительныя очки, что второго экземпляра ихъ, держу пари, не найдешь ни за какія деньги. Вообразите себѣ: стекла стариннѣйшихъ часовъ съ ладонь величиною, совсѣмъ круглыя и выпуклыя, закрывающія половину лица! Что за изумительнѣйшая оправа! Ну, словомъ, хоть въ любую археологическую коллекцію. Сознавая нѣсколько, что какъ будто зазорно щеголять въ такихъ очкахъ, милѣйшая Марья Александровна вздумала прятать ихъ отъ взоровъ проходящихъ. Для этого она устраивала (и, надобно сознаться, очень хитро) нѣчто въ родѣ трубы изъ большого платка; въ глубинѣ этой трубы помѣщались очки и лицо Марьи Александровны. Но этого ей показалось недостаточно; поэтому она вздумала закрываться маленькимъ зонтикомъ, какъ будто отъ солнца; не забудьте, что это зимой въ пасмурную погоду, когда надъ Петербургомъ висятъ непроглядныя сѣрыя тучи! Я всегда пророчилъ ей, что ее заберутъ въ участокъ; искренно радъ, что пророчество не сбылось. Она, по обыкновенію, очень усердно и хорошо занималась, невообразимо волновалась передъ экзаменами; передъ каждымъ экзаменомъ бѣгала и увѣряла всѣхъ, что на этомъ экзаменѣ непремѣнно провалится и, разумѣется, выдерживала экзаменъ не хуже другихъ. Теперь она уже на третьемъ курсѣ. Помимо занятій своихъ, которыхъ нынѣшній годъ было ей по-горло, она возилась, по обыкновенію, со всякими нуждающимися въ помощи и все это искренно, тепло, просто, безъ всякихъ фразъ, безъ книжныхъ принциповъ! Право, это въ высшей степени симпатичная натура и я отъ души ее уважаю, хотя и не могъ не посплетничать; что дѣлать! Если есть латинская по-

словица: „человѣку свойственно ошибаться“, я бы долженъ прибавить русскій параграфъ ея: „человѣку свойственно сплетничать“. Это было бы даже правильнѣе съ естественно-исторической точки зрѣнія. Ошибаться свойственно не только человѣку, но и всѣмъ животнымъ: птица ошибается, принимая пугало на огородѣ за человѣка, рыба ошибается, принимая искусственную мушку за настоящую и т. д. Слѣдовательно, свойство это—не характеристическая черта человѣка въ отличіе отъ животныхъ. Сплетничать же свойственно только одному человѣку. Я человѣкъ, поэтому и т. д. Всю эту quasi-философскую тираду я выписываю, чтобы оправдать себя въ маленькой сплетнѣ по отношенію къ Маріи Александровнѣ. Не знаю, собралась ли она къ вамъ? Она собиралась и соблазняла насъ съѣздить къ вамъ. Я ее не видѣлъ еще съ Петербурга и не знаю, гдѣ она теперь. Что касается до насъ, мы живемъ въ Москвѣ, на краю города, за Калужскими воротами, въ Голицынской больницѣ. Съ нами повторилась басня о разборчивой невѣстѣ, которая разбирала, разбирала женіховъ и кончила тѣмъ, что вышла за калѣку! Впрочемъ, дѣйствительно, мудрено было найти что-нибудь подходящее къ тѣмъ условіямъ, которыя насъ связываютъ. Катѣ, помимо всего этого, доставляетъ громадное нравственное удовлетвореніе, такъ какъ тутъ же живетъ ея мать, великолѣпнѣйшая, эпическая старушка, доброты неописанной, которую я люблю, какъ родную мать. Мы съ А. П. Діанинымъ неистово купаемся въ Москвѣ-рѣкѣ; купанье, которое здѣсь, дѣйствительно, великолѣпно, единственное преимущество передъ Рожновымъ, все же остальное заставляетъ насъ часто вспоминать съ любовью Рожновскую природу, хотя, впрочемъ, и здѣсь очень и очень недурно. Что касается до людей, то здѣсь они также очень милые и радушные. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ заключить, чтобы я позабылъ милыхъ людей, съ которыми судьба столкнула меня въ прошлое лѣто. Наоборотъ, я съ удовольствіемъ вспоминаю о моихъ суздальскихъ и владимір-

скихъ знакомыхъ за ихъ любезность, радушіе и гостепріимство, я храню о нихъ самое пріятное воспоминаніе, и всегда радъ отплатить имъ тѣмъ же, если только представится случай... Искренно преданный А. Бородинъ.

31. Къ В. В. Стасову.

18-го сентября 1875 г.

Вы не повѣрите, какъ мнѣ досадно по поводу неудачи относительно свиданія съ вами. Въ субботу непремѣнно я буду у Корсаковыхъ... За горячее участіе къ судьбамъ „Игоря“ и его безалабернаго баяна (разумѣй—меня грѣшнаго) крѣпко жму вашу руку. До субботы ко мнѣ не зову; у меня страшный разгромъ и безпорядокъ. Весь вашъ А. Бородинъ.

32. Къ К. С. Бородиной.

С.-Петербургъ, 19-го сентября 1875 г.

Вѣсти о моей музыкальной дѣятельности въ Москвѣ распространились въ первый же день съ быстротою молній. Стасовъ, Владиміръ, съ Щербачевымъ разлетѣлись ко мнѣ на другой же день, и, разумѣется, не застали меня. Вслѣдъ затѣмъ я получилъ цѣлый рядъ изліяній Владиміра Васильевича, который, однако же, до сихъ поръ еще не слыхалъ моей музыки и услышитъ только въ воскресенье. Признаюсь, я даже не ожидалъ, что мои московскіе продукты произведутъ такой фуроръ. Корсинька въ восторгѣ, Модестъ тоже, Людмила Ивановна приглашаетъ Петровыхъ послушать ихъ. Особенно меня удивляетъ сочувствіе къ первому хору *), который мы пробовали въ голосахъ, и, безъ хвастовства скажу, нашли ужасно эфектнымъ, бойкимъ и ловко сдѣланнымъ въ сценическомъ отношеніи. Кончакъ, само собою разумѣется, тоже произвелъ то впечатлѣніе, какого мнѣ хотѣлось, кромѣ нѣкоторыхъ нелов-

*) 1-й хоръ I-го акта. В. С.

костей, чисто голосовыхъ (которыя надобно исправить). Въ пѣніи онъ выходитъ очень хорошъ. Особенно онъ нравится Корсинькѣ. Ему же, равно и Модесту, ужасно нравится тотъ дикій восточный балетъ, который я сочинилъ послѣ всего въ Москвѣ; помнишь? такой живой, въ $^{6}/_{8}$? Разумѣется, всѣ хоромъ только и твердили, чтобы я писалъ поскорѣе остальное, не откладывая въ долгій ящикъ. Кюи былъ у меня нарочно, чтобы послушать, но не засталъ; онъ, Стасовъ и Щиглевъ приходили затѣмъ-же къ Корсакову, у котораго я обѣщалъ быть, но у насъ какъ разъ было засѣданіе въ этотъ вечеръ и я не былъ у Корсакова. Сегодня Кюи приходилъ еще разъ ко мнѣ, но я уходилъ изъ дому; по дорогѣ зашелъ я къ нему, но успѣлъ проиграть съ нимъ только четырехручное переложеніе симфоніи, которое онъ весьма одобрилъ во всѣхъ отношеніяхъ. Вообще, въ этомъ году никто не бранитъ меня за бездѣятельность по музыкальной части. Кюи кончилъ „Анджело“ и передалъ въ печать; опера пойдетъ въ бенефисъ Мельникова, около декабря, Корсаковъ написалъ 36 фугъ и 16 каноновъ; Модестъ кончилъ первый актъ „Хованщины“ и кое-что сдѣлалъ для другихъ актовъ. Вотъ тебѣ все о музыкѣ... Спѣшу на лекцію. Твой А. Бородинъ.

33. Къ ней же.

С.-Петербургъ, 26-го сентября 1875 г.

...Музыкой тоже занимаюсь мало, такъ какъ время уходитъ на всякія мелкія дрязги, посѣщенія разныхъ пріятелей, болтовню съ ними, да со студентами. Впрочемъ, передѣлалъ кое-что въ Ярославнѣ (въ „Плачѣ“), какъ я это задумалъ. А хочу писать серьезно, потому все идетъ ладно, и музыка моя встрѣчаетъ большое сочувствіе, въ самыхъ разнообразныхъ людяхъ и кружкахъ. Милая Людмила Ивановна вся восторгъ и вниманіе. Петровы оба были приглашены къ ней третьяго дня, нарочно для этого. Они очень

сочувственно отнеслись къ моимъ вещамъ, особенно къ Кончаку, который имѣлъ вездѣ большой успѣхъ. Петровъ пророчитъ операмъ хорошую будущность на сценѣ. Надняхъ былъ у Стасова, который, само собою разумѣется, шумѣлъ, бурлилъ, восторгался. Знаешь, что̀ ему болѣе всего нравится. Та дикая пляска, въ родѣ лезгинки, которую я сочинялъ на послѣднихъ дняхъ въ Москвѣ. Я такъ и ожидалъ. Меньше всего сочувствія встрѣчаетъ мой „Игорь“, въ которомъ всѣмъ жалко моихъ „Тѣней“*), получившихъ въ новомъ примѣненіи совсѣмъ другой характеръ, въ ущербъ музыкѣ, которая въ „Тѣняхъ“ была гораздо эффектнѣе и умѣстнѣе... Ну, прощай... Твой А. Бородинъ.

34. Къ Л. И. Кармалиной.

Москва, 1-го іюня 1876 г.

Искренно и глубокоуважаемая Л. И., большое вамъ спасибо и за память, и за желаніе перекинуться мыслями. Если я не отвѣчалъ вамъ тотчасъ же на ваше милое и теплое письмо, то единственно потому, что оно застало меня въ эпоху самой лихорадочной академической дѣятельности. Подъ конецъ учебнаго года я такъ заваленъ всякими комиссіями, комитетами, экзаменами, диссертаціями, отчетами, лабораторными работами и проч., что совершенно не пригоденъ для дружеской переписки. Въ эту эпоху я вполнѣ напоминаю того Френсиса, въ одной изъ хроникъ Шекспира, который на всѣ вопросы способенъ отвѣчать только: „сейчасъ! сейчасъ!“ Понятное дѣло, что я въ это время всего менѣе музыкантъ и даже совершенно забываю, что когда-либо занимался музыкою. А такъ какъ фонъ ва-

*) „Явленіе тѣней древнихъ славянскихъ князей князю Яромиру, въ храмѣ“ была одна изъ лучшихъ сценъ оперы-балета „Млада“ которую Бородинъ сочинялъ, въ 1872 году, вмѣстѣ съ Мусоргскимъ, Римскимъ-Корсаковымъ и Кюи, по предложенію директора театровъ С. А. Гедеонова. В. С.

шего письма главнымъ образомъ художественный, то я и отложилъ отвѣтъ до наступленія вакацій. Ваше особое мнѣніе относительно нашего музыкальнаго кружка меня очень радуетъ, хотя я съ нимъ и не согласенъ. Мы расходимся, впрочемъ, кажется, болѣе съ внѣшней стороны, нежели въ корнѣ дѣла. Мы не совсѣмъ одинаково понимаемъ самое словое „распаденіе кружка“. Вѣдь и вы тоже находите между нами большое различіе, и вы говорите даже, что произведенія каждаго изъ членовъ кружка до того различны и разнообразны по характеру, и духу, и проч., но вѣдь въ этомъ-то и выражается фактъ „распаденія“. (Понятное дѣло, что вражды, личнаго нерасположенія одного къ другому нѣтъ, да и быть не можетъ при томъ взаимномъ уваженіи, которое связываетъ насъ, какъ людей). А если я нахожу такое распаденіе естественнымъ, то потому только, что такъ всегда бываетъ во всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности. По мѣрѣ развитія дѣятельности, индивидуальность начинаетъ брать перевѣсъ надъ школою, надъ тѣмъ, что человѣкъ унаслѣдовалъ отъ другихъ. Яица, которыя несетъ курица, всѣ похожи другъ на друга; цыплята же, которые выводятся изъ яицъ, бываютъ уже менѣе похожи, а выростутъ, такъ и вовсе не походятъ другъ на друга — изъ одного выходитъ задорный черный пѣтухъ, изъ другого смиренная бѣлая курица. Такъ и тутъ. Общій складъ музыкальный, общій пошибъ, свойственный кружку, остались, какъ въ приведенномъ примѣрѣ остаются общіе родовые и видовые признаки куриной породы, а затѣмъ каждый изъ насъ, какъ и каждый взрослый пѣтухъ или взрослая курица, имѣютъ свой собственный личный характеръ, свою индивидуальность. И славу Богу! Если думаютъ, что мы разошлись, какъ люди, съ Балакиревымъ, то это неправда: мы всѣ его горячо любимъ попрежнему и не щадимъ ни времени, ни усилій, чтобы поддерживать съ нимъ прежнія отношенія... По настоянію вѣчно энергической и горячей Людмилы Ива-

новны, Балакиревъ принялся писать свою недокоиченную „Тамару“. Давай Богъ! Что же касается до остальныхъ насъ, то мы продолжаемъ интересоваться каждымъ проявленіемъ музыкальной дѣятельности другъ у друга. Если не все у каждаго изъ насъ нравится остальнымъ, то это опять-таки естественно — въ частности вкусы и взгляды непремѣнно различны. Наконецъ, у одного и того же, въ различныя эпохи развитія, въ различныя времена, взгляды и вкусы въ частности мѣняются. Все это до-нельзя естественно.

Вы спрашиваете объ „Игорѣ“? Когда я толкую о немъ, то мнѣ самому становится смѣшно. Я напоминаю отчасти финна въ „Русланѣ“. Какъ тотъ, въ мечтахъ о любви своей къ Наинѣ, не замѣчалъ, что время-то идетъ, да идетъ, и разрѣшилъ задачу, когда и онъ, и Наина посѣдѣли и состарѣлись,—такъ и я все стремлюсь осуществить завѣтную мечту — написать эпическую русскую оперу. А время-то бѣжитъ со скоростью курьерскаго поѣзда: дни, недѣли, мѣсяцы, зимы проходятъ при условіяхъ, не позволяющихъ и думать о серьезномъ занятіи музыкою. Не то, что не выберется часа два досужаго времени въ день,—нѣтъ! не выберется нравственнаго досуга; нѣтъ возможности отмахнуться отъ стаи ежедневныхъ заботъ и мыслей, не имѣющихъ ничего общаго съ искусствомъ, которыя родятся и кишатъ постоянно передъ вами. Некогда одуматься, перестроить себя на музыкальный ладъ, безъ чего творчество, въ большой вещи, какъ опера, немыслимо. Для такого настроенія у меня имѣется въ распоряженіи только часть лѣта. Зимою я могу писать музыку только, когда боленъ настолько, что не читаю лекцій, не хожу въ лабораторію, но все-таки могу кое-чѣмъ заниматься. На этомъ основаніи мои музыкальные товарищи, вопреки общепринятымъ обычаямъ, желаютъ мнѣ постоянно не здоровья, а болѣзни. Такъ было и нынче на Рождествѣ—я схватилъ гриппъ, не могъ заниматься въ лабораторіи, сидѣлъ дома и написалъ хоръ славленія для послѣдняго дѣйствія „Игоря“; точно также, во время легкой

болѣзни я написалъ „Плачъ Ярославны“ и т. д. Лѣтомъ я написалъ больше, разумѣется, ибо писалъ и въ то время, когда бывалъ здоровъ; а вообще я хвораю рѣдко. Всего у меня написано акта полтора, а всѣхъ четыре будетъ. Пока я доволенъ тѣмъ, что написано. Довольны и другіе. Хоръ славленія, исполненный въ концертѣ Безплатной Школы, имѣлъ большой успѣхъ, а для судьбы моей оперы имѣлъ существенное значеніе. Нужно замѣтить, что я вообще композиторъ, ищущій неизвѣстности; мнѣ какъ-то совѣстно сознаваться въ моей композиторской дѣятельности. Оно и понятно. У другихъ она прямое дѣло, обязанность, цѣль жизни,—у меня отдыхъ, потѣха, блажь, отвлекающая меня отъ прямого моего, настоящаго, дѣла—профессуры, науки. Кюи въ этомъ случаѣ мнѣ не примѣръ... Я люблю свое дѣло, и свою науку, и Академію, и своихъ учениковъ; наука моя—практическая по характеру занятій, а потому уноситъ множество времени; студенты и студентки мнѣ близки и въ другихъ отношеніяхъ, какъ учащаяся молодежь, которая не ограничивается тѣмъ, что слушаетъ мои лекціи, но нуждается въ руководствѣ при практическихъ занятіяхъ и т. д. Мнѣ дороги интересы Академіи. Вотъ почему я, хотя съ одной стороны желаю довести оперу до конца, но съ другой — боюсь слишкомъ увлекаться ею, чтобы это не отразилось вредно на моей другой дѣятельности. Теперь же, послѣ исполненія хора изъ „Игоря“, въ публикѣ стало уже извѣстно, что я пишу оперу; скрывать и стыдиться нечего; я въ положеніи дѣвушки, которая лишилась невинности и репутаціи, и этимъ пріобрѣла себѣ извѣстнаго рода свободу. Теперь волей-неволей прійдется кончать оперу. Не мало этому помогаетъ и горячее отношеніе къ ней моихъ музыкальныхъ друзей и большой интересъ опернаго персонала — Петровыхъ, Васильева, Кондратьева и пр. Нужно замѣтить, что во взглядѣ на оперное дѣло я всегда расходился со многими изъ моихъ товарищей. Чисто речитативный стиль мнѣ былъ не понутру и не по характеру. Меня

тянетъ къ пѣнію, кантиленѣ, а не къ речитативу, хотя, по отзывамъ знающихъ людей, я послѣднимъ владѣю недурно. Кромѣ того, меня тянетъ къ формамъ болѣе законченнымъ, болѣе круглымъ, болѣе широкимъ. Самая манера третировать оперный матеріалъ—другая. По моему, въ операѣ, какъ въ декораціи, мелкія формы, детали, мелочи не должны имѣть мѣста; все должно быть писано крупными штрихами, ясно, ярко и по возможности практично въ исполненіи, какъ голосовомъ, такъ и оркестровомъ. Голоса должны быть на первомъ планѣ, оркестръ—на второмъ. Насколько мнѣ удастся осуществить мои стремленія,—въ этомъ я не судья, конечно, но по направленію опера моя будетъ ближе къ „Руслану“, чѣмъ къ „Каменному Гостю“, за это могу поручиться. До сихъ поръ курьезно то, что на моемъ „Игорѣ“ сходятся всѣ члены нашего кружка: и ультра-новаторъ-реалистъ Модестъ Петровичъ, и новаторъ въ области лирико-драматической музыки Цесарь Антоновичъ, и строгій относительно внѣшнихъ формъ и музыкальныхъ традицій Николай Андреевичъ, и ярый поборникъ новизны и силы во всемъ, Владиміръ Васильевичъ Стасовъ. „Игоремъ“ пока всѣ довольны, хотя относительно другихъ вещей они во многомъ сильно расходятся. Вотъ вамъ сказаніе о моемъ незаконнорожденномъ и еще недоношенномъ младенцѣ „Игорѣ“.

Теперь перехожу отъ незаконнаго ребенка къ законной женѣ моей Катеринѣ Сергѣевнѣ. Она очень благодаритъ васъ за теплыя слова, обращенныя къ ней, и проситъ передать привѣтъ вамъ и вашему мужу, котораго, къ сожалѣнію, не могла принять, такъ какъ лежала больною. Вообще ея здоровье очень плохо, что̀ немало горя вноситъ въ нашъ, въ другихъ отношеніяхъ, свѣтлый домашній мірокъ. Впечатлѣніе мое на Николая Николаевича*) меня искренно радуетъ, ибо въ данномъ случаѣ оно обоюдное; значитъ

*) Н. Н. Кармалинъ.

мнѣ Н. Н. сразу пришелся по душѣ, сразу подкупилъ меня умомъ, образованіемъ, свѣжестью и трезвостью взгляда на вещи, крайней простотою въ обращеніи, горячимъ интересомъ ко всему жизненному и теплотою въ своихъ человѣческихъ отношеніяхъ; вообще въ немъ на первомъ планѣ стоитъ вездѣ и во всемъ человѣкъ. По моему, это высшая похвала всякому дѣятелю, на какой бы ступени общественной іерархіи онъ ни стоялъ. Узнавъ васъ и его, я теперь понимаю то вліяніе, которое вы имѣете на нравственную сторону быта той среды, гдѣ вы дѣйствуете. Я прежде много слышалъ о васъ обоихъ и отъ Милія, и отъ Людмилы Ивановны, и отъ моихъ учениковъ, которыхъ судьба забросила на Кавказскія горы, а потому, оставляя въ сторонѣ художественные интересы, я очень радъ былъ сойтись съ вами, какъ съ людьми.

Упомянувъ о моихъ ученикахъ, я обращаюсь къ вамъ съ большою просьбою относительно одного изъ нихъ, самаго любимаго мною. Это нѣкто Владиміръ Алексѣевичъ Шоноровъ, младшій врачъ артиллерійской бригады Шарапа въ Майкопѣ. Онъ теперь находится въ Садовой, гдѣ буквально погибаетъ отъ лихорадки. Нельзя ли его какъ-нибудь выручить оттуда и перевести въ здоровую мѣстность и такой городъ, гдѣ бы онъ могъ заниматься своею наукою. Рекомендую вамъ сего юношу, какъ одного изъ самыхъ дѣльныхъ и удавшихся учениковъ Боткина. Онъ не остался при Академіи только по совершенной случайности, что по домашнимъ обстоятельствамъ не держалъ экзамена со всѣми своими товарищами, а позднѣе, и притомъ, какъ человѣкъ некрѣпкаго здоровья, стремился вонъ изъ Петербурга, на югъ. За нимъ пока есть одинъ недостатокъ—онъ непозволительно молодъ, и неопытенъ, какъ красная дѣвушка. Но отъ этого недостатка онъ излечивается съ каждымъ днемъ. Я о немъ, т. е. о Шоноровѣ, вскользь упоминалъ Николаю Николаевичу, но не рѣшался попросить его тогда. Передайте ему мою просьбу, скажите, что я прошу за него

какъ за сына: я, дѣйствительно, его очень люблю. Я и жена моя жмемъ вамъ обоимъ руки и желаемъ всего лучшаго. А. Бородинъ.

35. Къ В. В. Стасову.

5-го декабря 1876 г.

Откликнуться на вашъ призывъ
Рвался душой
Я страстно!
И вдругъ: на животѣ нарывъ!..
Да пребольшой!
Ужасно!

А. Бородинъ.

36. Къ Л. И. Шестаковой.

Январь 1877 г.

Дорогая Людмила Ивановна, отъ души скорблю о томъ, что вамъ такъ плохо. Пожалуйста, не бравируйте, не выходите, пока не поправитесь совсѣмъ. А у меня опять нарывъ и я снова прикованъ къ дому. А между тѣмъ мнѣ необходимо рыскать по городу. И то, въ субботу, черезъ силу поѣхалъ въ концертъ, чтобы переговорить насчетъ симфоніи моей, и подгадилъ себѣ, такъ что чуть не слегъ. А дѣло-то не терпящее отлагательствъ; съ моей симфоніей (H-moll)-то выходитъ скандалъ: вообразите, что ее не берутся переписать (партіи) къ сроку, и я положительно не знаю, что дѣлать. Сейчасъ пишу Корсакову, чтобы онъ зашелъ ко мнѣ, — не придумаемъ ли вдвоемъ чего-нибудь. Пока ничего не говорите никому. Все проклятая болѣзнь моя подгадила. Цѣлую ваши добрыя ручки. Искренно вашъ А. Бородинъ.

37. Къ Л. И. Кармалиной.

С.-Петербургъ, 19-го января 1877 г.

Искренно и глубокоуважаемая Л. И., время нашей ежегодной переписки наступаетъ, и я, какъ видите, берусь за перо. На это, впрочемъ, есть еще другой поводъ: желаніе высказать вамъ слово благодарности за моего Шонорова. Шоноровъ мнѣ въ подробности описалъ, какъ вы его приняли, обласкали, какъ онъ упивался музыкой, которой не слыхалъ съ самаго выѣзда изъ Петербурга. Я отъ души смѣялся, когда читалъ его разсказъ о томъ, какъ онъ попалъ къ вамъ. Робкій, небывалый, застѣнчивый, какъ красная дѣвушка, и незнавшій ничего о моемъ письмѣ къ вамъ, онъ долженъ былъ показаться ужасно забавнымъ. Если онъ сколько-нибудь оправился потомъ, такъ только благодаря вашему такту, любезности и той искренной простотѣ обращенія, которая сразу привязываетъ къ вамъ тѣхъ, съ кѣмъ вы заговорите. Нужно замѣтить, что у васъ и у Николая Николаевича особенная способность покорять быстро юныя сердца. У васъ обоихъ множество поклонниковъ между нашей учащейся молодежью, какъ между студентками, такъ и между студентами, пріѣзжающими съ Кавказа, между молодыми врачами и проч. Впрочемъ, оно такъ и должно быть: молодость всегда, сразу, чутьемъ, оцѣниваетъ неподдѣльную доброту и теплоту въ отношеніяхъ съ людьми.

Отъ молодыхъ перейду къ старымъ. Мы, грѣшные, попрежнему вертимся въ водоворотѣ житейской, служебной, учебной, ученой и художественной суеты. Всюду торопишься и никуда не поспѣваешь; время летитъ какъ локомотивъ на всѣхъ парахъ, сѣдина прокрадывается въ бороду, морщины бороздятъ лицо; начинаешь сотню вещей,—удастся ли хоть десятокъ довести до конца? Я все тотъ же поэтъ въ душѣ: питаю надежду довести оперу до заключительнаго такта и подсмѣиваюсь подчасъ самъ надъ собой. Дѣло идетъ туго, съ огромными перерывами. Только лѣтомъ чу-

точку подвинулъ дѣло. Въ моемъ „Игорѣ“ меня удивляетъ то, что большая часть вещей удовлетворяетъ два совершенно противуположные музыкальные лагеря. Впрочемъ, большинство людей, балующихъ меня своимъ вниманіемъ, отдаетъ предпочтеніе элементамъ хоровымъ и вообще массовымъ. Что̀ выйдетъ изъ „Игоря“—не знаю. Хотѣлъ бы къ слѣдующему сезону кончить, но едва ли удастся. Много написано, еще болѣе находится въ видѣ матеріала, но все это еще нужно оркестровать, трудъ механическій, громадный, особенно въ виду большихъ хоровыхъ сценъ, ансамблей и пр., требующихъ примѣненія большихъ голосовыхъ и инструментальныхъ массъ. А тутъ еще вышелъ казусъ: Музыкальное Общество назначило играть въ одномъ изъ концертовъ мою 2-ю симфонію; я былъ въ деревнѣ, ничего не зналъ объ этомъ. Пріѣзжаю—хвать!—ни первой части, ни финала у меня нѣтъ; партитура того и другого пропала. Я ихъ куда-то засунулъ, искалъ, искалъ, и такъ и не могъ найти. А Музыкальное Общество между тѣмъ требуетъ; наступила пора переписывать партіи. Что дѣлать? Я на бѣду заболѣлъ: воспаленіе лимфатическихъ сосудовъ на ногѣ. Дѣлать нечего, пришлось вновь оркестровать. Вотъ я это въ лихорадкѣ лежу, а самъ порю горячку: карандашемъ, лежа, строчу партитуру. Тѣмъ не менѣе, къ четвертому концерту, какъ предположено было, переписка партій не поспѣла, и теперь симфонія пойдетъ въ пятомъ, кажется, въ пятницу на будущей недѣлѣ,—навѣрно не знаю. За то я нахожусь въ положеніи, въ которомъ не былъ, вѣроятно, ни одинъ изъ профессоровъ Императорской Медико-хирургической Академіи: двѣ мои симфоніи пойдутъ въ одну недѣлю, 25-го—Es-dur'ная въ Безплатной Школѣ, 28-го—H-moll'ная въ Музыкальномъ Обществѣ.

О музыкальныхъ дѣлахъ нашихъ вообще вы, вѣроятно, знаете изъ газетъ. Но, вѣроятно, вы не знаете пріятной, въ высшей степени отрадной вещи: Балакиревъ, милый, даровитый Балакиревъ, воскресаетъ для музыки!.. Балаки-

ревъ опять почти тотъ же Милій Алексѣевичъ, съ увлеченіемъ отстаивающій и оспаривающій всякіе Des-dur'ы и H-moll'и, малѣйшія детали музыкальныхъ произведеній, о которыхъ прежде и слышать не хотѣлъ. Опять онъ бомбардируетъ Корсакова письмами по поводу Безплатной Школы, принимаетъ самое живое участіе въ составленіи программы ея концертовъ; самъ пишетъ свою „Тамару"; окончилъ четырехручное переложеніе „Гарольда"—Берліоза, по заказу одиого парижскаго издателя, словомъ ожилъ. Тѣмъ не менѣе, онъ еще не показывается нигдѣ, въ концертахъ, въ театрахъ и у знакомыхъ (кромѣ Людмилы Ивановны и Стасовыхъ). Гдѣ причина такой перемѣны? Никому неизвѣстно...

Для пѣнія теперь пишется мало въ нашемъ кружкѣ; вѣтеръ повѣялъ неожиданно повѣтріемъ на камерную музыку: Корсаковъ написалъ, кромѣ прежняго квартета, квинтетъ для фортепіано съ духовыми, и струнный секстетъ; Кюи затѣялъ было квартетъ, но, кажется, бросилъ; я почти окончилъ струнный секстетъ. Модестъ одинъ упорно дѣйствуетъ по оперной части: разомъ пишетъ „Хованщину" и „Сорочинскую Ярмарку". О крайне любезномъ сочувствіи Листа и герцога Веймарскаго къ нашему кружку, въ Байрейтѣ, вы, вѣроятно, знаете отъ Кюи. Но довольно, я утомилъ васъ. Найдется время, черкните словечко; помните, вы обѣщали ежегодно писать по одному письму. Жму крѣпко руку вамъ и Николаю Николаевичу, котораго искренно благодарю за Шонорова. Жена шлетъ вамъ привѣтъ. Искренно преданный А. Бородинъ.

38. Къ К. С. Бородиной.

Іена, 3-го іюля 1877 г.

Наслу дождался вѣсточки отъ тебя, моя золотая. Что это съ тобою было, голубушка? Отчего тебѣ такъ плохо было на пути въ Москву? Обыкновенно ты переносишь дорогу, сравнительно, сносно и даже чувствуешь себя лучше иногда,

чѣмъ дома. Что въ Москвѣ тебѣ можетъ быть плохо, это я скорѣе понимаю: однѣхъ нравственныхъ причинъ для этого вполнѣ достаточно. Боже мой! какъ мы часто тебя поминаемъ! Что, еслибъ ты была здѣсь! Здѣсь очень, очень хорошо! И вообрази, что мальчиковъ*) удалось устроить такъ, какъ мы съ тобой никогда не жили; по крайней мѣрѣ, въ послѣднія путешествія мы далеко не могли устроиться такъ хорошо. Представь себѣ, что мы нашли квартиру въ концѣ города, въ каменномъ домѣ, во второмъ этажѣ, съ мебелью и прислугою, постелями и бѣльемъ, за 10 талеровъ въ мѣсяцъ. Всего двѣ комнаты, высочайшія, чистѣйшія... Скоро будетъ еще піанино на прокатъ... Видъ изъ оконъ комнаты божественный, какого у насъ съ тобой ни въ одной квартирѣ не было; кругомъ сады; за домомъ начинаются уже нивы и огороды; воздухъ превосходный. Сегодня вечеромъ ждемъ Гольдштейна изъ Лейпцига и варимъ въ первый разъ чай. Въ довершеніе всего Александрушка**) видѣлъ въ двухъ шагахъ, цѣлые полдня... угадай кого? Впрочемъ, все это вышло такъ необычайно и такъ хорошо, что мнѣ требуется подробнаго описанія; потому начну ab ovo. Сидимъ мы это 30-го іюня въ гостинницѣ и просматриваемъ газету, вдругъ читаемъ, что 2-го іюля будетъ въ Іенѣ, въ соборѣ, концертъ церковной музыки; большинство вещей новыхъ, въ томъ числѣ 4 Листовскихъ: Benedictus—для скрипки, фортепіано и органа, „Ave maris stella“,—для мужского хора и органа, „Ave Maria“—для органа, „Cantico del Sole“ — для баритона, хора, органа и фортепіано, вдобавокъ еще (какъ ужъ это попало въ число церковныхъ вещей—не понимаю!) „Marche funèbre“ Chopin'a—для віолончели, фортепіано и органа, сдѣланный Листомъ. Понятное дѣло, мы поспѣшили запастись билетами. Въ то же время

---

*) Подъ „мальчиками“ Бородинъ разумѣетъ двухъ своихъ спутниковъ: А. П. Діанина и М. Ю. Гольдштейна—студентовъ-химиковъ. В. С.

**) Александръ Павловичъ Діанинъ. В. С.

узнали мы, что, можетъ быть, самъ Листъ пріѣдетъ въ Іену послушать, такъ какъ онъ теперь въ Веймарѣ. Надобно замѣтить, что я собирался уже съѣздить къ Листу, но все не рѣшался и откладывалъ. Тутъ я сейчасъ же рѣшилъ отправиться къ нему на другой же день. Изъ Іены въ Веймаръ все равно, что изъ Петербурга въ Царское Село, всего $^3/_4$ часа ѣзды по желѣзной дорогѣ. Вотъ 1-го числа, въ воскресенье, т. е. на другой же день, я поѣхалъ въ 11 часовъ 51 минута; пріѣзжаю въ Веймаръ и, разсчитывая, что Листъ обѣдаетъ около 1 часа, какъ и всѣ въ Германіи, я рѣшился сначала пообѣдать и затѣмъ уже отыскать его. Оказалось, что никто не знаетъ, гдѣ онъ живетъ; наконецъ, я узналъ уже въ магазинѣ художественныхъ предметовъ его адресъ: Marienstrasse, 1—17, совсѣмъ на концѣ города, около парка. Иду. Оказалось, что ошибся домомъ, зашелъ напротивъ. Спрашиваю: „Гдѣ живетъ Листъ?“ — „Какой Листъ? Никакого Листа тутъ не живетъ“.—„Ну, по близости нѣтъ ли?“ — „Нѣтъ... тутъ всѣ извѣстны: вотъ живетъ Oberst Weinert, а еще рядомъ Lieutenant Winkler“ или Winkel, что ли, и т. д. „Ана, Ана! вотъ спрашиваютъ, нѣтъ ли тутъ по близости какого-то Листа“, — закричала разспрашиваемая мною нѣмка другой нѣмкѣ въ томъ же домѣ. Наконецъ, вмѣшался длинный и неуклюжій нѣмецъ: „Стойте, вотъ тутъ напротивъ живетъ, кажется, какой-то докторъ Листъ“.— Иду напротивъ. Домикъ маленькій, каменный двухэтажный, угловой и весь обвитый дикимъ виноградомъ, желѣзная рѣшетка. Калитка ведетъ сначала въ садикъ, очень чистенькій, изящный. Въ саду гуляетъ какой-то господинъ въ соломенной шляпѣ. „Здѣсь живетъ г. докторъ Листъ?“— „Здѣсь! но только теперь онъ обѣдаетъ, послѣ обѣда ляжетъ отдохнуть и раньше $4^1/_2$ часовъ его видѣть нельзя“. Тьфу, ты пропасть!—подумалъ я, и пошелъ бродить по городу. А посмотрѣть есть кое-что. Каждая улица, каждая площадь, каждый уголокъ говоритъ о прошломъ искусства, славномъ прошломъ! Вотъ домъ, гдѣ жилъ Гёте весь оста-

токъ долгой жизни и умеръ въ 1832 году, слѣдовательно жилъ тамъ всего пять лѣтъ. Вотъ маленькій, простой, старинной архитектуры, домикъ; на дверяхъ написано: „Hier wohnte Schiller!“ Тутъ онъ и умеръ въ 1805 году, тутъ и комната, гдѣ онъ работалъ, его домашняя утварь. Въ небольшомъ разстояніи оттуда кладбище, гдѣ на ряду съ гроссъ-герцогами, въ одномъ съ ними склепѣ, два гроба, дубовыхъ, украшенныхъ лавровыми вѣнками; въ нихъ покоятся останки великихъ поэтовъ (въ одномъ склепѣ съ коронованными гроссъ-герцогами!) Тутъ домъ Виланда; тамъ домъ Гердера и т. д. Сколько въ этомъ крохотномъ городкѣ мыслилось, писалось, создавалось! Проболтавшись по городу до $4^1/_2$ часовъ, спѣшу въ Marienstrasse, къ завѣтной рѣшеткѣ; вхожу въ калитку. Вотъ уже и карточку визитную вынулъ. Гляжу... господина въ соломенной шляпѣ нѣтъ, а сидятъ въ саду двѣ дамы; одна очень изящная и съ виду не нѣмка. „Ist Herr Doctor zu sprechen?“—съобезьянничалъ я по-нѣмецки. — „O, jawohl! Oben, eine Treppe“. Ну, слава Богу! Пошелъ я это „эйне треппе“, анъ хвать! а карточку-то потерялъ! Воротился искать карточку (потому послѣдняя была, другой не оказалось). Вышелъ даже за рѣшетку. Вдругъ бѣжитъ за мною одна изъ дамъ: „Ist dass die Karte, die Sie suchen? — и вручаетъ оброненную карточку. Я поблагодарилъ, поднялъ почтительно, по-нѣмецки, высоко шляпу и направился вновь „эйне треппе гохъ“. Ну, думаю, какъ это какой-нибудь вольнопрактикующій врачъ Листъ! Не успѣлъ я отдать карточки, какъ вдругъ передъ носомъ, точно изъ земли, выросла въ прихожей длинная фигура, въ длинномъ черномъ сюртукѣ, съ длиннымъ носомъ, длинными сѣдыми волосами. „Vous avez fait une belle symphonie!“—гаркнула фигура зычнымъ голосомъ, и длинная рука протянулась ко мнѣ. „Soyez le bienvenu! Je suis ravi, il n'y a que deux jours que je l'ai jouée chez le grand duc, qui en est charmé. La première partie est excellente! Votre Andante est un chef d'oeuvre, le scherzo est ravissant, et puis ça, c'est

ingénieux!"—и длинные пальцы пошли наглядно изображать извѣстныя тебѣ „клеванія"*). „C'est d'une originalité et d'une beauté"... и пошелъ, и пошелъ! Сильная рука его крѣпко сжала мою руку и усадила меня на диванъ. Мнѣ оставалось только откланиваться и благодарить. Величавая фигура старика, съ энергическимъ, красивымъ лицомъ, оживленная, двигалась передо мною и говорила безъ умолку, закидывая меня вопросами. Разговоръ шелъ то на французскомъ, то на нѣмецкомъ языкѣ, перескакивая ежеминутно съ одного на другой. Когда я сказалъ Листу, что я собственно Sonntagsmusiker, онъ сострилъ даже: „Aber Sonntag ist immer ein Feiertag" и что „вы-де имѣете полное право „feiern", т. е. „торжествовать". Онъ ужасно доволенъ моимъ піанизмомъ въ переложеніи, и говоритъ, что это обличаетъ во мнѣ музыканта „опытнаго и крайне талантливаго, владѣющаго современною фортепіанною техникою". Только относительно одного мѣста сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе, что можно бы аранжировать немного легче для лѣвой руки, именно то, гдѣ клеванія даны въ Secondo и перекрещиваются руки играющихъ, — манера Надежды Николаевны**); мѣсто, измѣненное мною, согласно ея совѣтамъ. Онъ меня разспрашивалъ объ успѣхѣ симфоніи, объ отзывахъ и проч. Когда я сказалъ, что самъ сознаю многіе недостатки, требующіе исправленія, что у меня, напримѣръ, часто встрѣчаются неловкости, что я (какъ мнѣ и ставили въ упрекъ) слишкомъ часто модулирую и вообще зашелъ слишкомъ далеко и т. д., Листъ постоянно прерывалъ меня: „Dieu préserve!.. N'y touchez rien!.. Ne changez pas!.. Vous ne modulez jamais ni trop, ni mal!.." „Sie sind wohl sehr weit gegangen (und das ist eben Ihr Verdienst). Sie haben aber

*) „Клеваньями" прозвалъ Мусоргскій оригинальные ходы широкими интервалами, pizzicato, въ 1-й части и въ финалѣ 1-й симфоніи Бородина. В. С.

**) Над. Ник. Римская-Корсакова въ то время многое арранжировала въ 4 руки. В. С.

nie verfehlt". „Не слушайте, пожалуйста, тѣхъ, кто васъ удерживаетъ отъ вашего направленія; повѣрьте: вы на настоящей дорогѣ, у васъ такъ много художественнаго чутья, что вамъ нечего бояться быть оригинальнымъ; помните, что совершенно такіе совѣты давались въ свое время и Бетховенамъ, и Моцартамъ и пр., и они никогда не сдѣлались бы великими мастерами, еслибы вздумали слѣдовать такимъ совѣтамъ". Словомъ—оставалось только благодарить то по-нѣмецки, то по-французски. Онъ разспрашивалъ о Корсаковѣ, о которомъ очень высокаго мнѣнія. „M-r Rimsky est un très grand talent". Разсказывалъ, какъ ужасно провалился „Садко" — Корсакова въ Вѣнѣ, какъ А. Рубинштейнъ, дирижировавшій „Садко", привезъ Листу партитуру и сказалъ: „Эта вещь провалилась у меня, но вамъ навѣрное понравится". И, дѣйствительно, она понравилась. „Садко" онъ ставитъ очень высоко. Спрашивалъ о Балакиревѣ и о Кюи. Спрашивалъ объ исполненіи „Christus" *). Когда я сказалъ, что хоры прошли хорошо, что только „Stabat mater speciosa", къ сожалѣнію, не могла быть исполненною съ органомъ, а шла съ фисгармоникою, — онъ сказалъ: „Тутъ есть громадныя трудности; во второмъ изданіи я сдѣлаю иначе: нужно, чтобы органъ прямо вступалъ съ голосами и сопровождалъ ихъ сплошь". Я замѣтилъ, что Корсаковъ сдѣлалъ особенную уловку... „Угадываю!"—перебилъ Листъ:—„онъ заставилъ вступить органъ немножко раньше голосовъ, такъ? Я знаю, что значитъ дирижировать подобныя вещи! онъ поступилъ очень умно!" и т. д. „Жаль, что вы не слыхали, какъ у меня играетъ ваша компатріотка, M-lle Véra Timanoff, вотъ эту вещь",— и онъ указалъ на „Исламея" **), лежавшаго тутъ же на фортепіано, такъ, что видимо ее только что играли. „У меня сегодня утромъ была matinée, и она какъ разъ сегодня ее играла".

---

*) Въ концертѣ Безплатной Школы. В. С.

**) Фантазія для фортепіано Балакирева. В. С.

(Какъ я потомъ узналъ, онъ, заставляя ее играть эту вещь, говорилъ: „M-lle Véra! tranchez la question orientale à votre manière“). „Она играла „Исламея“ на послѣднемъ собраніи у гроссъ-герцога“,—прибавилъ Листъ. „Вы знаете, что гроссъ-герцогъ очень хорошо знаетъ ваши вещи и очень ихъ любитъ. У насъ въ Германіи ихъ, разумѣется, не гутируютъ. Вы знаете Германію? здѣсь пишутъ много; я тону въ морѣ музыки, которою меня заваливаютъ, но Боже! до чего это все плоско (flach)! Ни одной живой мысли! У васъ же течетъ живая струя; рано или поздно (вѣрнѣе, что поздно) она пробьетъ себѣ дорогу и у насъ“. Затѣмъ отечески пожурилъ меня, что я до сихъ поръ не издалъ партитуры, что это необходимо; что не ради меня, но ради дѣла, необходимо распространять мои вещи; нужно, чтобы они давались и т. д. Спрашивалъ меня еще: „Судя по вашей карточкѣ, вы должны были усвоить себѣ химію en maître; какъ, когда и гдѣ же успѣли вы выработать себѣ такую громадную музыкальную технику? гдѣ вы учились? не въ Германіи же?“ Когда я сказалъ, что не былъ въ консерваторіи, онъ засмѣялся: „C'est votre bonheur, mon cher monsieur! travaillez, travaillez toujours; работайте, еслибы ваши вещи даже не игрались, не издавались, не встрѣчали сочувствія; вѣрьте мнѣ—онѣ пробьютъ себѣ „почетную дорогу“; у васъ громадный и оригинальный талантъ, не слушайте никого, Travaillez à votre manière! Когда я благодарилъ его за любезность, онъ съ досадой перебивалъ меня: „Да я не комплименты вамъ говорю; я такъ старъ, что мнѣ не пристало говорить кому бы то ни было иначе, чѣмъ я думаю; меня за это здѣсь не любятъ, но не могу же я говорить, что здѣсь пишутъ хорошія вещи, когда нахожу ихъ плоскими, бездарными и безжизненными“. Узнавъ, что я живу не въ Веймарѣ, а въ Іенѣ, онъ сказалъ: „Ба! значитъ, мы завтра съ вами увидимся? où logez-vous?“ Я, разумѣется, отклонилъ какой бы то ни было визитъ съ его стороны. „Ну, вотъ что! tenez! je vous invite demain pour le diner dans le Bae-

ren (отель „Zum schwarzen Baeren“, гдѣ мы остановились съ Александрушкой и откуда только въ этотъ же день утромъ переѣхали). „Sie sind also mein Gast für morgen, vergessen Sie nicht!“—напомнилъ онъ мнѣ на прощаніе. Просить его играть я не рѣшился: было бы слишкомъ безцеремонно. Я тебѣ, разумѣется, передаю только суть разговора и при всемъ желаніи не въ состояніи былъ бы не только буквально воспроизвести, но даже уловить всего, что Листъ наговорилъ въ сравнительно короткое время. Говоритъ онъ превосходно на обоихъ языкахъ, громко, бойко, съ увлеченіемъ, быстро и много; можно бы подумать, что онъ французъ. При этомъ онъ не сидитъ ни минуты на мѣстѣ, ходитъ, жестикулируетъ и на духовную особу вовсе не походитъ. Да! между прочимъ, онъ сказалъ, что ему очень нравится тріо Направника; что сначала, когда онъ читалъ его только, оно показалось ему длинно и вяло, но когда онъ сыгралъ, то нашелъ, что оно прекрасно и эфектно сдѣлано. Онъ спросилъ: кто у насъ исполнялъ это тріо? Я назвалъ Гольдштейна. „Je ne connais pas!“—отрывисто отрѣзалъ Листъ.—„C'est un pianiste du conservatoire de Leipzig,—пояснилъ я.—Bah! ça n'est pas encore une recommandation; ils nous ont donné un tas de médiocrités!“ Онъ такъ меня „замоталъ“, по твоему выраженію, что, прощаясь съ нимъ, я даже забылъ спросить, что это за обѣдъ, на который онъ приглашалъ меня, въ которомъ часу, нужно ли быть во фракѣ или нѣтъ. Обо всемъ этомъ я вспомнилъ уже на дорогѣ изъ Веймара въ Іену. Пріѣхавъ въ Іену, я нашелъ на станціи Ал. и Гольдштейна, только что прибывшаго изъ Лейпцига. Мы сейчасъ же пошли въ ближайшій нѣмецкій кабачокъ, и я долженъ былъ подробно разсказать мальчикамъ о свиданіи съ Листомъ, причемъ мы выпили нѣсколько кружекъ пива. На другой день меня взяло раздумье: какъ я пойду на обѣдъ? а ну, какъ тамъ дамы, да бомондъ, а у меня, кромѣ дорожнаго платья, ничего нѣтъ? Я порѣшилъ извиниться передъ Листомъ и не

пойти вовсе. Но какъ и гдѣ это сдѣлать? Очевидно, что Листъ не остановится же въ гостинницѣ „Zum Baeren“; онъ въ Іенѣ свой человѣкъ. Наконецъ, мы всѣ втроемъ отправились въ соборъ, въ надеждѣ, что такъ какъ концертъ будетъ тамъ, то навѣрное тамъ знаютъ, когда Листъ пріѣдетъ и гдѣ остановится. Пошли мы собственно зря, между прочимъ на удачу. Подходимъ къ собору, тамъ гудитъ органъ. Мимо насъ прошмыгнулъ какой-то господинъ въ маленькую дверь, боковую (главныя двери были заперты). Мы за нимъ. Входимъ, нѣтъ никого почти, человѣкъ пять всего. Подъ старинными готическими сводами такъ и раскатывается D-moll'ная фуга Баха. Мы сѣли. Видимъ, народу прибываетъ понемногу. Чей-то зычный голосъ прокричалъ: „Na! jetzt kann man doch anfangen; rasch hinauf, die Herrn Sänger! wir haben wenig Zeit; es muss noch einmal Alles durchgenommen, bis der Meister noch nicht da ist!“ Оказалось, что мы случайно попали на репетицію концерта (который долженъ былъ быть еще въ 4 часа вечера; а было только 10 съ чѣмъ-то). Можешь представить, съ какимъ наслажденіемъ мы, совсѣмъ неожиданно, выслушали почти весь концертъ. Исполнители были превосходные, большею частью, все придворные пѣвцы веймарской капеллы, солисты (т. е. оперные пѣвцы); хоръ составленъ, большею частью, изъ студентовъ и Singverein'а „Pauliner“ университетскаго. На насъ никто не обращалъ вниманія; никто не приглашалъ, но никто и не гналъ насъ. Мимо насъ таскали ноты, віолончели, скрипки, шмыгали оперныя пѣвицы. Вдругъ, около 12 часовъ, все заполошилось, устремилось къ двери, съ выраженіемъ напряженнаго вниманія. „Der Meister kommt! der Meister, der Meister ist da!“ Распорядители концерта, во фракахъ и бѣлыхъ галстухахъ, забѣгали, засуетились. Двери широко распахнулись, и выступила характерная, черная фигура Листа, подъ руку съ тою дамою, которую я видѣлъ въ саду у него и въ которой не призналъ нѣмки. Я не ошибся тогда, это была дочь Горчакова, по мужу баронесса

фонъ-Мейендорфъ (онъ б лъ посланникомъ, кажется, въ Веймарѣ). Она была еще довольно молодая, очень симпатичная женщина, хотя далеко не красавица. Оставшись вдовою, она поселилась навсегда въ Веймарѣ, и Листъ у нея, какъ родной, въ семьѣ. За ними слѣдовалъ весь штатъ Листовскихъ учениковъ и учениць, правильнѣе учениць, потому что учениковъ всего былъ одинъ Зарембскій, полякъ, очень даровитый піанистъ. Вся эта юная толпа очень непринужденно и безцеремонно ворвалась въ соборъ и, треща на всевозможныхъ языкахъ, посыпалась на скамейки. Чего тутъ не было? и нѣмки, и голландки, и польки, и наша соотечественница, m-lle Véra, т. е. Тиманова. Листъ, повидимому, ее особенно жалуетъ, потому, усаживаясь съ баронессою Мейендорфъ и композиторомъ Лассеномъ, онъ спохватился, гдѣ m-lle Véra и, видя, что она сидитъ въ заднемъ ряду, безъ церемоніи вытащилъ ее и посадилъ около себя. Онъ слушалъ очень внимательно, хотя, большею частью, съ закрытыми глазами. Когда дошла очередь до его вещи, онъ всталъ и, окруженный распорядителями, направился на хоры. Вскорѣ у дирижерскаго пюпитра показалась его большая, сѣдая, смѣлая голова, энергическая, но спокойная и увѣренная. Издали онъ очень похожъ на Петрова*)—та же маститость, то же сознаніе, что онъ „у себя дома“ вездѣ, гдѣ дѣйствуетъ. Дирижировалъ онъ безъ палочки, рукою, спокойно, опредѣленно и увѣренно, замѣчанія дѣлалъ очень мягко, спокойно и коротко. Когда очередь дошла до вещей съ участіемъ фортепіано, онъ ушелъ въ глубь хора и вскорѣ сѣдая голова его показалась за роялемъ. Мощные, сильные, круглые звуки рояля полились, какъ волны, подъ готическими сводами древняго собора. Игралъ онъ божественно! что̀ за тонъ, что̀ за сила, что̀ за полнота, что̀ за піаниссимо, что̀ за morendo! Мальчики мои такъ и кисли отъ восторга. Когда дошло дѣло до Marche funèbre Chopin'a,

*) Ос. Аѳан. Петровъ—знаменитый пѣвецъ русской сцены. В. С.

очевидно было, что вещь эта вовсе не была арранжирована, Листъ импровизировалъ партію фортепіано въ то время, когда органъ и віолончель играли по нотамъ; каждый разъ, при повтореніи, онъ игралъ иначе; даже совсѣмъ не то, что прежде. Но что онъ сдѣлалъ изъ этого! Уму непостижимо! Органъ внизу тянетъ піаниссимо аккорды въ терцію; фортепіано съ педалью даетъ pp, но полные удары; віолончель поетъ тему: эфектъ выходитъ поразительный, совершенно какъ будто отдаленный похоронный звонъ густыхъ колоколовъ, изъ которыхъ одинъ ударяетъ прежде, чѣмъ другой пересталъ гудѣть. Я никогда, нигдѣ ничего не слыхалъ подобнаго. Потомъ, что̀ за crescendo! Мы были на седьмомъ небѣ. Я только тогда вспомнилъ о намѣреніи подойти къ Листу и просить извиненія, что не могу принять приглашеніе на обѣдъ, когда онъ уже уходилъ подъ руку съ баронессой Мейендорфъ, окруженный своимъ штатомъ юныхъ піанистокъ, которыя довольно безцеремонно тормошили великаго Meister'a, и хотя, видимо, очень ухаживали за нимъ, но безъ почтительнаго страха. Подойти къ нему не было возможности, я рѣшилъ проводить его въ отель „Zum Baeren“ и тамъ faire mes excuses (на бѣду былъ передъ этимъ дождь, и я безсовѣстно выпачкалъ сапоги). Проходя къ двери, я былъ остановленъ Тимановой, которая очень радушно и съ радостью подбѣжала ко мнѣ: „Листъ сказалъ намъ, что вы въ Іенѣ; давно ли вы здѣсь?“ и т. д. Я сообщилъ ей, между прочимъ, о намѣреніи уклониться отъ обѣда. „И не смѣйте думать! Вы ужасно обидите Листа! Онъ на васъ разсчитывалъ, и еще въ Веймарѣ объявилъ намъ всѣмъ, что вы обѣдаете у него сегодня. Идите за мной!“ Прежде, чѣмъ я успѣлъ сказать ей что-либо, бойкая дѣвчонка схватила меня за руку и втащила въ пестрый кружокъ ея подругъ. „Вотъ это самый и есть Herr Borodin, mein Landsmann!—представила она меня:—это m-lle... m-lle...“ и т. д. Я ни одного имени не помню. „До обѣда далеко, обѣдъ въ два часа еще, Meister пошелъ отдохнуть немного,

пойдемте ѣсть вишни пока!“ Пестрая толпа высыпала на улицу и потащила меня за собой; мы какъ мухи облѣпили чье-то чужое крыльцо; мигомъ расхватали вишни у стоявшей тутъ же торговки. Меня помѣстили между Тимановой и какой-то очень милой піанисткой изъ Дюссельдорфа. Разсыпавъ вишни на бумагу на колѣняхъ, онѣ безцеремонно пригласили меня къ участію: „Helfen Sie doch!“ Александрушка съ Гольдштейномъ на противоположной сторонѣ любовались этою своеобразною, пестрою картиной. На вишни всѣ накинулись, какъ школьники, барышни смѣялись и трещали на всевозможныхъ языкахъ. Я точно сто лѣтъ былъ знакомъ съ ними. Наконецъ, пора была идти въ отель „Zum Baeren“, который былъ очень недалеко. Идемъ, гляжу—Александрушка съ Гольдштейномъ около отеля сидятъ и ждутъ: скоро ли мы прійдемъ. Я указалъ на нихъ Тимановой; она окинула обоихъ быстрымъ, но внимательнымъ взглядомъ и, очевидно, одобрила. Въ отель пришли мы, однако, слишкомъ рано; тамъ было отведено особое помѣщеніе для насъ, пока готовили столъ въ шпейзезалѣ. Барыни безъ церемоніи начали прихорашиваться передъ зеркаломъ и даже пошли подпудриваться. „Der Meister ruht noch! Der Meister ist noch nicht da!“—слышалось. Заремб скій подошелъ ко мнѣ и началъ говорить разныя любезности по поводу моей симфоніи, на русскомъ языкѣ, съ сильнымъ польскимъ акцентомъ. Съ нимъ была его невѣста-берлинка, тоже піанистка, очень хорошенькая, но кокетища несообразная. Оба, въ самыхъ чудовищно-оригинальныхъ костюмахъ, съ воротничками „съ версту“,—какъ говоритъ Павлычъ *),—открытыми до невозможности, въ шляпахъ изумительнаго фасона, распущенными длинными волосами, представляли крайне странное зрѣлище. Все въ нихъ било на эфектъ. Тиманова, напротивъ, была одѣта очень просто, но со вкусомъ; нѣмки—просто и безъ вкуса. Все трещало невѣроятно. Наконецъ,

*) Ал. Павл. Діанинъ. В. С.

пробило два часа, все двинулось въ шпейзезаль. Столъ былъ сервированъ прекрасно, убранъ цвѣтами и т. д. Листъ пришелъ съ распорядителями и съ неизбѣжною своею дамой, баронессой Мейендорфъ, композиторомъ Лассеномъ и еще кое съ кѣмъ. Увидѣвъ меня, онъ закричалъ: „Ah! soyez le bienvenu!“ и сейчасъ же началъ меня знакомить съ баронессой, Лассеномъ, своимъ другомъ Гилле, главнымъ распорядителемъ. Мнѣ уже было резервировано мѣсто за столомъ; Листъ сидѣлъ на концѣ, во главѣ стола; я возлѣ Листа, по лѣвую руку; по правую—сидѣла, напротивъ меня, баронесса. Она сейчасъ же вступила со мною въ бесѣду, наговорила тысячу вещей и сообщила, что это она именно съ Листомъ играла мою симфонію у гроссъ-герцога, два дня тому назадъ; симфонію и она, и Лассенъ, очевидно, знаютъ очень подробно. Листъ былъ очень любезенъ и разговорчивъ, подливалъ сосѣдямъ вино, шутилъ. Разспрашивалъ меня подробно о нашихъ музыкальныхъ дѣлахъ, равно какъ и баронесса, которая всѣ дѣла наши, какъ видно, хорошо знаетъ. Между прочимъ, рѣчь зашла объ оперѣ. Баронесса высказалась, что ей „Маккавеи“ очень не нравятся, что все такъ рутинно и безцвѣтно. Она весьма сочувственно отозвалась о „Псковитянкѣ“ и жалѣла, что ее не даютъ. Объ операхъ Сѣрова, Листъ, повидимому, не особенно высокаго мнѣнія и разсказывалъ мнѣ, какъ Сѣровъ хотѣлъ поставить „Юдиѳь“ непремѣнно заграницею, и какъ Листъ ему прямо сказалъ, что она непремѣнно провалится заграницею. „Сѣровъ, конечно, надулся на меня очень, но я высказалъ ему всю правду; помоему, тамъ творчества немного“, — прибавилъ Листъ. Разспрашивалъ о моей второй симфоніи, о томъ, какъ она прѳшла, какіе были отзывы, etc. Я разсказалъ, какъ было: „Restez vous longtemps à Iena? Eh bien, je vous prends par le collet; venez me voir encore à Weimar; nous ferons votre symphonie emsemble!“ Я пояснилъ, что не могу играть съ нимъ: „Eh bien! c'est madame la baronne qui voudra bien jouer la symphomie avec m-r Lassen! Avez vous

un bon éditeur?“ — „Постойте, я вамъ представлю Канта, моего издателя изъ Лейпцига; il pourra vous être utile, tenez!“ Онъ позвалъ Канта и представилъ его мнѣ. Обѣдъ прошелъ оживленно и весело. Возлѣ меня сндѣла, по другую сторону, придворная пѣвица Anna Zankow, очень разбитная и веселая, я ей подносилъ кушанья и мы подливали другъ другу вино. Послѣ обѣда Листъ пошелъ отдохнуть. Баронесса тоже исчезла. Мы еще поболтали малость и отправились гурьбой въ соборъ. Я хотѣлъ, по нѣмецкому обычаю, заплатить за обѣдъ; оказалось, что Листъ уже заплатилъ за всѣхъ и не велѣлъ принимать ни отъ кого платы. Zankow очень любезничала со мною, и даже взяла мою записную книжку и написала свое имя: „Sie sollen mich nicht vergessen“, — прибавила она. Въ соборѣ я уже помѣстился не на взятомъ мною мѣстѣ, а въ Листовской компаніи. Имя Листа не стояло на афишѣ. Когда я спросилъ его, кто же будетъ играть фортепіанную партію, онъ промычалъ что-то и совралъ, что Науманнъ (органистъ пріѣзжій). Зачѣмъ? Не знаю. Только мы съ Павлычемъ и Гольдштейномъ отлично видѣли за фортепіано сѣдую типичную голову Листа. Маршъ Шопена онъ игралъ опять поновому, не такъ, какъ на репетиціи; очевидно, это импровизація. „Вотъ такъ всегда онъ вретъ! никогда не скажетъ, что онъ играетъ. Чудакъ!“—сказала Тиманова. Послѣ концерта, когда гроссъ-герцогъ, поговоривъ съ Листомъ, уѣхалъ, публика безцеремонно обступила Листа и разсматривала его безъ стыда, въ томъ числѣ и наши мальчики, которые какъ-то очутились у него подъ самымъ носомъ. Въ это время ко мнѣ подбѣжалъ Гилле, съ приглашеніемъ отправиться послѣ концерта къ нему, гдѣ соберется вся Листовская компанія. Процессія двинулась по направленію къ дому Гилле, который живетъ, сравнительно, довольно далеко отъ собора. Листъ шелъ впереди, подъ руку съ своею неизмѣнною дамою, затѣмъ я, подъ руку съ Гилле, Лассенъ и весь штатъ учениць Листа;

густая толпа публики, не смотря на дождь, накрапывавшій порядочно, провожала насъ. Прохожіе—солдаты, студенты купцы, офицеры, дамы и проч., при встрѣчѣ съ Листомъ останавливались и почтительно раскланивались. Наши мальчики безъ зазрѣнія совѣсти шли чуть не рядомъ съ Листомъ и продолжали его разсматривать. Подходя къ дому Гилле, мы заслышали уже чадъ отъ жареныхъ Bratwürstchen. „Es riecht schon nach Bratwürstchen, wir sind schon da“!—загудѣли молодыя ученички, и вся толпа ввалила гурьбою въ садъ Гилле, гдѣ, дѣйствительно, застилало дымомъ отъ колбасъ, которыя жарились на открытомъ огнѣ. Входъ былъ убранъ цвѣтами. Гилле былъ въ отчаянія: „Alles ist verloren, wir kriegen Regen“!—а закуска приготовлена была въ саду. Дѣйствительно, пошелъ маленькій дождь. Всѣ поразбрелись по бесѣдкамъ и перенесли туда столы. Я расположился съ баронессою, которая много бесѣдовала со мною; она очень простая и милая женщина. „Если вы хотите послушать Листа,—сказала она—приходите всего лучше ко мнѣ. Онъ иногда капризничаетъ, и вы не можете заставить играть его, а я всегда съумѣю это сдѣлать. Кромѣ такихъ-то и такихъ-то дней, я всегда дома. Venez quand vous voulez, vous serez toujours le bienvenu!“ Я поблагодарилъ, но замѣтилъ, что, не разсчитывая на такіе визиты, я не взялъ никакого другого платья, кромѣ дорожнаго. „Это все равно, приходите въ чемъ хотите, у меня вечера самаго интимнаго характера и постороннихъ никого не бываетъ. Я выѣздовъ большихъ сама не люблю“. Затѣмъ я получилъ еще кучу приглашеній въ Веймаръ, даже и не помню теперь путемъ, отъ кого именно. Помню только, что отъ M-lle Véra, у которой буду непремѣнно. Мнѣ очень хочется послушать ее. Какъ она можетъ играть „Исламея“, рапсодіи и концерты Листа и проч., рѣшительно не понимаю! она не можетъ взять прямо секстаккорда Ut-Min, или Fa-min, до того у нея крохотныя рученки, вообрази себѣ! Наконецъ настала пора ѣхать въ Веймаръ, всѣ направились на стан-

цію желѣзной дороги. Листъ былъ сильно утомленъ и вдобавокъ страдалъ, повидимому, болью въ желудкѣ: катарръ желудка его обычная болѣзнь. Онъ какъ-то осунулся. Баронесса, Лассенъ и Гилле уложили его въ вагонѣ 1-го класса, и онъ заснулъ. Между тѣмъ произошли неожиданные курьезы: не хватило мѣстъ въ вагонахъ для всей компаніи. Хотѣли прицѣпить новый вагонъ. Опять вышла какая-то неурядица. Наконецъ, оказалось, что гдѣ-то на дорогѣ соскочилъ съ рельсовъ вагонъ, и пришлось іенскому поѣзду простоять на станціи около $1^1/_2$ часа. Компанія, сильно умаявшаяся, пріуныла сначала, потомъ все пошло по-старому: разсѣлись пить пиво и проч., болтали, смѣялись. Листъ спалъ въ вагонѣ глубокимъ сномъ. Наконецъ, поѣздъ тронулся, и мы распрощались.

Представь ты себѣ, что такіе концерты бываютъ въ Іенѣ ровно одинъ разъ въ годъ, и далеко не всегда въ то время, когда Листъ въ Веймарѣ. Ну, не особенное ли счастье! Положимъ, я увидалъ бы, пожалуй, Листа и въ Веймарѣ, и услыхалъ бы его, но мальчики-то! А? Гольдштейнъ *) пріѣхалъ какъ разъ наканунѣ концерта изъ Лейпцига, гдѣ ничего не слыхалъ о концертѣ, и тотчасъ послѣ концерта уѣхалъ.

Понятное дѣло, что я непремѣнно поѣду въ Веймаръ и къ Листу, и къ баронессѣ, и M-lle Véra; остальныхъ, разумѣется, по боку. Вотъ, мое золото, какъ твой Akademiker кутитъ. Какъ мы жалѣли, что ты не съ нами!

Но довольно болтать объ этомъ. Все это такъ смутно мнѣ, точно сонъ; точно какой-то Venusberg въ Тангейзерѣ, гдѣ только роль Венеры играетъ Листъ. Я до сихъ поръ какъ въ чаду. Теперь о тебѣ: уѣзжай, голубка, поскорѣе въ деревню, я долго тоже не пробуду. Постараюсь пріѣхать поскорѣе, дай только хорошенько устроить дѣла нашихъ мальчиковъ. Цѣлую тебя крѣпко, будь здорова, моя радость; Машу, Лизу, Ганю и т. д. цѣлую. Твой А. Бородинъ.

---

*) Э. Ю. Гольдштейнъ—піанистъ.

Къ сожалѣнію, Гейтеръ все еще боленъ и не принимаетъ, а съ нимъ необходимо переговорить. Сейчасъ былъ у здѣшняго минералога Hr. Hofrath Schmidt.

39. Къ ней же.

Іена, 12-го іюля 1877 г.

Только что вчера послалъ тебѣ письмо, дорогая моя, какъ сажусь снова писать. На этотъ разъ спеціально описываю мое пребываніе въ „Венусбергѣ“ (т. е. въ Веймарѣ). Я тебѣ писалъ раньше, что получилъ приглашеніе отъ баронессы Мейендорфъ, которая хотѣла устроить такъ, чтобы я могъ наслушаться Листа со всѣмъ комфортомъ. Вскорѣ я получилъ приглашеніе, черезъ Гилле, быть у Листа въ воскресенье на matinée. Затѣмъ, узналъ, что Листъ въ субботу ѣдетъ въ Берлинъ. Разсчитывая, что едва ли онъ можетъ имѣть matinée въ воскресенье, когда только въ субботу отправляется въ Берлинъ,—я не поѣхалъ въ воскресенье и рѣшилъ быть у Листа въ понедѣльникъ, помня, что это у него свободный день. Въ 11 часовъ 52 минуты поѣхалъ въ Веймаръ, и прямо направился къ m-lle Véra, т. е. Тимановой, которая меня очень приглашала къ себѣ еще на концертѣ въ Іенѣ. „Что-жъ это вы не были вчера на matinée?!— былъ первый вопросъ ея.—А какъ васъ ждали! какъ Листъ васъ ждалъ! Онъ увѣренъ былъ, что вы непремѣнно будете! А какъ онъ хорошо игралъ!“ Такъ мнѣ сдѣлалось досадно! Но дѣлать нечего—не воротишь. Я просидѣлъ у Тимановой до 2 часовъ; она мнѣ много играла и хорошо играла; съиграла весь репертуаръ пьесъ, которыя должна была играть въ концертѣ въ Киссингенѣ, въ пятницу. Отъ нея я узналъ неожиданнымъ образомъ, что урокъ Листа, т. е. занятія съ учениками, перенесены въ видѣ исключенія на понедѣльникъ. Ну, думаю, тѣмъ лучше, пойду къ Листу въ часы занятій его съ учениками, посмотрю, какъ онъ занимается съ ними. Нужно замѣтить, впрочемъ, что онъ никого не

пускаетъ къ себѣ въ часы занятій. Пообѣдавъ, я купилъ перчатки и отправился съ визитомъ къ Мейендорфъ, потому что къ Листу было еще слишкомъ рано. „Ахъ, какъ жаль, что вы не были вчера у Листа на matinée, онъ очень ждалъ васъ! Гилле извѣстилъ насъ, что вы непремѣнно будете!“— были слова баронессы. Она очень милая, простая, въ высшей степени образованная и музыкальная. Проболтавъ съ нею около часа и получивъ приглашеніе на вечерній чай—съ Листомъ, я откланялся. Прихожу къ Листу въ $4^1/_2$ часа и, слѣдуя совѣтамъ Мейендорфъ, велѣлъ доложить, что я такой-то, пріѣхавшій нарочно изъ Іены, къ занятіямъ Листа съ учениками. Безъ этого, по словамъ Мейендорфъ, человѣкъ Листа иногда, отъ избытка усердія, категорически отказывается даже доложить Листу о пріѣздѣ въ подобные часы. Вхожу, какой-то голландскій піанистъ играетъ пьесу Таузига. Листъ стоитъ около рояля. Человѣкъ 15 окружаютъ рояль. „Ah, vous voilà enfin!“ — закричалъ мнѣ сѣдой Meister:— „дайте же мнѣ вашу руку! Что это вы не были вчера? А Гилле увѣрилъ меня, что вы непремѣнно будете. Мнѣ было ужасно досадно; я показалъ бы вамъ, что еще недурно играю сонату Шопена съ віолончелью“ и пр. Далѣе онъ рекомендовалъ мнѣ своихъ учениковъ: „Это все знаменитые піанисты, если не въ настоящемъ, то въ будущемъ непремѣнно“. Толпа беззастѣнчиво расхохоталась. Я тутъ встрѣтилъ почти все тѣхъ, съ которыми уже познакомился въ Іенѣ, въ день концерта. „А мы совсѣмъ неожиданно перенесли урокъ на понедѣльникъ“,—сказалъ Листъ:—„а всему виною die kleine m-lle Véra, которая со мною дѣлаетъ все, что хочетъ; захотѣла, чтобы урокъ былъ сегодня, — нечего дѣлать, долженъ былъ перенести на сегодня“. Всѣ разсмѣялись опять. „Однако, за дѣло, господа. Гм..... сыграйте-ка намъ...“. Прерванныя занятія продолжались. Листъ останавливалъ иногда учениковъ и ученицъ, садился, самъ игралъ и показывалъ, дѣлалъ разныя замѣчанія, большею частію, полныя юмора, остроумія и добродушія, вызывавшія обык-

новенно смѣхъ даже со стороны того, кому дѣлали замѣчаніе. Онъ не сердился, не горячился; ученики не обижались. „Versuchen Sie es einmal à la Véra zu spielen“,—говорилъ онъ, желая кого-нибудь заставить прибѣгнуть къ какой-нибудь мошеннической уловкѣ, употребляемой Тимановою, чтобы вывернуться изъ затрудненія во всѣхъ случаяхъ, гдѣ ея руки оказывались слишкомъ маленькими. Онъ добродушно смѣялся, когда кому-нибудь не удавалось, когда кто-нибудь говорилъ, что онъ не можетъ сыграть того-то и того-то,—Листъ усаживалъ его все-таки за рояль, прибавляя: „Nun zeigen Sie uns, wie Sie das nicht können“. Во всѣхъ своихъ замѣчаніяхъ онъ былъ, при всей фамильярности, въ высшей степени деликатенъ, мягокъ и щадилъ самолюбіе учениковъ. Когда дошла очередь до Тимановой, онъ заставилъ ее сыграть рапсодію Es-дурную, которую она приготовила къ концерту въ Киссингенѣ. Сдѣлавъ ей нѣсколько мелкихъ, но очень дѣльныхъ замѣчаній, онъ сѣлъ за рояль и наигралъ своими желѣзными пальцами нѣкоторыя мѣста. „Это должно быть торжественно, какъ тріумфальное шествіе!“—воскликнулъ Листъ, вскочилъ со стула, подхватилъ Тиманову подъ руку и началъ шагать величественно по комнатѣ, напѣвая тему рапсодіи. Всѣ снова расхохотались. Когда Тиманова сыграла во второй разъ рапсодію, и превосходно съиграла, съ соблюденіемъ всѣхъ оттѣнковъ, Листъ обратился ко мнѣ и сказалъ: „Das ist doch ein famoser Kerl, die kleine Véra!“—„Если вы также сыграете въ концертѣ,—обратился онъ къ Тимановой,—то знайте—какія бы овація вамъ ни выпали на долю, все это будетъ меньше того, чего вы стоите!“ Слезы радости навернулись на раскраснѣвшемся лицѣ Тимановой. Онъ потрепалъ ее по щекѣ и поцѣловалъ въ лобъ; она схватила его руку и поцѣловала ее. Вообще у него ученицы цѣлуютъ руку безъ церемоніи; онъ ихъ цѣлуетъ въ лобъ, треплетъ по щекѣ, по плечу; иногда ударитъ довольно крѣпко по плечу, заставляя обратить вниманіе на что-либо.

Вообще между нимъ и учениками отношенія ужасно простыя, фамильярныя и сердечныя, нисколько не напоминающія отношенія учениковъ къ профессору, а скорѣе дѣтей къ отцу, или внучатъ къ дѣдушкѣ. Подчасъ въ замѣчаніяхъ его проскальзываетъ нѣкоторое ехидство. Особенно онъ, повидимому, любитъ пройтись насчетъ Лейпцига. „Ахъ, не играйте такъ! играйте вотъ какъ!“ — показалъ онъ одной ученицѣ:—„такъ только играютъ въ Лейпцигѣ“, — прибавилъ онъ: „тамъ поясняютъ вамъ, что это чрезмѣрная секста, и воображаютъ, что этого довольно, а какъ ее сыграть путемъ, никогда не покажутъ“. Или: „Въ Лейпцигѣ нашли бы, что это очень мило“,—замѣтилъ онъ по поводу довольно безцвѣтно и дрянно-выполненнаго мѣста изъ Шопеновской этюды. Нужно замѣтить, что Листъ никому ничего не задаетъ самъ, а предоставляетъ каждому выбирать, что ему угодно. Впрочемъ, ученики всегда спрашиваютъ предварительно, приготовить ли имъ такую-то, или такую пьесу, потому что случается, что когда ему начнутъ играть что-нибудь ненравящееся ему, онъ остановитъ безъ церемоніи и скажетъ: „Бросьте! что вамъ за охота играть такую дребедень!“ Собственно на технику, постановку пальцевъ и проч. онъ обращаетъ ужасно мало вниманія, а главнымъ образомъ упираетъ на передачу выраженія, экспрессію. Впрочемъ, за рѣдкими исключеніями, у него всѣ—ученики, владѣющіе уже хорошо техникою, хотя учившіеся и играющіе по разнымъ системамъ. Собственно своей личной манеры Листъ никому не навязываетъ. Когда урокъ, продолжавшійся часа два съ половиною, кончился, Тиманова стала просить Листа, чтобы онъ перенесъ слѣдующій урокъ съ пятницы на субботу, потому что ей неудобно приготовить что-нибудь по случаю концерта.

„Вотъ этакъ она всегда со мною дѣлаетъ!“—ткнулъ на нее пальцемъ Листъ, обращаясь ко мнѣ.—„А я,—ну какъ я ей откажу? она всегда хочетъ быть права и заставить меня сдѣлать посвоему. Ну, что же, господа, — обратился

онъ къ прочимъ ученикамъ:—согласны ли вы будете отложить на субботу? А?“ — „Конечно! конечно!“ — затрещали всѣ.—„Ну! такъ и будетъ! Въ субботу“.

Вообще Листъ, видимо, ужасно жалуетъ Тиманову. Когда она сыграла одну вещь (дѣйствительно великолѣпно), онъ воскликнулъ:—„браво! Этого изъ васъ никто не сыграетъ“!—обратился онъ къ остальнымъ ученикамъ. Всѣхъ учениковъ при мнѣ играло 2, ученицъ 3. Когда ученики стали уходить, Листъ провожалъ ихъ въ прихожую и помогалъ нѣкоторымъ одѣваться; ученицы многія, прощаясь, цѣловали руку, онъ ихъ цѣловалъ въ лобъ. Вообще онъ, повидимому, ужасный бабникъ. Когда всѣ ушли, онъ посмотрѣлъ имъ вслѣдъ и, обратившись ко мнѣ, сказалъ:—„Какой все отличный народъ, еслибы вы знали! Сколько здѣсь жизни!“ На это я сказалъ ему:—„Если это, дѣйствительно, жизнь, vie, alors c'est vous, cher maître, qui en êtes le créateur“. Когда я взялъ шляпу, онъ сказалъ: „Куда же вы?“—Я пояснилъ, что иду въ отель, а затѣмъ къ баронессѣ Мейендорфъ. „Прекрасно! значитъ мы увидимся скоро. До свиданія!“ Видимо онъ порядочно усталъ. Поѣзда распредѣлены были такъ глупо, что мнѣ необходимо пришлось остаться ночевать въ Веймарѣ: послѣдній поѣздъ въ Іену отходилъ въ 8 ч. 22 м., а я приглашенъ былъ къ чаю къ $8^1/_2$ ч. Занявъ комнатку въ маленькой буржуазной гостинницѣ „Thüringer Hof“, я отправился къ баронессѣ. Когда я вошелъ, Листъ былъ уже у нея. Мы поболтали о разныхъ разностяхъ; вошелъ человѣкъ и доложилъ, что чай готовъ. Листъ поднялся, предложилъ руку баронессѣ, и мы двинулись въ столовую. Хозяйка представила мнѣ своего сына, юношу лѣтъ 16, и мы вчетверомъ усѣлись за изящно сервированнымъ столомъ; я — по правую, Листъ—по лѣвую руку баронессы; больше никого не было: Чай приготовила сама хозяйка, въ спиртовомъ англійскомъ приборѣ. Къ чаю поданы были всевозможныя закуски, вино и пиво, — словомъ какъ у насъ съ тобой. Только сервировка была не въ примѣръ

лучше нашей. Листъ за чаемъ былъ очень разговорчивъ, и мы съ нимъ много болтали о музыкѣ. Послѣ чаю хозяйка повела насъ въ гостиную къ роялю. Прежде всего она подсунула Листу одну изъ его рапсодій, прося показать, какъ играется то-то и то-то. Это была, безъ сомнѣнія, очень прозрачная женская хитрость, которую раскусить, разумѣется, было немудрено. Листъ разсмѣялся: „Вамъ хочется, чтобы я сыгралъ ее? Извольте; только прежде всего я хотѣлъ бы сыграть симфонію мсье Бородина съ самимъ авторомъ. Куда хотите: на primo или secondo?“—обратился онъ ко мнѣ. Я—руками и ногами! Наконецъ, я уговорилъ сѣсть баронессу. Она согласилась только на „Andante“. Листъ сѣлъ на secondo. И какъ же мнѣ курьезно было слушать симфонію свою въ такомъ исполненіи! Курьезъ былъ тѣмъ болѣе курьезный, что я былъ единственный слушатель. Листъ не удовольствовался, однако, этимъ: „Баронесса очень любезна, но мнѣ все-таки хочется проиграть эту вещь съ вами; не можетъ быть, чтобы вы не могли играть ее; вы такъ превосходно арранжируете на фортепіано, что я не вѣрю, будто вы совсѣмъ не играете. Садитесь!“ Не говоря болѣе, онъ взялъ меня за руку и усадилъ на secondo, а самъ сѣлъ на primo. Я было на дыбы. „Allez, jouez donc! autrement Liszt vous en voudra, je le connais, moi“,—шепнула баронесса. Я хотѣлъ было начать Andante, которое было раскрыто; но Liszt перевернулъ ноты, и мы начали финалъ, потомъ скерцо, потомъ первую часть; такъ и проиграли всю симфонію со всѣми повтореніями. Листъ не давалъ мнѣ останавливаться по окончаніи одной части, перевертывая ноты, и говорилъ: „Allez toujours!“ Когда я вралъ или не доигрывалъ, онъ мнѣ замѣчалъ: „Зачѣмъ пропускаете — это такъ хорошо!“ Когда кончили, онъ по нѣскольку разъ проигралъ отдѣльныя мѣста симфоніи, восхищался красотою, свѣжестью, оригинальностью. По косточкамъ разобралъ все, до мельчайшихъ подробностей. Andante, по его мнѣнію, такой chef d'oeuvre, какихъ немного можно насчитать: „Et quant à la

forme, rien de trop, rien de superflu; et tout est beau!“ О модуляціяхъ моихъ онъ говорилъ, что ставитъ нхъ въ образецъ своимъ ученикамъ; указывая на нѣкоторыя изъ нихъ, онъ замѣтилъ, что ничего подобнаго нѣтъ ни у Бетховена, ни Баха, ни у кого другого, что при всей новизнѣ, при всемъ своеобразіи, это такъ гладко, естественно и правильно, что нельзя сдѣлать ни малѣйшаго упрека. О первой части онъ очень высокаго мнѣнія; всѣ педали, особенно на C, ему ужасно нравятся, объ остальныхъ частяхъ нечего и говорить. Между прочимъ, онъ далъ мнѣ нѣсколько мелкихъ, но практическихъ совѣтовъ (плодъ очень внимательнаго отношенія къ симфоніи) на случай, если буду я издавать симфонію вторымъ изданіемъ: гдѣ, напримѣръ, написать октавой ниже и поставить надъ этимъ 8-va для удобства чтенія. Въ различныхъ мѣстахъ у него были раньше сдѣланы карандашемъ всякія помѣточки, NB, кое-гдѣ поставлены пропущенные въ корректурѣ знаки, діезы, бемоли. Въ заключеніе онъ сказалъ, что я вполнѣ мастерски, „tout-à-fait en maître“, владѣю фортепіано, что̀ ему крайне удивительно, такъ какъ я не піанистъ; „это не то, что симфоніи нашихъ-то“...—„Знаю, о комъ вы говорите“,—перебила баронесса. Когда мы кончили, онъ сказалъ: „Мы знаемъ мало вашей музыки, но за то, какъ видите, изучили васъ весьма основательно“. Потомъ онъ и баронесса стали настойчиво просить, чтобы я спѣлъ мои романсы и показалъ что̀-нибудь изъ оперы. Отъ пѣнія я рѣшительно отказался... „Вѣдь у Глинки тоже не было настоящаго голоса, однако, онъ пѣлъ свои вещи“,—приставала баронесса. Чтобы отвязаться, я сыгралъ имъ женскій хорикъ изъ „Игоря“, который имъ обоимъ очень понравился. Наконецъ, я, въ свою очередь, сталъ просить, чтобы Листъ что-нибудь сыгралъ. Они взяли съ меня слово, что я еще пріѣду къ нимъ въ Веймаръ, покажу 2-ю симфонію и т. д. Листъ приставалъ, нѣтъ ли у меня манускриптовъ, чтобы я показалъ ему. Порѣшили, что я пріѣду въ субботу на урокъ къ нему, а

вечеромъ къ баронессѣ; переночую въ Веймарѣ и буду въ воскресенье на matinée. Листъ сѣлъ за фортепіано, наигралъ рапсодіи свои, и еще что-то, не помню чье. Игралъ, впрочемъ, немного: было уже поздно. Играетъ онъ изумительно! Что за тонъ! Какіе изумительные оттѣнки: pp, p, f, ff, что за crescendo и diminuendo! что за огонь! Въ 12 часовъ мы разошлись. Я проводилъ Листа (который плохо видитъ ночью) подъ руку до квартиры его, но онъ меня, все-таки, проводилъ еще до угла, чтобы направить на ближайшую дорогу къ отелю моему. Каково? Я слышалъ Листа, да еще при какой домашней обстановкѣ — никого, кромѣ меня и хозяйки дома! Я былъ точно въ чаду и долго не могъ заснуть. Утромъ я уѣхалъ въ Іену, и въ тотъ же день телеграфировалъ Бесселю, чтобы онъ прислалъ Листу вторую симфонію и романсы. Въ то же время послалъ письмо въ Гамбургъ Кранцу, который, какъ мнѣ передавали, издалъ мои романсы въ нѣмецкомъ переводѣ. Я просилъ его прислать ихъ мнѣ. Свезу баронессѣ и Листу, если получу своевременно. Замѣчательно, что въ Веймарѣ множество совершенно незнакомыхъ со мною лицъ раскланиваются; оказывается, что большая часть изъ нихъ видѣли меня въ Іенѣ съ Листомъ. Да и въ самой Іенѣ есть много такихъ. Вотъ, голубка моя, какъ твой благовѣрный въ честь попалъ. Нока я тебѣ пишу это письмо, наши мальчики по очереди жарятъ на піанино, которое только принесли... Очень хорошенькій, совсѣмъ новый инструментъ; 3 талера въ мѣсяцъ, съ настройкой. Сколько времени пробуду въ Іенѣ, опредѣлить еще не могу. Сегодня былъ у Прейера, здѣшняго физіолога. Ну, до свиданія, мое золото, голубка моя ненаглядная. Цѣлую тебя крѣпко. Поцѣлуй Машу, Лизу, Ганю и проч. Твой А. Бородинъ.

40. Къ ней же.

Іена, 18-го іюля 1877 г.

Дорогая моя, исписалъ я тебѣ всю бумагу; какъ видишь, взялъ у Гольдштейна бумагу съ надписью: Julius Goldstein, Odessa. Какъ и предыдущее письмо, это письмо будетъ посвящено моимъ похожденіямъ въ Веймарѣ. Я тебѣ писалъ, что Листъ пригласилъ меня на субботу (14-го іюля) къ себѣ (на занятія съ учениками), затѣмъ на воскресенье (на matinée); кромѣ того, Мейендорфъ пригласила меня на субботу вечеромъ (къ чаю). Въ пятницу я получилъ телеграмму отъ Мейендорфъ, гдѣ она напоминаетъ мнѣ, чтобы я завтра (т. е. въ субботу) непремѣнно былъ у нея. Я поѣхалъ въ субботу, по обыкновенію, въ 11 часовъ 52 минуты и, пообѣдавъ, направился прежде всего къ Тимановой. Каково же было мое удивленіе, когда Тиманова сообщила мнѣ, что занятія учениковъ у Листа были вчера, т. е. въ пятницу, вмѣсто субботы. Оказалось, что концертъ въ Киссингенѣ не состоялся, Тиманова не уѣхала и снова упросила Листа перемѣнить субботу на пятницу; Meister, избаловавшій въ конецъ M-lle Vérà, опять не могъ отказать ей, и перемѣнилъ. Я начинаю вѣрить, что въ самомъ дѣлѣ Тиманова дѣлаетъ съ нимъ, что̀ хочетъ. Старикъ ужасно любитъ ее, какъ видно. Носидѣвъ у Тимановой, я отправился съ ней къ Листу. Поводомъ къ тому, что мы отправились вмѣстѣ, послужило, между прочимъ, одно обстоятельство. Я просилъ Тиманову сыграть „Исламея“; она сказала мнѣ, что давно не играла его, и на своемъ, довольно тугомъ новомъ роялѣ она не сыграетъ хорошо, а еслибы мы пошли къ Листу, то тамъ она сыграетъ лучше, такъ какъ рояль Листа слабѣе. — „Мы порядкомъ-таки порасколотили тамъ рояль,— сказала Тиманова:—пойдемте-ка къ Листу. Вы только скажите, что вамъ бы хотѣлось знать, какъ я играю „Исламея“, онъ сейчасъ же заставитъ меня сыграть при васъ, вотъ увидите“. Такъ и вышло: только что я заикнулся объ „Исла-

мѣ", Листъ сейчасъ же сказалъ: — „Ma chère m-lle Véra, jouez nous l'Islamey! — Vous verrez, comme elle le joue bien!"—обратился ко мнѣ Листъ. Нужно замѣтить, что у Листа мы нашли еще ту самую піанистку Scheuer, изъ Дюссельдорфа, съ которой я ѣлъ вишни на крыльцѣ, въ Іенѣ, послѣ концерта (смотри предыдущее письмо), и еще очень хорошаго піаниста Луттера; Scheuer доигрывала послѣднюю часть концерта Грига, а Луттеръ на другомъ инструментѣ (піанино) изображалъ оркестръ. Концертъ этотъ предполагалось играть на matinée завтра. Когда они кончили, они тотчасъ же и ушли; мы съ Тимановой остались одни у Листа. Она сыграла „Исламея" превосходно; что за сила! что за механизмъ! Затѣмъ мы болтали съ Листомъ о музыкѣ, объ операхъ Рубинштейна, которыя лежали у него на роялѣ. Потомъ онъ усѣлся за рояль, желая показать кое-какія мѣста въ этихъ операхъ. Сыгралъ увертюру къ „Нерону", танцы и еще кое-что; затѣмъ я сказалъ ему, что танцы въ „Демонѣ" лучше. — „Дайте-ка сюда „Демона"!—сказалъ Листъ,—я не знаю этихъ танцевъ". Я далъ „Демона", отыскали танцы, и онъ проигралъ ихъ всѣ. Потомъ показывалъ еще кое-какія вещицы частями. Мнѣ это напомнило совсѣмъ балакиревскіе вечера. Листъ сидѣлъ за роялемъ; я—по правую руку, переворачивалъ ноты, а Тиманова—по лѣвую его руку. И какъ это пріятно было слушать Листа, совсѣмъ уже по-домашнему! Игралъ онъ тоже à la Balakireff, дополняя въ арранжементѣ то басы, то среднія ноты, то верхи. Мало-по-малу изъ этихъ импровизированныхъ дополненій начала выростать одна изъ тѣхъ превосходныхъ транскрипцій Листа, гдѣ такъ часто переложеніе фортепіанное бываетъ неизмѣримо выше самой музыки, составляющей предметъ переложенія. Листъ импровизировалъ довольно долго. Когда онъ кончилъ, мы съ Тимановой собрались уходить, Листъ удержалъ меня: — „Ахъ, да! Вѣдь мы сегодня увидимся еще у баронессы Мейендорфъ? Не правда ли? Прежде чѣмъ идти къ ней, зайдите ко мнѣ, мы

пойдемъ туда вмѣстѣ. Ко мнѣ придетъ еще Зарембскій (одинъ изъ самыхъ видныхъ учениковъ Листа). Мнѣ хотѣлось бы при васъ проиграть съ нимъ вашу симфонію, прежде чѣмъ играть ее сегодня вечеромъ, потому что"...—Тутъ я не дослыхалъ путемъ, что онъ сказалъ далѣе (Тиманова перебила какимъ-то вопросомъ). Я сказалъ, что зайду, и мы ушли. На дорогѣ я спросилъ Тиманову: — „Что такое сказалъ Листъ, когда мы уходили?"—„Что ему хотѣлось пройти съ Зарембскимъ вашу симфонію при васъ, прежде чѣмъ играть ее сегодня передъ гроссъ-герцогомъ!" — „Какимъ гроссъ-герцогомъ?"—„Да вѣдь мы сегодня будемъ у Мейендорфъ съ Листомъ?"—переспросилъ я Тиманову.—„Ну, да! развѣ вы не знаете, что сегодня великій герцогъ хотѣлъ быть у Мейендорфъ именно съ тѣмъ, чтобы познакомиться съ вами лично. Листъ ему о васъ такъ много говорилъ, что гроссъ-герцогъ, узнавъ о вашемъ пріѣздѣ въ Веймаръ, просилъ Листа, чтобы онъ непремѣнно познакомилъ его съ вами. Вотъ они и условились сегодня быть у Мейендорфъ. Развѣ вы не слыхали? Затѣмъ же она и телеграфировала вамъ, чтобы вы непремѣнно были". — „Вотъ тебѣ и разъ! Да какъ же я буду на подобномъ вечерѣ въ моемъ дорожномъ костюмѣ? вѣдь это же невозможно!" — „Вотъ какой вздоръ!" — перебила Тиманова: — „гроссъ-герцогъ человѣкъ очень простой! Наконецъ, можете разыграть у баронессы комедію, заявить, что вы не знали обо всемъ этомъ (она же вамъ ничего не говорила ранѣе!) Вы скажете, конечно, что не можете быть представлены гроссъ-герцогу въ такомъ костюмѣ, что должны уйти, а она, конечно, скажетъ, что это все пустяки, чтобы вы оставались; что гроссъ-герцогъ интересуется вами, а не вашимъ костюмомъ, что она сама отвѣчаетъ за то, что вы не будете въ неловкомъ положеніи и т. д. Вы, разумѣется, останетесь, и все обойдется преблагополучно!" Такъ и порѣшили. Около восьми часовъ я зашелъ къ Листу. Зарембскій былъ уже тамъ, во фракѣ, въ бѣломъ галстукѣ, бѣлыхъ перчаткахъ. Они съ Листомъ

проиграли мою симфонію; Листъ въ secondo, а Зарембскій въ primo. Сыграли чортъ знаетъ какъ хорошо! Особенно скерцо—сущій огонь! Множество мелочей, которыя у насъ обыкновенно пропадаютъ, выступали здѣсь ужасно рельефно. Листъ кое-гдѣ вралъ, впрочемъ, оттого, что плохо видитъ. Когда кончили, я заявилъ Листу, между прочимъ, о неловкомъ положеніи моемъ по поводу костюма, и просилъ его сдѣлать mes excuses и проч.—„Eh, mon cher m-r Borodine? le grand-duc s'intéresse à vous et non pas à votre costume, allez! Du reste, si m-r Zarembsky a mis sa cravatte blanche, c'est qu'il veut être plus important que nous deux, — посмѣялся Листъ.— Mais vous, vous avez encore plus de raison de mettre votre costume de voyage, puisque vous n'avez pas autre chose à mettre". Мы разсмѣялись и отправились втроемъ къ Мейендорфъ. Она была еще одна; очень любезно встрѣтила насъ. Я разыгралъ комедію извиненія, и все произошло, разумѣется, такъ, какъ говорила Тиманова. — „Vous êtes en voyage et du reste nous sommes ici à la campagne", — засмѣялась она. Минутъ черезъ десять раздался звонокъ. Мейендорфъ, я и Листъ встали; вошелъ гроссъ-герцогъ. Это былъ высокій, немолодой уже мужчина, въ черномъ сюртукѣ съ какою-то звѣздою на груди, въ бѣломъ жилетѣ, свѣтло-сиреневыхъ перчаткахъ и съ цилиндромъ въ лѣвой рукѣ. Баронесса представила ему меня. Онъ подалъ мнѣ руку и сразу выгрузилъ цѣлый запасъ любезностей, говорилъ, что онъ глубоко уважаетъ весь нашъ кружокъ, весьма любитъ нашу музыку, крайне интересуется нашею дѣятельностью, что до сихъ поръ ему лично удалось только узнать одного Кюи (котораго онъ называетъ „m-r Coui") и то мелькомъ, въ Байрейтѣ, что онъ ужасно радъ случаю познакомиться со мною и проч., и проч. Я, разумѣется, поблагодарилъ его. Затѣмъ всѣ пошли въ гостиную, гдѣ стоялъ рояль. Съ гроссъ-герцогомъ пріѣхалъ какой-то Excellenz, тоже въ орденахъ, и какая-то придворная дама, которая весь вечеръ, даже за чаемъ и ужиномъ, оставалась

въ перчаткахъ и въ шляпѣ (этикетъ ато, что ли?) Начали съ моей симфоніи. Я стоялъ около, за роялемъ, и ворочалъ страницы, гроссъ-герцогъ сидѣлъ немного подальше у рояля, внимательно и серьезно слушалъ, переглядываясь съ Листомъ, который такъ и кисъ отъ удовольствія при разныхъ оригинальныхъ и пикантныхъ мѣстахъ, перекидываясь торжествующими взглядами то со мною, то съ гроссъ-герцогомъ, улыбаясь, кивая одобрительно головою и т. д. Когда кончили, гроссъ-герцогъ разсыпался въ любезностяхъ и распространился насчетъ разныхъ деталей: „C'est si original! c'est si beau!“ etc.; „le meilleur compliment que je pourrais vous faire, m-r Borodine, c'est en disant que votre musique toute belle qu'elle est ne ressemble à rien de ce que nous avons entendu“... etc., etc. Намъ непремѣнно надобно дать симфонію m-r Бородина нынѣшній годъ съ оркестромъ!— обратился гроссъ-герцогъ къ Листу: — вѣдь это можно устроить, не правда ли? Мнѣ бы очень хотѣлось!“ и Листъ сказалъ, что все дѣло за тѣмъ, чтобы доставили партитуру.

Послѣ этого гроссъ-герцогъ пожелалъ, чтобы я непремѣнно поигралъ ему что-нибудь изъ моей оперы. Нечего было дѣлать, я сѣлъ и, по требованію Мейендорфъ и Листа, сыгралъ женскій хорикъ, а затѣмъ еще произвелъ Е-дурный хоръ „Слава!“ что̀ исполнялся въ Безплатной Школѣ. Гроссъ-герцогъ все повторялъ: „Charmant, charmant! très original! superbe!“ etc. Больше я ничего не игралъ, хотя гроссъ-герцогъ и Листъ хотѣли, чтобы я сыгралъ танцы. Листъ и гроссъ-герцогъ разспрашивали о частностяхъ положенія сценическаго, объ оркестровкѣ, словомъ выразили большой интересъ. Они удивлялись очень, что я дѣлаю либретто самъ, и жалѣли, что не могу произвести имъ вокальныхъ нумеровъ. Послѣ этого, поблагодаривъ меня, гроссъ-герцогъ всталъ, подалъ руку Мейендорфъ; Листъ подалъ руку придворной дамѣ и всѣ отправились въ столовую, къ чайному столу. Возлѣ баронессы по правую руку сѣлъ гроссъ-герцогъ, по лѣвую—Листъ. Возлѣ гроссъ-герцога по правую

руку я; возлѣ Листа—придворная дама, возлѣ меня по правую руку Excellenz, возлѣ него сынъ Мейендорфъ и Заремб-скій. Чай сопровождался закусками, которыя, равно какъ и вино, были превосходно сервированы. Гроссъ-герцогъ все время разговаривалъ главнымъ образомъ со мною, затѣмъ съ Мейендорфъ. Онъ видимо старался показать мнѣ свое знакомство съ русскою музыкою и литературою, говорилъ безъ умолку, очень просто и очень любезно. Послѣ чая, тѣмъ же порядкомъ, всѣ повалили въ гостиную. Заремб-скій превосходно сыгралъ фантазію своего сочиненія, очень интересную и эфектную, à la Liszt. Затѣмъ гроссъ-герцогъ всталъ, сказалъ ему и Листу нѣсколько любезностей, еще разъ поблагодарилъ меня и, наговоривъ кучу пріятностей, въ заключеніе протянулъ руку и сказалъ по-русски „прошайте, да сфиданія", отчеканивая каждый слогъ. За нимъ вслѣдъ откланялся Excellenz. Послѣ ухода гроссъ-герцога, Заремб-скій превосходно сыгралъ еще фантазію на Rheintöchter, Іосифа Рубинштейна, очень блестящую и трудную. Послѣ этого мы двинулись домой; было 12 часовъ. Баронесса просила, чтобы я передъ отъѣздомъ непремѣнно побывалъ еще у нея. Проводивъ Листа до дому (онъ живетъ въ двухъ шагахъ отъ баронессы), мы съ Заремб-скимъ пошли по домамъ.

На другой день я всталъ рано и пошелъ гулять въ загородную резидендію гроссъ-герцога, такъ называемое Belvedère, отдѣленное отъ Веймара большимъ паркомъ. Когда посмотрѣлъ на часы, оказалось, что до начала matinée Листа, до 11 часовъ, остается всего 25 минутъ, а ходьбы отъ Бельведера до Веймара считается три четверти часа. Что дѣлать? извозчиковъ тутъ нѣтъ; вотъ я и пустился пѣшкомъ на рысяхъ и, при страшномъ палящемъ солнцѣ, пролупилъ пѣшкомъ все это разстояніе безъ передышки въ 25 минутъ, и ровнехонько въ одиннадцать былъ уже у Листа. Многіе, въ томъ числѣ и Мейендорфъ, были уже тамъ. Вскорѣ пріѣхалъ и гроссъ-герцогъ. Онъ встрѣтилъ меня уже какъ

знакомаго, спросилъ, какъ я провелъ ночь, гдѣ остановился въ Веймарѣ и проч.

Помѣщеніе Листа небольшое, и состоитъ всего изъ трехъ комнатъ, и то небольшихъ. Поэтому въ гостиной, гдѣ рояль и піанино, помѣстились только дамы и гроссъ-герцогъ. Мужчины оставались въ сосѣдней комнатѣ. Тѣмъ не менѣе Листъ, увидавъ меня, взялъ за руку и черезъ спальную увлекъ въ гостиную. „Vous serez mieux là-bas!“ Началась matinée. Публики было такъ много, что не хватило стульевъ для всѣхъ; мужчины большею частію стояли. Дамы сидѣли въ шляпкахъ, съ зонтиками въ рукахъ. Мужчины, бомондные, въ томъ числѣ и гроссъ-герцогъ, были въ черныхъ сюртукахъ, со шляпою въ рукѣ и маленькою тросточкою, которой не выпускали изъ рукъ. Тѣ и другіе въ перчаткахъ. Не бомондные, какъ и азъ, многогрѣшный, были въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ, пиджакахъ и проч. Дамы, за исключеніемъ русскихъ, т. е. Мейендорфъ и Тимановой, одѣты были, большею частью, крайне безвкусно и нелѣпо, хотя многія очень щеголевато. Играли все ученики и ученицы Листа. Пѣли двѣ какія-то барыни довольно дрянно; акомпанировалъ Листъ. Акомпанируетъ онъ превосходно. Matinée кончилась въ часъ. Піанисты и піанистки были большею частью очень сильные, хотя очень разнообразные. Тиманова занимала, разумѣется, одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ на matinée. У меня записаны имена лицъ и пьесъ (большею частью Листа). Скучно выписывать ихъ. Сообщу при свиданіи.

Послѣ matinée гроссъ-герцогъ опять подошелъ ко мнѣ, и, сказавъ нѣсколько любезностей, распростился со мною. Листъ проводилъ всѣхъ гостей внизъ, въ садъ, прощаясь съ ними. Мы съ Тимановой и Зарембскимъ отправились обѣдать въ Hôtel de Russie. Оттуда я пошелъ къ Тимановой, гдѣ и пробылъ до $4^1/_2$ часовъ. Затѣмъ мы пошли снова къ Листу, такъ какъ онъ обѣщалъ мнѣ дать свою фотографію. Листъ только что всталъ (онъ отдыхаетъ послѣ обѣда). Мы

поболтали немного. Листъ выложилъ мнѣ на выборъ цѣлый ворохъ разныхъ cartes-portraits, кабинетныхъ портретовъ и проч. Хотя тамъ были и большіе, но я ихъ не взялъ, потому что мнѣ показалось, что они менѣе похожи на него; по крайней мѣрѣ, я такимъ Листа не видалъ. Поэтому я предпочелъ взять кабинетный портретъ, поразительно похожій на него, именно теперь. Когда я выбралъ, онъ взялъ и написалъ на оборотѣ: „A m-r Alexandre Borodine, affectueuse estime et sincère dévouement. F. Liszt. Juillet 1877". Потомъ я попросилъ у него его нотнаго автографа; онъ порылся, но ничего подходящаго не нашелъ: „Ce n'est rien pour vous",—проворчалъ онъ:—„ce sont de mauvaises copies. Постойте!" Онъ взялъ листокъ нотной бумаги, отрѣзалъ половину и написалъ окончаніе „Divina Comedia", котораго въ печати нѣтъ, но о которомъ мы съ нимъ бесѣдовали какъ-то. Видя, что онъ, однако, порядкомъ усталъ отъ matinée, мы ушли. До отправленія поѣзда въ Іену было долго, и мы пошли съ Тимановой въ кондитерскую ѣсть мороженое. Тамъ мы встрѣтили подругъ Тимановой, Листовскихъ же ученицъ, что̀ были на matinée. А тутъ какъ разъ разразилась гроза съ ливнемъ. Мы и просидѣли въ кондитерской до елико-возможности и проболтали очень весело и дружно, причемъ барышни успѣли выгрузить мнѣ разныя совсѣмъ интимныя исторіи, что̀ меня не мало удивило, въ виду очень недавняго моего знакомства. Въ 8 часовъ 22 минуты я поѣхалъ назадъ въ Іену... А. Бородинъ.

41. Къ ней же.

Марбургъ, 23-го іюля 1877 г.

... Я перезнакомился домашнимъ манеромъ со многими профессорами, получилъ кучу приглашеній къ другимъ; былъ на 3-мъ засѣданіи здѣшняго Общества естествоиспытателей, гдѣ Геккель (тузовая личность, стоющая Дарвина) дѣлалъ сообщеніе о полипахъ и медузахъ; осмотрѣлъ всѣ

кабинеты и музеи; наконецъ приглашенъ былъ на очень интересный кнейпъ (кутежъ) студентовъ Земледѣльческаго института (какъ бывшій профессоръ Лѣсной академіи, я имѣлъ совершенно законный поводъ). Вечеръ былъ прекурьезный: студенты и профессора кутили вмѣстѣ, говорили рѣчи, тосты, пили пиво, чокались и т. д. Профессора были, собственно, почетными гостями. Тѣ и другіе немножко подпили. На вечерѣ были комическія представленія, китайскія тѣни, изображавшія событія изъ студенческой жизни нѣкоторыхъ студентовъ, находившихся тутъ же; тѣни до того были похожи на оригиналы, что каждаго сразу узнавали и раздавался гомерическій хохотъ. Содержаніе нѣкоторыхъ изъ изображаемыхъ эпизодовъ было далеко не скромное и весьма пикантнаго характера. За то какихъ я профессоровъ здѣсь видѣлъ! Хоть сейчасъ въ любой музей или на выставку. Одному,напримѣръ, 91 годъ, и онъ еще пилъ пиво, говорилъ рѣчи, предлагалъ тосты и т. д. Но что̀ всего удивительнѣе, такъ это необыкновенный порядокъ, не нарушавшійся въ теченіе всего вечера. Одинъ изъ студентовъ предсѣдательствовалъ. Silentium! (молчаніе!) Ad loca! (по мѣстамъ!)—скомандуетъ предсѣдатель, и мгновенно все стихаетъ, всѣ на своихъ мѣстахъ. „Слово принадлежитъ такому-то студенту или профессору!“ Водворяется мертвая тишина, пока ораторъ говоритъ. Представленія, пѣніе, музыка, тосты, рѣчи шли какъ по маслу. Тексты пѣсенъ, отлично переписанные, лежали передъ каждымъ гостемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ держали себя очень непринужденно. Теперь понятно, отчего въ нѣмецкой арміи удивительная дисциплина.

21-го числа, въ субботу, я разстался съ мальчиками. Такъ какъ путь лежалъ черезъ Веймаръ, то я остановился въ Веймарѣ, моемъ „Венусбергѣ“, чтобы въ послѣдній разъ побывать у моей сѣдой Венеры (Листа). Прежде всего я отправился къ Мейендорфъ съ прощальнымъ визитомъ. Оказалось, что въ четвергъ отъ Бесселя пришли всѣ мои вещи:

романсы и вторая симфонія. Мейендорфъ съ Листомъ играли уже наканунѣ симфонію въ четыре руки, остались ужасно довольны ею, и Листъ назначилъ играть ее въ воскресенье на matinée, куда долженъ былъ прійти и гроссъ-герцогъ. Мейендорфъ пригласила меня на вечерній чай съ тѣмъ, что, кромѣ меня и Листа, никого не будетъ, чтобы просмотрѣть мои романсы втроемъ. Отъ нея я пошелъ къ Листу на урокъ. Листъ очень радъ былъ видѣть меня: „Soyez le bienvenu, cher m-r Borodine; nous avons joué hier votre deuxième symphonie! Superbe!“ — поцѣловалъ онъ кончики своихъ длинныхъ пальцевъ. Урокъ прошелъ. Листъ удержалъ меня. Пришелъ Зарембскій, съ которымъ Листъ хотѣлъ пройти мою 2-ю симфонію къ завтрашней matinée. Неугомонный старикъ опять засадилъ меня. „L'Andante, vous le jouerez! et puis je vous remplacerai, je ferai le final mieux que vous, n'est-ce pas!“—засмѣялся Листъ. И дѣйствительно, онъ шельмецки сыгралъ финалъ! Когда я просилъ его сдѣлать мнѣ замѣчанія по поводу симфоніи, высказать откровенно свое мнѣніе и дать совѣтъ, такъ какъ желаю отъ него вовсе не любезностей, но хотѣлъ бы извлечь пользу въ художественномъ отношеніи, онъ сказалъ мнѣ: „Ne changez rien! laissez-la telle qu'elle est, elle est d'une construction parfaitement logique. En général, le seul conseil, que je puisse vous donner, c'est: suivez votre voie, n'écoutez personne; vous êtes toujours partout logique, ingénieux et tout à fait original. Rappelez-vous que Beethoven ne serait jamais ce qu'il est devenu s'il allait écouter tout ce qu'on lui disait; rappelez vous toujours la fable de Lafontaine: „Le père, le fils et l'âne“. Travaillez à votre manière, n'écoutez personne, — voilà mon conseil, si vous voulez m'en demander un!“ Затѣмъ, перебирая въ частности симфонію, онъ сказалъ, что критика имѣла право высказать развѣ неудовольствіе, почему я, напримѣръ, вторую тему 1-й части не сдѣлалъ amoroso, или что-нибудь въ этомъ родѣ, но чтобы симфонія была дурно „построена“ изъ тѣхъ элементовъ, которые лежатъ въ основаніи ея,

этого критика не имѣла права говорить. „C'est d'une construction parfaitement logique!“—повторялъ Листъ, переходя отъ одной части къ другой. „Говорятъ, что нѣтъ ничего новаго подъ луной, а вѣдь вотъ это совершенно ново! Ни у кого вы не найдете этого!“—повторялъ великій „мейстеръ“ по поводу разныхъ частностей. „У меня былъ вчера одинъ нѣмецъ,—сказалъ мнѣ Листъ:—онъ приносилъ мнѣ свою уже третью симфонію; я ему сказалъ: намъ, нѣмцамъ, далеко до этого, и показалъ вашу 2-ю симфонію. Tenez!“ Впрочемъ, онъ сдѣлалъ мнѣ нѣсколько мелкихъ техническихъ замѣчаній, собственно относительно удобства письма для арранжемента, на случай второго изданія. Заремб скому 2-я симфонія нравится больше, чѣмъ первая.

Вечеромъ, у Мейендорфъ, мы втроемъ перебрали почти всѣ мои романсы; Листъ, большею частью, акомпанировалъ, я пѣлъ, объясняя ему текстъ. Вообрази: Мейендорфъ больше всего понравилась „Морская Царевна“! Листъ нашелъ, впрочемъ, „que c'est trop poivré!—C'est du paprika“,—засмѣялся я.—„Non, c'est du Cayenne!“—заключилъ Листъ. Потомъ они толковали все о томъ, кто-бы у нихъ могъ это спѣть, и просили меня перевести романсы на нѣмецкій языкъ. Утромъ на matinée, въ виду массы піанистовъ и пріѣхавшаго скрипача Сёре (читай по-русски), пришлось сыграть только одно скерцо моей симфоніи, и сыграно оно было гораздо хуже, чѣмъ въ субботу. Листъ плохо видитъ и вралъ; кромѣ того, онъ былъ разсѣянъ: въ этотъ день должна была пріѣхать его дочь, которую онъ ждалъ съ нетерпѣніемъ. Послѣ обѣда я былъ у Заремб скаго, слушалъ его фантазію съ оркестромъ, талантливое произведеніе въ Листовскомъ родѣ. Заремб скій хотѣлъ со мною посовѣтоваться относительно оркестровки, какъ піанистъ; Заремб скій чортъ знаетъ какъ талантливъ, равно какъ и композиторъ. Вообще его ожидаетъ блестящая будущность. Нужно замѣтить, что у Листа много талантливыхъ учениковъ. Но что̀ меня больше всего порадовало и тронуло: манера ихъ

ужасно напоминаетъ твою, нѣтъ ни жидовской суетливости Гольдштейна, ни пошлости бабьяго touché perlé, темпы умѣренно-скорые, простота, полнота тона, благородство исполненія. Таковъ и самъ Листъ. Какъ жаль, что ты его не слыхала! Распростившись съ Листомъ, я отъ него оторвался не вдругъ: изъ Веймара поналъ въ Марбургъ, гдѣ жила, умерла и похоронена св. Елисавета, вдохновившая великаго мастера. На мѣстѣ, гдѣ она похоронена (1231 г.), построена ея мужемъ часовня и потомъ соборъ—одинъ изъ самыхъ изящныхъ въ готическомъ стилѣ — настолько же полный поэзіи и красоты, какъ и образъ самой Елисаветы въ твореніи Листа. Тутъ же богатая серебряная рака, гдѣ лежали ея мощи, вынутыя во время реформаціи, чтобы положить предѣлъ поклоненію католическихъ пилигримовъ. Соборъ и рака очень хороши. Но я записался; больше нѣтъ бумаги. Пора кончить. Цѣлую тебя крѣпко, равно и маму.

Еще забылъ разсказать: лакей Листа почему-то особенно благоволилъ ко мнѣ, я рѣшительно не понималъ—почему. Подъ конецъ, онъ (котораго я считалъ все за итальянца) спросилъ-таки: „Signor è russo? — Si, sono russo; e cosa volete?—Ecco!! sono montenegrino!! Я есемь црнагорецъ!“ Вотъ откуда любовь ко мнѣ. Лакей Листа православный, каждое воскресенье бѣгаетъ къ обѣднѣ и фанатически кладетъ земные поклоны за Бѣлаго царя, за успѣхъ русскаго оружія въ Турціи!

Завтра ѣду въ Боннъ, оттуда въ Ахенъ и потомъ въ Гейдельбергъ! Милый, дорогой Гейдельбергъ! Затѣмъ въ Страсбургъ, Мюнхенъ (увижу Эрленмейера) и черезъ Іену въ Вильно и домой. А. Бородинъ.

42. Къ ней же.

Гейдельбергъ, 30-го іюля 1877 г.

Никогда еще я такъ далеко не уѣзжалъ отъ тебя и, кажется, никогда ты мнѣ не была такъ близка, какъ теперь.

Пойми только — я въ Гейдельбергѣ!!! Еще по дорогѣ изъ Марбурга въ Боннъ я проѣзжалъ отъ Оберъ-Ланштейна по Рейну; мимо меня, какъ въ панорамѣ, проносились давно знакомые берега, которые мы видѣли еще съ тобою. Можешь думать, что̀ я долженъ былъ перечувствовать! Глупая! (Прости, что бранюсь!). Въ Боннѣ я пробылъ всего полтора дня; описывать не буду. Тебѣ не интересно. Изъ Бонна я отправился по Рейнской желѣзной дорогѣ въ обѣтованную землю, мою Мекку, Медину, Іерусалимъ, назови какъ хочешь, словомъ, въ Гейдельбергъ. Опять въ обратномъ порядкѣ проносились передо мною знакомые, давно невиданные берега Рейна, но уже на бо̀льшемъ протяженіи отъ Бонна до Майнца. Я проѣзжалъ мимо нашего Бингена, гдѣ мы останавливались, помнишь?.. Господи, сколько я пережилъ въ это время!! Отъ Майнца пошли всякіе Бенегеймы, Генненгеймы и проч., мимо которыхъ мы съ тобою ѣздили столько разъ!! Я былъ до того возбужденъ, до того взволнованъ, что не замѣтилъ даже, какъ насталъ вечеръ (пять часовъ); только позже гораздо я вспомнилъ, что съ утра, съ шести часовъ, я ничего не ѣлъ и не пилъ, не смотря на нестерпимый жаръ. Я пожиралъ глазами каждую горку, дорожку, каждый домикъ, деревеньку, все мнѣ сразу напомнило счастливыя времена. Подъѣзжая къ Гейдельбергу, я спряталъ лицо въ окно, чтобы скрыть набѣгавшія слезы и крѣпко сжалъ ручку зонтика, чтобы не разревѣться какъ ребенокъ. Я съ замираніемъ сердца караулилъ тотъ садикъ, что выходилъ на желѣзную дорогу отъ Гофмана; садикъ, гдѣ я тебя видѣлъ на другой день послѣ Вольфсбрунна. Помнишь?.. Укараулилъ-таки!! Узналъ его сразу!! Почуялъ его!! Безъ сомнѣнія, тебѣ случалось видѣть во снѣ мѣста, которыя ты какъ будто давно когда-то знала; мѣста, гдѣ ты напередъ знаешь, что̀ будетъ впереди, гдѣ ты спѣшишь осмотрѣть каждый уголокъ, и увѣрена, что все тебѣ знакомо. Въ такомъ состояніи былъ я. Я бросился въ омнибусъ и велѣлъ везти себя прямо въ Badischer Hof, гдѣ я

останавливался въ первый разъ въ 1859 году; гдѣ потомъ обѣдалъ за табль-д'отомъ. Вотъ она — Hauptstrasse! Теперь будетъ Darmstaeter Hof; теперь Derara, теперь Goldner Engel и т. д. Все до мельчайшихъ подробностей воскресало въ моей памяти. Вотъ и Karpfengasse, милая Karpfengasse, гдѣ ты была у меня въ первый разъ (помнишь, гдѣ я тебѣ показывалъ шкапъ съ бѣльемъ; не нашелъ ничего умнѣе?); гдѣ была лабораторія Erlenmeyer'a. Вотъ и Badischer Hof! Та же зала, тѣ же лѣстницы. Я взялъ нумеръ и, оставшись одинъ, не выдержалъ (грѣшный человѣкъ), — разревѣлся какъ дитя. Наплывъ чувствъ, которыя охватили меня, я даже не умѣю тебѣ описать. Умывшись и приведя себя въ приличный видъ, я вспомнилъ, что надобно пообѣдать и пошелъ въ Speisesaal. И вообрази! совершенно машинально, безсознательно, я сѣлъ именно на то самое мѣсто, гдѣ сидѣлъ тому назадъ семнадцать лѣтъ за табль-д'отомъ! Пообѣдавъ наскоро, я побѣжалъ осматривать „святыя мѣста". Прежде всего на „Schloss". Чего я не перечувствовалъ, пробѣгая тѣ дорожки, тѣ галлереи, гдѣ мы бродили съ тобою въ первую пору счастья? Какъ бы я дорого далъ въ эту минуту, чтобы ты была со мною! Вотъ и та глухая, мрачная, тѣнистая аллея, тѣ нависшіе каменные своды, подъ которыми мы пробирались съ тобою какъ-то ночью. Помнишь, ты уцѣпилась за меня отъ страха? Хотѣлось страхъ какъ сходить къ Гофману въ домикъ со скрипучей лѣсенкой. И хочется, и боюсь спросить: а ну, какъ домикъ давно срытъ, сломанъ, Гофмановъ и въ поминѣ нѣтъ? Вотъ Peterskirche, гдѣ ты слушала Paulus'a, когда я игралъ въ оркестрѣ. Вотъ „Museum", гдѣ ты бывала на репетиціяхъ. Вотъ и кондитерская, гдѣ мы бывали съ Кудашевыми, домикъ, гдѣ жили Сорокины; Friedrichstrasse, № 12, гдѣ я жилъ до тебя еще; Zimmer, гдѣ мы жили съ Менделѣевымъ; домъ, гдѣ жила Анна Павловна Брунеръ, гдѣ она умерла, гдѣ я познакомился съ Софьей Карловной; Karpfengasse, № 6—лабораторія Эрленмейера (не вытерпѣлъ, забѣжалъ на чужой

дворъ посмотрѣть; лабораторіи уже нѣтъ, но постройки всѣ цѣлы; вотъ и мѣсто, гдѣ я работалъ! все цѣло!). А вотъ и № 2, моя квартирка со шкапомъ для бѣлья... Страхъ хотѣлось проникнуть туда, въ самую квартиру. Тамъ сидѣла какая-то старая нѣмка и вязала чулокъ по-нѣмецки, оттопыривъ одинъ палецъ. Побоялся, не пошелъ. Долго бродилъ я до ночи, осматривая каждый уголокъ. Всѣхъ мелочей не „переказать“, какъ говоритъ Па. Мнѣ все не вѣрилось, что я наяву вижу все это, что я наяву хожу по этимъ знакомымъ мѣстамъ; я трогалъ стѣны домовъ рукою, прикасался къ ручкѣ двери знакомыхъ подъѣздовъ; словомъ, велъ себя, какъ человѣкъ не совсѣмъ въ своемъ умѣ. На другой день я пошелъ сначала осматривать спеціальности, потомъ сидѣлъ „у себя“ за табль-д'отомъ и ѣлъ, казалось, то самое кушанье, которое приготовлено было семнадцать лѣтъ тому назадъ. Оно показалось мнѣ необыкновенно вкуснымъ! И стулъ, на которомъ я сидѣлъ, былъ необыкновенно удобенъ; это тотъ самый плетеный стулъ, на которомъ я привыкъ сидѣть, словомъ, „мой“ стулъ.

И сосѣди мои давно знакомы мнѣ, хотя я ихъ вижу въ первый разъ. Послѣ обѣда я отправился прямо, горнею дорогою, въ Мекку: въ Вольфсбруннъ. Дорога знакома, какъ свои пять пальцевъ; только ее расчистили, сдѣлали шире къ моему пріѣзду. Въ Вольфсбруннѣ я нашелъ все въ порядкѣ, только къ моему пріѣзду успѣли выстроить тамъ крытую галлерею, которой прежде не было. Я сѣлъ противъ самаго фонтана, гдѣ плаваютъ форели. Вода въ четыре струи текла изъ волчьихъ мордочекъ, какъ и прежде, текла, не прерываясь, 17 лѣтъ! Вотъ уже буквально можно сказать: много воды утекло съ тѣхъ поръ! Ко мнѣ вышла дѣвушка, лѣтъ 15, съ привѣтливою улыбкою. Должно быть она собиралась сказать мнѣ: „на силу-то опять собрались къ намъ! Что давно не были?“—Ничего она не собиралась сказать, кромѣ: „Wünschen Sie Bier, oder sonst noch was?“ Меня она и не узнала. Да и гдѣ же узнать, когда ее не

было еще въ то время и на свѣтѣ?! Не берусь описать всѣхъ ощущеній, которыя я пережилъ, сидя передъ фонтаномъ и упорно глядя на бѣгущую воду, мѣрно, однообразно, безъ конца падавшую въ бассейнъ, гдѣ апатично плавали глупыя рыбы, въ ожиданіи попасть сегодня же на жаркое. Господи, сколько я пережилъ! Какая это была смѣсь счастья и горечи! Долго просидѣлъ я за своимъ шопеномъ пива, наконецъ поднялся и пошелъ увѣренными шагами по нижней дорогѣ, по берегу Неккара, словомъ, тою дорогою, которою мы шли домой съ тобою. Напрасно искалъ я камня, на которомъ мы сидѣли, напрасно искалъ той скалы передъ воротами въ городъ, гдѣ я тебя толкнулъ и вышибъ зонтикъ, какъ съумасшедшій... Неумолимая рука „прогресса“ уничтожила эти святыни: проложила вдоль берега желѣзную дорогу. До чего мнѣ жаль было видѣть эти мѣста! Ворота, Karlsthor, остались, какъ были, нетронутыми. Я раза четыре, безъ всякой нужды, прошелъ взадъ и впередъ подъ воротами (къ немалому удивленію проходящихъ). Усталый, подавленный вереницею воспоминаній, я ввалился въ свой номеръ и грохнулся на кровать. Вскорѣ я заснулъ какъ убитый. Солнце стояло высоко, когда я проснулся. Я пошелъ по своимъ дѣламъ. Потомъ съ Лоссеномъ, профессоромъ химіи, прошелъ на Molkenkur, оттуда на Schloss. И зачѣмъ тутъ быть Лоссену? Вѣдь онъ ничего не понимаетъ! Послѣ обѣда я собрался съ духомъ и, справившись предварительно о существованіи Гофмановъ (въ адресъ-календарѣ), бойко направился къ самой завѣтной святынѣ прошлаго. Боже! что надѣлали нѣмцы! Улицы Bergheimerstrasse и въ поминѣ нѣтъ; это какая-то Литейная, Тверская, Hauptstrasse. Домъ на дому, домомъ погоняетъ! Ищу № 14; куда тебѣ! такого и нѣтъ! Наконецъ я въ закоулочкѣ нашелъ завѣтный домъ. Съ трепетомъ подхожу. „Здѣсь живетъ профессоръ Гофманъ?“ — „Профессоръ Гофманъ двѣ недѣли тому назадъ умеръ“. Коротко и ясно. Такъ меня и огорошило. Умеръ! „A Frau Professor здѣсь; какъ прикажете доложить?“ Я ска-

залъ. Выходитъ Софья Петровна, вся въ черномъ. Она очень радушно, даже радостно, встрѣтила меня. Въ самое короткое время она успѣла разсказать мнѣ подробности о смерти бѣднаго Гофмана (онъ умеръ отъ удара); о пансіонѣ, который она продолжаетъ содержать; о своихъ дѣтяхъ: маленькая Мери замужемъ, въ Лондонѣ, имѣетъ уже свою маленькую Мери. Гейнрихъ (котораго Богдася Марко-Вовчокъ посадилъ въ бадью съ дождевой водой, помнишь?) давно въ Гамбургѣ; Чарли, маленькій Чарли, котораго я спасъ, вытащивъ стеклянный шарикъ, угодившій ему въ самую гортань, кончаетъ курсъ въ политехническомъ училищѣ. Я пошелъ въ „столовую“. Цѣла, голубушка, цѣла! И столъ длинный цѣлъ, голубчикъ! И тощія „миссы“ и „мистрисы“ цѣлы, точно консервы какія-нибудь сохранились. И говорятъ точно Лихачевъ, и такъ же чопорно и чинно кушаютъ кофе. Софья Петровна много разспрашивала съ участіемъ о тебѣ, представила меня своей молоденькой племянницѣ — англичанкѣ Лулу (ей Богу, такъ!); эта Лулу, очень молоденькая, миленькая и ублюдокъ: родилась и росла въ Москвѣ, училась въ Гейдельбергѣ и жила въ Лондонѣ; словомъ, чортъ знаетъ что такое! Она представлена мнѣ была, какъ невѣста одного русскаго — доктора Бедряги. Вскорѣ пришелъ и докторъ Бедряга—юноша, докторъ философіи Іенскаго университета (какъ и наши мальчики будутъ!), москвичъ, страстный меломанъ, хорошій піанистъ и племянникъ... вообрази!—Николая Андреевича Римскаго-Корсакова! Вотъ вереница-то точекъ соприкосновенія со мною! По имени онъ меня хорошо знаетъ. Онъ очень милый малый, зоологъ; переживаетъ теперь какъ разъ всякіе „Вольфсбрунны, Шпейергофы“ и проч., по-уши влюбленный въ свою невѣсту. Разумѣется, не обошлось безъ сопоставленія ихъ настоящаго романа съ нашимъ—прошедшимъ. Я какъ-то точно влѣзъ въ его шкуру, что̀ насъ въ минуту сблизило, какъ давно знакомыхъ. Пошли въ садъ—нашъ садъ, куда я пришелъ къ тебѣ на другой день послѣ Вольфс-

брунна. Увы, скамеечки нѣтъ, давно нѣтъ! Но вообще садъ остался попрежнему, только цвѣты поэзіи и любви уступили мѣсто огурцамъ и капустѣ, которые въ изобиліи насаждены хозяйственною рукою Софьи Петровны. Она оставила меня пить чай. Я отказался; положилъ сходить вечеромъ на Шпейергофъ. Получивъ приглашеніе на завтра къ обѣду, я откланялся и направился „ко святымъ мѣстамъ“, мимо кладбища, какъ, бывало, ходилъ съ тобою. Увы, и здѣсь услужливые нѣмцы насадили такую цивилизацію, что ничего узнать нельзя, какъ и вообще въ окрестностяхъ Гейдельберга: всюду дороги великолѣпныя; всюду, даже на Königstahl, можно проѣхать въ экипажѣ; объ ослахъ и помину нѣтъ. Кстати ли разсказывать ощущенія на Шпейергофѣ? Понятно, что въ общемъ то же, что и на Вольфсбруннѣ, хотя куда слабѣе! На другой день, С. П. накормила меня московскою кулебякой и передала всякія свѣдѣнія о гейдельбергскихъ знакомыхъ...

Вотъ, моя золотая, гдѣ я и каково мнѣ! Цѣлую тебя ∞ разъ (т. е. безконечно большое число, помноженное само на себя безконечно большое число разъ; попробуй! сосчитай!) Охъ, пора кончить, тороплюсь. Маму поцѣлуй. Теперь—въ Вюрцбургъ и въ Мюнхенъ; оттуда черезъ Іену—домой (остановлюсь въ Вильнѣ). Твой Я.

43. Къ В. В. Стасову.

Среда, 22-го ноября 1877 г.

Дорогой Владиміръ Васильевичъ, со мною стряслась небольшая бѣда: вчера на перевозѣ оступился и растянулъ немного сухожилія стопы, настолько, однако, что обреченъ на сидѣнье дома, пока не пройдетъ боль и опухоль. Ужасно мнѣ это досадно! Судьба рѣшительно противится моему рѣшенію забраться къ вамъ. Но... поневолѣ приходится быть философомъ и примириться съ совершившимся фактомъ. Авось это примиреніе, вмѣстѣ съ компрессами, приведутъ

меня въ порядокъ и я явлюсь къ вамъ. Жму вашу руку. Домашнимъ усердный поклонъ. Искренно-преданный вамъ А. Бородинъ.

44. Къ нему же.

2-го апрѣля 1878 г.
Выборгская. Сами знаете гдѣ. Число, мѣсяцъ и годъ на конвертѣ.

Искренно уважаемый Владиміръ Васильевичъ... Хотя я никогда не обѣщалъ „навѣрное“ къ 1-мъ числамъ января доставить письма о Листѣ*), тѣмъ не менѣе я сильно виноватъ передъ почтенной редакціей „Пчелы“ въ томъ, что не доставилъ ихъ до сихъ поръ. И если вы хотите и можете оказать мнѣ большую услугу, то передайте редакціи мои извиненія въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ, и сообщите, что я постараюсь прислать письма при первой возможности. Объяснять, почему я до сихъ поръ не могъ сдѣлать этого, долго, скучно и безполезно. Вмѣстѣ съ тѣмъ примите и съ вашей стороны мои самыя горячія извиненія въ томъ, что надѣлалъ вамъ столько хлопотъ.

Есть у меня одинъ очень хорошій студентъ, умникъ, милый, знающій и, сверхъ того, страстный поклонникъ новаго направленія въ музыкѣ. Я пошлю къ нему. Если онъ не можетъ, спрошу еще кого-нибудь и дамъ отвѣтъ немедленно. Жму вашу руку. Простите, голубчикъ, Владиміръ Васильевичъ. По возможности я доставлю „письма“ на Страстной недѣлѣ. А. Бородинъ.

45. Къ А. П. Діанину.

Давыдово, 12-го августа 1878 г.

...У насъ въ селѣ было затмѣніе луны (31-го іюля), которое, какъ и слѣдовало ожидать, было открыто мѣстнымъ

*) Письма Бородина къ его женѣ, К. С. Бородиной, о его свиданіяхъ съ Листомъ въ Веймарѣ и Іенѣ, въ 1877 г. В. С.

астрономомъ, К. С. Бородиною. Другой давыдовскій астрономъ (П. П. Діанинъ) проспалъ затмѣніе, ибо имѣлъ неосторожность забыть, что „всѣ врутъ календари“, повѣрилъ календарю Гатцука, который, вопреки остальнымъ астрономамъ, самопроизвольно перенесъ затмѣніе на 31-е августа. Катя, ничего не знавшая предварительно объ этомъ небесномъ знаменіи, узнала его единственно въ силу того, что она „усматривательница“. Давыдовскіе астрологи, имя ихъ легіонъ, толкуютъ, что „знаменіе“—„къ набору“. Какъ великолѣпно было наблюдать затмѣніе въ бинокль, прелесть! Началось оно въ 1 часу ночи, пошло на убыль въ 3 часа утра.

Изъ вѣдомства музы неба—Уранiи перехожу къ вѣдомству Мельпомены и Гормоны или Гармоніи. Я написалъ большую хоровую сцену и пѣсню *). Отъ этой сцены заранѣе жду одобрительнаго гудѣнія В. В. Стасова и безешки отъ М. П. Мусоргскаго. Она мнѣ, впрочемъ, дѣйствительно, очень удалась: и въ музыкальномъ отношеніи, и, какъ полагаю, въ сценическомъ. При хорошей игрѣ она должна пройти очень бойко и живо. Вашъ А. Бородинъ.

46. Къ нему же.

Августъ 1878 г.

По мѣрѣ того, какъ листъ желтѣетъ и падаетъ, мнѣ все чаще и чаще приходится вспоминать о гранитномъ городѣ на берегахъ Невы, самыхъ берегахъ и зданіи Медико-Хирургической Академіи на одномъ изъ этихъ береговъ..... О Давыдовѣ. Послѣ долгаго промежутка затишья, на пожарищѣ вдругъ закипѣла работа — началась кристаллизація. Каждый день кристаллизуется кое-гдѣ домикъ, четыреуголь-

*) Хоровая сцена и „Княжая пѣсня“ Скулы и Ерошки въ 1-мъ дѣйствіи оперы „Князь Игорь“. В. С.

ный, квадратной системы; образовавшійся кристаллъ скорехонько покрывается системою граней (въ родѣ модели кристалла)—это остовъ дома (въ минералогическомъ смыслѣ), или крыши (въ житейскомъ смыслѣ)—система граней эта—стропила и слеги. Не успѣешь оглянуться: глядишь—ужъ начинается осажденіе длинныхъ плоскихъ таблицъ, также квадратной системы—это тесъ, которымъ покрываютъ крышу. Папанъ ожидаетъ домика къ завтрашнему дню — домины поставить; все уже готово. Онъ въ хлопотахъ ужасныхъ. Ѣздили за лѣсомъ, за известкою, за кирпичемъ, за желѣзомъ; каменщики кладутъ фундаментъ, пильщики пилятъ, плотники рубятъ, зѣваки (въ томъ числѣ и я) зѣваютъ. Пока поставлены уже вчернѣ дома: отца Николая, обоихъ дьячковъ, дьяконицы, она же просвирня, Парасковьи, Іоны и Андрея Акимовыхъ. Гуменникъ у Папана скоро готовъ.... Цѣлую и обнимаю всѣхъ вообще и каждаго отдѣльно.

47. Къ Л. И. Шестаковой.

Октябрь, 1878 г.

Увы! наши превосходительства *) никакъ не могутъ быть въ четвергъ: у меня засѣданіе Химическаго Общества отъ 8 часовъ до 11 часовъ; у его превосходительства—ничего, но онъ поручилъ сообщить, что „онъ со мной вполнѣ согласенъ“. Какъ хотите, голубушка, такъ насъ и судите—всѣмъ останемся довольны, а пока цѣлуемъ ваши ручки Искренно преданные Мы.

48. Къ ней же.

2-го января 1879 г.

Дорогая Людмила Ивановна, не пріищу и словъ благодарности за такой подарокъ **)! Что это за роскошная пар-

*) А. П. Бородинъ и В. В. Стасовъ.

**) Только что отпечатанная тогда партитура „Руслана и Людмилы“ Глинки. В. С.

титура! Да будетъ она евангеліемъ всѣмъ русскимъ композиторамъ.—Что это у васъ за невзгоды? За что это васъ судьба такъ наказываетъ? Хотѣлъ было забѣжать къ вамъ, да вспомнилъ, что Новый годъ—и остался дома,—потому: никогда не дѣлаю визитовъ въ этотъ день.

Цѣлую ваши ручки и желаю всего хорошаго. А. Бородинъ.

49. Къ В. В. Стасову,

31-го января 1879 г.

Искренно уважаемый Владиміръ Васильевичъ, забѣжалъ къ вамъ на минутку, чтобы сообщить о невозможности провести сегодня вечеръ у васъ. Мнѣ надобно къ 7 часамъ поспѣть въ Безплатную Школу прослушать, какъ разучиваютъ „Половецкій хорикъ“ и затѣмъ ѣхать на совѣщаніе по какимъ-то, мнѣ даже неизвѣстнымъ, академическимъ дѣламъ. Едва ли я освобожусь ранѣе 11 часовъ.

Увидите Милія—поцѣлуйте его отъ меня и скажите, что я все собирался къ нему, но никакъ не могъ выбрать свободной минутки. Кстати: вы писали мнѣ о какомъ-то нарушеніи, съ моей стороны, обѣщанія быть у Милія въ понедѣльникъ. Тутъ, очевидно, недоразумѣніе. Дѣло вотъ въ чемъ: Милій просилъ меня (письменно) прислать ему 1-ую симфонію, или „если можно“, то доставить ему ее лично „въ воскресенье“ вечеромъ. Прислать симфоніи я не могъ, ибо она въ Лейпцигѣ; заѣхать къ нему также не могъ: меня задержали разные народы. Слѣдовательно, никакого „обѣщанія“ и никакого „понедѣльника“ не было. Будьте здоровы. Жму крѣпко вашу руку. Вашъ А. Бородинъ.

50. Къ нему же.

Село Давыдово, Владимірской губерніи и уѣзда.
4-го августа 1879 г.

Письмо ваше получилъ давно; къ стыду моему, только теперь принимаюсь за перо, чтобы черкнуть вамъ слово

благодарности за передачу письма отъ Листа *); меня радуетъ такая любезность со стороны милаго Meister'a, но еще болѣе я тронутъ вашею любезностью, искренно, много и всегда уважаемый Владиміръ Васильевичъ. Начало лѣта мнѣ не совсѣмъ помогало заниматься музыкою; обстоятельства сложились такъ, что много времени уходило на разныя житейскія дрязги. Съ мѣсяцъ слишкомъ пришлось прожить въ деревнѣ безъ Кати, съ двумя дѣвчонками—Лизушкой и Леночкой (у меня, какъ вы знаете, всегда урожай на дѣвочекъ). Пришлось жить безъ всякой прислуги; дѣлать все самимъ, обѣдать внѣ дома; все это развлекало и отвлекало отъ служенія Аполлону, говоря высокимъ слогомъ. Тѣмъ не менѣе, кое-что успѣлъ сдѣлать. Владиміра Галицкаго, который имѣлъ только три слова речитатива, сдѣлалъ персонажемъ; написалъ ему два речитатива и весьма циническую пѣсню, характеризующую его отношенія ко всему вообще и къ Ярославнѣ въ частности. Это—вставка въ хоровую сцену 1-й картины 1-го дѣйствія. Для 2-й картины я написалъ дуэтъ Владиміра Галицкаго съ Ярославною; женскій хоръ и сценку съ Ярославной: во всемъ этомъ еще рельефнѣе обрисовывается Владиміръ Галицкій. Теперь это вышла маленькая, но довольно рельефная роль. При всемъ цинизмѣ я сдѣлалъ его княземъ, и не слишкомъ грубымъ, а то это былъ бы второй экземпляръ Скулы. Это просто скверный гаменъ, циническій, не лишенный нѣкотораго изящества, и вовсе не жестокій тиранъ. Теперь работаю финалъ 1-го дѣйствія. Тутъ я сдѣлалъ отступленіе отъ первоначальнаго плана либретто, за которое вы, можетъ быть, станете укорять меня. А именно: я заставляю не самихъ купцовъ сообщать вѣсти о Игорѣ, погромѣ при Каялѣ, а бояръ и приближенныхъ княгини, которые раньше узнали отъ купцовъ грозную вѣсть. Они приходятъ подготовить княгиню, чтобы не сразу ошеломить ее вѣстью и, когда она,

*) Письмо Листа къ четыремъ русскимъ композиторамъ о ихъ „Парафразахъ". В. С.

наконецъ, узнаетъ въ чемъ дѣло, падаетъ въ обморокъ, приходитъ въ себя, спрашиваетъ: кто же передалъ ужасныя вѣсти—ей говорятъ, что пріѣзжіе гости, и она велитъ ввести и увести къ себѣ, чтобы подробно допросить обо всемъ. Это сдѣлано для того, чтобы избѣгнуть разсказа купцовъ. Мотивы для этого слѣдующіе. Если сдѣлать разсказъ полнымъ, поэтическимъ и картиннымъ, какъ въ подлинникѣ т. е., онъ выйдетъ непомѣрно длиннымъ и скучнымъ, и, въ концѣ концовъ, словъ все-таки слышно вполнѣ не будетъ; музыки грандіозной, какъ приличнѣ обстоятельствамъ, дать невозможно двумъ посредственнымъ пѣвцамъ (ибо первоклассные израсходованы на другія роли), да и все это выйдетъ жиже, чѣмъ у хора. Съ либреттной стороны былъ только одинъ эфектъ, что купцы разсказываютъ, „перебивая одинъ другого“. Но это эфектъ чисто внѣшній. При этомъ потребовалось бы, по меньшей мѣрѣ, двухъ пѣвцовъ. Хористовъ взять нельзя, солисты всѣ израсходованы: три баса—Кончакъ, Скула, Конюшій; два баритона—Игорь и Владиміръ Галицкій; два тенора—Владиміръ Игоревичъ и Ерошка Голопузый. Откуда же взять солистовъ? Придется взять корифеевъ, что ли? Но если и найдутся еще два солиста, то это ко вреду. Я терпѣть не могу дуализма—ни въ видѣ дуалистической теоріи въ химіи, ни въ біологическихъ ученіяхъ, ни въ философіи и психологіи, ни въ Австрійской имперіи. А на бѣду у меня,—какъ нечистыхъ животныхъ въ Ноевомъ ковчегѣ,—всего по парѣ: два хана—Кончакъ и Гзакъ; два Владиміра—Галицкій и Путивльскій; двѣ любящія женщины: Ярославна и Кончаковна; два дурака—Скула и Ерошка; два брата: Игорь и Всеволодъ; двѣ любви; два оскорбленія княжескаго достоинства; два плѣнныхъ князя; двѣ побѣдившихъ рати у половцевъ. Далѣе—мыслимо ли, чтобы купцы, пріѣхавшіе въ городъ, утерпѣли и не разсказали никому объ Игорѣ и проч., кромѣ княгини? Мыслимо ли, чтобы, желая выслушать вѣсти отъ нихъ наединѣ, княгиня допустила войти слушать весь хоръ? На-

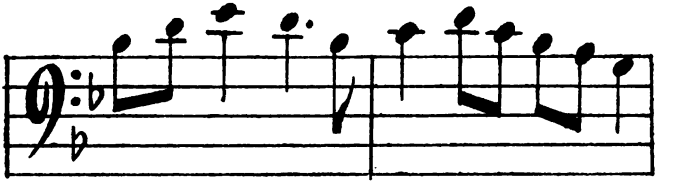
конецъ, положеніе купцовъ во время обморока и прочей возни съ княгиней—преглупое, и пребываніе ихъ тутъ неумѣстно; положеніе княгини невозможное, при началѣ распрей, появленіи Владиміра Галицкаго и проч. До свиданья, торопятъ съ письмомъ; ускользнетъ оказія послать въ городъ, а у насъ и получаютъ, и посылаютъ письма съ оказіей. Жена крѣпко кланяется. Вашъ А. Бородинъ.

51. Къ Н. А. Римскому-Корсакову.

Село Давыдово, 4-го августа 1879 г.

Дорогой другъ Николай Андреевичъ, не знаю какъ благодарить васъ за ваши хлопоты о моемъ „Игорѣ“. Письмо ваше меня глубоко тронуло. И сколько это я вамъ понадѣлалъ хлопотъ! Шутка ли, исписать цѣлую страницу мелко писаннаго письма и пр., и пр. Видите ли, я правъ былъ, когда не хотѣлъ давать вамъ этого хора *). Я предвидѣлъ, что въ этомъ черновомъ экземплярѣ для васъ встрѣтится куча затрудненій, такъ какъ онъ требуетъ не только траиспонировки, но и передѣлки во многихъ мѣстахъ. Мнѣ очень жаль, что я попустилъ вамъ приняться за эту скучную, неблагодарную для васъ работу. Поправляю дѣло насколько можно, не пересылаю вамъ вашего нотнаго листочка, оставляя его себѣ на память. При свиданіи гораздо удобнѣе будетъ переговорить на словахъ,—а свиданіе теперь уже близко. Дальше,—я убѣжденъ, встрѣтится еще болѣе затрудненій. Лучше всего, оставьте пока этотъ хоръ. Многое изъ того, что васъ затрудняетъ, можно разрѣшить гораздо проще: т. е. перемѣнить, не гоняясь за сохраненіемъ того, что большею частью вовсе не существенно. Перемѣна тональности на слова „многая лѣта“ по-моему очень удачная; я и прежде хотѣлъ сдѣлать ее, хотя нѣсколько иначе. Модуляція также мнѣ нравится; тему необходимо сдѣлать

*) Хоръ въ 1-й картинѣ I-го дѣйствія оперы „Князь Игорь“. В. С.

такъ: 

т. е. безъ слѣдующаго затѣмъ F. Ну, да объ этомъ потолкуемъ при свиданіи.

Теперь разскажу вамъ о монхъ музыкальныхъ и житейскихъ дѣлахъ, отъ которыхъ первыя находятся въ полнѣйшей зависимости. До 13 іюля, т. е. слишкомъ мѣсяцъ, я жилъ втроемъ: съ Лизой и Леночкой, и притомъ безъ всякой прислуги, такъ что все дѣлали сами; обѣдали у Діаниныхъ, чай пили тоже. Все это, вмѣстѣ съ прогулками по лѣсамъ и пр., отнимало время, и я не сразу могъ приняться за музыку, ибо нужно было перемѣнить помѣщеніе и т. п. Теперь я занимаюсь музыкой довольно правильно и безъ помѣхи. До сихъ поръ сдѣлалъ слѣдующее: прежде всего дописалъ квартетъ, который у меня не былъ конченъ; затѣмъ многое сдѣлалъ для либретто; а главное, при болѣе внимательномъ изученіи Ипатьевской лѣтописи, уладилъ дѣло касательно 2-го акта, Кончаковны и пр., и уладилъ хорошо, къ выгодѣ цѣлаго. Затѣмъ написалъ вставку для 1-й картины 1-го дѣйствія: 2 речитативчика и пѣсню, каррюрную и циническую для Владиміра Галицкаго во 2-й картинѣ перваго дѣйствія; кусочекъ для няни, женскій хоръ и сцену съ Ярославной. Теперь работаю финалъ 1-го дѣйствія и тогда оно у меня будетъ совсѣмъ готово (помимо передѣлокъ ранѣе написаннаго). Объ увертюрѣ и не помышлялъ: самого Игоря все еще нѣтъ.

Лѣто у насъ подлѣйшее—хуже не видалъ; откуда бы ни дулъ вѣтеръ, непремѣнно нанесетъ дожди и ненастье. Тѣмъ не менѣе я наслаждаюсь, хожу совсѣмъ мужикомъ: рубаха на выпускъ, ситцовая, подпоясанный поясомъ, штаны въ

сапоги, сапоги личные, смазанные дегтемъ; словомъ, совсѣмъ мужикъ. Шляюсь по лѣсамъ просто, свободно, привольно. Вашъ А. Бородинъ.

Катя шлетъ вамъ обоимъ поклонъ, поклонитесь Надеждѣ Николаевнѣ; поцѣлуйте дѣтишекъ. Цѣлую васъ крѣпко. Скоро увидимся.

52. Къ В. В. Стасову.

С. Давыдово, 15-го августа 1879 г.

Фу, ты чортъ возьми, какъ это хорошо!.. я разумѣю ваше сравненіе меня съ слономъ и его навозомъ. Я хохоталъ, какъ съумасшедшій! Это ужасно оригинально, увѣсисто!.. хоть Шекспиру въ пору? Спасибо вамъ за письмо и за всѣ пріятныя вещи, въ немъ изображенныя. Какъ я радъ слышать, во-первыхъ, что Дмитрій Васильевичъ у насъ предсѣдательствуетъ въ Обществѣ *), это знакъ, что... и т. д. Радуюсь за него, за Полину Степановну, за всѣхъ и вся. Какъ хорошо, что Рубинштейнъ сыгралъ фисъ-мольную сонату Шумана **). Я ее до смерти люблю. Возвращаюсь къ слону и его навозу. Боюсь, чтобы на сей разъ слонъ не оказался страдающимъ констипаціей или запоромъ, такъ что сравненіе, пожалуй, окажется вѣрнымъ не въ количественномъ, а въ качественномъ отношеніи. Насчетъ купцовъ-то, т. е. собственно разсказа ихъ („отъ пана Буркевича къ вамъ съ недоброю вѣстью“ и проч. ***) право, такъ будетъ лучше; я радъ, что вы, при всей жалости къ нимъ (а вѣдь они и въ самомъ дѣлѣ могутъ быть только самые жалкіе разсказчики), согласны, чтобы они не произносили много

*) Общество вспомоществованія слушательницамъ женскихъ медицинскихъ курсовъ. В. С.

**) До тѣхъ поръ, А. Г. Рубинштейнъ никогда не игралъ сонаты Шумана Fis-moll, а въ это время разучилъ ее и сталъ играть по убѣдительной просьбѣ В. В. Стасова. В. С.

***) Речитативъ вѣстника въ концѣ сцены польскаго бала въ „Жизнь за царя“. В. С.

жалкихъ словъ. Насчетъ обилія хоровъ, то я не боюсь. Подумайте сами, въ 1-й картинѣ хоръ прерывается речитативами и аріозными вставками солистовъ: речитативомъ Владиміра Галицкаго, его brindisi, дуэтомъ и речитативомъ Скулы, Ерошки, княжою пѣснью ихъ (дуэтъ съ репликами хоромъ). Во второй картинѣ: соло Ярославны („думка", по выраженію Александры Николаевны), дуэтъ ея съ Владиміромъ Галицкимъ; многочисленныя реплики ея, речитативъ и вставки, въ видѣ разговоровъ съ дѣвушками, придворными, купцами и пр., и пр. Наконецъ, она тоже человѣкъ, а не фонографъ, или органчикъ, заводимый ключикомъ. Не сходя со сцены ни за какою надобностью и выводя высокія иотки, вѣдь всякая погибнетъ во цвѣтѣ лѣтъ и славы, если ей не дать передышки. Притомъ, она все волнуется, стонетъ, надрывается, скулитъ... ей-ей, не выдержать никому! Женскій хорикъ маленькій—женщины, которыхъ Владиміръ Галицкій выгналъ въ 1-й картинѣ, приходятъ на него жаловаться княгинѣ, что̀ и даетъ поводъ къ бесѣдѣ ея съ братомъ, т. е. дуэту. (Вона оно какъ сочиняется, органически-то, либретто!). Относительно увертюры вышла маленькая запятая изъ-за первой темы (элемента „Игоря"), ну, да это... Прощайте! А. Бородинъ.

53. Къ нему же.

Соколово, Костромской губерніи, Кинешемскаго уѣзда.
23-го іюля 1880 г.

Искренно и глубоко уважаемый Владиміръ Васильевичъ, давнымъ-давно собирался перекинуться съ вами словцомъ, да все недосугъ было; какъ на зло, никогда не было у меня столько срочнаго и обязательнаго дѣла, какъ послѣднее время. За то,—какъ Даргомыжскій писалъ съ „Wolga nach Riga", — я пишу съ „Wolga nach Paris". Забрался въ Костромскую губернію, Кинешемскій уѣздъ, въ 8-ми верстахъ отъ Кинешмы; поселился на высокой, крутой горѣ, у под-

ножія которой раскинулась чудовищнымъ змѣемъ Волга; верстъ на 30 раскинулась передъ моими глазами своимъ прихотливымъ плесомъ, съ грядами, да перекатами, зелеными берегами, лѣсами, деревнями, церквами, усадьбами и безконечною, дальнею синевою. Видъ—просто не спускалъ бы глазъ съ него! Чудо что такое! Жаль только, что не удалось прикатить сюда ранѣе 22-го іюня. Пропустилъ самое лучшее время,—время сирени, соловьевъ и проч. Пока еще забрался сюда налегкѣ, съ двумя дѣвчонками моими: Лизушкой да Леночкой, которыхъ вы, кажется, видѣли. Инструмента пока еще нѣтъ, и вообще я еще не „сѣлъ“ здѣсь. Усадьба, пріютившая меня, обломокъ дореформенной Руси, остатокъ прежняго величія помѣщичьяго житья-бытья; все это поразвалилось, покосилось, подгнило, позапакостилось; дорожки въ саду поросли травою, кусты заросли неправильно, пустивъ побѣги по неуказаннымъ мѣстамъ; бесѣдки понасупнлись и „веселье“ въ нихъ „призатихнуло“. На стѣнахъ висятъ почернѣвшіе портреты бывшихъ владѣтелей усадьбы, свидѣтелей и участниковъ этого „веселья“; висятъ нѣмымъ укоромъ прошлому, въ брыжжахъ, въ парикахъ, необъятныхъ галстухахъ, съ чудовищными перстнями на пальцахъ и золотыми табакерками въ рукахъ или съ толстыми тростями, длинными, украшенными затѣйливыми набалдашниками. Висятъ они, загаженные мухами, и глядятъ какъ-то хмуро, недовольно. Да и чѣмъ быть довольнымъ-то? Вмѣсто прежнихъ „стриженыхъ дѣвокъ“, всякихъ Палашекъ да Малашекъ, босоногихъ дворовыхъ дѣвчонокъ, корпящихъ за шитьемъ ненужныхъ барскихъ тряпокъ, въ тѣхъ же хоромахъ сидятъ теперь другія „стриженыя дѣвки“,—въ Катковскомъ смыслѣ „стрнженыя“,—сами барышни, и тоже корпятъ, но не надъ тряпками, а надъ алгеброй, зубря къ экзамену, для полученія степени „домашней наставницы“,—той самой „домашней наставницы“, которой прежде даже не сажали за столъ съ собою. Да, tempora mutantur, времена переходчивы! И въ храминахъ,

составлявшихъ гордость россійскаго дворянскаго рода, ютятся постояльцы, съ позволенія сказать, профессора, разночинцы и даже хуже. Къ сожалѣнію, тяжелая рука времени налегла не на одно это въ усадьбѣ, но и на барскіе клавесины; дерево покоробилось, косточки пожелтѣли, струны позаржавѣли, молоточки поломались. Вмѣсто чинныхъ менуэтовъ и всякой иной музыки „въ парикахъ и фижмахъ", фортепіаны сдѣлали непривычное усиліе передать современное музыкальное безчинство, захрипѣли и замолкли, оказавшись вполнѣ несостоятельными. Досадно! приходится, вмѣсто хозяйскихъ, везти мои „лѣтніе" клавесины, которые, вмѣстѣ съ лѣтними костюмами, зимовали въ селѣ Давыдовѣ, Владимірской губерніи и уѣзда. Все это я клоню къ тому, чтобы дать понять, что музыкой заняться пока еще невозможно, причемъ, вмѣсто точки, охотно поставилъ бы „знакъ унынія", еслибы такой существовалъ въ ряду со знаками препинанія. Признаюсь, я сильно надѣялся на возможность воспользоваться барскими клавесинами! Придется, значитъ, еще подождать. Все это длинная и безсодержательная присказка къ короткой, но весьма содержательной сказкѣ, которая выходитъ даже изъ области сказочнаго, а весьма реальна.

Вы помните, что я, по настоянію Балакирева, выписалъ изъ-за границы мою 1-ю симфонію? Когда симфонія прибыла, Балакиревъ, разумѣется, успокоился и не требовалъ ужъ ее, ибо въ сущности она ему вовсе и не нужна была: ему нужно было только, чтобы я ее „выписалъ".

Ждалъ я, ждалъ, когда ему можно доставить ее, онъ все откладывалъ подъ разными предлогами. Наконецъ, я получилъ изъ-за границы требованіе выслать симфонію вновь, возможно скоро, для исполненія въ концертѣ „des Allgemeinen deutschen Musik-Vereins", въ Баденъ-Баденѣ. Послѣ концерта, на другой же день, предсѣдатель общества извѣстилъ меня письменно о результатѣ исполненія. Привожу письмо въ подлинномъ текстѣ и цѣликомъ (какъ

вы когда-то воспроизвели мнѣ письмо Листа), зная, что это васъ порадуетъ. (Прежде всего адресъ: St. Petersburg, Hernn A. Borodin, Komponist,—и только!)

Baden-Baden. 21, 5, 80.

Sehr geehrter Herr!

Ich theile Ihnen mit, dass Ihre Es-dur Symphonie gestern Abend den glänzendsten Erfolg gehabt hat, besonders das Scherzo. Herr Kapellmeister Wendelin Weissheimer hier hatte Ihr Werk auf das sorgfältigste vorbereitet und hat sehr gut dirigirt. Herr Dawidoff kann Ihnen hierüber Näheres erzählen. Er wird Ihnen auch sagen, dass Herr Weissheimer im 1-n Satze einige Kürzungen angebracht hat, die vortheilhaft sind. Dieselben beizubehalten wäre rathsam. Die zahlreichanwesenden Musiker sprechen mit grosser Hochachtung und Bewunderung von Ihrer Symphonie.

Wir Alle bedauern, dass Sie nicht persönlich hier anwesend und Zeuge Ihres Triumphes gewesen sind.

Mit vorzüglicher Hochachtung
Ihr sehr ergebener
C. Riedel
Vorsitzender des Allgemeinen deutschen Musik-Vereins.

Получивъ это письмо, я на другой же день отписалъ Балакиреву объ этомъ, зная, что ему пріятно это будетъ. Такъ и вышло. Только что получилъ онъ мою эпистолу, является къ намъ самъ, собственною особой, сіяющій, радостный, теплый, поздравилъ меня съ успѣхомъ и сообщилъ, что онъ слышалъ объ этомъ отъ Анненкова и Пыпина. Нужно замѣтить, что Балакиревъ не былъ у насъ лѣтъ девять. На этотъ разъ онъ держалъ себя, какъ будто онъ былъ у насъ всего два дня тому назадъ. Какъ водится, засѣлъ за фортепіано, наигралъ кучу хорошихъ вещей и, о ужасъ!—пропустилъ свой обычный часъ ухода! ушелъ чуть не въ 12 часовъ. Разспросивъ подробно, когда и куда ѣдемъ, онъ успокоился, что остаемся еще нѣсколько дней, и обѣщалъ

навѣдаться. Черезъ день является опять веселый, сіяющій, съ грудою нотъ въ четыре руки, потому что „ему непремѣнно нужно было“ съ Катей проиграть въ четыре руки танцы Grieg'a (Wallpurgisnacht), симфонію Swendsen'a и проч. Игралъ, болталъ, разсуждалъ руками, съ большимъ оживленіемъ и ужасно обрадовался, что мы еще остаемся два-три дня въ Питерѣ, ибо иначе ему пришлось бы разстаться чуть не на цѣлые три мѣсяца! Разумѣется, игралъ „Тамару“ и проч. Черезъ два-три дня является снова и опять съ нотами въ четыре руки, торопилъ Катю, чтобы сѣсть поскорѣе сыграть, восторгался и проч. Ну, какъ будто этихъ промежуточныхъ девяти лѣтъ (excusez du peu!) и не было.

Въ заключеніе: надняхъ я получилъ отъ Riemann'a изъ Бромберга письмо съ просьбою сообщить ему біографическія данныя для издающагося музыкальнаго словаря. Ну, вотъ и все пока. Будьте здоровы.

Есть время—отпишите по адресу: Костромской губерніи, городъ Кинешма, усадьба Соколова, съ передачею мнѣ. Душевно-преданный А. Бородинъ.

54. Къ Л. И. Шестаковой.

8-го ноября 1880 г.

Дорогая голубушка, Людмила Ивановна, прибѣгаю къ вамъ съ большою просьбою: не можете ли одолжить на время „Русалку“ и „Бориса“, мнѣ обѣ крайне необходимы, ибо у насъ концертъ въ пользу нашихъ слушательницъ, и я устроилъ изъ послѣднихъ хоръ; завтра спѣвка, а акомпанировать не по чему. Жена шлетъ вамъ привѣтъ. Самъ зашелъ бы къ вамъ, да положительно нѣтъ минуты свободной. Глубоко-любящій и уважающій васъ А. Бородинъ.

55. Къ К. С. Бородиной.

Москва, 22-го декабря 1880 г.

Спасибо тебѣ, дорогая моя, что ты мнѣ написала писулечку, которой, признаюсь, я даже и не ожидалъ... я все собираюсь уѣхать, да никакъ не выберусь. Если говорятъ, что „городъ Парижъ—какъ въѣдешь угоришь", то съ бо́льшимъ правомъ можно сказать, что „городъ Москва—попадешь пропадешь"... А тутъ музыканты одолѣли. Рубинштейнъ (Н. Г.) ухаживаетъ до-нельзя и все напѣваетъ отрывки изъ симфоніи. Вчера былъ у него на завтракѣ. Сегодня приглашенъ на музыкально-драматическій вечеръ въ консерваторіи. Вчера обѣдалъ у насъ Танѣевъ съ нашими Разгуляными (первый разъ я обѣдалъ дома у мамы), третьяго дня я обѣдалъ у Танѣева. Альбрехтъ пристаетъ страшно и любезничаетъ. Да! о самомъ-то интересномъ и забылъ сказать тебѣ! Симфонія (H-moll) прошла хорошо и, къ удивленію моему, послѣ каждой части хлопали (хотя и не очень сильно); но послѣ всей симфоніи долго хлопали и вызывали, такъ что я долженъ былъ два раза выходить на эстраду и раскланиваться. Оркестръ тоже сильно апплодировалъ. Профессора консерваторіи поздравляли и наговорили кучу любезностей, особенно Клиндвортъ, который знаетъ и, по его словамъ, очень цѣнитъ мои вещи, слышалъ обо мнѣ много отъ Листа, etc. Когда я послѣ концерта уходилъ домой, какая-то группа барынь позади меня говорила: „Это онъ! это онъ! Бородинъ! пойдемте за нимъ, посмотримте, куда онъ пойдетъ". Съ разныхъ сторонъ, проходя въ публикѣ, я слышалъ все: „C'est lui! c'est lui-même!" etc. Словомъ, я теперь Московскому музыкальному обществу болѣе или менѣе зарекомендовался... Для Москвы и такой мало доступной вещи, какъ 2-я симфонія, это можетъ быть названо успѣхомъ. Да! еще... мнѣ въ концертѣ приготовили особое кресло въ почетныхъ рядахъ... Твой А. Бородинъ.

Гржимали взялъ слово, что пришлю въ Москву квартетъ мой. Меня просятъ еще исполнить на выставкѣ C-dur'ный хоръ „Слава“ изъ „Игоря“ колоссальными средствами—600 пѣвчихъ!

56. Къ В. В. Стасову.

10-го января 1881 г.

Въ воскресенье (11-го января) въ 7 ч. у меня будетъ Лихонинъ производить опыты гипнотизма. Хотите—приходите, это очень интересно. Душевно-преданный А. Бородинъ.

57. Къ нему же.

Суббота, 31-го января 1881 г.

Искренно уважаемый Владиміръ Васильевичъ, чтобы не вышло какого-нибудь недоразумѣнія, спѣшу сообщить вамъ, что книжка стихотвореній Кольцова осталась у васъ (вѣроятно, на томъ столѣ, гдѣ я такъ хорошо связалъ остальныя книги). Такъ что, не смотря на выданныхъ три пропускныхъ билета, я вынесъ изъ стѣнъ Библіотеки только Мея *) и Некрасова. До свиданія. Душевно-преданный А. Бородинъ. Простите за безпокойство.

58. Къ Л. И. Шестаковой.

25-го мая 1881 г.

Голубушка дорогая, ужъ какъ мнѣ стыдно-то, какъ совѣстно! и сказать не умѣю! Экой срамъ: удралъ заграницу, и не успѣлъ забѣжать къ вамъ проститься. Только и надежды, что на доброту вашу. Цѣлую ваши ручки и желаю хорошаго лѣта. Душевно-преданный вашъ все тотъ же А. Бородинъ.

---

*) Переводъ „Слова о полку Игоревѣ“. В. С.

59. Къ К. С. Бородиной.

Магдебургъ, 30-го мая 1881 г.

Голубушка, дорогая моя, прости, что только сегодня собрался написать тебѣ... Всего меньше я принадлежу себѣ... Никакъ не выберешь времени. Если бы Лена спросила меня теперь, по обыкновенію: „чей шарикъ?“ я бы затруднился отвѣтить, ибо всего меньше я принадлежу себѣ. Я не могъ бы также сказать на вопросы: „какой?“ — „маленькій“, „кругленькій“, ибо первый отвѣтъ и всегда невѣрный, а второй на этотъ разъ былъ бы тоже вполнѣ невѣренъ—до того у меня опалъ животъ въ эти дни, несмотря на пиво и вино, отъ которыхъ я здѣсь не воздерживаюсь. Какъ я тебя вспоминаю, у тебя навѣрное было бы то же самое. А, впрочемъ — кто знаетъ? Во всякомъ случаѣ тебѣ было бы здѣсь теперь скверно и даже очень скверно. Представь себѣ, что до моего пріѣзда въ Берлинъ стояли жары, до 27°. И только за два дня погода перемѣнилась. Весь день, кромѣ малаго промежутка, 27 мая, лилъ дождь, холодъ такой, что я не только ходилъ въ пальто, но долженъ былъ застегиваться на всѣ пуговицы: ну совсѣмъ—октябрь; не сентябрь даже; и при этомъ пронзительнѣйшій вѣтеръ, рѣзкій, холодный. Въ Берлинѣ, ночью, я плавалъ въ поту, отъ сырости. Переночевавъ въ Берлинѣ, я утромъ, 28-го мая, въ 8 ч. 40 м., отправился въ Магдебургъ; пріѣхавъ въ 10 ч. 50 м., я думалъ остановиться въ Kaiserhof близь собора, гдѣ долженъ былъ происходить 1-й концертъ. Но тутъ случилось „нѣчто совсѣмъ непредвидѣнное“,—какъ говоритъ обыкновенно Достоевскій. Динстманъ, которому я поручилъ донести вещи до отеля, вдругъ ни съ того, ни съ сего говоритъ: „А у насъ-то вчера что̀ было; вотъ такъ торжество!“—„А что̀?“—„Да развѣ не знаете? „Высокаго гостя“ встрѣчали мы!“—„Кого?“—„А старика Листа!“ Тутъ онъ сталъ разсказывать, какъ передъ пріѣздомъ Листа магдебургская публика въ громадномъ количествѣ наводнила весь дебаркадеръ и съ

оглушительными „ура!“ (Hoch!) встрѣтила Листа при выходѣ изъ вагона, и такимъ же манеромъ проводила его. Молодежь махала шляпами, а дамы „не то что платками, а чуть не подолами махали!“ картинно выразился динстманъ. Войска, стоявшія въ Магдебургѣ, собрали полковую музыку и устроили ему серенаду тотчасъ же по пріѣздѣ въ отель.—„А гдѣ онъ остановился?“—„А вотъ тутъ“, указалъ динстманъ на Koch's Hôtel.—„Тащи туда вещи!“—Черезъ полминуты я былъ въ отелѣ Koch, въ 34 №; еще черезъ полминуты въ № 1, гдѣ стоитъ Листъ. Черногорецъ, его камердинеръ, сразу узналъ меня, обрадовался, разсыпался въ итальянскихъ привѣтствіяхъ, распахнулъ двери, и черезъ секунды двѣ обѣ руки мои были въ желѣзныхъ рукахъ Листа... До свиданія, Зозо, больше писать некогда. Цѣлую васъ крѣпко. „Голубятню“ цѣлую, и если нужно, благословляю изъ Магдебурга, а если поздно, то поздравляю отъ всей души, и отъ всего сердца желаю долгаго и прочнаго счастья.

60. Къ Н. Н. Римской-Корсаковой.

Магдебургъ, 1-го (13) іюня 1881 г.

Милая, дорогая Надежда Николаевна, прежде всего простите такое обращеніе къ вамъ; слова „милая и дорогая“ вырвались невольно изъ-подъ пера; не нравится вамъ—зачеркните ихъ. Теперь—къ дѣлу.

„Антаръ“ шелъ третьяго дня, и если я не тотчасъ пишу вамъ послѣ концерта, то единственно потому, что меня буквально замотали, закружили. На репетиціи „Антара“ я не могъ попасть. Дирижеръ Никишъ и оркестръ прибыли изъ Лейпцига къ первому концерту, и всѣ репетиціи (до 10), производились въ Лейпцигѣ. Тѣмъ не менѣе я имѣлъ время сообщить арфисту и Никишу желаніе Николая Андреевича о продленіи каденцы арпеджій на арфѣ. Оказалось, что Никишъ, не знаю почему, самъ распорядился уже, чтобы

арпеджіи, вмѣсто двухъ разъ, игрались 8 разъ, т. е. 1 разъ форте, потомъ pp, потомъ обрывочками еще 6 разъ morendo. Не стоитъ ли это въ партіяхъ? Можетъ быть было уже отмѣчено это Николаемъ Андреевичемъ? „Антаръ“ шелъ въ концертѣ 31 мая (12 іюня), въ 7 часовъ. Оркестръ громадный: усиленный оркестръ Лейпцигскаго Gewandhaus'a: 12 первыхъ, 11 вторыхъ скрипокъ, 8 альтовъ, 8 віолончелей, 8 контрабасовъ.

Играли божественно. Чистота, точность, вѣрность интонаціи, рельефность оттѣнковъ—изумительная. Никишъ, дѣйствительно, замѣчательный дирижеръ; у него есть огонь, увлеченье, страстность и опредѣлительность дирижировки необыкновенная. Дирижировалъ онъ наизусть. Всѣ мелодическіе рисунки у гобоя, англійскаго рожка, кларнета и струнныхъ выходили очень хорошо. Впрочемъ, не смотря на это, маленькіе грѣшки все-таки были. Напримѣръ, $^6/_8$ въ первой части взяты были, по-моему, немножко медленнѣе, чѣмъ бы слѣдовало; пассажи у флейты, на фонѣ альтовъ, въ 4-й части, чуточку скорѣе, чѣмъ у Николая Андреевича; кое-гдѣ арфа была немного неувѣрена.

Но и только. Первая часть сыграна была хорошо; 2-ю часть Никишъ сыгралъ просто чортомъ; въ ней вышли нѣкоторыя мѣста такъ, какъ я ихъ нигдѣ и никогда не слыхалъ, а именно, напримѣръ, аккорды у деревянныхъ духовыхъ тріолями—это было чортъ знаетъ что̀ такое! Точно что-нибудь разбилось и разлетѣлось вдребезги. Diminuendo въ концѣ—изумительное.

Вообще, тонкость, изящество, прозрачность, ясность, опредѣлительность, эфекты наростанія и ослабленія звука, мелкіе оттѣнки <, sf, стаккато, спиккато и пр., были такіе, какихъ я у насъ никогда не слыхалъ. Было также много увлеченія. Всѣ части слѣдовали одна за другою немедленно безъ остановки. Послѣ первой и второй части публика была въ недоумѣніи: кончена ли часть или нѣтъ; потому никакихъ апплодисментовъ не было. Послѣ третьей части—

сильные аплодисменты. Но публика, очевидно, ошиблась (т. е. я говорю, разумѣется, про массу, которая не слѣдитъ за программою): она очевидно приняла это за конецъ пьесы. Когда же Никишъ немедленно перешелъ къ 4-й части, публика увидала свою ошибку. Я, признаюсь, ужасно боялся за эту часть, и съ замираніемъ сердца ждалъ конца, который долженъ былъ оставить публику въ недоумѣніи. Къ удивленію моему, четвертая часть была принята еще лучше чѣмъ третья. Послѣ общихъ аплодисментовъ самой вещи еще былъ вызванъ Никишъ. Исполнена была эта часть (помимо того мѣста, о которомъ говорилъ я выше) — превосходно; пѣніе и выразительность мелодическаго рисунка не оставляли желать ничего лучшаго; а самое заключеніе на арфѣ и трехъ флейтахъ представляло такое идеальное morendo, такую волшебную прозрачность звука и вѣрность интонаціи, что я былъ просто на седьмомъ небѣ. Ничего подобнаго я никогда и нигдѣ не слыхалъ.

Прислушиваясь къ отзывамъ публики, я пришелъ къ заключенію, что немузыкальная масса смутно понимала первыя двѣ части и послѣднюю, но относилась къ нимъ съ большимъ уваженіемъ, какъ къ „ученой музыкѣ“; такой массѣ больше всего понравилась третья часть, какъ болѣе понятная. Музыкальная часть „Listianer“ (Листіанцевъ) по преимуществу считали 3-ю часть слабѣйшею и предпочитали ей или 4-ю и 2-ю, или 4-ю и 1-ю часть. Но нужно, впрочемъ, замѣтить, что конецъ 4-й части понравился и немузыкальной публикѣ, но, повидимому, преимущественно благодаря поэтичности и правильной передачѣ въ звукахъ. Листъ говорилъ мнѣ, что на репетиціяхъ сначала 1-я и 2-я часть были приняты музыкантами съ недоумѣніемъ, но на слѣдующихъ репетиціяхъ они разобрались, въиграліись и поняли, въ чемъ дѣло; тогда имъ (если не лгутъ только) даже понравилась 2-я часть. Никишъ, повидимому, понимаетъ музыку „Антара“; иначе трудно представить себѣ,

чтобъ онъ могъ передавать все это съ такимъ увлеченіемъ и толкомъ.

Мелодіи также всѣ, даже въ 4-й части у англійскаго рожка, сыграли вполнѣ со смысломъ, съ чувствомъ и выразительностью. Въ заключеніе прибавлю еще, что ударные инструменты были необыкновенно хороши, а тамтама—такого я нигдѣ и никогда не слыхалъ: это что-то необыкновенное, въ pp, волшебное, точно гдѣ-то далеко, на концѣ улицы гудитъ какой-то колоколъ.

И такъ, вообще „Антаръ“ имѣлъ несомнѣнный успѣхъ, вообще наши фонды стоятъ здѣсь, очевидно, очень высоко, выше даже чѣмъ я думалъ. При свиданіи разскажу подробно, а пока поздравляю съ успѣхомъ и спѣшу покаяться въ маленькомъ грѣхѣ, или, правильнѣе коварствѣ, противъ васъ. Николай Андреевичъ поручилъ мнѣ записать его членомъ, но оказалось, что онъ уже съ 1876 года записанъ въ члены, но, по непонятной причинѣ, не былъ извѣщенъ объ этомъ. Я, конечно, не счелъ нужнымъ сдѣлать взносъ за прошлые года и вписалъ имя Н. А. какъ вновь поступающаго, и съ меня такъ и взяли взносъ. При этомъ случаѣ разговоръ зашелъ опять объ „Антарѣ“ и кто-то спросилъ: „А кто это такое Fräulein Nadjeschda v. Purgold, которая переложила „Антара“ въ 4 руки? Ist das auch eine Tonkünstlerin von Fach?“ *) Отлично понимаю, что (съ вашей точки зрѣнія) мнѣ надобно было сдѣлать видъ, будто я не слыхалъ вопроса, замять разговоръ, или просто уйти. Вотъ тутъ-то и начинается коварство. Я возьми да и разскажи, кто̀ такое и что̀ такое Nadjeschda Purgold. „Aber es wäre ja ganz berechtigt die Dame auch zum Mitglied unseres Vereines zu wählen; wir haben ja viele Tonkünstlerinnen in unserem Vereine. Sie würde wohl Nichts dagegen haben?“ (но, по всей справедливости, надо было бы эту даму выбрать въ члены нашего общества; у насъ есть много музыкантшъ

*) Что это, тоже художница по профессіи?

въ нашемъ обществѣ. Она вѣдь не будетъ ничего имѣть противъ этого?) Новое коварство: вмѣсто того, чтобъ, не отвѣчая, взять шляпу и уйти, какъ подобало бы, я остался и, съ выраженіемъ невинности на лицѣ, отвѣчалъ: „Das weiss ich nicht, glaube aber dass sie Nichts dagegen haben könnte“ (Я не знаю, но думаю, что она ничего не будетъ имѣть противъ). Тогда мнѣ передали книгу и попросили, чтобы я самъ вписалъ ваше имя, Wohnort, „Charakter“ (мѣсто жительства, положеніе) и пр. Третье и послѣднее коварство: я вмѣсто того, чтобы въ графѣ Charakter написать просто „Tonkünstlerin“, взялъ да и вывелъ: „Pianistin und Componist“ (піанистка и композиторша), да еще ехидно подчеркнулъ. Это вамъ за то, что вы меня браните, будто я мало пишу, а сами ничего не пишете и прячете даже то, что̀ уже написано. Испытавъ „наслажденіе мщенія“, т. е. 2-ю часть „Антара“, я перехожу прямо къ той части, которой нѣтъ въ „Антарѣ“: къ наслажденію получить прощеніе за коварство. Разсчитывая, разумѣется, испытать это наслажденіе по пріѣздѣ, я разсчитываю доставить вамъ еще болѣе высокое наслажденіе: „простить того, кто передъ вами виноватъ“, а всему нашему кружку испытать еще большее наслажденіе: „узнать, что вы снова принимаетесь за музыкальное дѣло, приводите въ порядокъ то, что̀ написано и собираетесь писать вновь“. Въ ожиданіи всѣхъ этихъ наслажденій, жму ваши даровитыя ручки, крѣпко, до боли; Николая Андреевича цѣлую и обнимаю; ребятокъ цѣлую. Да! Никишъ проситъ передать горячій поклонъ Н. А. и проситъ извиненія въ томъ, если кое-что, не смотря на всѣ старанія, не вышло такъ, какъ бы, можетъ, желалъ самъ авторъ „Антара“. Душевно-преданный вамъ А. Бородинъ.

Я совсѣмъ пьянъ отъ музыки, знакомствъ, Листа, впечатлѣній.—Въ Берлинѣ часто играютъ „Сербскую фантазію“—Николая Андреевича у Бильзе и другихъ.

61. Къ К. С. Бородиной.

Веймаръ, 7-го (19-го) іюня 1881 г.

Прости, дорогая моя, что не писалъ тебѣ до сихъ поръ... Я не писалъ отчасти за недосугомъ. Меня до того здѣсь замотали и закружили, что я и „пересказать“ не умѣю. Изъ Магдебурга я выѣхалъ 2-го (14-го) іюня, въ 11 часовъ утра, и не въ Лейпцигъ, а... простите... извините... нечаянно въ Веймаръ, въ мой „Венусбергъ“. Помимо „Сѣдой Венеры“, меня увлекло туда еще одно событіе: послѣднее представленіе „Фауста“—Гёте, цѣликомъ, всего, въ два вечера; первый вечеръ—I-я часть, второй вечеръ — II-я часть; оба представленія, каждое отъ $5^1/_2$ до 11! Страсть какъ длинно. Сценическая постановка совсѣмъ особенная: сцена раздѣлена на три этажа, или яруса, такъ что, не спуская занавѣса, дѣйствіе переходитъ изъ неба въ адъ, изъ комнаты Гретхенъ въ садъ, и т. д. Я только теперь понялъ, насколько неизмѣримо выше стоитъ „Фаустъ“, какъ драма, сравнительно съ „Фаустомъ“ оперой. Весь умъ, ѣдкость, юморъ, глубина чувствъ—все это въ драмѣ выступаетъ рѣзко; ничего этого въ оперѣ нѣтъ и въ поминѣ. Кромѣ того, я пришелъ къ заключенію, что „Фаустъ“ долженъ быть исполняемъ безусловно съ нѣмецкимъ текстомъ, особенно Гретхенъ безусловно должна быть исполнена по-нѣмецки и нѣмкою. Мефистофель—Девріентъ—верхъ совершенства! Лассенъ сдѣлалъ музыку для пѣнія и мелодрамы, но безъ нея, пожалуй, было бы лучше.

Но я увлекся, или, правильнѣе, отвлекся. О концертахъ въ Магдебургѣ не пишу. Одна программа составляетъ цѣлую брошюру; повѣствованіе же потребовало бы цѣлаго тома. Скажу только, что „Антаръ“, помимо небольшихъ уклоненій въ темпѣ, въ двухъ мѣстахъ, прошелъ превосходно; въ звуковомъ отношеніи несравненно лучше, чѣмъ у насъ: прозрачность, чистота, pp, ff и пр. оттѣнки изумительны. Никишъ великолѣпный дирижеръ, изучилъ „Антара“ пре-

красно и дирижировалъ наизусть. Первыя двѣ части массѣ, повидимому, менѣе понравились, но послѣ третьей и, къ удивленію, четвертой, сильно и дружно хлопали. Вообще же всѣ отзываются объ „Антарѣ“ весьма лестно и хвалятъ его. Онъ имѣлъ положительный успѣхъ. Вообще фонды нашего музыкальнаго кружка стоятъ здѣсь очень высоко, выше, чѣмъ я думалъ. Моя симфонія доставила мнѣ такую почетную извѣстность въ музыкальной части Германіи, что не успѣю я назвать мою фамилію, какъ слѣдуютъ привѣтствія и самыя жаркія похвалы: „такъ это вы авторъ той превосходной симфоніи, которая имѣла такой громадный успѣхъ въ Баденъ-Баденѣ въ прошломъ году?“—Дѣло дошло до того, что пришлось писать мои автографы на память, даже на деревянномъ вѣерѣ какимъ-то совсѣмъ мнѣ незнакомымъ барышнямъ, которыя меня просили объ этомъ въ шпейзезалѣ. Ухаживаютъ за мной и ублажаютъ меня невѣроятно. О Листѣ и баронессѣ Мейендорфъ уже и говорить нечего, это само собою разумѣется. Но магдебургскія пѣвицы, піанистки и музыканты меня замотали. Ридель оказался душевнѣйшимъ человѣкомъ, и мы съ нимъ сошлись, точно сто лѣтъ знакомы; дочки его, очень миленькія молодыя дѣвушки, ухаживали за мной, какъ за роднымъ, жена его тоже; я на прощаніе преподнесъ имъ даже два букета и двѣ коробки конфектъ, потому что онѣ меня угощали невѣроятно, водили, показывали Магдебургъ и т. д. Шервенка, піанистъ берлинскій, у котораго жена русская, Зинаида Петровна (aus Wjatka!), взялъ съ меня слово, что я, проѣздомъ въ Россію черезъ Берлинъ, остановлюсь и проживу у него до отъѣзда хоть нѣсколько дней. Англичане, американцы и—чортъ знаетъ чего еще нѣтъ—завели со мною дружбу такую и любезны до невѣроятія. Какъ сыръ въ маслѣ катаюсь; просто даже совѣстно!

А Листъ—это совсѣмъ Балакиревъ! Что это за душевный человѣкъ! Вотъ ужъ „дружелюбные друзья“, какъ ты говоришь! Представь себѣ, когда я пріѣхалъ въ Веймаръ, онъ

спросилъ, гдѣ я остановился. „Вѣроятно, въ Russischer Hof?“ — сказалъ онъ мнѣ. Я и проговорись, что не люблю ужасно этого отельнаго житья, и Лутеръ (одинъ піанистъ изъ Ганновера) хотѣлъ устроить меня на частной квартирѣ. Старикъ взгомозился: „Постойте, Лутера теперь здѣсь еще навѣрное нѣтъ; погодите, я вамъ найду помѣщеніе. Pauline! Pauline!“ (его прислуга). Вотъ надобно пристроить Herrn Borodin на частной квартирѣ. Знаете что? Сходите-ка туда-то и туда-то“, и пошелъ выгружать ей всякіе адресы. „Еслибы это было лѣтъ десять назадъ, я бы васъ ни за что не отпустилъ отъ себя, и вы бы должны были жить у меня; но voyez: je suis logé comme une demoiselle, allez! куда бы я дѣлъ васъ теперь?“ прибавилъ Листъ.—Я всячески отбоярился, благодарилъ и проч. Но Листъ заставилъ-таки дождаться Паулины, которая отыскала мнѣ комнатку, маленькую, но чистую и „freundlich“, какъ говорятъ нѣмцы. Передъ моими окнами садъ дома Гёте; по другую сторону садъ, черезъ который можно пройти къ Листу; въ 70-ти шагахъ — гроссъ-герцогскій паркъ и вездѣ заливаются соловьи. Чуть ли не въ двухъ шагахъ Листъ и Мейендорфъ (баронесса, которая такъ мила со мною). На прощанье Листъ сказалъ мнѣ: „Demain, à 8 heures du matin, je vous fais une visite officielle; je veux voir si vous êtes bien logé“. Ему очень нравится моя „Средняя Азія“, и онъ присталъ ко мнѣ, чтобы я сдѣлалъ 4-хъ-ручное переложеніе—къ завтраму. „Tenez! je vais vous donner du papier... Spiridion! bringen Sie nur das Notenpapier, was ich da habe“, обратился онъ къ черногорцу своему, но, не дожидаясь исполненія приказанія, мой Балакиревъ поплелся самъ рыться въ шкафу, вытащилъ мнѣ бумагу и самъ отмѣтилъ карандашикомъ, гдѣ начать писать Primo и гдѣ secondo. Случилось такъ, что я бумагу долженъ былъ оставить у него и не могъ зайти за нею. Что же ты думаешь? Милый старикъ, на другой день утромъ, въ 8—9 часовъ утра (когда я ушелъ пить кофе) притащилъ мнѣ самъ бу-

магу и оставилъ вмѣстѣ съ визитной карточкой своей. Вернувшись домой, я нашелъ то и другое и пошелъ къ нему поблагодарить за хлопоты и любезности. „Allons, c'est que je veux, que vous vous mettiez à travailler la réduction pour le piano", отвѣчала моя сѣдая Венера. Онъ подъ разными предлогами тащилъ меня къ себѣ и къ баронессѣ. Кромѣ того, передалъ мнѣ, на другой же день, что князь Витгенштейнъ убѣдительно проситъ меня прійти съ нимъ и баронессою, такъ какъ гроссъ-герцогъ очень желалъ бы повидаться со мною и придетъ тоже туда съ дочерьми. „Je viendrai vous chercher ce soir à 9 heures",—закончилъ Листъ. Я пробовалъ отговорить его заходить за мною; сказалъ, что у него болитъ нога, что лучше я зайду къ нему. „Ne me contrariez pas, mon cher M-r Borodine, laissez-moi faire ce que je dois; je viendrai vous chercher à 9 heures", повторилъ упрямый Балакиревъ. Такъ какъ я теперь не нечаянно попалъ въ Веймаръ, то надобно было одѣться какъ слѣдуетъ: „cravate blanche, habit noir" и „chapeau-claque". Какъ только молодежь Листовская узнала объ этомъ событіи, одинъ меня ссудилъ шляпою, другой—помогъ мнѣ закрѣпить галстухъ, и даже пришелъ ко мнѣ съ женою, англичанкою, осмотрѣлъ меня, хлопотали; наконецъ, въ 9, пришелъ мой Балакиревъ. Увидавъ переложеніе „Средней Азіи", дописанное до половины, Листъ схватилъ его—„les voilà les fameux „chameaux". Tenez, nous prendrons ceci avec, et nous le ferons avec vous chez les Witgensteins". Старикъ сложилъ ноты, и въ карманъ. Какъ я ни уговаривалъ оставить эту мысль, доказывалъ, что написана только половина, что нельзя играть, не просмотрѣвъ... старикъ сердился: „Ne me contrariez pas! Eh bien! nous allons taper dessus et dessous, et ça se fera à merveille! et le reste vous allez taper tout seul!.." Упрямый старикъ такъ и сдѣлалъ: у Витгенштейновъ половину пьесы мы сыграли въ 4 руки, остальное я сдѣлалъ одинъ. Когда я ему показывалъ потомъ полное переложеніе и спросилъ объ одномъ мѣстѣ, немного

неудобномъ для меня,—не измѣнить ли это?—„Laissez cela tel qu'il est! M-r Borodine ne le ferait pas, mais madame Borodine le fera très facilement; saluez-la de ma part et dites-lui ça". Надобно замѣтить, что, когда онъ разспрашивалъ о моихъ домашнихъ дѣлахъ, я ему говорилъ, что ты хорошая піанистка..... Я посвятилъ „Среднюю Азію" Листу. Онъ поцѣловалъ меня крѣпко и очень благодарилъ..... Постараюсь воротиться поскорѣе. Какъ ни хорошо здѣсь мнѣ лично, но сердце болитъ по васъ всѣхъ; какъ-то совѣстно, что мнѣ такъ хорошо, когда вамъ тамъ худо! Цѣлую тебя, маму и нашихъ! Твой А. Бородинъ.

Я ложусь въ 11—12, встаю въ 6, обѣдаю въ 2—2½.

62. Къ Ц. А. Кюи.

Лейпцигъ, 12-го іюля 1881 г.*)

Милѣйшій Цезарь Антоновичъ. Посылаю вамъ (къ сожалѣнію, нѣсколько запоздалыя) свѣдѣнія объ исполненіи симфоніи „Антаръ"—Н. А. Римскаго-Корсакова на музыкальныхъ празднествахъ въ Магдебургѣ (на 18-мъ съѣздѣ музыкантовъ Всеобщаго Нѣмецкаго Музыкальнаго Общества (18 Tonkünstlerversammlung des Allgemeinen Deutschen Musikvereins). Она исполнялась на четвертомъ торжественномъ концертѣ (Festconcert), 11-го іюня, усиленнымъ оркестромъ Лейпцигскаго театра (онъ же и оркестръ Gewandhaus'a). Дирижировалъ Артуръ Никишъ, молодой и въ высшей степени даровитый капельмейстеръ Лейпцигской оперы. Дирижировалъ онъ превосходно и все наизусть, безъ партитуры. Исполненіе „Антара", относительно ясности, прозрачности и красоты звука, тщательности отдѣлки и тонкости передачи всѣхъ оттѣнковъ было, можно сказать, идеально. Единственный упрекъ можно было сдѣлать относительно темпа

*) Это письмо не было послано по назначенію и сохранилось въ бумагахъ Бородина. В. С.

въ $^6/_8$ въ первой части симфоніи, гдѣ изображается пребываніе Антара въ волшебныхъ чертогахъ—феи Гюль-Назаръ. Темпъ въ этомъ мѣстѣ по-моему слѣдовало взять немногимъ скорѣе.

Принята симфонія была хорошо. Прислушиваясь къ мнѣніямъ концертной публики, я пришелъ къ заключенію, что массѣ понравилась болѣе всего сильно-ритмованная, округленная по формѣ и болѣе ясная 3-я часть (упоеніе сладостью власти). Затѣмъ, къ крайнему удивленію моему, четвертая часть „упоеніе сладостью любви и смерть Антара въ объятіяхъ феи Гюль-Назаръ". Обстоятельство это я приписываю главнымъ образомъ идеально-поэтическому колориту оркестровки (особенно въ концѣ), которая должна была поразить даже и не-спеціалистовъ. Въ болѣе спеціально-музыкальныхъ кружкахъ мнѣнія дѣлятся: одни отдаютъ преимущество 1-й и 2-й части, другіе—1-й и 4-й.

Такой же расколъ можно встрѣтить и въ печатныхъ отзывахъ объ „Антарѣ". Привожу нѣкоторые изъ нихъ изъ болѣе спеціальныхъ музыкальныхъ органовъ. Такъ въ „Neue Zeitschrift für Musik", 1-го іюля 1881, № 27, стр. 283: „Въ симфоніи Римскаго-Корсакова, рисующей событія и душевныя движенія (Affekte) арабскаго разсказа—талантливое (geistvolle) изображеніе положеній (Situationsschilderung) значительнѣе по колориту, нежели по рисунку; часто по истинѣ великолѣпная по краскамъ и сильно захватывающая (mächtig fesselnd),—при этомъ совершенно особенная прелесть національной греко-русской гармонизаціи; преобладающее и сильно выраженное стремленіе къ демоническому элементу, ужасному, рѣзкому (unheimlich-Grellen) и мрачной монотоніи; отъ этого, между прочимъ, въ соотвѣтствующихъ положеніяхъ—симфонія наиболѣе удалась. Между тѣмъ, напримѣръ, изображеніе наслажденій любви построено на такихъ же извѣстныхъ, изукрашенныхъ тріолями, арабскихъ напѣвахъ, какое издаетъ и муэдзинъ, призывающій монотоннымъ пѣніемъ къ молитвѣ съ высоты ми-

нарета. Мало заботливости о пріуроченіи идеи къ формѣ; наиболѣе по формѣ закруглена часть alla marcia, изображающая „наслажденіе властью“. Основанная, съ одной стороны, большею частью на чередованіи короткихъ мотивовъ, симфонія эта, съ другой стороны, представляетъ значительный шагъ впередъ относительно ясности (Klärung) по сравненію съ прежними сочиненіями“.

„Musikalisches Wochenblatt, № 26, 23 Iuni 1881, стр. 315: „Музыка „Антара“ такъ же своеобразна и поэтична, такъ же чужда намъ и все-таки привлекательна, какъ и самая программа арабской сказки Сенковскаго, вдохновившая композитора. Изъ четырехъ частей, связанныхъ общими мотивами, послѣдняя, долженствующая изображать блаженство любви, не вполнѣ отвѣчаетъ всѣмъ требованіямъ относительно сердечной искренности, какія привыкло предъявлять нѣмецкое чувство. Обѣ среднія части, рисующія блаженства мести и власти—болѣе характеристичны, нежели красивы; но первая часть, при всей ея живописной красотѣ, захватываетъ глубоко внутреннюю жизнь и вполнѣ удовлетворяетъ требованіямъ какъ правды, такъ и идеальности. Композиторъ, принадлежащій къ русской вѣтви Листовской школы, не только владѣетъ почти сверхъестественно техникою инструментовки, но и обладаетъ творчествомъ, создающимъ мысли, вполнѣ достойныя быть облеченными въ такую ослѣпительную оркестровую одежду. Хотя славянская манера художественной передачи ощущеній и родственна французской, но намъ первая ближе, чѣмъ послѣдняя. Манера писать у Римскаго-Корсакова положительно настолько же талантлива (geistreich) и пикантна, какъ и у позднѣйшихъ французовъ, такъ быстро завоевавшихъ себѣ наши концертныя залы; но Римскій-Корсаковъ гораздо болѣе, нежели они, избѣгаетъ опасности впадать только во внѣшнее, только остроумно и ловко придуманное (Pfiffige), или даже неблагородное (Unedle)“.

„Allgemeine Deutsche Musik-Zeitung“, № 28, 1 Iuli 1881,

стр. 226: „Симфонія „Антаръ“—Римскаго-Корсакова геніальна по изображенію, поэтична по содержанію, въ высшей степени эфектна по инструментовкѣ, не чужда нѣкоторой вычурности (Extravaganzen), но ясно говоритъ за даровитость ея творца“. (Слѣдуетъ программа „Антара“). Содержаніе достаточно колоритно, чтобы возбудить фантазію композитора, и Римскій-Корсаковъ не упустилъ ничего, чтобы картинной передачей деталей въ оркестрѣ, съ своей стороны, подѣйствовать на воображеніе слушателей. Я бы отдалъ предпочтеніе четвертой части (изображающей блаженство любви и смерть Антара)—вслѣдствіе искренняго чувства, которымъ она проникнута,—хотя и другія части не менѣе характеристичны. Соотечественникъ Римскаго-Корсакова, высокодаровитый Бородинъ (der hochbegabte Borodin) находился въ концертѣ въ числѣ слушателей и могъ, безъ сомнѣнія, вмѣстѣ съ нами только порадоваться такому исполненію и пріему, какіе выпали на долю этой вещи, а также и пріему, который былъ ей оказанъ“.

Музыкальные репортеры политическихъ газетъ, которыя мнѣ случалось читать, также хорошо отзывались объ „Антарѣ“ и ея авторѣ. Не считаю нужнымъ приводить всѣхъ отзывовъ и ограничусь „Leipziger Nachrichten“ (которая у меня подъ руками), № 165, Beilage, 1881. Въ отчетѣ о магдебургскихъ празднествахъ значится: „Если первый концертъ былъ посвященъ болѣе экспериментамъ по части разныхъ музыкальныхъ новинокъ, то во второмъ мы имѣли дѣло съ вполнѣ законченнымъ мастерствомъ. Николай Римскій-Корсаковъ (изъ Петербурга)—мастеръ своего дѣла. Мастеръ—въ тематической разработкѣ, въ инструментовкѣ, въ построеніи цѣлаго и раздѣленіи его на части. Глубокочувствующая натура и глубокій (straffer) мыслитель“.

Простите, что написалъ такъ подло и скверно, а главное поздно. Извлеките оттуда что вамъ подходитъ, и что

считаете выгоднымъ для музыкальнаго дѣла. Кое-гдѣ я вставилъ нѣмецкій текстъ, чтобы вы могли справиться и перевести удачнѣе моего. Языкъ въ переводѣ очень корявый, но я старался держаться ближе къ подлиннику.

V

ПРИЛОЖЕНІЕ.

9-го іюня (28 мая) я пріѣхалъ изъ Берлина въ Магдебургъ къ 10 ч. 50 м. Мнѣ посовѣтовалъ одинъ господинъ, съ которымъ я ѣхалъ,—остановиться въ Kaiserhof, лучшей гостинницѣ и наиболѣе близкой къ Iohanniskirche, въ которой долженъ былъ происходить первый концертъ. Я взялъ динстмана, чтобы перенести вещи, и мы отправились пѣшкомъ. Тутъ динстманъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, говоритъ: „а у насъ-то вчера какое торжество было!“ — Какое? — Какъ какое? а высокаго гостя, старика Листа, встрѣчали! Неужели не слыхали? Какъ же! Народу-то что собралось! молодежь, дамы, офицерство! Толпа такая! Какъ только „Мейстеръ“ подъѣхалъ, его встрѣтили такими „Hoch“! точно принца; мужчины махали шляпами, а дамы платками, чуть не подолами махали, право!“ картинно описывалъ динстманъ. (Впослѣдствіи я узналъ отъ Gille, что, дѣйствительно, огромная толпа собралась на дебаркадерѣ желѣзной дороги къ $8^1/_2$ часамъ и Листъ былъ встрѣченъ при выходѣ изъ вагона самыми восторженными „Hoch!“, какіе выпадаютъ на долю развѣ коронованнымъ особамъ. Съ такими же криками Листа проводили съ дебаркадера. По пріѣздѣ въ отель, Листъ получилъ другую овацію; полковые музыканты мѣстныхъ войскъ собрались у отеля, подъ окнами Листа, и дали ему серенаду. Отмѣчу еще одну черту вниманія къ старому „Мейстеру“: въ отелѣ, гдѣ остановился Листъ, обыкновенно обѣдало офицерство, и для этого пользовалось лучшимъ помѣщеніемъ; узнавъ о пріѣздѣ Листа, офицеры перешли обѣдать въ общую столовую, прося пре-

доставить занимаемое ими помѣщеніе Листу, какъ самое лучшее во всемъ отелѣ. Объ этой деликатной выходкѣ офицерства мы узнали уже по отъѣздѣ Листа изъ Магдебурга.

Узнавъ отъ динстмана, что Листъ уже пріѣхалъ, я спросилъ, гдѣ онъ остановился. „Въ отель-Кохъ (Koch's Hôtel)“.—„А гдѣ этотъ отель?“—„Да вотъ!“—„Тащи туда мои вещи!“ Отель былъ какъ разъ черезъ дорогу, противъ дебаркадера. Листъ занималъ № 1 въ бель-этажѣ. Я занялъ свободный № 34, этажемъ выше. Бросивъ свои вещи, я взялъ карточку, спустился внизъ, и прямо наткнулся на Спиридона, черногорца-камердинера Листа. Онъ сейчасъ же узналъ меня, осыпалъ привѣтствіями на итальянскомъ языкѣ и распахнулъ передо мною двери. Я безъ доклада вошелъ въ большую комнату, гдѣ посрединѣ стоялъ большой рояль Блютнера, и на немъ мнѣ прежде всего бросились въ глаза: „Антаръ“ въ 4 руки и знакомое: „тати-тати“, 2-е изданіе „Парафразъ“. Листъ стоялъ у окна и благодарилъ трехъ дамъ, поднесшихъ ему букеты живыхъ цвѣтовъ. На столѣ стояло уже нѣсколько вазъ съ живыми цвѣтами, и Листъ пристроивалъ новые букеты. Одинъ изъ нихъ онъ предложилъ поставить въ вазу младшей изъ дамъ; кромѣ того, ей же поднесъ, въ свою очередь, одинъ изъ букетовъ. Увидавъ меня, Листъ протянулъ мнѣ обѣ руки и воскликнулъ: „Ah! cher M-r Borodine, soyez le bienvenu! Je suis fort content de vous voir! Depuis quand êtes vous arrivé? Vous dinerez aujourd'hui avec moi! n'est-ce pas? Où logez-vous? и пр. Желѣзными пальцами своими онъ, какъ въ тискахъ, сжалъ мои руки. Дамы переминались и видимо уходили. Листъ распрощался съ ними, разсыпаясь снова въ любезностяхъ и благодарности. Я хотѣлъ уйти, тѣмъ болѣе, что Листъ сказалъ мнѣ, что въ 11 часовъ репетиція концерта и что онъ ожидаетъ представителей города. Но Листъ удержалъ меня и просилъ остаться, пока онъ одѣнется и поболтать съ нимъ. „Есть у васъ программа? Вотъ вамъ!“ — далъ Листъ мнѣ книжечку въ красной оберткѣ. „Вы смотрите, что у меня тутъ на пюпитрѣ?“ указалъ Листъ

на раскрытый клавираусцугъ на роялѣ. „Полюбуйтесь! Вотъ этакъ у насъ пишутъ. Посмотрите-ка: ну, что это такое?“ Листъ раскрылъ начало и взялъ на фортепіано первые аккорды лежавшей на пюпитрѣ ораторіи Николаи. „Das ist der Bo-ni-fa-ci-us! C'est le Bo-ni-fa-ci-us! Ну, развѣ это не самая пошлая Мендельсоновщина! И вотъ этакою-то музыкою насъ постоянно угощаютъ здѣсь въ Германіи! Вотъ погодите, вы еще все это сегодня услышите! Сами увидите, что это за музыка! Нѣтъ, намъ нужно васъ, русскихъ, вы мнѣ нужны, я безъ васъ не могу — vous autres Russes! засмѣялся Листъ. У васъ живая, жизненная струя; у васъ будущность, а здѣсь кругомъ большею частію мертвечина. Что подѣлываютъ ваши? Я читалъ книгу Кюи и очень доволенъ. Что M-r Rimskÿ? Que fait M. Balakireff? Savez-vous, il y a un de vos jeunes compatriotes, qui ne fait pas mal „l'Islamé“ de B. Vous allez voir!“ и т. д. Камердинеръ Листа, неизмѣнный черногорецъ Спиридонъ (или Спиридіонъ, какъ его зовутъ нѣмцы) Лазаревичъ Кнежевичъ, живущій уже 7 лѣтъ у Листа, всячески знаками торопилъ Листа бриться и одѣваться. Неугомонный старикъ не сдавался и продолжалъ болтать, закидывая меня вопросами. Я порывался снова уйти, но Листъ опять удерживалъ: „Mais, allons donc, restez chez moi, je suis enchanté de vous voir ici à Magdebourg; je regrette beaucoup de ne vous avoir pas rencontré à Bade. Ah! Votre symphonie a eu un succès immense! Vous auriez dû l'entendre à Bade, vous en resteriez content. Il faut faire ces choses-là chez nous en Allemagne; ça donne du choc— allez! Eh bien, restez donc, placez vous ici, сказалъ Листъ, замѣтивъ, что я собирался уйти. „Vous n'avez pas vu ce programme? Lisez le!“

Старый мейстеръ, послѣ усиленныхъ напоминаній своего черногорца, направился въ сосѣднюю комнату, спальню. Черногорецъ усадилъ неугомоннаго старика въ кресло и собирался брить. Листъ черезъ двери продолжалъ закидывать меня разными вопросами. „Mais! du reste... venez donc

ici; je ne ferai pas la demoiselle; vous me permettrez de faire ma toilette devant vous, cher M-r Borodine; du reste elle ne sera pas longue". Я вошелъ въ спальню. Листъ сидѣлъ въ креслѣ, черногорецъ подвязывалъ ему какую-то салфеточку, въ родѣ тѣхъ, что подвязываютъ маленькимъ дѣтямъ, чтобы они не заливали рубашечки, когда ихъ кормятъ. Налѣво отъ дверей стоялъ маленькій столикъ, на которомъ лежали въ безпорядкѣ ноты рукописныя, видимо въ періодѣ сочиненія. Я невольно нагнулся посмотрѣть; это была партитура и рядомъ съ нею фортепіанное переложеніе; оба писаны рукою Листа, перемаранныя, перечеркнутыя, съ разными помѣтками. „Знаете, что это такое? спросилъ Листъ, не дожидаясь моего вопроса. „Cela vous amusera! дѣлаю второй Mephisto-Walzer; такъ вдругъ пришла охота! C'est tout récent! Теперь я занятъ фортепіаннымъ переложеніемъ. Хотите взглянуть? Возьмите партитуру, посмотрите". „Не это! не это!" воскликнулъ Листъ. „C'est une mauvaise copie, qui ne vaut rien! Возьмите вотъ эту"... Но прежде, чѣмъ я успѣлъ взять другую, сѣдой Maestro не вытерпѣлъ, вскочилъ изъ-подъ бритвы черногорца и, какъ былъ, съ намыленными щеками и подбородкомъ, началъ рыться въ нотахъ, вытащилъ другую партитуру. „C'est ça! вотъ вамъ, просмотрите"; но просматривать мнѣ было невозможно, такъ какъ Листъ продолжалъ болтать безъ умолку. Разспрашивалъ меня, что я привезъ рукописнаго съ собой? когда, наконецъ, издадутся мои симфоніи? не исполнялось ли чего новаго изъ моихъ вещей у насъ? Когда я благодарилъ его за любезное участіе въ „Парафразахъ" нашихъ, онъ засмѣялся и сказалъ: „Я ихъ ужасно люблю! c'est très ingénieux! Онѣ у меня постоянно въ ходу". Я замѣтилъ, что мнѣ особенно пріятно и лестно, что онъ сдѣлалъ родъ интродукціи именно моей польки, только жаль, что Ратеръ издалъ это безъ моего вѣдома, что необходимо было въ такомъ случаѣ вычеркнуть мои вступительные такты. „Ай, нѣтъ! этого отнюдь нельзя дѣлать; они необходимы, ихъ слѣдуетъ сохранить непре-

мѣнно; я такъ и подогналъ конецъ моего вступленія, чтобы онъ приходился къ вашимъ вступительнымъ тактамъ. Нѣтъ, пожалуйста, не вычеркивайте ихъ"... Узнавъ о моей „Средней Азіи" и квартетѣ, онъ спросилъ, гдѣ они будутъ издаваться. Узнавъ, что у Ратера, Листъ вдругъ воскликнулъ: „Ah! il n'est pas mal, ce M-r Rahter, il m'a envoyé „les Paraphrases" et en même temps il a daigné d'y ajouter „la Chaconne" de Bach, arrangée par mon ami le comte de Zichy,— vous l'avez sûrement aussi. Il a été gentil d'avoir fait une èdition sans même demander la permission. Hein?" Когда я сказалъ, что очень радъ случаю слышать „Danse macabre", которая, по моему мнѣнію, самая сильная вещь изъ всего репертуара для фортепьяно съ оркестромъ — по новизнѣ идеи и формы, красотѣ, глубинѣ и силѣ темы, оригинальности инструментовки, глубоко религіозному и мистическому настроенію, яркому средневѣковому церковному колориту — Листъ оживился еще болѣе. „Да! вотъ. видите, вамъ, русскимъ, такая вещь нравится, а вотъ, подите, здѣсь ее не гутируютъ. Ее давали въ Германіи разъ пять или шесть и, не смотря на прекрасное исполненіе, она каждый разъ проваливалась самымъ положительнымъ образомъ. Я сколько разъ просилъ Риделя пустить ее на программы концертовъ Общества, но онъ все побаивался,— не рѣшался. И нынче, на первой репетиціи оркестръ былъ ужасно озадаченъ этою вещью и только впослѣдствіи немножко попривыкъ къ ней. Если вы ее любите, то на этотъ разъ останетесь довольны: Марта Ремертъ,— вы ее знаете? Нѣтъ? это молодая, но сильная пьянистка—Марта Ремертъ, говорю я, прекрасно играетъ эту вещь. Вотъ, сами послушаете, — увидите, что я правду сказалъ". Насчетъ предстоявшей исполняться „Krönungsmesse", Листъ вдругъ началъ какъ-то пренебрежительно шамкать себѣ подъ носъ: „Да, ну конечно... тутъ и Krönung и Messe... нужно было... нуженъ и König и Gott. Ну, я и хотѣлъ было дать 1-ый ну-

меръ, гдѣ и то и другое, и достаточно было бы... ну, а тутъ хотѣли всю непремѣнно, ну и будетъ немножко длинно".

По поводу „Антара" Листъ сказалъ, что на первыхъ репетиціяхъ музыкантамъ многое показалось смутнымъ, ну а потомъ, когда на слѣдующихъ репетиціяхъ поразобрались немножко, то прежде всего вошли во вкусъ мастерской инструментовки, оцѣнили ее по достоинству, и тогда играли съ большимъ интересомъ. „Вы знаете, у насъ въ Германіи вѣдь туговато, не вдругъ понимаютъ музыку. Вотъ поэтому-то и необходимо давать такія вещи, какъ „Антаръ" de M-r Rimsky, и въ возможно хорошемъ исполненіи"... Пока мы болтали, туалетъ его былъ конченъ и какъ разъ во-время: не успѣлъ Спиридонъ Лазаревичъ подвязать „Мейстеру" какую-то католическую салфеточку, черную съ бѣлыми каемочками и натянуть долгополый черный сюртукъ, какъ доложили о прибытіи ожидаемыхъ посѣтителей. На порогѣ появился одинъ изъ представителей города Магдебурга, исправляющій должность воинскаго начальника — свитскій майоръ Ф. Клейнъ, въ прусской артиллерійской формѣ, съ бархатнымъ чернымъ воротникомъ съ красными кантами, серебряными погонами изъ жгутовъ, разбѣгающимися кверху двумя рядами гладкихъ, плоскихъ, золотыхъ пуговицъ, въ туго натянутыхъ замшевыхъ перчаткахъ, припомаженный, приглаженный, съ подстриженными, выхоленными бакенбардами. Пожелавъ Листу добраго утра на нѣмецко-французскомъ нарѣчіи, майоръ оповѣстилъ, что экипажъ къ услугамъ „Мейстера", ибо скоро пора и на репетицію. Листъ представилъ насъ другъ другу, и такъ какъ оказалось, что у меня еще не было билетовъ и собственныхъ программъ для концертовъ и что все это надобно было получить въ Бюро Общества, напротивъ отеля,— черезъ улицу, въ помѣщеніи станціи желѣзной дороги, майоръ любезно вызвался проводить меня въ Бюро и мы,— какъ есть, не надѣвая ничего,— перешли улицу и пришли въ Бюро. Здѣсь съ нѣмецкою аккуратностью и опредѣлительностью, за длиннымъ при-

лавкомъ или столомъ, покрытымъ бѣлою бумагою, на карточкахъ обозначены были всѣ функціи членовъ Бюро; по предъявленіи моего членскаго билета, мнѣ немедленно выданы были: красная брошюрка программъ и билеты на всѣ концерты, кромѣ послѣдняго, который долженъ имѣть мѣсто въ театрѣ, и билеты на который выданы будутъ наканунѣ въ томъ же Бюро. Когда мы съ майоромъ воротились, Листъ былъ уже внизу у выходныхъ дверей въ сопровожденіи (пропускъ въ текстѣ).

Мы сѣли вчетверомъ въ крытую коляску, Листъ противъ Гилле, майоръ противъ меня, сидѣвшаго рядомъ съ Гилле на передней скамейкѣ. Гилле имѣлъ при себѣ партитуру Krönungsmesse. Въ Iohanniskirche, гдѣ происходила репетиція, были приготовлены мѣста, ряды стульевъ, противъ органа (спиною къ алтарю) для почетныхъ гостей, администраціи концертовъ, Бюро Общества. Противъ нихъ (лицомъ къ алтарю и спиной къ органу) сидѣла публика, которой—не смотря на то, что репетиціи, собственно, не публичныя—было не мало. Когда мы вошли, вся публика встала передъ Листомъ, произошло общее движеніе; Листъ раскланялся, сѣлъ во второмъ ряду, между майоромъ и Лессманомъ (преподавателемъ музыки въ Шарлоттенбургской гимназіи и редакторомъ (пропускъ) и авторомъ романсовъ, имѣющихъ быть исполненными въ концертѣ (пропускъ).

Меня и Гилле Листъ посадилъ въ первый рядъ передъ собою, чтобы мы могли слѣдить по партитурѣ (и на случай она была у него подъ руками). Первая пьеса была уже сыграна (симфонія для органа съ оркестромъ). Началась репетиція Krönungsmesse. На хорахъ, у органа, помѣщалась громадная масса оркестра и хора. Солистки были безъ шляпъ; хористки—въ шляпахъ, большею частью соломенныхъ. Листъ слушалъ, по временамъ закрывая глаза и опустивъ голову; по временамъ чмокая губами и бормоча про себя замѣчанія, или перекидываясь ими съ нами, коментируя разныя частности вещи или исполненія. Когда дѣло дошло до

„Graduale“, Листъ перегнулся ко мнѣ и сказалъ: „Въ другихъ мессахъ этой части не бываетъ, но въ коронаціонной она обязательна“. Или: „Эти кварты характерная черта венгерской музыки“ *). Большинство же замѣчаній Листа отличались его обыкновеннымъ добродушіемъ и юморомъ. Только, когда дѣло дошло до (пропускъ), онъ началъ твердить: „Ce n'est pas ça!“, сдѣлался серьезнымъ, наконецъ не вытерпѣлъ, вскочилъ и поплелся самъ на хоры. Онъ прихрамывалъ, такъ какъ незадолго передъ этимъ свернулъ себѣ ногу и чувствовалъ еще порядочную боль. Опираясь на майора, старикъ, однако, бодро лупилъ впередъ, и наконецъ, сѣдая голова его показалась у дирижерскаго пюпитра; онъ толковалъ съ (пропускъ) и съ музыкантами, заставилъ повторить неладно сыгранное мѣсто въ (пропускъ), и когда віолончели и басы стали дѣлать свое pizz. не вмѣстѣ съ аккордомъ, а $\frac{1}{8}$ позже, какъ написано у Листа, старикъ успокоился и поплелся назадъ. Послѣ Krönungsmesse должна была идти ораторія капельмейстера изъ Гааги, Николаи, пресловутый Bonifacius, недавно исполнявшійся въ Кельнѣ и составлявшій антипатію Листа (какъ я уже говорилъ выше). Сначала острили насчетъ этого Bonifacius'a и кто-то, чуть-ли ни Лессманъ, сказалъ, что это не Boni,—а Malefacius. Гилле, закадычный другъ (съ 1840 г.) Листа, ярый и восторженный поклонникъ новой музыки, торопыга, горячка, по невоздержанности, безцеремонности и рѣзкости замѣчаній напоминающій В. В. Стасова, нагнулся ко мнѣ и сказалъ: „Ну, вамъ предстоитъ теперь наслажденіе! Это чортъ знаетъ, что за канитель! Всю душу вытянетъ! Теперь еще они, слава Богу, выпускаютъ дуэтъ одинъ; я его слышать не могу равнодушно—тянется точь-въ-точь ленточная глиста, когда ее выгоняютъ. И на кой дьяволъ Бюро церемонится, соблюдаетъ политику какую-то и допускаетъ исполненіе такихъ

*) Месса написана по случаю коронованія австрійскаго императора апостолическою венгерской короной, какъ короля Венгріи.

вещей. Нехорошо!—не надо! пусть ихъ ругаются, дуются—плевать! не надо, и только! Что за церемоніи, что за осмотрительность! Въ дѣлѣ искусства надо прежде всего послѣдовательность — нехорошо!— не годится! Я всегда бранюсь за это съ своими собратьями" (Гилле—членъ Бюро). Скоро всѣ толки должны были умолкнуть. Самъ авторъ Bonifacius'a подсѣлъ къ Листу, у послѣдняго появился клавиръ-аусцугъ ораторіи въ рукахъ. Листъ молчалъ или дѣлалъ только легонькія замѣчанія насчетъ исполненія, въ родѣ того, что молъ: „Тріоли у скрипокъ и альтовъ не выходятъ... не слышно... можетъ быть, когда будетъ больше публики, акустическія условія будутъ другія, мы ихъ и услышимъ", и т. п. Николаи былъ, видимо, не совсѣмъ доволенъ впечатлѣніемъ... Гилле, не дослушавъ до конца, сунулъ мнѣ въ руку партитуру Krönungsmesse, попросилъ передать Листу, что онъ долженъ былъ отлучиться въ Бюро, и удралъ. Сильно подозрѣваю, что онъ просто не утерпѣлъ высидѣть всю эту канитель, не имѣя даже возможности ввернуть крѣпкое словцо, такъ какъ позади его сидѣли авторъ ораторіи и Листъ.

Когда мы воротились, былъ уже часъ обѣда; столъ былъ накрытъ, столовая полна. Противъ прибора Листа мѣсто на столѣ было огорожено лавровою гирляндою и стоялъ большой букетъ цвѣтовъ. Сѣли за столъ. Обѣдъ прошелъ очень весело и оживленно; говорили, шутили, смѣялись. Не обошлось, разумѣется, безъ восторженныхъ тостовъ въ честь Листа и контръ-тоста послѣдняго въ честь представителей Бюро Общества и присутствовавшихъ. Послѣ обѣда Листъ ушелъ къ себѣ сосиуть, что онъ дѣлаетъ постоянно послѣ обѣда, тѣмъ болѣе, что предстоялъ въ $6^1/_2$ концертъ и еще 4 дня, въ родѣ сегодняшняго. Вечеромъ въ концертѣ, Листъ сидѣлъ въ первомъ ряду стульевъ, рядомъ съ Gille и майоромъ, а послѣ съ ученицей своей, Мартою Реммертъ, высокой, кокетливой, немножко ломанной, хотя и недурной нѣмочкой, бѣлокурой, съ маленькими усиками, высокой, стройной. Дамы,

сидѣвшія противъ Листа на церковныхъ скамьяхъ (какъ я уже сказалъ,—скамьи, укрѣпленныя неподвижно, обращены спиною къ органу, а стулья лицомъ). На стульяхъ, кромѣ Листа, сидѣли члены Бюро и избранная часть общества: органисты, композиторы, репортеры, сановники и пр. Хотя я и не членъ Бюро, но меня посадили на первой скамейкѣ возлѣ майора Клейна, сидѣвшаго рядомъ съ Листомъ. Положеніе мое было самое выгодное для наблюденій. Публика и остальные обыкновенные члены сидѣли vis-à-vis съ нами на скамейкахъ, на разстояніи полуаршина. Мнѣ было видно все, что происходило около Листа. Публика на первыхъ скамейкахъ, съ полнѣйшей беззастѣнчивостью разсматривая Листа и все его, дѣлала разныя замѣчанія, перешептывалась, слѣдила за Листомъ, за каждымъ движеніемъ его, старалась вслушиваться въ его слова. Когда Листъ, увидавъ проходившую на свое мѣсто и поклонившуюся ему Реммертъ, удержалъ ее и съ обычною ласковой улыбкой посадилъ ее возлѣ себя, послѣ самаго любезнаго привѣтствія,—дамы, сидѣвшія передъ самымъ носомъ Листа, покраснѣли отъ злости, вперили нагло злые глаза въ счастливицу Реммертъ и въ продолженіе всего концерта не переставали пересмѣиваться и перешептываться на ея счетъ самымъ безцеремоннымъ образомъ, пожирая ее завистливыми глазами. Листъ поминутно обмѣнивался съ нею словами съ самымъ добродушнымъ и любезнымъ видомъ, что̀ еще болѣе злило наше vis-à-vis. Мнѣ Реммертъ сначала показалась пошловатою кокеткою, zipperlich-manierlich, но впослѣдствіи, когда я узналъ ближе ее и о ней,—это оказалось все только внѣшностью. Какъ пьянистка—это первый сортъ, по части энергіи, силы, выразительности и выдержки. Когда я потомъ слышалъ исполненіе ею „Danse-Macabre“ (и позднѣе 1-ю часть сонаты Листа), я былъ изумленъ этимъ противорѣчіемъ между внѣшностью ломанной нѣмецкой, кисейной барышни—и этимъ пьянистомъ въ юбкѣ: ея большія, почти мужскія, руки играютъ совсѣмъ по-мужски; закрывши глаза ни за что не ска-

жешь, чтобы это играла женщина, а тѣмъ болѣе барышня. Противорѣчіе оказалось и въ другихъ отношеніяхъ—при такой наружности она оказалась дѣвушкою крайне энергичной и въ жизни. Находясь въ крайней нуждѣ, имѣя пьяницу и деспота отца, который тащилъ изъ дому все что попало, довелъ семью до крайней нищеты, дѣвушка эта съумѣла образовать себя настолько хорошо, что поступила лектрисой и гувернанткой въ знатный домъ, кажется въ Вѣнѣ; занималась обученіемъ своей сестры (или сестеръ) и сверхъ того сама выработала изъ себя первоклассную піанистку. Въ серіи магдебургскихъ концертовъ она должна была играть его „Danse-Macabre. [Этимъ всѣмъ объясняется, слѣдовательно, то милое предпочтеніе, которое ей оказывалъ Листъ въ Магдебургѣ передъ многими другими—къ великому озлобленію завистницъ.

Концертъ начался симфоніей для органа съ оркестромъ Карла Августа Фишера изъ Дрездена (органиста въ Neustädter-Kirche). Исполнялъ ее не авторъ, но другой органистъ, Отто Тюрке (изъ Marien-Kirche въ Zwikau) и исполнилъ хорошо. Симфонія (C-dur) въ 5 частяхъ:—a) Maestoso ed Allegro vivace, quasi presto; b) Adagio, c) Pastorale (molto moderato quasi Andante), d) Presto e Trio; e) Finale Maestoso e moderato. Какъ видно, въ трехъ частяхъ (1-й 4-й и 5-й) темпъ (и ритмъ) мѣняется, такъ что каждая изъ нихъ состоитъ, въ свою очередь, какъ бы изъ двухъ отдѣльныхъ частей или кусковъ. Симфонія очень длинная, тянется (какъ обозначено на самой афишѣ) 35 минутъ. Темы бѣдныя, большею частію обще-нѣмецкія, за исключеніемъ 2-й темы 1-й части, отзывающейся немного „Севильскимъ Цирюльникомъ“. Trio въ 4-й части хорально и марціально à la Schumann, на мѣди maestoso. Окончаніе всего финала—также массивный протестантскій нѣмецкій хоралъ; заключительная фраза 2-й темы финала съ пріемомъ à la Händel, классическая. Третированіе органа, какъ оркестроваго инструмента, а не по рецепту Берліоза, т. е. не какъ самостоятельной массы, противопоставляемой ор-

кестру. Органъ играетъ почти сплошь, мѣстами одинъ, что въ цѣломъ придаетъ цѣлому характеръ какого-то оркестріона (громадной звуковой силы, разумѣется). При отсутствіи противопоставленія оркестру, длинѣ вещи, частыхъ дублировкахъ органа,—звуковой характеръ этотъ дѣлается надоѣдливымъ. Въ деталяхъ сочиненія и оркестровки проглядываютъ, впрочемъ, поползновенія „къ новымъ берегамъ“. Таково, напримѣръ, сопоставленіе тональностей въ частяхъ: 1-я—въ C-d., 2-я въ As; 3-я въ C; 4-я въ G-m., Trio въ Es-d., 5) въ Cm. и Cd. Разрѣшенія въ исключительныхъ каденцахъ не рутинныя; во 2-й части и въ финалѣ вводный тонъ доминантъ-септаккорда разрѣшается не въ тонику, а въ медіанту вверхъ, т. е. не на $^1/_2$ тона, а на кварту $\begin{pmatrix} g-c \\ cs \\ des-c \\ As \end{pmatrix}$; въ 3-й части Cd. въ плагальной каденцѣ субдоминанты медіанта идетъ на квинту вверхъ $\begin{pmatrix} a-e \\ f-e \\ c- \end{pmatrix}$, т. е. окончаніе опять не на тоникѣ, а на медіантѣ тоническаго трезвучія. Въ финалѣ оригинальныя фанфары, слегка нигилистическія; соло для вентильной трубы и т. п. Во всякомъ случаѣ пьеса представляла интересъ, ибо такого сочетанія въ симфоническихъ формахъ слышать не приходилось.

Второй пьесой шла коронаціонная месса Листа (исполненная въ первый разъ 8-го іюня 1867 года въ Офенѣ (Пештѣ), когда императоръ Францъ Іосифъ I и императрица Елисавета австрійскіе коронованись для принятія титула апостолическаго короля и королевы Венгріи. По музыкѣ эта месса — прелестна, почти сплошь; а Credo — необыкновенно хорошо по глубинѣ, религіозному настроенію и нѣсколько суровому, древне-католическому характеру въ церковныхъ тонахъ (дорическая) почти постоянными унисонами, въ родѣ нашего столпового пѣнія. Хорошъ, но уже въ новомъ Листовскомъ родѣ, оркестровый №—Offertorium;

Benedictus съ V-no solo и миог. друг. Но Credo все-таки головою выше остального. Слушать эту вещь было высокое художественное наслажденіе. Перерывъ минутъ на десять и затѣмъ шла одна часть органнаго концерта (B-dur) для органа съ оркестромъ, сочиненная и сыгранная Теофиломъ Форштаммеромъ, органистомъ Musikdirektor'омъ въ Quedlinburg'ѣ. Музыка приличная, но ничѣмъ не выдающаяся особенно, исполненіе—тоже. Тянулось цѣлыхъ 20 минутъ.

Послѣднею пьесою шла 2-я часть ораторіи Николаи, директора королевской музыкальной школы въ Гаагѣ, Консерваторская скучная канитель, о которой говорено было выше. Къ счастію, выпустили № 1, хоръ языческихъ дѣвушекъ. Замѣчательно, впрочемъ, что выпустили его не по музыкальнымъ соображеніямъ, а потому, что мѣстное духовенство воспротивилось исполненію языческаго хора въ протестантской церкви. Охранительный элементъ протестантской церкви оказался, однако, крайне непослѣдовательнымъ: запретивъ пѣть язычницамъ, онъ разрѣшилъ пѣніе язычникамъ мужского пола. Можно было бы подумать, что въ основѣ такого полового различія въ языческомъ хоровомъ пѣніи лежитъ протестъ противъ женскаго вопроса?—ничуть. Разрѣшивъ пѣніе жрецу язычниковъ, протестантскій конклавъ разрѣшилъ пѣніе и его дочкѣ, и даже Дріадамъ, которыя отнюдь не лютеранскаго вѣроисповѣданія. Нужно отдать справедливость автору,—его Bonifacius былъ очень скученъ и длиненъ. Мой нѣмецкій В. В. Стасовъ—Hofrath Гилле не выдержалъ: перегнувшись черезъ Листа и другихъ сидѣвшихъ между имъ и мною, Гилле „шопотомъ à la В. В. Стасовъ" безцеремонно гаркнулъ мнѣ: „Da fängt der Bandwurm an! Kören Sie nur zu!"—(Вотъ начинается она—глиста-то! слушайте!) Замѣчаніе это относилось къ наискучнѣйшему дуэту между дочкой языческаго пастора и Бонифаціемъ. Листъ, видимо сильно утомленный и скучавшій, дремалъ и даже спалъ. Это съ нимъ бываетъ частенько, когда онъ утомится и все-таки почему нибудь считаетъ себя обязаннымъ вы-

сживать пьесу. Дѣлаетъ онъ это очень ловко: наклонивъ голову, закрывъ глаза и оттопыривъ нижнюю губу, Листъ начинаетъ сопѣть (онъ часто сопитъ, когда и въ самомъ дѣлѣ внимательно слушаетъ, это бываетъ со многими); не знающіе могутъ подумать, что онъ весь погруженъ въ духовное созерцаніе музыкальныхъ красотъ пьесы. Чтобы не дать замѣтить, что онъ просто-на-просто дремлетъ и ничего не слушаетъ, — Листъ постукиваетъ отъ времени до времени пальцами по колѣну, какъ будто машинально выбивая тактъ или наигрывая на фортепьяно фразы исполняемой пьесы. Послѣ концерта гипнотическое состояніе навѣянное Бонифаціусомъ, у Листа прошло окончательно, все общество Листовское, я разумѣю интимное, такъ сказать сливки концертной публики и дѣятелей,—все это собралось въ столовой около „Мастера“, который оказался снова самымъ веселымъ, остроумнымъ и любезнымъ предсѣдателемъ за ужиномъ; ѣлъ и пилъ съ большимъ аппетитомъ, болталъ безъ умолку, острилъ, смѣялся. Ужинъ прошелъ шумно и весело. Понятно, были тосты въ честь маститаго героя дня. Старый грѣшникъ, бабникъ большой руки, Листъ усадилъ подлѣ себя пьянистку Реммертъ и пѣвицу Брейтенштейнъ (изъ Эрфурта), любезничалъ съ ними какъ водится. Листъ досидѣлъ такъ до полуночи. Вмѣстѣ съ нимъ покинула столовую и большая часть остальныхъ собесѣдниковъ, порядкомъ-таки утомленныхъ.

На другой день, т. е. 10-го іюня, Листъ хотѣлъ мнѣ показать свой новый „Мефистовальцеръ“ передъ репетиціей концерта. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ поджидалъ еще къ себѣ утромъ кое-какихъ пѣвицъ, чтобы съ ними пройти кое-какія вокальныя вещи. Съ 10 часовъ уже у него въ номерѣ была музыка. Я, однако, не могъ быть у него, такъ какъ мнѣ хотѣлось быть на оркестровой репетиціи, и даже нужно было, чтобы передать дирижеру Никишу нѣкоторыя указанія касательно исполненія „Антара“ (каденцу арфы, характеръ исполненія восточныхъ темъ духовыми и т. д.).

Репетиція и концертъ должны были происходить почти за городомъ, въ залѣ Odeum'a, помѣщенія, назначеннаго собственно для танцовальныхъ вечеровъ, вполнѣ демократическаго характера. Но другого бо̀льшаго зала не имѣлось и приходилось довольствоваться этимъ нѣсколько отдаленнымъ отъ центра города помѣщеніемъ. Репетиція назначена была въ $10^1/_2$ часовъ утра. Я пришелъ пѣшкомъ по проливному дождю, къ назначенному часу. Оказалось, что еще до начала далеко. Публики набралось уже не мало; музыканты собирались вяло. Женская прислуга, самаго домашняго буржуазнаго вида, тащила на своихъ плечахъ контрабасы, пюпитры, віолончельные ящики, все это совершалось крайне патріархально. Залъ, деревянной загородной постройки, въ родѣ нашихъ вокзаловъ, невысокій, съ хорами, съ двумя боковыми ложами, боковою галлереею внизу, рядами стульевъ посрединѣ, эстрадою для оркестра. Все это было выкрашено коричневою масляною краскою (кромѣ, впрочемъ, эстрады, которая была во всей первобытной наготѣ). Эстрада начиналась очень низко отъ полу, для дирижера былъ поставленъ какой-то деревянный ящикъ. По случаю празднества зала была украшена гербами Магдебурга (?): на полѣ герба красовалась каменная башня съ 4-хъ угольными зубцами наверху. Кромѣ того, залъ былъ убранъ незатѣйливыми гирляндами свѣжей зелени. Зала примыкала къ буфету; въ боковыхъ галлереяхъ залы стояли простые столы, на которыхъ появлялись отъ времени до времени кружки пива, тарелки съ „Belegte Semmeln“ или „Appetitsbrödchen“, которыми подкрѣплялись и развлекались музыканты. Группы въ разныхъ уголкахъ залы толковали о частностяхъ концерта и предстоящей музыки, о вчерашнемъ концертѣ, городскихъ музыкальныхъ и немузыкальныхъ сплетняхъ; иные зѣвали, посматривали на часы; но всѣ добродушно и терпѣливо ожидали начала репетиціи и прихода дирижера. Я просилъ у предсѣдателя Общества, профессора Риделя, позволенія передать дирижеру передъ ре-

петиціей нѣкоторыя замѣчанія Н. А. Римскаго-Корсакова по поводу исполненія каденцы для арфы и пр. „Никиша (дирижера) еще нѣтъ... да это можно сдѣлать проще; погодите“... Ридель вызвалъ изъ оркестра музыкантовъ, до которыхъ касались замѣчанія Корсакова, представилъ ихъ мнѣ и сказалъ: „Вотъ профессоръ Бородинъ хочетъ вамъ передать желанія автора „Антара“ относительно исполненія нѣкоторыхъ мѣстъ симфоніи“. Музыканты съ почтительнымъ вниманіемъ выслушали указанія; арфистъ объяснилъ мнѣ, что онъ уже игралъ каденцу такъ именно, какъ желаетъ авторъ. (Вѣроятно у Н. А. были сдѣланы гдѣ-нибудь помѣтки въ партіи; иначе я не.могу себѣ представить, какъ это могло случиться?) Мнѣ хотѣлось узнать, какъ будетъ исполняться партія валторны in As (т. е. 3-й), въ „Fée Mab“ Berlioz'a; я спросилъ объ этомъ Риделя. Онъ немедленно вызвалъ третьяго валторниста, и тотъ съ величайшей любезностью объяснилъ мнѣ, что: „въ строѣ As, какъ написано у Берліоза“, и не только вынулъ и показалъ мнѣ машинку въ As, но тутъ же вставилъ ее и сыгралъ мнѣ весь пассажъ, о которомъ я спрашивалъ. Музыканты, видя, что я интересуюсь частностями оркестра и кое-что смыслю въ этомъ, обступили меня, завязали со мною разговоръ спеціальнаго характера по поводу исполненія разныхъ частностей предстоящей музыки. Профессоръ Ридель, въ ожиданіи дирижера, перезнакомилъ меня со множествомъ изъ болѣе выдающихся музыкальныхъ дѣятелей, магдебургскихъ и пріѣзжихъ, представляя насъ другъ другу. Оказалось, что по имени я здѣсь уже хорошо извѣстенъ въ музыкальномъ мірѣ, благодаря исполненію Es-дурной симфоніи моей въ Баденъ-Баденѣ въ прошломъ году. Отъ всѣхъ мнѣ пришлось слышать кучу любезнаго и лестнаго по поводу моей симфоніи; иные слышали ее сами въ исполненіи, другіе знали о ней по журнальнымъ рецензіямъ или фортепьянному переложенію, но знали ее всѣ.

Наконецъ, въ оркестрѣ показалось движеніе, — явился

дирижеръ. Оказалось, что онъ опоздалъ только на цѣлые полчаса! Гдѣ же, спрашивается, эта пресловутая нѣмецкая аккуратность, которую тычутъ постоянно въ глаза намъ, русскимъ? Отмѣчу сейчасъ еще другую черту: недостатокъ предусмотрительности, которую тоже любятъ у насъ приписывать исключительно славянской расѣ, но отнюдь не германской. Оркестръ на этотъ разъ былъ уже не вчерашній магдебургскій, состоящій всего изъ 46 музыкантовъ мѣстнаго театра и мѣстныхъ военныхъ хоровъ. Это была знаменитая капелла лейпцигскаго театра или Гевандгауза, да еще усиленная: 12 первыхъ, 11 вторыхъ скрипокъ, 8 альтовъ, 8 віолончелей, 8 контрабасовъ, 3 флейты, 2 гобоя, corno inglese особо, 2 кларнета и 3-й басъ-кларнетъ особо, 3 фагота, 4 валторны, 4 трубы, 3 тромбона, туба со всѣ ми ударными, арфа; словомъ всего 74 человѣка; семьдесятъ четыре да еще плюсъ нѣсколько наемныхъ военныхъ музыкантовъ (?) спеціально для Kaiser-Marsch'a—Вагнера; при этомъ соотвѣтствующая громадная масса хора, солисты и огромный концертный рояль Блютнера. Все это было, разумѣется, заранѣе извѣстно и обо всемъ этомъ давно распечатано въ программахъ, даже съ подробнымъ перечнемъ именъ оркестровыхъ исполнителей, и указаніемъ, кто они и откуда. И при всемъ этомъ устроители концерта не разсчитали, что эстрада не въ состояніи вмѣстить и двухъ третей всей массы, имѣя въ виду даже обычай лейпцигскаго оркестра играть стоя, не нуждаясь, слѣдовательно, въ стульяхъ, занимающихъ не мало мѣста на эстрадѣ. Началась неимовѣрная возня съ установкою. Хоръ сразу изгнали съ эстрады, порѣшили спустить на полъ передъ эстрадою. Затѣмъ пошла перестановка въ оркестрѣ; несчастные контрабасы и рояль перетаскивались съ мѣста на мѣсто, музыканты жались другъ къ другу, какъ овцы въ стадѣ, загоняемыя овчарками, перемѣняя диспозицію; одинъ злополучный второй скрипачъ сорвался съ эстрады и куда-то провалился вмѣстѣ съ инструментомъ, къ счастію безъ

дурныхъ послѣдствій для обоихъ. Словомъ, совершалось нѣчто въ родѣ того, что въ „Квартетѣ“ Крылова:

„Ты съ басомъ, Мишенька, садись противъ альта,
Я сяду противъ вторы...“

Только совершалось en gros и садиться предоставлялось лишь восьми віолончелистамъ, которые ужъ ни въ какомъ случаѣ не могли играть стоя; остальная масса была на ногахъ; смычки торчали вверхъ, какъ штыки въ сомкнутыхъ колоннахъ пѣхоты, раструбы духовыхъ просовывались между головами впередн стоявшихъ музыкантовъ. Возня эта продолжалась ровно часъ! съ 11 до 12!

И что меня всего болѣе поразило: не смотря на всѣ невзгоды — ни одного звука, ни одного слова ропота, ни одного жеста нетерпѣнія! Это ужъ подлинно нѣмецкая дрессировка и дисциплина! Наконецъ, Никишъ взобрался на свой ящикъ и поднялъ палку. Долго, какъ окаменѣлый, стоялъ онъ въ этомъ положеніи, точно въ каталепсіи. Наконецъ, круто махнулъ — и пошла писать! Къ сожалѣнію, репетиціи подлежали только „Faust-увертюра“ Вагнера, отрывки изъ „Ромео и Жюльетты“ — Берліоза, и „Kaisermarsch“ — Вагнера, первые потому, что въ нихъ участвовалъ одинъ новый фаготистъ, не принадлежавшій къ составу лейпцигскаго оркестра; маршъ — по случаю участія хора и полковыхъ музыкантовъ. Остальное все было подготовлено уже начисто въ Лейпцигѣ (конца нѣтъ).

. . . . . .

63. Къ Ѳ. П. Стравинскому.

9-го января 1882 г.

Искренно-уважаемый Ѳедоръ Игнатьевичъ, спасибо вамъ большое за любезное вниманіе къ моимъ музыкальнымъ дѣтищамъ: Кончаку и Владиміру Галицкому. Друзья мои и семья слышали васъ и наслаждались высокохудожественнымъ исполненіемъ этихъ вещей. Я же, къ сожалѣнію, по

обстоятельствамъ, отъ меня независящимъ, лишенъ былъ этого наслажденія,—не могъ быть въ концертахъ и пожать отъ души вашу руку. Душевно-преданный вамъ А. Бородинъ.

P. S. Простите, что такъ поздно шлю вамъ это слово благодарности.

64. Къ В. В. Стасову.

3-го февраля 1882 г.

Глубокоуважаемый Владиміръ Васильевичъ, завтра (въ четвергъ) у насъ хочетъ быть Александра Николаевна *) съ Феликсомъ **); не пожалуете ли и вы послушать нашу общую любимицу „Лауру“***) ?Вы вѣдь у насъ такой рѣдкій гость! Приходите; ну что вамъ стоитъ? Я и жена будемъ ждать васъ очень. Приходите! Искренно-любящій васъ А. Бородинъ.

65. Къ А. Н. Моласъ.

3-го февраля 1882 г.

Глубоко-уважаемая Александра Николаевна, спасибо вамъ большое за благое намѣреніе посѣтить вашихъ горячихъ поклонниковъ на Выборгской сторонѣ. Мнѣ бы хотѣлось, если только не имѣете ничего противъ этого, чтобы и Владиміръ Васнльевичъ раздѣлилъ съ нами удовольствіе послушать нашу общую любимицу „Лауру“. Жена очень благодаритъ васъ. Цѣлую ваши ручки въ ожиданіи сдѣлать, въ четвергъ, это же самое у насъ въ квартирѣ. Мужу вашему жму руку. Душевно-преданный А. Бородинъ.

Не забудьте только захватить съ собою всѣ ноты; наша нотная библіотека вся расхищена самымъ ужаснымъ образомъ.

---

*) А. Н. Моласъ. В. С.

**) Ф. М. Блуменфельдъ. В. С.

***) Въ „Каменномъ Гостѣ“—Даргомыжскаго. В. С.

66. Къ Н. А. Римскому-Корсакову.

16-го апрѣля 1882 г.

Душенька, миленькій, хорошенькій, ясненькій, золотой, серебряный и пр. Простите, голубчикъ, что посылаю брульонъ клавираусцуга Кончаковны и партитуру того экземпляра, который былъ у васъ и Каменской,—нѣтъ, онъ остался у Дарьи Михайловны *). Вѣроятно, она прислала мнѣ только партитуру. Но по этому матеріалу вы можете показать Славиной! Вы можете аккомпанировать по черновой, а она прослѣдитъ голосъ по партитурѣ.

Въ среду мы были съ Катей въ „Снѣгуркѣ“ и оба наслаждались вотъ по этихъ поръ — (показываю рукой на горло).

Предсказанія ваши, что Катѣ не понравится „Снѣгурочка“ — не сбылось. Она рѣдко отъ чего была въ такомъ восторгѣ, какъ отъ красотъ „Снѣгурки“.

Знаете ли что?—второй разъ опера мнѣ понравилась еще больше, чѣмъ первый! Это именно весенняя сказка, со всею красотою, поэзіею весны, со всей теплотой, всѣмъ благоуханіемъ. Еще скажу вамъ, что въ цѣломъ—вещь выиграла отъ сокращеній. Я бы, даже, признаюсь, выпустилъ хоръ „Просо“, хотя онъ самъ по себѣ очень хорошъ.

Катя до сихъ поръ не можетъ отдѣлаться отъ впечатлѣній красоты музыки „Снѣгурки“. Какъ мнѣ обидно, что я не былъ въ ту среду! Ужасно досадно!.. Ну, дружокъ милый, цѣлую васъ въ губёнки, Надеждѣ Николаевнѣ цѣлую ручки. Дѣтишекъ цѣлую такъ же, какъ и васъ, только не такъ крѣпко. Хотѣлъ самъ быть у васъ, да не могъ, задержали. Душевно вашъ А. Бородинъ.

---

*) Д. М. Леонова. В. С.

67. Къ В. В. Стасову.

31-го мая 1882 г.

Дорогой Владиміръ Васильевичъ, сегодня вечеромъ я буду у нашего милаго, юнаго „Самсона“ *); приходите часамъ къ 8-ми. Душевно-преданный А. Бородинъ.

68. Къ Л. И. Шестаковой.

3-го января 1883 г.

Тронутъ до глубины души. Краснѣю до ушей; потому: не заслужилъ ничѣмъ **)! Съ оперой у меня: „одинъ стрáмъ!“ Доброта вы моя неизреченная! Ну за что? за что? цѣлую ваши щедрыя ручки, винюсь во всѣхъ моихъ винахъ передъ вами и передъ музыкой. Повинную голову и мечъ не сѣчетъ... Душевно-любящій и уважающій васъ А. Бородинъ. Онъ же и „кающійся грѣшникъ“.

69. Къ Ѳ. И. Стравинскому.

6-го февраля 1883 г.

Искренно-уважаемый Ѳедоръ Игнатьевичъ, возвращаю вамъ съ благодарностью обѣ вещи изъ „Игоря“ и прошу великодушно простить, что задержалъ ихъ такъ долго. Передайте глубочайшее почтеніе вашей супругѣ. Душевно-преданный вашъ А. Бородинъ.

70. Къ М. П. Бѣляеву.

18-го апрѣля 1883 г.

Искренно-уважаемый Митрофанъ Петровичъ, посылаю вамъ два письма: одно къ Листу, другое къ Риделю. По-

*) А. И. Глазуновъ. В. С.

**) Подарокъ фотографическаго портрета Глинки, очень большого формата. В. С.

слѣднему я пишу, что вы ему можете сообщить многое о насъ и о нашемъ Wunderkind'ѣ—А. К. Глазуновѣ. Листу я ничего не писалъ о Глазуновѣ, потому что тутъ надобно писать или много, или ничего. Исполнить симфонію его едва ли вамъ удастся, ибо теперь будетъ всѣмъ не до того *). Желаю вамъ всего хорошаго, и благодарю еще разъ за любезную готовность доставить мои вещи по назначенію. Простите, если затруднилъ васъ. Будьте здоровы. Отъ всей души завидую вамъ. Душевно-преданный А. Бородинъ.

71. Къ В. В. Стасову.

4-го августа 1883 г.

Анна Николаевна Калинина (урожденная Лодыженская) была такъ любезна, что взялась попросить у васъ для меня Исторію Карамзина, т. II, и, буде возможно, „Кіевскую Лѣтопись“**), которыя оказались мнѣ необходимыми для моего злосчастнаго „Игоря“. Если удовлетвореніе моей просьбы возможно, то передайте книги подательницѣ и владѣтельницѣ этой карточки. А. Бородинъ.

72. Къ К. С. Бородиной.

С.-Петербургъ, 18-го іюня 1884 г.

„Прощай, моя голубушка, дай поцѣловать тебя еще разокъ на дорогу! Христосъ съ тобой! Ну, съ Богомъ, въ путь-дорогу! Дай Богъ счастливо доѣхать. Да смотри, напиши, какъ доѣхала. Маму поцѣлуй, напиши что слѣдуетъ; да если очень плохо будетъ и душно, не скупись, перейди во

*) Первая симфонія А. К. Глазунова (E-Dur), дѣйствительно, не могла быть исполнена въ Веймарѣ въ 1883 году. Но ее исполнили на Веймарскомъ Фестивалѣ 14-го (26-го) мая 1884 года, по желанію Листа и въ его присутствіи, равно какъ и въ присутствіи самого автора. В. С.

**) Для текста оперы „Князь Игорь“. В. С.

второй классъ. Ну... трогай! Съ Богомъ! Прощай... Во мьё таръ кё жамэ..." Все это я не успѣлъ произнести во-время, такъ какъ сначала безпорядокъ нашей нравственной и физической трепки, а потомъ порядокъ—желѣзно-дорожныхъ властей не дали мнѣ проститься съ тобою. Ну, теперь—здравствуй! Съ пріѣздомъ! Я хотѣлъ тебѣ написать раньше, но полная невозможность опредѣлить время моего выѣзда заставила отложить намѣреніе писать. Думаю тронуться завтра, во вторникъ, въ половинѣ перваго (если можно), словомъ, не съ самымъ раннимъ поѣздомъ. Но успѣю ли? Это вопросъ. Ты не можешь себѣ представить, сколько уборки, ломки, возни и хлопотъ выпало на нашу долю. А тутъ еще поминутно отрываютъ вещами неотложными. А какъ я подумаю теперь, что теперь я тронусь, да пріѣду только еще въ деревню, да туда-то не на готовое, а на новую возню устройства, да оттуда въ Москву, гдѣ меня ждетъ новая возня—покупка, добываніе инструмента, визиты дѣловые и ради культа—просто даже руки опускаются и злость разбираетъ. Нѣтъ! въ послѣдній разъ ѣду при такихъ условіяхъ. Это невозможно! Надобно во-время собирать все, заблаговременно. Да, ужъ и очень много у насъ чужихъ дѣлъ-то; одолѣли въ-конецъ. А тутъ еще эти бельгійскіе и петербургскіе дурачки съ музыкой лѣзутъ! Нѣтъ, мудрено быть одновременно и Глинкой, и — Семеномъ Петровичемъ, и ученымъ, и комиссіонеромъ, и художникомъ, и чиновникомъ, и благотворителемъ, и отцомъ чужихъ дѣтей, и лекаремъ, и больнымъ... Кончишь тѣмъ, что сдѣлаешься только послѣднимъ. Не только въ деревню, а, кажется, къ чорту бы отправился отсюда... Ты не можешь себѣ представить, какъ я теперь раздраженъ и раздражителенъ. Вотъ мнѣ такъ придется поглотать соды или щелочныхъ водъ. Печенка, должно быть, гуляетъ... Вчера я вечеромъ ѣздилъ въ Каболовку *) къ Дютчу по дѣлу корректуры

*) Дачное мѣсто близъ Петербурга, у 3-го Парголова. В. С.

квартета, оттуда прошелъ къ Стасовымъ... Ну, душа моя, до скораго свиданья. Въ деревнѣ не засижусь, а какъ можно скорѣе пріѣду въ Москву. Господь съ тобой.

73. Къ графинѣ де-Мерси Аржанто *).

Москва, 29-го іюня 1884 г.

Графиня! Мой другъ Ц. Кюи только что передалъ мнѣ драгоцѣнное письмо, которое вы соблаговолили написать мнѣ. Я имъ безконечно польщенъ. Примите выраженія моей полнѣйшей благодарности,—всѣ, впрочемъ, слишкомъ слабыя для того, чтобы передать вамъ мою признательность, мое уваженіе и восхищеніе. Извѣстіе о томъ, что вамъ нравится наша русская музыка, очень обрадовало меня.

Что касается пьесы „Море“, то я вполнѣ къ вашимъ услугамъ, и для меня будетъ истиннымъ удовольствіемъ смиренно поднести вамъ эту партитиру. Для исполненія съ оркестромъ, я полагаю лучше сдѣлать эту вещь въ тонѣ Mi-mineur (для баса); ее легче переложить въ этотъ тонъ и легче исполнять въ немъ. Ц. Кюи показалъ мнѣ французскій текстъ этой вещи, и я нашелъ, что онъ замѣчательно удачный, за исключеніемъ кое-какихъ небольшихъ частностей, нѣсколькихъ словъ, удачныхъ въ литературномъ смыслѣ, но по своему ударенію не соотвѣтствующихъ данной музыкальной фразѣ. Впрочемъ, маленькое измѣненіе подобной фразы вполнѣ устранитъ это неудобство.

Ц. Кюи передалъ мнѣ также, что вы желали бы получить для предположеннаго концерта отдѣльные номера изъ моей оперы „Князь Игорь“. Примите мою живѣйшую благодарность за честь, которую вы мнѣ дѣлаете, а я позволю себѣ вскорѣ же прислать вамъ 3 номера solo, съ успѣхомъ

*) Оригиналы писемъ А. П. Бородина къ гр. де-Мерси Аржанто писаны по-французски. В. С.

исполнявшіеся у насъ въ большихъ концертахъ: въ годичномъ концертѣ оркестра, даваемомъ въ театрѣ, въ концертахъ Имп. Русск. Муз. Общ. въ Петербургѣ, и Москвѣ, въ концертѣ на Московской выставкѣ, въ Кіевѣ и т. д. Въ случаѣ одобренія съ вашей стороны, я обязуюсь выслать партитуру и отдѣльныя оркестровыя партіи. Я очень сожалѣю, что не могу сдѣлать этого немедленно. Но вѣдь я теперь путешествую, и у меня нѣтъ съ собою нотъ. Меня очень огорчаетъ и то, что я принужденъ представить вамъ эти пьесы въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ имѣются, т. е. съ русскимъ текстомъ,—но что прикажете дѣлать съ моимъ ломанымъ французскимъ языкомъ, съ которымъ я едва справляюсь настолько, чтобы просить вашего снисхожденія.

Примите увѣреніе, графиня, въ томъ почтеніи, съ которымъ честь имѣю быть вашимъ покорнѣйшимъ слугой А. Бородинъ.

74. Къ ней же.

Звенигородъ (Москов. губ.), 15-го сентября 1884 г.

Милостивая государыня! Только теперь, въ этомъ маленькомъ уголкѣ нашего обширнаго отечества, получилъ я драгоцѣнное посланіе, которымъ вы меня почтили. Постоянные переѣзды мои помѣшали мнѣ получить его до сихъ поръ. Было бы совершенно естественно, еслибъ я началъ это письмо съ извиненій и выраженій благодарности. Но всѣ глаголы, всѣ прилагательныя, всѣ „превосходныя степени“, которыя употребляются въ подобныхъ случаяхъ,—недостаточны для того, чтобы выразить вамъ мою признательность. Я въ правѣ гордиться, я польщенъ и тронутъ тѣмъ избыткомъ доброты, съ которой вы относитесь ко мнѣ. Что касается вопроса объ „установленіи границъ“, то я тутъ ни причемъ, такъ какъ я начинаю съ того, чѣмъ кончаетъ мой другъ, Ц. Кюи: я почитаю себя счастливымъ, что принужденъ сдаться предъ властью, столь же для меня

лестною, какъ и великодушною. У меня то преимущество передъ моимъ другомъ, что я не инженеръ, и такимъ образомъ отъ этого не пострадаютъ никакія укрѣпленія. Наконецъ, что̀ можетъ быть разумнѣе и удобнѣе, какъ сдаться предъ женщиной умной и сердечной, которая желаетъ вамъ добра, и доброта которой безгранична!

И такъ, я спѣшу сдаться „auf Gnade und Ungnade“, какъ говорятъ нѣмцы, тѣмъ болѣе, что Ungnade вещь невозможная.

Очень благодарю васъ за присылку перевода моихъ романсовъ. Я нахожу его вполнѣ удачнымъ, за исключеніемъ, можетъ быть, перевода „Фальшивой ноты“, въ которомъ, какъ вы справедливо замѣтили, г. Колленъ (m-r Collin) не воспользовался идеей диссонанса, идеей, которая послужила основаніемъ для музыкальной иллюстраціи текста. Тутъ дѣло не въ томъ, что „женщина, увѣряя въ любви, скоро измѣнила“, и не въ томъ, что „значитъ, любовь была лишь сонъ пустой“. Нѣтъ, дѣло-то въ томъ, что „и въ рѣчи и въ сердцѣ у ней“ постоянно звучала эта „фальшивая нота“, этотъ диссонансъ, который она отлично „понимала“. Можетъ быть можно попросить m-r Collin исправить переводъ, придерживаясь этой идеи диссонанса, безъ чего постоянное Fa („фальшивая нота“), вокругъ которой сгруппированы постоянно-измѣняющіяся гармоніи, теряетъ всякое значеніе, и главный эффектъ всей пьесы былъ бы совершенно потерянъ. Заглавіе же „Диссонансъ“ я нахожу вполнѣ подходящимъ.

Что касается до музыкальныхъ издателей и лавочниковъ, то можно сказать, что если лавочники никогда не дѣлаются издателями, то издатели почти всегда становятся лавочниками. Впрочемъ, нельзя и осуждать ихъ за это: они прежде всего торгаши. Я думаю, что мнѣ удастся уладить дѣло съ моимъ издателемъ, выпустивъ, напримѣръ, новое изданіе съ русскимъ и французскимъ текстомъ.

Меня очень радуетъ, что вамъ понравились отрывки изъ моей оперы, и при первомъ вашемъ требованіи я обязуюсь

выслать вамъ партитуру и отдѣльныя оркестровыя партіи. Точно также радуетъ меня то, что вы одобряете мою мысль сдѣлать „Море“ для баса (съ оркестромъ); переложеніе для оркестра уже готово у меня.

Я пріятно изумленъ тѣмъ, что первой моей симфоніи вы предпочитаете вторую. Это рѣдкость! По большей части, въ Европѣ, предпочитаютъ первую, на которой лежитъ болѣе европейскій отпечатокъ и которая представляетъ болѣе интереса въ смыслѣ работы, контрапунктна и всѣхъ тѣхъ махинацій, которыя слывутъ за „серьезный родъ“.

Раздѣляя вполнѣ ваши мнѣнія относительно устройства концерта, который вы хотите дать этой зимой, и относительно всѣхъ трудностей, которыя придѣтся преодолѣть,— я взялъ на себя смѣлость посовѣтовать г. Жадулю сначала исполнить въ Люттихѣ не вторую, а первую симфонію, чтобы не напугать слишкомъ публику и чтобы намъ лучше посчастливилось. Первая симфонія исполнялась съ большимъ успѣхомъ въ большихъ концертахъ „Fest-concerte des Allgemeinen Deutschen Musikvereins“ (Tonkünstlerversammlungen) въ Баденѣ (1882), въ Лейпцигѣ (1882) и въ Дрезденѣ (1883); нынче зимою ее исполнятъ въ Ростокѣ. Нѣмецкіе критики: Рихардъ Поль (авторъ музыкальныхъ монографій о Листѣ и Вагнерѣ), Лангхансъ и др. высказали много лестнаго объ этой 1-й симфоніи. Францъ Листъ ее очень любитъ и ему, главнымъ образомъ, я обязанъ ея успѣхомъ въ Германіи.

Что касается „вещей, хранящихся въ моемъ портфелѣ“, то я поищу, но сильно сомнѣваюсь, что найду между ними что-нибудь достойное васъ.

Примите, м. г., самый почтительный привѣтъ отъ искренно преданнаго вамъ А. Бородина.

75. Къ К. С. Бородиной.

С.-Петербургъ, 16-го октября 1884 г.

Голубушка, дорогая моя! Прости, что не писалъ тебѣ помедленно послѣ твоего письма... Объ насъ грѣшныхъ, писать много не буду теперь, ибо очень поздно, половина втораго, а всталъ я рано, и встану рано завтра: ѣдемъ всѣмъ составомъ Совѣта Общества охраненія народнаго здравія представиться нашему августѣйшему почетному предсѣдателю, великому князю Павлу Александровичу...

Меня одолѣли музыканты и пѣвцы. Веревкина выпросила „Кончаковну“ и „Таракана“ *); Бичурина взяла слово, что напишу его къ концерту. Графиня одолѣваетъ; Дурачокъ одолѣваетъ. Партіи квартета готовы и его будутъ играть въ Парижѣ. Корсинька стонетъ, Глазуновъ стонетъ, Людмила стонетъ. Наконецъ и мнѣ не остается ничего больше, какъ стонать. А тутъ „дѣла“ одолѣваютъ въ конецъ; просто времени нѣтъ. Бѣда, да и только! Ну—спите... Прощай, милка, цѣлую крѣпко и обнимаю.

76. Къ графинѣ де-Мерси Аржанто.

С.-Петербургъ, 17-го октября 1884 г.

Милостивая государыня! Когда я писалъ вамъ послѣдній разъ—у меня въ рукахъ былъ только листочекъ, написанный вами и содержащій мои три романса (текстъ и голосъ). По пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ, я былъ сильно и пріятно удивленъ, найдя у себя „Спящую Княжну“, а потомъ, у друга моего, Ц. Кюи, всѣ мои романсы и три отрывка изъ „Игоря“—въ переводахъ. Право, вы меня совсѣмъ избалуете вашею добротою. Нужно ли мнѣ еще повторять, что всѣхъ обычныхъ словъ, взятыхъ вмѣстѣ, мало для того, чтобы выразить мою благодарность. Надо ли мнѣ говорить вамъ, что

*) Романсъ: „У людей-то въ дому“ (на слова Некрасова). В. С.

и радость моя при видѣ вашихъ прекрасныхъ переводовъ была такъ же велика, какъ и мое удивленіе. И какъ вы хорошо сдѣлали, переводя многое прозой или нерифмованными стихами! Мнѣ кажется, что желаніе переводить стихотворенія непремѣнно рифмованными стихами—главная причина того, что переводчики жертвуютъ идеей для формы и интересами музыкальнаго искусства—для интересовъ литературной формы. Почти невозможно воспроизвести текстъ на иностранномъ языкѣ такъ, чтобы слова вполнѣ согласовались съ музыкой. Къ тому же большинство переводчиковъ недостаточно хорошіе музыканты, для того чтобы преодолѣвать эти трудности.

Что касается текста произведеній древне-русской народной поэзіи, то онъ всегда представляетъ стихи безъ рифмъ, точно такъ же, какъ у древнихъ грековъ и римлянъ.

Я восхищаюсь вашимъ умѣньемъ соединять въ одно гармоническое цѣлое характеръ всего произведенія, и слова, и музыку. Право, это чудесно! Что меня особенно поражаетъ—это переводъ басовой аріи, когда примешь во вниманіе громадныя трудности, происходящія отъ неправильнаго и страннаго ритма восточной мелодіи, который безпрестанно мѣняется, который не представляетъ ничего общаго съ нашими музыкальными привычками. Переводъ вашъ, не подстрочный и подчасъ весьма вольный, очень часто гораздо выше русскаго текста. Напримѣръ, на стр. 8-й ханъ говоритъ о мечѣ предковъ: „sa lame est fine et sûre; ceux qu'il frappe ne se lèvent pas"; или въ концѣ: „coeur de pierre, comment faut-il donc t'attendrir?" Это гораздо лучше, чѣмъ у меня; это характерно, сильно, энергично!

Сколько поэзіи во французскихъ словахъ каватины! Сколько въ нихъ чувства, нѣжности! Это великолѣпно! А наглый цинизмъ князя-кутилы, высказывающаго всю свою безнравственность съ возмутительной откровенностью, но не безъ щегольства и съ капелькой иронія? Этотъ типъ очень удался! Здѣсь рифмованные стихи вполнѣ соотвѣт-

ствуютъ нѣкоторой банальности самого дѣйствующаго лица и мелодіи, лишенной поэзіи и чувства. Въ этихъ стихахъ есть и шикъ, и сила, и развратъ—все что нужно для субъекта въ родѣ князя Владиміра.

„Фальшивая нота“ („La dissonance“) въ своемъ теперешнемъ видѣ безупречна и великолѣпна. Но мнѣ все-таки кажется, что лучше было бы начинать не словомъ: „Hélas!“, а словомъ „chérie“, „mignonne“, „ma belle“, „ma chère“, и т. п. Что вы скажете на это? Вѣдь правда? „Hélas“—это просто междометіе и не опредѣляетъ лица, къ которому относится, и его нельзя пропѣть такъ хорошо, какъ слова „chérie“, „mignonne“ и т. п. Впрочемъ, вы это лучше меня знаете, и я прошу извиненія въ томъ, что позволилъ себѣ этотъ маленькій совѣтъ.

Въ другихъ переводахъ тоже встрѣчаются кое-гдѣ вещи, которыя, какъ мнѣ кажется, не совсѣмъ удались, и—прошу еще разъ простить мнѣ это—я позволю себѣ указать ихъ. По большей части это выраженія, несоотвѣтствующія эпохѣ (1185—1187 г.), или національности (Южная Русь, половецкія степи) и т. д.

Въ басовой аріи князя Владиміра надо, по-моему, сдѣлать слѣдующія поправки:

на стр. 1-й и 3-й разстановить слова такъ, какъ это указано, для болѣе естественной декламаціи. На стр. 3-й фраза: „ah, qu'on me donne un jour seulement ma jument géorgienne Poultiva!“ должна быть замѣнена слѣдующей: „Ah, qu'on me donne un jour seulement être prince à Poutivl!“ Очевидно, что въ переводъ вкралась ошибка изъ-за выраженія „сѣсть княземъ на Путивлѣ“—слово, котораго нельзя было найти въ лексиконѣ. „Сѣсть княземъ“—древне-русское выраженіе, означающее „сдѣлаться правящимъ государемъ, полновластнымъ властелиномъ“ въ какомъ-нибудь городѣ или странѣ. Путивль былъ городокъ въ княжествѣ Сѣверскомъ, гдѣ Игорь и былъ такимъ властителемъ. Вмѣсто „Poultiva!“ надо просто поставить восклицаніе „Ah!“

на стр. 4 выраженіе „ambroisie“ не годится; оно взято съ греческаго. Во времена Владиміра русскіе и понятія не имѣли объ этомъ напиткѣ; имъ были извѣстны вино, водка, пиво нѣкоторые другіе національные напитки: брага, медъ и т. д. Надо замѣнить слово „ambroisie“ какимъ-нибудь другимъ, болѣе подходящимъ къ эпохѣ и національности.

Музыкальная фраза: „Amis! versons à boire!“ выиграетъ, если вмѣсто этихъ словъ поставить: „Ça! ça! ça! buvons!“ такъ какъ эти mi-bemol должны браться съ акцентомъ, бравурно, съ возростающею силой, что̀ невозможно при слогахъ „a—mis ver—sons à boi—re!“

на стр. 6-й фраза „danseraient polkas et quadrilles“ не годится. Во времена Владиміра эти танцы были неизвѣстны. Можно было бы, сохраняя риѳмованные стихи, замѣнить эту фразу словами „m'amuseraient“ или „s'amuseraient aimables (или galantes), faciles“—что вполнѣ будетъ соотвѣтствовать всему остальному.

на стр. 7-й слово „morbleu!“ хорошо было бы замѣнить просто восклицаніемъ „Ah!“

Въ каватинѣ, вмѣсто фразы „Hélas! où es-tu?“ (на стр. 6-й) мнѣ бы лучше нравилась „Viens, ma belle“ (или „chérie“), что̀ было бы удобнѣе для пѣнія.

Въ аріи Хана я бы замѣнилъ слово „soldats“ словомъ „amis“ (стр. 5-й), такъ какъ русское слово дружина означало собраніе свободныхъ и благородныхъ воиновъ, которые были и придворными, и составляли военный совѣтъ князя, и пировали съ нимъ,—они были въ родѣ рыцарей, но у нихъ не было ни земель, ни жалованья.

на стр. 8-й во фразѣ „ce glaive sacré des rois, mes ancêtres“ лучше слово „rois“ замѣнить словомъ „khans“, такъ какъ у этихъ восточныхъ варваровъ не было царей.

на стр. 11-й фраза „veux-tu la perle“ и т. д. по-моему выиграетъ отъ предлагаемаго измѣненія, но, пожалуй, трудно будемъ атакировать эту ноту. Что вы на это скажете?

Въ „Спящей Княжнѣ“, на стр. 3-й не можетъ быть допу-

щено слово „satyres“; это слово взято съ греческаго, а тутъ идетъ рѣчь о существахъ въ родѣ домовыхъ (кобольдовъ), но населяющихъ лѣса. Выраженіе „bondi vers l'endormie“ и вся эта часть перевода, кажется мнѣ, неудачны. Въ музыкѣ тутъ, согласно съ русскимъ текстомъ „лѣсъ проснулся“, и всѣ тѣ фантастическія существа, которыми славянская миѳологія населяетъ лѣса, тоже проснулись и пронеслись надъ спящей княжной, которая одна остается погруженной въ глубокій сонъ и не слышитъ криковъ и хохота уносящагося роя. Въ музыкѣ crescendo, forte и diminuendo до pp является иллюстраціей этой пронесшейся стаи.

На стр. 7-й фразу „quand viendra le jour du réveil“ хорошо бы измѣнить такъ: „quand sonnera l'heure du réveil“, что будетъ вполнѣ соотвѣтствовать музыкѣ, подражающей въ этомъ мѣстѣ звукамъ колокола.

Въ „Отравой полны мои пѣсни“ я предпочелъ бы „perfide“ слову „o, femme“.

„Изъ слезъ моихъ выросло много“ могло бы назваться „Fleurs d'amour“ или, еще лучше, „larmes d'amour“, „plainte d'amour“. Что вы объ этомъ скажете?

„Морская царевна“—„Reine de la mer?“ или какой нибудь другой заголовокъ? На стр. 3-й лучше поставить „je t'attends“, вмѣсто „mon amant“, потому что вѣдь путникъ еще имъ не сдѣлался. Развѣ не правда?

Возвращаюсь еще разъ къ „Фальшивой нотѣ“: что вы скажете о поправкѣ на стр. 3-й?

Встрѣчаются и еще тамъ-и-сямъ кое-какія слова, которыя, какъ мнѣ кажется, не вполнѣ соотвѣтствуютъ музыкальному ритму, акценту и музыкальной декламаціи. Но не придавайте слишкомъ много значенія этому послѣднему замѣчанію; я совершенный невѣжда въ итальянской и французской манерѣ пѣнія и декламаціи, которыя совершенно непохожи на пѣніе и декламацію русскія и нѣмецкія. У насъ въ пѣніи нѣтъ ни e-muet французскаго, ни двухъ

гласныхъ, падающихъ на одинъ звукъ e-ie, какъ у итальянцевъ. Мы, когда поемъ, то сохраняемъ всѣ тѣ же ударенія, какъ въ разговорѣ. Будучи русскимъ, я ни за что-бы не написалъ такъ, чтобъ выходило: *le* jour s'*éteint* doucement; *du* ciel la *lu*eur ardente *se* fondant и т. д., *de* la forêt и т. д. (въ каватинѣ); или: s'agit-il *de* filets rompus, или *d'ép*erviers faibles, *d'oi*seau ne s'enlève и т. д. (въ аріи хана). Я бы написалъ такъ: le *jour* и т. д., du *ciel* la l*ueur* se fon*dant*, de la f*orêt;* de f*ilets*, d'éper*viers*, l'oi*seau* ne s'en*lève* и т. д. — Подчеркнутые слоги всегда означаютъ вездѣ удареніе, которое соотвѣтствуетъ всегда музыкальному акценту при русской манерѣ пѣнія.

Что касается монхъ издателей, то, конечно, они немного буржуазны, но оба (г. Бессель и г. Юргенсонъ) готовы сдѣлать изданіе спеціально съ французскимъ текстомъ, или со смѣшаннымъ текстомъ—какъ вы найдете лучшимъ.

Прошу извиненія за скуку, причиненную моими ужасными каракулями, и прошу васъ принять самый почтительный привѣтъ искренно-преданнаго А. Бородина.

77. Къ К. С. Бородиной.

С.-Петербургъ, 21-го октября 1884 г.

... Насчетъ „богадѣльни“ и ея порядка ты нехорошо сдѣлаешь, если разрушишь установившійся и, безъ сомнѣнія, полезный и разумный складъ жизни — установившійся самъ собою въ силу неиспорченныхъ гигіеническихъ инстинктовъ, не только убѣжденій... Всѣ мы отлично себя чувствуемъ, при этомъ здоровомъ и разумномъ складѣ жизни, единственномъ, при которомъ можно работать и поспѣвать всюду во-время. Ты уже не сердись, дружокъ, а я скажу тебѣ прямо: мнѣ теперь, право, не-подъ-силу становится нашъ безобразный обычай ложиться въ 3 и 4 часа. Я послѣднее время въ Павловѣ очень поиспакостился вслѣдствіе этого обычая. Потому повторяю, дружокъ, не сердись,

что я буду всѣми силами отстаивать „богадѣльню“, благодаря которой я опять пришелъ нѣсколько въ порядокъ...

За намѣреніе прислать письмо графини *)—спасибо; она мнѣ уже писала, что̀ я ей не отвѣчаю на то письмо? Она очень милая, хотя одолѣваетъ ужасно. Благодаря ея неугомонности, я теперь вступлю въ „Société des auteurs, compositeurs et éditeurs“. Общество это упрочиваетъ право авторской собственности. При выборѣ въ Общество требуются поручители—„parrains“—какъ ихъ называютъ. Она сама нашла мнѣ поручителей: Bourgault Du-Coudray (авторъ сборника испанскихъ пѣсенъ, откуда Глазуновъ заимствовалъ тему для „испанскихъ увертюръ“ **) и Сенъ-Санса.

Надняхъ исполняли въ Вервьѣ, въ Бельгіи, мою 1-ю симфонію: ее же скоро будутъ играть въ Льежѣ. Въ Парижѣ будутъ играть мой A-dur'ный квартетъ; Форъ, кажется, будетъ пѣть мое „Море“; пойдутъ нумера изъ „Игоря“. Здѣсь Веревкина будетъ пѣть, въ концертѣ Музыкальнаго Общества, мою „Кончаковну“, съ оркестромъ. У насъ въ Академіи образовался, съ разрѣшенія министра, свой оркестръ и хоръ. Университетскій оркестръ будетъ играть мою „Среднюю Азію“. Бичурина взяла съ меня слово, что я напишу ей что-нибудь къ оперному концерту. Веревкина въ своемъ концертѣ будетъ пѣть моего „Таракана“. Главачъ въ Павловскѣ игралъ „Среднюю Азію“ и хотѣлъ играть 1-ю симфонію, но не состоялось это по случайному обстоятельству. Вообще моя музыкальная дѣятельность достигаетъ даже до высшихъ сферъ. Недавно мы, члены Совѣта Общества охраненія народнаго здравія, представлялись великому князю Павлу Александровичу, нашему почетному предсѣдателю Общества. Великій князь, между прочимъ, наговорилъ мнѣ разныхъ любезностей по поводу

---

*) Графини де-Мерси-Аржанто. В. С.

**) Это ошибка. Сборникъ—новогреческихъ пѣсенъ; двѣ увертюры А. К. Глазунова—на новогреческія темы. В. С.

моей музыки и сообщилъ, что любитъ и поетъ мои вещи. Будь здорова, голубка моя. Твой А. Бородинъ.

78. Къ графинѣ де-Мерси Аржанто.

С.-Петербургъ, 22-го октября 1884 г.

Милостивая государыня! Прежде всего безконечно благодарю васъ за то, что вы извѣстили меня объ успѣхѣ моего сочиненія. Большой успѣхъ (le beau succès) оно имѣло въ Парижѣ, безъ сомнѣнія, благодаря вашему вліянію и авторитету въ тамошнихъ артистическихъ кружкахъ, и благодаря прекрасному исполненію г. Ламурё. Благодарю васъ также за ваши хлопоты относительно принятія моего въ Общество Авторовъ (Société des Auteurs). Мой другъ Ц. Кюи сообщилъ мнѣ необходимыя свѣдѣнія, и я сдѣлаю все, что требуется съ моей стороны. Мнѣ не хватаетъ только „воспріемниковъ". Я позволю себѣ обратиться опять къ вамъ же: сдѣлайте мнѣ милость, найдите мнѣ ихъ. Вы видите, я сильно злоупотребляю вашею добротою.

Двѣ съ половиною строчки вашего драгоцѣннаго писанія произвели на меня почти то же впечатлѣніе, какъ тѣ три извѣстныя слова, по разсказу Ветхаго Завѣта, обращенныя къ Валтасару. Къ моему счастію, получилъ вашу маленькую записочку отъ 13-го октября уже послѣ того что отправилъ свое письмо. Значитъ, у меня то преимущество предъ бѣднымъ Валтасаромъ, что для меня существуетъ это „смягчающее вину обстоятельство". Впрочемъ, я совершенно заслужилъ ваши двѣ съ половиной строчки и долженъ искупить свою вину. Медленность моей переписки дошла до послѣднихъ предѣловъ. Послѣ такого смѣлаго заключенія, я смѣло признаюсь вамъ, что въ перепискѣ я самый несносный и неисправимый человѣкъ. Позвольте мнѣ сказать это вамъ совершенно откровенно и берите меня такимъ, каковъ я есть. Еслибъ мнѣ надо было отвѣчать на ваши двѣ съ половиной строки—я бы могъ сдѣлать только слѣ-

дующую перифразу: „Какъ, однако же, хорошо прощать тѣмъ, кто... этого не заслуживаетъ...“ Это по-христіански. Это по Новому Завѣту. Еще разъ взывая къ вашему прощенію и поблагодаривъ васъ еще разъ, прошу васъ принять мой самый дружескій привѣтъ. Вамъ искренно-преданный А. Бородинъ.

79. Къ ней же.

С.-Петербургъ, 23-го октября 1884 г.

Милостивая государыня! Уже послѣ отправки послѣдняго моего письма, гдѣ я просилъ васъ сдѣлать мнѣ одолженіе—найти мнѣ „крестныхъ“, необходимыхъ для принятія моего въ Общество Авторовъ,—я получилъ письмо отъ моего друга Ц. Кюи, который сообщаетъ мнѣ о вашемъ согласіи на то, чтобы я просилъ гг. Сенъ-Санса и Бурго-Дю кудрэ быть моими воспріемниками. Искренно благодарю васъ за вашу крайнюю доброту и беру на себя смѣлость переслать вамъ три прилагаемыхъ письма, а также шесть пьесъ, необходимыхъ для того, чтобы меня приняли въ Общество Авторовъ.

Извините меня за безпокойство, которое я вамъ причиняю, и примите мой почтительный, привѣтъ. Искренно вамъ преданный А. Бородинъ.

80. Къ ней же.

С.-Петербургъ, 6-го ноября 1884 г.

До моей „капитуляціи“ я начиналъ мои письма словомъ „Графиня“; послѣ капитуляціи просто словомъ „Милостивая государыня“. Теперь я начинаю еще проще: „До моей и т. д.“ Я вполнѣ правъ, поступая такъ, потому что для меня вы болѣе ни „Графиня“, ни Madame“. Вы для меня приблизительно то же, что ангелъ-хранитель для плохого христіанина, которому онъ необходимъ, чтобы идти по пути

снасенія, или то же, что добрая волшебница въ дѣтскихъ сказкахъ для принца (обыкновенно ужаснаго дурака). Какъ настоящая добрая волшебница, вы совершаете чудеса доброты; какъ настоящій принцъ изъ дѣтской сказки, я только и дѣлаю, что подбираю дары, сыплющіеся на меня съ неба, и доставляю вамъ всевозможныя, какъ вы знаете, непріятности моимъ поведеніемъ, которое не всегда-то безупречно. Значитъ, мнѣ ничего болѣе и не остается дѣлать, какъ благодарить васъ и извиняться.

Но на этотъ разъ, отбросивъ уже „Графиню“ и „Милостивую государыню“, я отброшу также въ сторону и мои благодарности и извиненія. Еслибъ я захотѣлъ выразить вамъ мою признательность,—которую вы заслуживаете,—и просить прощенія, — котораго я не заслуживаю, — такъ и конца бы этому не было и все это только еще болѣе наскучило бы вамъ. Оцѣните мою искренность, запишите меня въ разрядъ неисправимыхъ рецидивистовъ и берите меня такимъ, каковъ я есть. Высказавъ все это, я храбро признаюсь во всѣхъ моихъ преступленіяхъ.....

Вы мнѣ говорите: „Такъ какъ вы хотите издавать въ Петербургѣ, а не въ Парижѣ...“ Я и не могу поступить иначе: я долженъ соблюдать права моихъ издателей. Я постараюсь уладить дѣло съ моими издателями, чтобы тотчасъ же сдѣлать новое изданіе съ французскимъ текстомъ. У кого будетъ складъ изданія и какъ велико оно должно быть? Скажите! Все, что вы говорите насчетъ газетъ „враждебныхъ державъ“ и насчетъ публики, которая вездѣ наивна (serin) — все это вещи давно извѣстныя. Это прискорбно, но что же дѣлать? Надо относиться къ этому по-философски. Только бы все это не причиняло вамъ слишкомъ много безпокойства.

А что касается моей оперы „Князь Игорь“, то тутъ вышло какое-то недоразумѣніе. Я не помню, чтобы я обѣщалъ вамъ оркестровую партитуру всей оперы. Это невозможно: опера еще не кончена и существуетъ только въ

черновыхъ наброскахъ. Инструментованы только отрывки, исполнявшіеся въ концертахъ. Если я написалъ что-нибудь подобное, то значитъ, я выразился неясно. Вѣроятно, я хотѣлъ сказать, что могу выслать вамъ, въ случаѣ надобности, партитуру и отдѣльныя оркестровыя партіи этихъ трехъ отрывковъ, которые уже есть у васъ для пѣнія съ фортепіано. Меня очень огорчаетъ все это, но все-таки я не могу прислать вамъ всей оперы. Я буду очень счастливъ, если мнѣ можно будетъ послать вамъ еще нѣсколько отрывковъ, изъ которыхъ одни наинструментованы, а другіе—нѣтъ. Но я долженъ дать переписать ихъ. Ради Бога, не сердитесь на меня за это!

Про вторую симфонію я тоже не помню, чтобъ я обѣщалъ вамъ партитуру и оркестровыя отдѣльныя партіи. Мнѣ кажется, я совѣтовалъ вамъ исполнить 1-ю симфонію по извѣстнымъ вамъ причинамъ. Кромѣ того, г. Жадуль говоритъ въ одномъ изъ своихъ писемъ ко мнѣ: „по зрѣломъ размышленіи, обсудивъ это дѣло, прошу прислать мнѣ партитуру и оркестровыя партіи ми-бемольной симфоніи“. Я былъ въ правѣ предположить, что эти „обсужденія и размышленія“ исходили отъ васъ. Я и думалъ, что, выславъ въ Люттихъ свою 1-ю симфонію, я исполнялъ ваши приказанія. Но вѣдь все это еще легко поправимо, если только г. Ламурё не слишкомъ будетъ требователенъ къ оркестровымъ партіямъ, которыя недостаточно чисты. Было бы слишкомъ долго все переписывать; я предпочитаю отправить вамъ партитуру въ томъ видѣ какъ есть (и, конечно, также отдѣльныя партіи). И такъ, относительно „Игоря“ и 2-й симфоніи я объявляю себя чистымъ отъ всякаго преступленія и невиннымъ, какъ новорожденный младенецъ.

Что же касается до „Моря“ съ оркестромъ!... Увы! я краснѣю... Говорятъ, что грѣхъ, въ которомъ покаешься, уже на половину прощенъ. Ну, такъ я каюсь, безхитростно, на манеръ Ж.-Ж.-Руссо. Партитура была кончена въ сентябрѣ.

Я хотѣлъ уже выслать ее. Но прежде чѣмъ исполнить это, я подвергъ ее послѣднему просмотру. Я остался недоволенъ ею. Я нашелъ, что инструментовка бѣдна и неэфектна, такъ какъ ради удобства для голоса я написалъ оркестровку ужъ слишкомъ скромную. Къ тому же, для оркестровой вещи пьеса была слишкомъ коротка. Однимъ словомъ, пьеса эта никуда не годилась. Я долженъ былъ уѣзжать, времени у меня болѣе не оставалось, чтобы вновь приниматься за этотъ трудъ. По пріѣздѣ въ Москву, а потомъ въ Петербургъ, я былъ поглощенъ всѣми своими обязанностями. Къ тому же, у меня спѣшныхъ дѣлъ по горло. Что прикажете дѣлать? Это очень дурно, это очень глупо!—отлично понимаю это!—но мнѣ все-таки остается одно: просить вашей милости и прощенія. Я хочу немного передѣлать эту пьесу. Я не хочу оркестровать ее въ томъ видѣ, какъ она написана для голоса съ аккомпанементомъ фортепіано; мнѣ бы лучше хотѣлось сдѣлать нѣчто въ родѣ переложенія для оркестра, прибавивъ маленькую интродукцію и т. п. Это я и сдѣлаю при первомъ удобномъ случаѣ. Да послужитъ исчисленіе моихъ „достоинствъ“ (въ письмѣ моемъ къ предсѣдателю), въ соединеніи со столькими же обязанностями, поглощающими мое время самымъ безжалостнымъ образомъ, да послужитъ оно мнѣ „смягчающимъ вину обстоятельствомъ. Ахъ, „Море!“ „Море!“ зачѣмъ я только сочинилъ его!

Вотъ вамъ поводъ, чтобы „топать ногами“. Это было мое первое преступленіе. Теперь идетъ второе, хуже перваго! а слѣдовательно и новое, откровенное и искреннее, покаяніе. Вы просите у меня все, что вы нашли въ каталогѣ моихъ произведеній. Я перечислилъ всѣ пьесы, которыя я сочинилъ, такъ какъ меня просили. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы все это положить у вашихъ ногъ. Большинство этихъ пьесъ не заслуживаетъ и того, чтобы ихъ переписывать. Пощадите мое самолюбіе и не просите ихъ у меня. Я слишкомъ дорожу вашимъ мнѣніемъ и не хочу

предстать предъ вами въ дурномъ видѣ (en laid). Всѣ эти сонаты для фортепіано съ флейтой, или съ віолончелью, всѣ эти тріо — написаны Богъ знаетъ когда и недостойны вашего вниманія. Это маленькіе грѣхи моей юности, пьесы, написанныя на какой-нибудь случай и все болѣе или менѣе негодныя. Нѣтъ! я не пришлю ихъ! Да къ тому же я ужъ и не знаю, гдѣ и розыскивать-то ихъ! Лучше наговорите мнѣ опять „грубостей“. Я ихъ, въ самомъ дѣлѣ, заслужилъ!

Вы говорите: „какія необыкновенныя существа вы всѣ тамъ, въ вашихъ льдахъ“. Вы должны были бы сказать: „Какіе вы всѣ чудаки“. И вы были бы правы! Да, мы чудаки, мы смѣшны! Но вы, вы ангелъ доброты, вы все съумѣете понять и все простить. Не правда ли?

Если вы хотите, чтобы Форъ пѣлъ „Море“, то его надо переложить въ тонъ fa-mineur, или fa-dièze-mineur: Mi-mineur былъ бы слишкомъ низокъ для баритона.

Вы такъ добры, что совѣтуете мнѣ исправить ваши переводы,—слишкомъ много чести для меня, и я лучше останусь „coeur de pierre“, какъ Игорь, чѣмъ сдѣлаю это! Я уже говорилъ вамъ, что я слишкомъ плохъ во французскомъ языкѣ (было бы излишне доказывать это—вы сами видите). Такъ неужели же я совершу подобное святотатство?!—Какъ я уже объяснялъ вамъ, дѣло въ томъ, что у насъ декламація и пѣніе тоническія, тогда какъ у васъ они силлабическія. Вы находите, что ударенія на le jour, de filets, d'épervierѕ и т. д.—отвратительны и ужасны, но вѣдь ихъ вполнѣ слѣдуетъ допустить, такъ какъ это самое вы найдете во всѣхъ французскихъ операхъ, вообще во всей французской вокальной музыкѣ. Значитъ, это не можетъ быть погрѣшностью. Что же касается до „невозможности для васъ разстановить французскія слова съ должнымъ удареніемъ надъ нотами, придерживаясь ихъ ритма и обращенія (inversion), то вы напрасно стѣснялись. Вы хорошая музыкантша, у васъ есть вкусъ—вы во всякомъ случаѣ всегда

сдѣлаете это лучше, чѣмъ вашъ покорный слуга, впрочемъ инвалидъ. Впрочемъ, попробую исправить (?!)—единственно чтобы повиноваться вамъ. Кромѣ того, передамъ вамъ и поправки, сдѣланныя нашимъ другомъ Ц. Кюи, который (не смотря на всѣ невѣрно-употребленныя „условныя“ и всѣ неудачныя „согласительныя наклоненія“), все-таки превосходитъ меня въ этомъ дѣлѣ. Это очень мило съ его стороны, что онъ просмотрѣлъ и исправилъ мнѣ кое-что въ кавatинѣ и въ басовой аріи. Я пришлю вамъ всѣ эти поправки вмѣстѣ съ нотами. Господи Боже мой!.. Я позабылъ покаяться еще въ одномъ преступленіи, въ преступленіи неменьшемъ, чѣмъ предыдущія. Вы благодарите меня за мое согласіе издать „трехъ Игорей“ съ французскимъ текстомъ. Честное слово, не помню, чтобъ я говорилъ что-нибудь относительно этихъ отрывковъ. Кажется, что рѣчь была только о романсахъ. Но если вы находите это необходимымъ—это легко сдѣлать, такъ какъ относительно изданія этихъ „трехъ Игорей“ я ничѣмъ не связанъ съ моими издателями. Хотите вы, чтобы это было сдѣлано во Франціи—я къ вашимъ услугамъ! Я хотѣлъ бы только сохранить право располагать по своему усмотрѣнію полной оперой. Я не знаю издательскихъ правъ во Франціи, ни того, какъ слѣдуетъ поступать въ подобномъ случаѣ. И такъ, разъ вы мой ангелъ-хранитель, моя добрая волшебница—приказывайте, и я повинуюсь.

Кажется, я покаялся во всѣхъ моихъ преступленіяхъ. Нѣтъ, еще остается одно! Вы мнѣ пишете: „Есть одна вещь, которой мнѣ очень хочется, которая составляетъ предметъ самыхъ честолюбивыхъ моихъ мечтаній—отгадайте же!“...

Вотъ сфинксова загадка, которую вы мнѣ задали! Если вы непремѣнно хотите походить на сфинкса—фантастическое животное съ головою женщины—то мнѣ остается только смиренно сознаться въ моемъ сходствѣ съ Мидасомъ—человѣкомъ съ ослиными ушами. Да, я виноватъ въ томъ, что я не Эдипъ. Это мое послѣднее преступленіе.

Лучше скажите мнѣ, что вамъ угодно. Для того, чтобы придать вамъ мужества, я откровенно скажу вамъ, чего я хочу: позвольте мнѣ посвятить вамъ пьесу для фортепіано. Но будьте снисходительны, такъ какъ я не піанистъ. Вы спросите меня; почему же именно фортепіанную пьесу?— Это потому, что я честолюбивъ и немного ревнивъ; я хочу, чтобы эта пьеса исполнялась вами одною, безъ участія кого бы то ни было—пѣвца или дирижера. Позвольте мнѣ этотъ маленькій капризъ, и окажите мнѣ эту милость! Вамъ искренно и сердечно-преданный другъ Цезаря Кюи А. Бородинъ.

81. Къ ней же.

С.-Петебургъ, 18-го января 1885 г.

Дорогая мамаша крестная! Безконечно благодарю васъ за прелестныя три съ половиной строчки и за коллекцію статей, относящихся до русскаго концерта. Мой другъ Ц. Кюи передалъ мнѣ подробности, которыя онъ знаетъ отъ васъ. Откровенно говоря, я не ожидалъ подобнаго успѣха. Конечно, я не зналъ, какъ дѣло стоитъ въ Люттихѣ. Но мнѣ всегда казалось рискованнымъ дать концертъ исключительно русскій. Тѣмъ лучше! Поздравляю съ этимъ васъ, такъ какъ это дѣло рукъ вашихъ, дорогая крестная; ваши крестники тутъ ни причемъ (особенно вашъ покорный слуга—самый лѣнивый изъ крестниковъ!) Ну, скажите, развѣ я былъ неправъ, сравнивъ васъ съ доброй волшебницей, а себя—съ дурачкомъ-принцемъ, являющимся въ дѣтскихъ сказкахъ? Поймите, что громадный, неожиданный успѣхъ долженъ быть приписанъ вашему усердію, вашему умѣнью все устроить, вашему авторитету и вліянію въ свѣтѣ, въ музыкальныхъ кружкахъ, въ печати. Добрый г. Жадуль много содѣйствовалъ успѣху въ качествѣ дирижера; я и написалъ ему маленькую записочку, которой, я надѣюсь, онъ останется доволенъ. Что же касается русской музыки, то

она не такова, чтобы содѣйствовать успѣху. Я очень счастливъ тѣмъ, что она хоть не компрометировала васъ. Мы, русскіе, „mangeurs de chandelles“, „бѣлые медвѣди“ и т. д., мы слишкомъ долго являлись заграницей въ качествѣ потребителей, чтобы быть тамъ на мѣстѣ въ качествѣ производителей. Предразсудки противъ русскихъ произведеній очень сильны и ихъ очень трудно побѣдить, особенно въ области искусства. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ надо имѣть талантъ, чтобы оцѣнить прекрасное и оригинальное,—душу—чтобы желать побѣдить предразсудки, умъ, чтобы съумѣть сдѣлать это. Благодаря счастливой случайности, въ васъ соединяются всѣ эти три элемента въ удивительномъ количествѣ—и въ этомъ-то вся тайна успѣха вашего концерта.

А что касается моихъ „преступленій“ и „рецидивовъ ихъ“, я надѣюсь, что теперь я буду не такъ виновенъ. Я написалъ для васъ четыре пьесы, которыя я буду имѣть честь въ скоромъ времени представить вамъ. Относительно же второй симфоніи—не найдете ли вы, что лучше будетъ не переписывать ее? А то это возьметъ много времени,—да къ тому же вѣдь скоро ее будутъ и печатать. Для чего же переписывать? Еслибъ г. Радю *) захотѣлось тотчасъ же получить ее—ссудите ему оригиналъ, который я отправлю къ вамъ. Во всякомъ случаѣ я напишу ему словечко.

Ради Бога, пришлите мнѣ басовую арію князя Владиміра съ исправленнымъ французскимъ текстомъ.

Въ качествѣ преданнаго и благодарнаго крестника, почтительно цѣлую ваши обѣ ручки, которыя вы пока еще не отняли.

---

*) Директоръ консерваторіи въ Люттихѣ. В. С.

82. Къ ней же.

С.-Петербургъ, 28-го января 1885 г.

Дорогая, дорогая крестная, ...
. . . . . .
. . . . . .

вамъ искренно-преданный крестникъ А. Бородинъ.

P. S. Прошу извиненія, что я пропустилъ весь текстъ письма. Я сдѣлалъ это изъ предосторожности, чтобы отнять у васъ всякую возможность отыскивать въ немъ новыя мои преступленія, въ которыхъ вы изволили обвинить меня. Какъ?! Я—невинный, аки голубка, наивный аки пастушка, я обвиненъ въ томъ, что я ужаснѣйшій льстецъ (terrible-ment câlin et enjoleur). Какой ужасъ! И знать, что я терплю подобную несправедливость изъ-за междометія! Это ужъ слишкомъ! Я очень сожалѣю, что получилъ ваше послѣднее письмо уже послѣ того, какъ отправилъ свое. Если, читая его, вы случайно наткнетесь на какую-нибудь... лесть...— возьмите скорѣе перо и вычеркните такое компрометирующее выраженіе! Какъ бы то ни было, а это очень зло! Мнѣ бы очень хотѣлось поздравить васъ съ успѣхомъ второго концерта, выразить вамъ мою радость по поводу этого успѣха, мою искреннюю признательность той, которая была его „двигающей силой“ (надѣюсь, что выраженіе, употребляемое въ механикѣ, свободно отъ лести!) Теперь я уже не дерзаю говорить всего этого! И такъ, съ лестью покончено! Давайте говорить о дѣлахъ!

Посылаю вамъ вторую симфонію—партитуру и отдѣльныя оркестровыя партіи; а также оркестровыя партіи для „трехъ Игорей“. Въ скоромъ времени я пришлю вамъ переписанныя партитуры для этихъ трехъ отрывковъ. Въ оркестровыхъ партіяхъ басовой аріи Владиміра Галицкаго заключается также сопранная арія (Ярославны, жены Игоря— нѣчто въ родѣ Пенелопы). Когда вы захотите исполнять басовую арію, надо будетъ всегда предупреждать дирижера,

что въ отдѣльныхъ оркестровыхъ партіяхъ заключается еще отрывокъ (предшествующій басовой аріи).

Посылаю вамъ письмо на имя г. Радю; прочтите его, и, въ случаѣ одобренія съ вашей стороны, благоволите передать его г. Радю.

Пока я писалъ это, мнѣ принесли ваше послѣднее письмо. Не смотря на мое правило: „никогда не дѣлать сегодня того, что можно отложить до завтра“ (кто вамъ сказалъ, что это мое правило? я не помню, чтобы я признавался въ подобной вещи), и такъ, не смотря на это правило, я немедленно отправился къ Бесселю, чтобы разъяснить недоразумѣнія съ „тремя Игорями“. Оказывается, что произошло это не съ „Игорями“, а съ тремя отрывками изъ „Кавказскаго плѣнника“—моего друга Ц. Кюи. (Это, кажется, была ошибка приказчика г. Бесселя).

Что касается романсовъ и „трехъ Игорей“ съ французскимъ текстомъ—я уладилъ дѣло тоже немедленно. (Оцѣните по достоинству такую дѣятельность вашего крестника, дорогая крестная).

Относительно партитуры 2-й симфоніи спѣшу утѣшить васъ—вамъ нечего опасаться, у меня остается черновая, написанная карандашомъ. Еслибы партитура затерялась—всегда легко будетъ возстановить ее по черновой. Вамъ также нечего бояться того, что партитуру могутъ запачкать, истрепать, и я ужъ и не знаю что̀ еще!—Будьте покойны, дорогая крестная, партитура уже видала виды. Вы увидите въ ней много поправокъ, сдѣланныхъ и синимъ, и краснымъ, и чернымъ карандашомъ и т. д., и т. д.; она уже достаточно перепачкана, благодаря моимъ друзьямъ. Откровенно говоря, это мнѣ нужно бояться, что я посылаю вамъ такую непрезентабельную партитуру. Но не сто̀итъ ее переписывать, такъ какъ передъ тѣмъ, что печатать ее, я еще сдѣлаю въ ней много поправокъ, измѣненій—послѣ того что всю ее внимательно просмотрю еще разъ.

Держите ее у себя сколько угодно, такъ какъ еслибы

мнѣ она, можетъ статься, понадобилась—вы вѣдь всегда можете прислать мнѣ ее. Но я и не предвижу такой надобности.

Транскрипція моей „Средней Азіи“ и тронула, и восхитила меня. Какой прекрасный ребенокъ эта маленькая Жульетта Фальвилль! Вы пишете: „вы улыбнетесь“. И вы были правы. Но это была самая нѣжная улыбка—улыбка отца, которому устроили пріятный сюрпризъ. Ради Бога, поблагодарите за меня прелестную юную артистку, пожмите ея маленькую ручку и скажите ей, что я въ самомъ дѣлѣ въ восторгѣ. Если m-lle Фальвилль согласится, я бы переговорилъ съ моимъ издателемъ Ратеромъ о томъ, чтобы напечатать транскрипцію (въ виду того, что не существуетъ переложенія для двухъ рукъ).

Вы мнѣ пишете: „какой... вы медлитель мой, крестничекъ. Боже мой, Боже мой, какія у насъ были бы препирательства“, и т. д. Извините меня, но я позволю себѣ сказать, что въ томъ, что вы говорите, нѣтъ логики. (Вотъ ужъ это не лесть, я надѣюсь!) Посудите сами: вы, не будучи медлительницей, вы начали бы ссориться сегодня, но я, медлитель, вѣрный тому правилу, которое вамъ извѣстно, я бы отложилъ препирательство до завтра, и т. д. каждый день. Что бы вы тогда сдѣлали? Нѣтъ возможности ссориться въ одиночку. А что касается самаго слова медлитель (Lambin), то я имъ очень польщенъ, такъ какъ Ламбенъ (Денисъ) былъ ученый французскій комментаторъ, родившійся въ 1516 г. въ Монтрёйль сюръ-Меръ, умершій въ 1572 и преподававшій въ Коллежъ-де-Франсъ древніе языки. Чортъ возьми! это чего-нибудь да стоитъ! Что касается до его медлительности (или до моей медлительности)—это слишкомъ серьезный вопросъ; чтобы разбирать его въ концѣ письма. Я къ нему еще возвращусь. Искренно вамъ преданный А. Бородинъ—Ламбенъ младшій.

83. Къ ней же.

С.-Петербургъ, 14-го февраля 1885 г.

Дорогая крестная! Повинуясь вашимъ приказаніямъ, я сдѣлалъ необходимыя поправки въ басовой аріи князя Владиміра Галицкаго. Благодаря вамъ, дѣвицы черезчуръ „снисходительныя“ (faciles) сдѣлались просто „миленькими“ (gentilles), а „миленькія“—„хорошенькими“ (jolies). Партитуры „трехъ Игорей“ уже переписаны, внимательно просмотрѣны и исправлены. Бессель вамъ ихъ вышлетъ...

Ну, а относительно моихъ четырехъ пьесъ, дорогая крестная, увы! я краснѣю и прошу вашего снисхожденія...

Я не напишу вамъ также и фразы изъ квартета, такъ какъ и не знаю, о какой фразѣ вы говорите. Какъ бы то ни было, благодарю васъ за тѣ лестныя слова, которыя вы говорите объ этой фразѣ. Еслибъ я зналъ, что она вамъ понравится, я бы сохранилъ ее для васъ.

А мои сношенія съ чортомъ весьма просты: обыкновенно je fais le diable à quatre pour avoir le diable au corps и кончаю par m'en aller au diable. Конечно, я не голубка и не пастушка, но и не Макіавелли!

Я только что видѣлъ программу будущаго концерта. Вы творите чудеса, дорогая крестная. Если вы ужъ дѣлаете такъ много чести моему бѣдному малому—то исполните-ка его ужъ съ оркестромъ! Я бы хотѣлъ вполнѣ и искренно сказать вамъ многое—и ужъ не смѣю! Я умолкаю изъ боязни, что вы меня обвините въ томъ, что я льстецъ, Макіавелли, и я не знаю еще кто! Вотъ положеніе черт... Вашъ преданный крестникъ А. Бородинъ.

84. Къ графинѣ де-Мерси-Аржантò.

С.-Петербургъ, 24-го апрѣля 1885 г.

Моя дорогая крестная! Вы спрашиваете, чего я заслуживаю? и прибавляете: „по меньшей мѣрѣ четыре страницы „бранныхъ словъ“. Ахъ! еслибъ я только этого заслу-

живалъ! Напротивъ, я вполнѣ заслужилъ четыре страницы вашего прелестнаго письма, какъ всегда остроумнаго и сердечнаго; и эти-то четыре страницы и заставляютъ меня краснѣть отъ стыда (такъ какъ не смотря на все, я сохранилъ еще капельку совѣсти). Вовсе не въ „бранныхъ словахъ“, а именно въ этой амальгамѣ остроумія и сердечности и заключается истинное наказаніе для субъекта въ родѣ меня. Боже! сколько преступленій — въ прошломъ, въ настоящемъ и... я боюсь сказать... въ будущемъ!.. Да, въ будущемъ, такъ какъ это совершенно логическая, роковая неизбѣжность, непредотвратимая и неумолимая! Видите, дорогая крестная, хорошо я сдѣлалъ, что началъ съ того, что просилъ васъ „брать меня такимъ, каковъ я есть“. Конечно, это не очень-то лестно для меня, но это было откровенно и разумно. Сегодня я дерзаю просить васъ оказать мнѣ милость: любить меня такимъ, каковъ я есть. Это васъ ни къ чему не обязываетъ и все-таки это болѣе лестно для васъ: это вполнѣ согласуется съ положеніемъ доброй волшебницы относительно знаменитаго покровительствуемаго принца, который простачокъ, дуракъ, невыносимъ, причиняетъ постоянныя непріятности. Вы скажете: câlin, enjôleur (льстецъ). Ну, пускай! Я не хочу надоѣдать вамъ перечисленіемъ всѣхъ многочисленныхъ „смягчающихъ вину обстоятельствъ“, въ которыхъ недостатка нѣтъ, но это ни къ чему не послужитъ! Перехожу къ другому! „Три Игоря“ напечатаны и изданы.—Четыре пьесы... ахъ! четыре!.. Идея! Вообразите, что онѣ заперты въ томъ шкапу, о которомъ вы говорите, и что у меня сохраняется только ключъ отъ него! Это намъ обоимъ отлично кстати, такъ какъ я вполнѣ заслужилъ справедливый гнѣвъ вашъ, гнѣвъ моей крестной, которую я обожаю всѣмъ сердцемъ. Вашъ преданнѣйшій крестникъ А. Бородинъ.

Простите, что я избавилъ васъ отъ извиненій и благодарностей; я умолчалъ о нихъ, изъ вниманія къ вамъ, такъ какъ иначе это тянулось бы до безконечности.

85. Къ ней же.

С.-Петербургъ, 25-го іюня 1885 г.

Дорогая крестная! Ваша доброта ко мнѣ безгранична! Я получилъ ваши два драгоцѣнныя письма, которыхъ не заслужилъ. Надо ли прибавлять, что я вамъ безконечно благодаренъ. Меня очень радуетъ, что вамъ лучше, но я умоляю васъ быть осторожной, берегите себя, не дѣлайте слишкомъ рѣзкихъ движеній, не заставляйте себя работать. О вашемъ здоровьѣ я имѣлъ отъ времени до времени извѣстія отъ Кюи и отъ Бесселя. Ваши прелестныя письма заставили меня покраснѣть отъ стыда. (Увы! я не потерялъ еще эту привычку!) Ужъ цѣлый вѣкъ я не писалъ вамъ. Но ради Бога, не сердитесь на меня за это, моя добрая крестная. Во-первыхъ, я зналъ, что вы были слишкомъ больны, чтобъ интересоваться письмами вашего покорнѣйшаго слуги. Во-вторыхъ, у меня, право, было дѣла по горло, до такой степени много, что я вовсе забылъ, что вѣдь я немного и музыкантъ, такъ какъ все, что я дѣлалъ, не имѣло никакого отношенія къ музыкѣ. Къ несчастью, я и до сихъ поръ въ томъ же положеніи, и это продолжится до іюля. Мои планы, о которыхъ я вамъ сообщалъ въ послѣднемъ письмѣ, кажется становятся исполнимыми. Значитъ, очень возможно, что я буду имѣть честь засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе въ Аржантѐ. Ахъ, какъ я буду счастливъ увидѣть, наконецъ, мою дорогую крестную, которую я уважаю и люблю всѣмъ сердцемъ. Какъ я буду счастливъ пожать ея великодушную руку, услышать ея благородный голосъ. (Вы скажете: câlin! Говорите!) Перехожу теперь къ порученіямъ, которыя вы соблаговолили дать мнѣ. До сего дня я все не могъ получить карточки m-me Кюи и романсы отъ Юргенсона, моего издателя. Потомъ четыре пьесы... Ахъ! эти четыре пьесы! Знаете, дорогая крестная, кажется, вся штука тутъ въ числѣ четырехъ. Въ немъ что-то роковое, кабалистическое! Посудите только: у насъ есть: quatre-feuilles, quatre-

temps, quatre-nations, quatre-fleurs, quatre-fruits, quatre-mendiants, quatre-voleurs, quatre-épices, quatre-semences; у насъ есть растенія: quatre-color, quatre-à-la-lure; у насъ есть животныя: quatre-ailes, quatre-au-cou, quatre-cents-langues, quatre-vingt, quatre-cornes, quatre-dents, quatre-oeil, quatre-geux, quatre-raies, quatre-tâches; у насъ странная и нелогическая аномалія: мы называемъ восемьдесять—„quatre-vingts“ вмѣсто слова „octante“, которое во всякомъ случаѣ правильнѣе. Мнѣ кажется, что для того, чтобы въ данномъ случаѣ мнѣ удалось, надо сократить число четыре до трехъ, или же возвысить его до пяти или шести.

А пока я бережно храню „ключъ“ отъ извѣстнаго вамъ шкапа, и прошу васъ принять мой самый искренній и дружескій привѣтъ. Вашъ преданный крестникъ А. Бородинъ.

86. Къ К. С. Бородиной.

По дорогѣ изъ Веймара въ Льежъ.
4-го (16) августа 1885 г.

„Знаете ли, что такое украинская ночь? Нѣтъ, вы не знаете, что такое украинская ночь!“—сказалъ Гоголь. Знаете ли, что такое вязаные кальсоны (купленные въ Лейпцигѣ мною)? Нѣтъ, вы не знаете, что такое эти кальсоны! Если-бы только надѣть эти кальсоны, и даже вовсе отказаться отъ путешествія, то и тогда это было бы наслажденіемъ безграничнымъ. Словомъ, по выраженію Па, это путешествіе! Впрочемъ, вступленіе это могло бы и не существовать, до такой степени мало связи имѣетъ оно съ послѣдующимъ. И такъ, перехожу къ послѣдующему. Я тебѣ писалъ уже, голубка моя, что я пріѣхалъ въ Веймаръ. Вообрази, пріѣхавъ туда, я былъ озадаченъ собственнымъ самочувствіемъ. Ну, ничего, таки-ровно ничего, точно пріѣхалъ въ Любань или Вишеру. Я уже испугался за себя: неужели, отпустивъ сѣдую бороду, я и нравственно посѣдѣлъ и состарѣлся въ такой мѣрѣ, что уже остылъ ко вся-

кимъ впечатлѣніямъ? Къ счастью, оказалось, что это только была легкая усталость. При первомъ же свиданіи съ Листомъ все прошло. Я тебѣ писалъ, что въ тотъ же вечеръ былъ у Листа и оставилъ ему карточку. Старикъ былъ на обѣдѣ, и долженъ былъ вернуться къ 11 часамъ вечера. На другой день, рано утромъ, въ девятомъ часу, возвратившись изъ кафе, гдѣ я завтракалъ, я нашелъ у себя карточку московскаго піаниста Зилоти, который приходилъ за мной. Старикъ, какъ увидѣлъ мою карточку, сейчасъ же отрядилъ Зилоти, который у него работаетъ. Неугомонный старикъ велѣлъ ему немедленно обойти съ утра всѣ отели, отыскать меня и притащить къ нему сейчасъ же. Узнавъ объ этомъ, я въ 9 часовъ нанесъ визитъ моей сѣдой Венерѣ. Встрѣча наша была самая душевная. Листъ постарѣлъ, конечно, сталъ немного ниже, пополнѣлъ; сѣдая грива его отросла, стала еще гуще и длиннѣе. Говоритъ онъ съ тѣмъ же одушевленіемъ и юморомъ, но немного задыхается; сталъ немного туговатъ на ухо и еще болѣе ослабѣлъ глазами, — не можетъ такъ долго работать при огнѣ, какъ прежде. Я засталъ его какъ разъ за работой: по порученію моей „Margaine“ старикъ дѣлалъ транскрипцію „Тарантеллы“—Кюи. У него, разумѣется, остальное все попрежнему. Кромѣ, впрочемъ, Черногорца „Спиридіона“, котораго, наконецъ, старикъ прогналъ, потому что нашъ братъ-славянинъ нагрѣвалъ старика самымъ безсовѣстнымъ манеромъ. Старикъ терпѣлъ, терпѣлъ, но, наконецъ, потерялъ терпѣніе и, воспользовавшись тѣмъ, что Спиридіонъ женился—деликатно разстался съ нимъ. Спиридіонъ тотчасъ же деликатно, въ Веймарѣ, открылъ какое-то заведеніе на благопріобрѣтенныя деньги. Но старикъ все-таки долго не могъ успокоиться, лишившись своей Катерины Егоровны, и перемѣнилъ уже послѣ того трехъ камердинеровъ. Въ остальномъ у него попрежнему: съ утра за работой, съ утра же у него народъ, музыка, толчея ужасная; корреспонденція, телеграммы, письма, посыльные, піанисты, піанистки, композиторы, пѣ-

вицы, приглашенія къ обѣду, ужину, etc, etc... Попрежнему старикъ безъ умолку болтаетъ, бродитъ, топчется и прикладывается къ стоящему на томъ же маленькомъ столикѣ графинчику съ коньякомъ и бутылкѣ съ великолѣпнѣйшимъ папскимъ краснымъ виномъ. Плотно покушавъ, въ два часа ложится на боковую. Въ 4 часа у него уже цѣлая арава учениковъ и ученицъ, играющихъ большею частью плохо, и невѣроятно злоупотребляющихъ временемъ и терпѣніемъ добродушнаго старика. Только обѣдать къ себѣ онъ уже не приглашаетъ; ему тяжело теперь. Въ тотъ же день я былъ у баронессы Мейендорфъ; обѣдалъ въ Erbprinz'ѣ у Зилоти „съ товарищи"; познакомился съ молодой, очень хорошей и хорошенькой скрипачкой, по имени „Arma Senkrah" (читай по иностранному); получилъ приглашеніе къ ней, былъ у нея, потомъ всѣ вмѣстѣ были у Листа на урокѣ, а затѣмъ я съ Листомъ провелъ вечеръ у баронессы Мейендорфъ. Проводивъ Листа домой, я тоже ушелъ къ себѣ въ отель и завалился спать. Мейендорфшѣ я ничего не говорилъ о пьесахъ для Аржантихи *) и Жадуля, но Листъ выудилъ у меня признаніе относительно существованія пьесъ. Немедленно были вытребованы корректуры мои и все пронграно у Мейендорфши. Я никакъ не ожидалъ такого успѣха: и Листу, и ей онѣ ужасно понравились, и она даже приговаривалась къ нимъ; ей, повидимому, хотѣлось, чтобы я посвятилъ ихъ ей. Вчера (т. е. на другой день) опять у Листа, у Senkrah, ужиналъ съ Листовской молодежью. При прощаньи Листъ подарилъ мнѣ свою послѣднюю фотографію, и далъ кучу рекомендацій въ Антверпенъ. Въ 9 ч. 48 м. я, сопровождаемый Зилоти, уѣхалъ въ Льежъ. Будь здорова. Цѣлую тебя крѣпко. Твой А. Бородинъ.

---

*) Графиня де-Мерси Аржанто.

87. Къ графинѣ де-Мерси-Аржантò.

Антверпенъ, 24-го августа 1885 г.

Моя дорогая крестная! Вѣрный традиціямъ своей родины, я спѣшу принести вамъ самыя сердечныя поздравленія и пожелать вамъ всѣхъ благъ земныхъ. Въ качествѣ „Ламбена младшаго“ я вновь совершилъ маленькое преступленіе изъ-за своей медлительности, а именно: я уѣхалъ въ Антверпенъ сегодня утромъ. Но отъ этого не произойдетъ никакихъ непріятныхъ послѣдствій ни для васъ, дорогая крестная, ни для вашего неудачника-крестника, такъ какъ m-r Huberti въ отсутствіи, и я ограничился тѣмъ, что оставилъ ему свою карточку. М-г Лейненъ (Lynen), къ которому у меня карточка отъ дорогого маэстро Листа, оказался также невидимкой по случаю отъѣзда въ Германію (до будущаго воскресенья, если я только вѣрно понялъ фламандскую горничную, которая сообщила мнѣ все это). Въ случаѣ, если вы захотите написать мнѣ „бранныя слова“ (вполнѣ заслуженныя мною, конечно) — адресуйте ихъ въ Антверпенъ, Hôtel de la gare, на мое имя. Примите мой почтительный привѣтъ. Вашъ преданный крестникъ А. Бородинъ.

P. S. Можетъ быть вамъ угодно получить что-нибудь изъ Антверпена, такъ напишите мнѣ; я всегда къ вашимъ услугамъ. У меня теперь очень мало времени въ моемъ распоряженіи,—вотъ почему я не пишу вамъ болѣе. Когда буду свободнѣе, дамъ вамъ маленькій отчетъ о своемъ поведеніи и „ничего недѣланьи“ въ Антверпенѣ. Главное, будьте здоровы. Маленькая записочка отъ васъ была бы добрымъ дѣломъ съ вашей стороны и большою радостью для меня.

88. Къ К. А. Протопоповой *).

Парижъ, (6-го сентября) 25-го августа 1885 г.

Милая мама, не знаю, гдѣ моя Катя съ домочадцами, и потому, дорогая моя, пишу вамъ съ просьбою переслать письмо Катѣ. Съ переѣздами моими въ разныя мѣста, гдѣ я не остаюсь долго, нѣтъ никакой возможности добиться пересылки писемъ изъ Россіи; я въ полномъ невѣдѣніи относительно моихъ домашнихъ. Сегодня я покидаю Парижъ и ѣду въ Льежъ, по пути во-свояси, хотя у меня множество соблазновъ: — сейчасъ получилъ два письма, одно извѣщаетъ, что 11-го сентября на Антверпенской выставкѣ будутъ исполнять мою 2-ю симфонію и приглашаютъ меня туда; другое, оффиціальное, отъ комитета выставки, съ приглашеніемъ управлять двумя концертами 9-го и 19-го сентября—русскимъ и славянскимъ. Вотъ ужъ подлинно никто въ своей землѣ пророкомъ не бывалъ! Еслибы вы имѣли понятіе о томъ, какъ меня здѣсь всюду чествуютъ, какъ артиста,—вы бы просто умилились за вашего Матуску! Каждый день чествуютъ меня: обѣдами, завтраками, ужинами, музыкальными вечерами, гдѣ исполняютъ мои сочиненія и, большею частью, исполняютъ прекрасно. Когда выберусь отсюда окончательно и пріѣду во-свояси?—самъ не могу сказать утвердительно, потому что надо еще заѣхать въ три мѣста въ Германіи. Цѣлую васъ крѣпко, милая мама. Будьте здоровы, голубка моя. Пѣ поклонитесь. Вашъ Матуска.

89. Къ К. С. Бородиной.

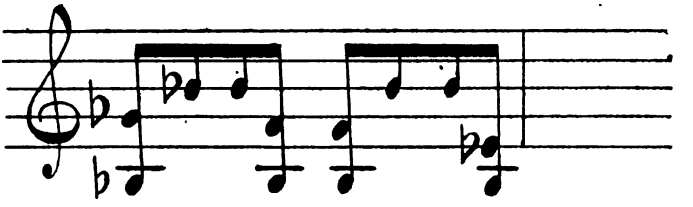
Льежъ, (не помню числа) августа 85.

Ну, голубка моя, загналъ я тебѣ вчера одно письмо; теперь шлю другое. Живу я—какъ сыръ въ маслѣ катаюсь.

*) Кат. Ал. Протопопова—мать Кат. Серг. Бородиной. В. С.

Бельгія совсѣмъ Москва, а бельгійцы — москвичи. Радушіе и любезность здѣсь необыкновенныя; притомъ любезность не сухая, такъ сказать, а „существенная“, какъ говоритъ Александра Андреевна. Каждый норовитъ тебя накормить и напоить, и на это они мастера; столъ, вина и пр.—все это первый сортъ, не то, что въ Германіи. Любезность бельгійцевъ пріятна еще тѣмъ, что народъ этотъ держитъ себя очень мило, вѣжливо и въ то же время просто и сердечно. Нѣмецъ, англичанинъ и французъ бываютъ иногда даже изысканно любезны, но при этомъ даютъ тебѣ чувствовать свое превосходство надъ тобою и показываютъ тебѣ, что, молъ, я, видишь, какой, а все-таки любезенъ съ тобою, такъ ты это цѣни. Бельгійцы, напротивъ того, стараются избѣгать всякаго намека на превосходство ихъ въ томъ даже, въ чемъ они, дѣйствительно, далеко выше насъ. Большей частью это народъ здоровый, веселый, живой, экспансивный, но въ то же время нѣсколько сдержанный и съ большимъ тактомъ. Барыни у нихъ большею частью ядреныя, здоровенныя, кровь съ молокомъ и блондинки; между ними даже въ народѣ встрѣчается, однако, очень много брюнетокъ, красивыхъ, съ черными глазищами, длинными рѣсницами, густыми черными волосами — это остатки испанскаго элемента, который не изгладился еще и до сихъ поръ. Чувство собственнаго достоинства и независимости во всѣхъ слояхъ общества очень развито. Меня здѣсь совсѣмъ замотали и затаскали, давая обѣды, завтраки, выпивки и закуски и преподнося мнѣ русскую музыку, большею частью меня самого и Кюи. Все это исполняется большею частью прилично, а часто даже очень хорошо, во всякомъ случаѣ очень искренно. Я слышалъ не разъ и обѣ симфоніи въ 4 руки, и „Азію“, и романсы; моя „Petit poême d'amour d'une jeune fille“ (какъ я окрестилъ 7 пьесокъ для графини Аржанто) — производитъ фуроръ и многіе играютъ оттуда отрывки разные по слуху. Барынямъ, всѣмъ безъ исключенія, особенно по душѣ послѣдній нумеръ „on est bercée

par le bonheur d'être aimée" *), т. е.



etc.; онѣ такъ и киснутъ. Жадуль играетъ мое скерцо уже наизусть.

Антверпенъ, 25-го августа 1885 г.

Оканчивать письмо приходится въ Антверпенѣ, куда я поѣхалъ на выставку, на которой мотаюсь уже второй день и устаю смертельно. Много есть интереснаго, но въ общемъ мнѣ московская выставка (1882 г.) больше нравилась. Былъ тутъ и концертъ съ участіемъ 500 мальчиковъ. Играли вещи не важныя, но очень хорошо. Кажется, здѣсь хотятъ играть мою 2-ю симфонію; сегодня я получилъ письмо изъ Брюсселя отъ Гюберти, который намѣренъ дать ее въ своемъ концертѣ и выписалъ уже ноты изъ Льежа. Онъ проситъ свиданія со мною, чтобы переговорить лично объ этомъ дѣлѣ. Цѣлую тебя крѣпко, другъ мой, и нашихъ поцѣлуй всѣхъ. Твой А. Бородинъ.

90. Къ ней же.

По дорогѣ изъ Антверпена въ Лейпцигъ, т. е. во-свояси.
21-го (9-го) сентября 1885 г.

Ну, голубка моя дорогая, не вини твоего загулявшаго мужа, ей-ей не было возможности уѣхать отъ соблазновъ, сильныхъ соблазновъ для меня грѣшнаго. Было бы просто глупо, вредно для меня, какъ музыканта, и для всей русской музыки, бѣжать отсюда. Было бы грубо и неделикатно въ высшей степени, удрать, вопреки всѣмъ лестнымъ и сердечнымъ приглашеніямъ, овацiямъ и почестямъ, мнѣ оказываемымъ въ Бельгіи. Я тебѣ писалъ уже, что мнѣ при-

*) Убаюкивающее счастіе быть любимой.

слали нѣсколько приглашеній оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ—управлять двумя концертами на Антверпенской выставкѣ и большимъ фестивалемъ. Приглашенія исходили отъ Union musicale d'Anvers и отъ комитета выставки, и независимо отъ представителей и членовъ разныхъ другихъ музыкальныхъ учрежденій. Мнѣ предоставляли самому назначить какія мнѣ угодно условія относительно программы, числа репетицій, времени концертовъ и проч., и вознагражденія. Приглашенія въ видѣ писемъ и телеграммъ разсылались мнѣ не только гдѣ я былъ—въ Льежъ, Аржантѳ, Антверпенъ, Парижъ, но и туда, гдѣ меня не было, напримѣръ, въ Спа, основываясь на слухахъ, что меня тамъ ожидали. Управлять концертами я рѣшительно отказался, ссылаясь на недостатокъ времени для подготовки къ концертамъ, на отсутствіе привычки дирижировать большими концертами, наконецъ, на то, что я вообще не дирижеръ по профессіи. Отклонить отъ себя дирижерство я могъ, но отклонить присутствіе мое на концертахъ, гдѣ исполнялись мои сочиненія — я не могъ. Ссылка на невозможность продлить отпускъ повела только къ тому, что передвинули весь порядокъ концертовъ, дней репетицій и т. д. Комитетъ выставки и Общество Музыкальное готовы были ходатайствовать передъ оффиціальными представителями русскаго правительства въ Бельгіи, чтобы мнѣ разрѣшили продлить отпускъ. Мнѣ было сообщено, что множество лицъ интересуются горячо моей музыкой и нарочно пріѣхали для того, чтобы познакомиться съ моею музыкою и со мною лично. Такъ, жена предсѣдателя выставки—m-me Lynen,—страстная поклонница моей музыкальной дѣятельности, бывшая ученица Листа,—нарочно, ради меня, пріѣхала изъ Баденъ-Бадена; множество любителей музыки, композиторовъ, профессоровъ консерваторій и пр. нарочно, ради меня, собирались пріѣхать въ Антверпенъ изъ Льежа, Брюсселя, Гента, Спа, изъ Голландіи, изъ Франціи. За моимъ отказомъ дирижировать, два бельгійскихъ дирижера добровольно вызвались дири-

жировать моими симфоніями: профессоръ Гюберти изъ Брюсселя назначилъ въ свой концертъ 2-ю симфонію, директоръ консерваторіи въ Льежѣ, Раду (нѣкогда ярый противникъ моей музыки, послѣ страстный поклонникъ ея) самъ назначилъ мою 1-ю симфонію для фестиваля 19-го сентября. Отмѣчу характерный фактъ: нѣмецкая партія въ Бельгіи (составляющая тамъ такое же зло, какъ и у насъ) исчерпала всѣ возможныя и невозможныя средства, чтобы воспрепятствовать исполненію моей 2-й симфоніи въ Антверпенѣ! Не правда ли, что это крайне характерно? Тѣмъ не менѣе, никакой дальнѣйшей помѣхи не было: 9-го сентября исполнена была „Средняя Азія“, 16-го сентября 2-я симфонія, а 19-го сентября 1-я симфонія. Кромѣ того, исполнены были: „Море“, „Морская царевна“ и „Спящая княжна“. Овацiи, сдѣланныя мнѣ въ этихъ концертахъ, шли crescendo: наименьшія были на первомъ концертѣ, наибольшія въ третьемъ. Во всѣхъ случаяхъ, впрочемъ, овацiи были весьма дружныя и горячія со стороны публики, дирижеровъ, оркестра и комитета выставки. Я даже вынужденъ былъ обратиться къ оркестру со словами: „C'est mon tour, messieurs, de vous remercier vivement pour un accueil aussi flatteur et l'honneur que vous avez bien voulu me faire; croyez-moi, messieurs, il n'y a pas de récompense plus grande pour un compositeur, que d'entendre son oeuvre executée par un orchestre comme le votre!“ Эти слова вызвали новыя шумныя овацiи со стороны публики и оркестра. Вообще, я теперь такъ насобачился говорить и писать прочувствованныя слова по-французски! 20-го сентября, т. е. вчера, отклонивъ отъ себя всякія приглашенія, визиты и проч., я удралъ изъ Антверпена. Милая „marraine“, пріѣзжавшая нарочно на два послѣдніе концерта, сіяла отъ восторга при видѣ торжества русской музыки, проводницею которой она была въ Бельгіи. Это премилая, способная прелесть во всѣхъ отношеніяхъ, и вообще женщина крайне замѣчательная по разностороннимъ достоинствамъ и талан-

тамъ. Не будь ей уже подъ 50 лѣтъ, ей-ей, можно бы врѣзаться въ нее по-уши. Мы съ ней очень подружились. Между прочимъ, она мнѣ подарила на память серебряныя запонки (купленныя на выставкѣ) и родовую жемчужину въ видѣ булавки (очевидно, дорогую), а для тебя купила на выставкѣ брошку въ 120 франковъ, коралловую съ золотомъ и надписью: Salve! т. е. „здравствуй!“ Мои протесты не помогли, и я долженъ былъ принять все это. Признаюсь, что немножко стѣснительно, но поступить иначе я не могъ. И такъ, теперь я на пути во-свояси, усталый отъ овацій, приглашеній, визитовъ, обѣдовъ, завтраковъ, ужиновъ и всякихъ чествованій. Спѣшу домой. Остановлюсь только на одинъ день въ Лейпцигѣ, гдѣ надѣюсь найти твои письма. До свиданья, голубка моя дорогая; я пріѣду въ Питеръ и постараюсь немедленно взять отпускъ въ Москву на нѣсколько дней. Ѣхать прямо въ Москву теперь было бы невозможно. Цѣлую и обнимаю тебя крѣпко. Будь здорова, другъ мой. Мамѣ и остальнымъ кланяюсь.

Приписка: Пріѣхалъ въ Лейпцигъ въ 10 часовъ вечера.

91. Къ ней же.

С.-Петербургъ, 30 ноября 1885 г.

Наконецъ-то! Слава Богу! Знаешь ли, голубка, что вѣдь мы хотѣли телеграфировать Яшѣ или Михаилу Васильевичу, чтобы узнать о тебѣ? Были на свѣтѣ: Катерина Корнаро, Катерина Медичи, Екатерина Великая — а теперь объявилась — Катерина Безсовѣстная! И это ты! Вотъ тебѣ за твое молчаніе, — до сихъ поръ! Насчетъ 2-й симфоніи я тебѣ, помнится, писалъ обстоятельно, хотя и не детально. Ее исполнялъ Дютшъ въ симфоническомъ концертѣ, который вздумалъ М. П. Бѣляевъ задать на свои деньги, чтобы дать послушать вещи Глазунова и т. д. Помнишь, какъ въ прошломъ году онъ устроилъ репетицію, гдѣ играли вещи Глазунова? Ну, а теперь былъ настоящій концертъ въ домѣ

Дворянскаго Собранія, въ самыя именины Митрофана Петровича, 23-го ноября, вечеромъ. Симфонія прошла хорошо и принята была хорошо. Вызывали меня, разумѣется. Кромѣ симфоніи, исполнены были: романсъ Маріи изъ „Ратклиффа“; игралъ Н. С. Лавровъ концертъ Римскаго-Корсакова (который ты слышала уже раньше въ Безплатной Школѣ). Новая симфоническая поэма Глазунова — „Стенька Разинъ“ очень хорошая вещь и превосходно-инструментованная. Она посвящена мнѣ. Andante для оркестра — его же, очень поэтичное; „Буря“ — Чайковскаго, мелкія фортепіанныя вещи: Балакирева, Щербачева, Лядова. Романсы: Рубинштейна, Корсакова, Балакирева. Весь концертъ очень походилъ на концерты Безплатной Школы, публика та же, восторженный пріемъ, вызовы авторовъ, и публики мало!

Мнѣ вообще насчетъ музыки теперь везетъ вездѣ: недавно мою 1-ю симфонію съ успѣхомъ играли — гдѣ бы ты думала? — въ Монако! Скоро будутъ играть мою 2-ю симфонію въ Льежѣ (Radoux — директоръ консерваторіи въ Льежѣ, что дирижировалъ 1-ю симфонію мою на фестивалѣ, на Антверпенской выставкѣ. Тотъ самый, что сначала такъ враждебно относился къ русской музыкѣ и потомъ сталъ ярымъ поклонникомъ ея. Помнишь, онъ про меня писалъ: „Celui-là ne cherche pas à faire de la musique russe—il la sue!) Въ Брюсселѣ, на большомъ Concert populaire, Dupont даетъ мою 1-ю симфонію. Та и другая пойдутъ при великолѣпной обстановкѣ: и дирижеры, и оркестръ — превосходны! Въ Льежѣ, кромѣ того, пойдутъ мои отрывки изъ „Игоря“, въ concerts d'Emulation (гдѣ въ прошлый годъ шла 1-я симфонія). Квартетъ мой, A-moll-ный, съ успѣхомъ былъ исполненъ: въ Дрезденѣ (Лаутербахомъ) и 2 раза въ Америкѣ (Buffalo Philarmonic society). Данрейтеръ, директоръ Филармоническаго общества и въ то же время 1-я скрипка въ квартетѣ — любезно прислалъ мнѣ всѣ афиши и пр., и даже мою біографію на англійскомъ языкѣ. Въ этой біографіи американцы произвели меня въ тайные совѣтники „privy

counsellor", и какъ музыканта аттестуютъ: „As musician, one of the most prominent representatives of the modern „Ecole Russe". Тотъ же квартетъ мой недавно играли и въ Льежѣ. — Бюловъ, по пріѣздѣ въ Питеръ, первымъ дѣломъ сообщилъ мнѣ, что непремѣнно желаетъ сыграть одну изъ моихъ симфоній, и спрашивалъ, которую я назначу ему. Въ виду того, что 2-ю недавно игралъ Дютшъ, я назначилъ первую. Она пойдетъ 21-го декабря, въ 4-мъ симфоническомъ концертѣ. Третьяго дня я обѣдалъ съ Бюловымъ и Марсикомъ у Кюи. Ты знаешь, что вѣдь Бюловъ приглашенъ дирижировать всѣми концертами Музыкальнаго Общества. Приглашенъ онъ дирекціею Музыкальнаго Общества для освѣженія концертовъ и т. д. И, о ужасъ! съ перваго же раза онъ назначилъ „сюиту"—Кюи, „Антара", мою симфонію и симфонію Глазунова. У дирекціи, разумѣется, рожа вытянулась отъ изумленья! Мало того: когда дирекція ходатайствовала объ исполненіи пьесы одного изъ своихъ протежѐ, Бюловъ сказалъ: „Я его не знаю, пьесы его тоже, разсматривать мнѣ нѐкогда теперь, а я лучше всего спрошу о ней мнѣніе Кюи (!?), которому я очень вѣрю, какъ критику!.." Можешь себѣ представить эфектъ! Ну, пока довольно. Цѣлую тебя крѣпко-на-крѣпко. Твой майчикъ А. Бородинъ.

Твое письмо послѣднее опечалило насъ всѣхъ твоей тоскою...

Поклоны всѣмъ, кому слѣдуетъ; сама знаешь. Голубушка, пиши, дружокъ, а то вѣдь мы ничего не знаемъ о тебѣ.

92. Къ ней же.

Спб. 3-го декабря 1885 г.

Здравствуйте, маленькая Зозо! Кокушка! Фонтанчикъ всякихъ пріятностей! Спасибо тебѣ за письма!... Концертъ нашъ 1-го декабря удался великолѣпно; куда все эфектнѣе было, чѣмъ въ прошломъ году! Во-первыхъ, концертъ былъ въ

большой залѣ актовой (конференцѣ); во-вторыхъ, построена была великолѣпная эстрада, низъ которой былъ обитъ краснымъ кумачомъ; въ-третьихъ, Шредеръ прислалъ великолѣпный рояль, въ 1,500 р., даромъ; въ-четвертыхъ, на эстрадѣ фигурировалъ нашъ академическій оркестръ—54 человѣка, изъ которыхъ только 4 человѣка наемныхъ музыкантовъ. Отчетъ о нашемъ концертѣ попалъ въ газеты. Даю тебѣ выписку изъ „Новостей“ за 3-е декабря: „....академическій оркестръ изъ любителей, профессоровъ и студентовъ (50 человѣкъ), подъ управленіемъ профессора Бородина, не болѣе какъ въ два года своего существованія достигъ такихъ успѣховъ, что годился бы для какого угодно изъ нашихъ театровъ. Г. Бородинъ положительно талантливый капельмейстеръ и дирижеръ. Довольно сказать, что такія трудныя и серьезныя вещи, какъ увертюра изъ „Руслана“, отрывки изъ сюиты „l'Arlésienne“, увертюра изъ „Аталіи“—Мендельсона и маршъ изъ „Сонъ въ лѣтнюю ночь“—его же, были исполнены оркестромъ съ рѣдкимъ согласіемъ и безукоризненностью“..... Вообще весь ансамбль концерта былъ такъ неожиданно и такъ замѣчательно хорошъ, что слушатели выразили участникамъ концерта единодушный и общій восторгъ. Только и слышно было во всѣхъ концахъ зала: „Кто бы могъ этого ожидать?“—Солисты: Джульяни, Архангельская (mezzo-soprano, молодой, но мало обработанный голосъ, очень хорошій), Цѣхановскій (баритонъ, студентъ), Дунканъ (піанистка). Сборъ очень хорошій. Множество народа ушло за невозможностію получить билеты. А у меня, въ самомъ дѣлѣ, хорошія дирижерскія способности. „Руслана“ сыграли удивительно; публика потребовала повторенія. Послѣ концерта мы были у Доброславиныхъ; пили чай и ужинали.

Слѣдующая новость музыкальная наша домашняя: Беккеръ возвратилъ намъ рояль изъ починки; но любезность его не дошла до тѣхъ предѣловъ, какъ любезность Шредера. Беккеръ уступилъ мнѣ всего 50 р., и вмѣсто 150 р.,

которые берутъ за полную починку рояля, взялъ съ меня 100 р. Но за то инструмента узнать нельзя:—совсѣмъ, какъ есть новый сталъ, начиная съ дерева, косточекъ и оканчивая механизмомъ. Рояль этотъ поставленъ въ мой кабинетъ: позади стула передъ роялемъ повѣшена лампа, такъ что нѣтъ нужды ставить свѣчи на рояль. Помѣщеніе рояля въ кабинетѣ ужасно удобно. Ганя можетъ пѣть и играть, затворивъ двери въ кабинетъ, и никто ей не мѣшаетъ, и она никому не мѣшаетъ. И мнѣ удобно заниматься; никто не мѣшаетъ; ненадобно вскакивать и убирать работу, если кто придетъ.

Третья новость—открытіе памятника Мусоргскому. Это было 25-го ноября, въ день перваго представленія „Жизни за Царя“. Памятникъ грандіозный, съ барельефомъ Мусоргскаго, съ надписями вязью, перечнемъ его сочиненій. Рѣшетка прелестная и оригинальная: на ней изображены ноты: темы изъ „Бориса“ и пр. Все это было убрано цвѣтами, вѣнками, очень эфектно. Памятникъ былъ сначала закрытъ коленкоровымъ чехломъ, сдѣланнымъ такъ, что достаточно дернуть за тесемки, привязанныя къ четыремъ сторонамъ памятника, и чахолъ развалился, открывая памятникъ сразу весь. Была торжественная панихида, потомъ литія передъ памятникомъ. Принесено много вѣнковъ; въ томъ числѣ вѣнокъ отъ Консерваторіи, отъ которой были Давыдовъ и Бернгардъ (инспекторъ). Дернули тесемки при открытіи памятника, съ четырехъ сторонъ: Балакиревъ, Корсаковъ, Кюи и я. По открытіи, памятникъ освятили, кропили святой водой. Потомъ пошли рѣчи: по настоянію Стасова первымъ былъ я; затѣмъ прочла прекрасную рѣчь Полина Стасова; потомъ прочли писанное слово Н. Н. Римской-Корсаковой; затѣмъ сказалъ стихи тотъ самый гугнивый репортеръ, что у Курбанова на лекціи записывалъ ерунду ужасную и спрашивалъ у Алексѣя: что японцы, откуда заимствовали музыку? изъ Италіи?—Изъ Китая!!! поправилъ его Алеша. Этотъ же репортеръ спалъ вѣчно на засѣда-

ніяхъ Общества охраненія народнаго здравія. Смысла стиховъ изъ-за гугнивости автора никто, разумѣется, не понялъ. Объ остальныхъ музикійскихъ и иныхъ дѣлахъ напишу послѣ; теперь помѣшали... Цѣлую тебя крѣпко и обнимаю горячо. Твой Сашечка.

93. Къ ней же.

С.-Петербургъ, суббота, 7-го декабря 1885 г.

Маленькая Зозо, слушайте! Прежде всего напишу вамъ о нашихъ музыкальныхъ дѣлахъ. Я тебѣ, кажется, писалъ, что теперь пріѣхали сюда Бюловъ и Марсикъ (скрипачъ, у котораго я въ Парижѣ былъ такъ радушно принятъ и котораго я у себя ни разу (!) не принялъ!) Ты, конечно, знаешь, что Бюловъ приглашенъ дирижировать 10-ю концертами Музыкальнаго Общества. На первыхъ же порахъ Бюловъ назначилъ къ исполненію: „Сюиту для скрипки и фортепіано“—Кюи, мою симфонію (любую—по моему выбору), „Антара“, симфонію Глазунова. Разумѣется, всѣ, кому надлежитъ охранять интересы музыки, пришли въ ужасъ. Къ Бюлову явились нѣкоторые изъ охранителей и стали просить за своихъ протежэ: нельзя ли, молъ, сыграть ихъ сочиненія на концертахъ Музыкальнаго Общества. Бюловъ имъ отвѣчалъ: я такого-то (имя рекъ) не знаю, сочиненій его тоже не знаю, времени у меня нѣтъ разсматривать сочиненія, поэтому позвольте мнѣ обратиться къ Кюи, которому я вполнѣ довѣряю въ дѣлѣ оцѣнки музыкальныхъ произведеній. Рожи у директоріи вытянулись отъ удивленія и ужаса. ** явился къ Бюлову и со свойственною ему безтактностью спросилъ: что же, вы намѣрены все исполнять произведенія клики Кюи и только? Бюловъ вскипѣлъ: „Quoi?!! que voulez vous dire?! Clique de M-r Cui? Je ne connais aucune clique, monsieur! Je ne connais que les oeuvres des Maîtres russes, qui sont connues et respectées dans toute l'Europe! Ce sont les oeuvres de ces

Maîtres que je vais diriger!“ Тогда ** осѣлся и сталъ говорить, что неужели же онъ никого другого не знаетъ изъ русскихъ, что неужели же онъ не хочетъ дирижировать вещей другого—ихъ кружка. Бюловъ сказалъ, что онъ ** и проч. не знаетъ, вещей его тоже. ** напомнилъ ему, что онъ рецензентъ и въ прошломъ году хвалилъ его. Бюловъ вышелъ окончательно изъ себя и сказалъ, что онъ не мѣшаетъ ** обратиться въ дирекцію, и если та разрѣшитъ, то пусть ** самъ дирижируетъ свои пьесы. Въ субботу былъ первый концертъ Музыкальнаго Общества. Между прочимъ играли новую сюиту для скрипки сочиненія Кюи, посвященную Марсику. Принята пьеса была отлично; вызывали Марсика, вызывали Кюи. Когда послѣдній появился на эстрадѣ, то Бюловъ вмѣстѣ съ публикой и оркестромъ ревностно хлопалъ Кюи. Вчера былъ концертъ Марсика; играли „Миніатюры“ Кюи. Принято было очень хорошо. Особенно сильно хлопали „Berceuse“. Бюловъ, не дожидаясь bis со стороны публики, взялъ да и повторилъ „Berceuse“! Въ этомъ же концертѣ, замѣтивъ меня во второмъ ряду, Бюловъ, приступая къ сонатѣ Брамса со скрипкою, приказалъ капельдинеру передать мнѣ ноты, чтобы я слѣдилъ по партитурѣ, а самъ сталъ играть наизусть. Не забудь, что это не на репетиціи, а въ концертѣ! Видимо, это имѣетъ характеръ демонстраціи съ его стороны. Всѣ наши „les râtés“ *) изъ себя выходятъ. Въ „Герольдѣ“ (нѣмецкой газетѣ, издающейся въ Петербургѣ), разоблачена стачка рецензентовъ музыкальныхъ, условившихся упорно молчать о газетѣ „Музыкальное Обозрѣніе“, издающейся Бесселемъ подъ редакціей Кюи. Статья нѣмецкая преостроумная и преядовитая. Кто писалъ ее—не знаю.

Теперь, милая, пишу тебѣ по поводу твоего вопроса о томъ, пріѣду ли я на праздники къ тебѣ? и почему ѣдетъ Павлычъ? Голубушка, дорогая, не вини меня, дружокъ мой,

*) Люди, давшіе осѣчку.

но, я на праздники не пріѣду, а пріѣду на масляной и на Пасху. Дѣло вотъ въ чемъ: во время нашихъ святокъ въ Льежѣ будетъ постановка и первое представленіе „Кавказскаго Плѣнника“—Кюи, два концерта Emulation, гдѣ пойдутъ отрывки изъ „Игоря“, „Псковитянки“, „Ратклиффа“ и „Анджело“, „Средняя Азія“—моя, романсы мои и Кюи; въ большомъ консерваторскомъ концертѣ, въ театрѣ, пойдетъ моя H-moll-ная симфонія при великолѣпной обстановкѣ, подъ управленіемъ Раду! Въ Брюсселѣ также пойдетъ моя симфонія на „Concert Populaire“, при удивительной обстановкѣ, подъ управленіемъ Дюпона! Графъ и графиня Аржантò, всѣ мои льежцы, брюссельцы и антверпенцы настойчиво приглашаютъ меня въ Льежъ на Святки, вмѣстѣ съ Кюи. Кюи, всѣ петербургскіе друзья и знакомые, музыкальные и немузыкальные, всѣ домашніе мои усиленно уговариваютъ ѣхать. Издатели даютъ мнѣ деньги на проѣздъ туда и обратно. Графъ и графиня даютъ помѣщеніе и содержаніе на все время у нихъ въ Аржантò. Я тебѣ объ этомъ ничего не писалъ, потому что сначала не рѣшался, потомъ колебался долго. Теперь рѣшился, но съ тѣмъ, чтобы вмѣсто меня ѣхалъ къ тебѣ Павлычъ, тѣмъ болѣе, что для него другого времени ѣхать не будетъ. Я самъ, по антверпенскому опыту, знаю, какъ важно присутствіе личное самого автора въ подобномъ случаѣ. Поѣдемъ мы вмѣстѣ съ Кюи и воротимся вмѣстѣ. Вѣкъ не забудешь такой поѣздки. Знаю по Антверпену! — Прости же, голубка, за такое рѣшеніе. Вѣдь, чортъ побери, 51 годъ стукнулъ мнѣ, выпадетъ ли еще такой случай, Богъ вѣсть!

Душка! ты не читай этого всего другимъ—подумаютъ, что я хвастаю нарочно: нехорошо! Еще выйдутъ сплетни. Цѣлую тебя крѣпко и горячо, голубушка, будь здорова, дружокъ мой. Маму поцѣлуй, поклоны всѣмъ, кому слѣдуетъ.

94. Къ ней же.

Льежъ, 25-го декабря 1885 г.

Шлю привѣтъ тебѣ, дорогая голубка моя, и поздравляю съ праздникомъ. Каково подумать, что насъ раздѣляетъ разстояніе слишкомъ въ 3,100 верстъ! Ужасъ сказать! Но эти 3,100 верстъ слишкомъ—мы отмахали какъ нельзя лучше, и не устали, такъ какъ всѣ ночи спали хорошо, благодаря непривычному для меня комфорту 1-го класса со спальнымъ вагономъ. Мы обѣ ночи проспали въ настоящей, отличной постели, вполнѣ раздѣваясь, какъ дома. Въ Берлинѣ мы имѣли 5 часовъ свободнаго времени и, усталые отъ сидѣнья и лежанья, пустились шляться по городу, что̀ весьма содѣйствовало нашему дальнѣйшему отдыху. Въ 12½ часовъ, позавтракавъ, пустились дальше, съ курьерскимъ поѣздомъ. И разобрала же меня досада! Представь себѣ, что уже въ Берлинѣ рѣки свободны отъ льда, трава зеленая повсюду! За Берлиномъ немного снѣжно, но снѣгъ какой-то глупый, не зимній вовсе. Воздухъ, небо—совсѣмъ весенніе! точно нашъ апрѣль. Поля совсѣмъ зеленыя; тепло настолько, что ходятъ въ осеннихъ, не ваточныхъ, пальто. Къ вечеру, впрочемъ, стало свѣжѣть, и даже моя шуба оказалась не лишнею—до того дуло въ окна во время поѣзда. Въ 2 ч. 40 м. мы были въ Кельнѣ, закусили, и пустились дальше; въ 2 ч. 24 мин. ночью прикатили въ Льежъ, опоздавъ на 20 минутъ. Намъ были приготовлены въ отелѣ рядомъ двѣ комнаты, вытопленныя отлично, благодаря стараніямъ Гутгальса, переводчика „Кавказскаго Плѣнника“. Постели превосходныя и въ ногахъ подъ одѣяломъ грѣлки съ горячей водою, такъ что вся постель теплая. И Кюи, и я, нашли въ комнатѣ письма отъ графини и Гутгальса. Графиня вся—радость, волненіе, умиленіе, сообщаетъ, что будетъ у насъ въ 11 часовъ и всѣ трое мы пойдемъ завтракать вмѣстѣ, а потомъ на репетицію. Мы встали въ 8 часовъ утра и, напившись кофе, отправились къ Гутгальсу къ 9 часамъ,

чтобы условиться насчетъ репетицій. Въ 11 часовъ, точка въ точку, явилась графиня, сіяющая, радостная, красивая—мы поговорили и втроемъ отправились въ Café Vénitien, рядомъ съ отелемъ. Графиня угостила насъ устрицами, превосходнымъ виномъ и еще разными разностями. Затѣмъ мы пошли на репетицію „Кавказскаго Плѣнника“. Кюи самъ аккомпанировалъ и проходилъ партію съ пѣвцами и пѣвицами. Послѣ репетиціи оперной, мы пообѣдали отлично въ томъ же ресторанѣ и отправились на другую репетицію концерта Société d'Emulation. Передъ этимъ мы съ Кюи побывали еще у дирижера, чтобы пройти съ нимъ партитуры и условиться насчетъ темповъ, дать указанія надлежащія. Репетиція прошла отлично. Графиня, какъ истая насѣдка, не покидала насъ двоихъ. Одинъ сидѣлъ по одну руку ея, другой—по другую. Послѣ репетиціи, Кюи долженъ былъ остаться ночевать въ томъ же отелѣ, такъ какъ утромъ рано долженъ былъ проходить партіи съ оперными артистами. Меня графиня увезла къ себѣ въ Château въ каретѣ, потому что поѣздовъ уже не было. Пріѣхавъ въ замокъ, мы напились еще чаю и разошлись. Я опять попалъ въ ту же комнатку, гдѣ гостилъ осенью. Вещи мои отправили гораздо раньше. Въ теченіе дня я еще перездоровался и увидѣлся со множествомъ льежскихъ знакомыхъ, которые встрѣтили меня съ распростертыми объятіями. Получилъ приглашеній столько, что еслибы ходить на всѣ обѣды и ужины, то навѣрное мнѣ не воротиться бы домой ранѣе февраля. Къ нашему пріѣзду въ Бельгію, о чемъ сообщалось въ газетахъ, въ музыкальныхъ магазинахъ всюду выставлены сочиненія Кюи, мои, Корсакова, Глазунова, etc. Между прочимъ я увидѣлъ изданный мой „Септенъ“ *) и привезу его тебѣ. Почетъ, оказываемый намъ здѣсь, невѣроятный. Мѣста въ театръ на „Плѣнника“ и билеты въ концерты разобраны

*) „Septain“ (семистишіе)—такъ названо стихотвореніе одного бельгійскаго поэта въ честь графини Аржанто, положенное Бородинымъ на музыку. В. С.

давнымъ-давно; ихъ перекупаютъ по дорогой цѣнѣ, и то съ большимъ трудомъ. О моей 2-й симфоніи одинъ французскій критикъ написалъ подробную критическую статью съ анализомъ, съ нотными примѣрами и т. д. Статья эта превосходитъ все, что было писано въ похвалу симфоніи! Дюпонъ, дирижеръ брюссельскихъ театра и „Concerts populaires“, пригласилъ меня для свиданія съ нимъ въ Брюссель, чтобы пройти со мной 2-ю симфонію. Ради этого мнѣ придется завтра уѣхать ночевать въ Брюссель, чтобы въ 9 часовъ быть уже на репетиціи. До свиданія, голубка моя, Господь съ тобою, цѣлую тебя крѣпко и обнимаю. Графиня шлетъ тебѣ самый горячій привѣтъ. Я заваленъ письмами сочувственными и привѣтственными изъ разныхъ городовъ Бельгіи и изъ Парижа.

95. Къ ней же.

Брюссель (на поѣздѣ), суббота..... 1886 г. (Получено 1-го января ст. ст.).

Хотѣлъ писать тебѣ каждый день, голубка моя, но рѣшительно невозможно, буквально передохнуть некогда! Я даже забылъ, на какой точкѣ я остановился въ прошедшемъ письмѣ моемъ. Кажется, я тебѣ писалъ, что графиня пріѣхала въ 11-ть часовъ къ намъ въ отель и мы отправились всѣ завтракать? Послѣ завтрака была репетиція „Плѣнника“ съ фортепіано. Потомъ такъ и пошли репетиціи. То къ концерту „Emulation“, то къ оперѣ, утромъ и вечеромъ. У меня дѣло осложнилось еще тѣмъ, что Dupont въ Брюсселѣ долженъ былъ давать мою H-moll'ную симфонію въ „Concerts populaires“ въ воскресенье. Въ пятницу была репетиція въ 9 ч. Я долженъ былъ наканунѣ ѣхать въ Брюссель ночевать тамъ. Репетиція прошла превосходно! Dupont—выше всякихъ похвалъ, какъ дирижеръ! Оркестръ куда лучше того, что̀ былъ на Антверпенской выставкѣ, особенно струнные! Исполненія такого для моей симфоніи никогда и нигдѣ не слыхалъ! Это огонь, увлеченье, задоръ—

все, что̀ хочешь! Овации мнѣ были страшныя. Въ бельгійской прессѣ напечатанъ анализъ симфоніи и критическія статьи — куда еще болѣе лестныя, чѣмъ въ Антверпенѣ, въ римской газетѣ (l'Art musical) и льежскихъ, и брюссельскихъ во время выставки. Масса журналистовъ, профессоровъ консерваторіи, композиторовъ и проч., окружали меня все время. Гюберти нарочно пріѣхалъ изъ Антверпена. Барыни всякія, отчаянныя мои поклонницы, совсѣмъ замотали меня. И все это знаетъ мои симфоніи чуть не наизусть! Послѣ каждой части Дюпонъ и оркестръ сильно апплодировали вмѣстѣ съ публикою, и мнѣ пришлось тому и другому сказать прочувствованное слово! Симпатіи къ нашей музыкѣ здѣсь огромныя; адепты ярые. Въ концертѣ, который будетъ завтра, въ воскресенье, въ театрѣ пойдутъ моя H-moll симфонія, „Сербская фантазія“ и „Сюита“—Кюи. Сегодня, въ субботу, генеральная репетиція публичная (т. е. собственно концертъ), съ платой, въ salle de la grande Harmonie. Мнѣ необходимо быть тамъ. А завтра, въ воскресенье, — графиня съ Кюи и пр. пріѣдутъ на концертъ и всѣ вмѣстѣ воротимся ночевать въ Аржантѐ. Вчера, въ пятницу, послѣ брюссельской репетиціи, я поѣхалъ въ Льежъ. Кюи далъ графу и графинѣ обѣдъ въ отелѣ (не такъ какъ азъ многогрѣшный). Вечеромъ, въ 8 часовъ, былъ концертъ русскій въ Льежѣ въ Société d'Emulation. Играли „Антара“, отрывки изъ „Angelo“, „Псковитянки“, „Среднюю Азію“ и каватину Владиміра Игоревича, да еще финалъ изъ „Кавказскаго Плѣнника“. Меня и Кюи восторженно вызывали два раза. Обѣ мои вещи были повторены по требованію публики. Изъ концерта графъ, графиня, Кюи и я—отправились на вечеръ къ Габетсу, предсѣдателю Société d'Emulation; весь цвѣтъ льежскаго общества тамъ собрался и намъ приходилось распинаться въ любезностяхъ: намъ исполняли наши вещи и очень мило. Одна барыня исполнила каватину мою превосходно, съ чувствомъ, съ увлеченіемъ. Оттуда, послѣ обильнаго угощенія, мы разстались: Кюи

остался въ Льежѣ, а я съ графомъ и графиней уѣхалъ въ Аржантѳ. Утромъ всталъ рано и въ 9 часовъ уже уѣхалъ изъ Аржантѳ въ Льежъ, и изъ Льежа ѣду теперь въ Брюссель, гдѣ останусь ночевать. Отбою нѣтъ отъ визитовъ, писемъ, приглашеній на обѣды, ужины, завтраки, вечера и пр. Какъ мы справимся съ этимъ—не вѣдаю. Результаты сегодняшніе и завтрашніе опишу послѣ, а пока цѣлую крѣпко и обнимаю тебя. Твой замотавшійся супругъ А. Бородинъ.

Съ новымъ годомъ! съ новымъ счастьемъ!

96. Къ ней же.

Замокъ Аржантѳ, 1-го января 1886 г.

Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ! Цѣлую тебя, голубка, и поздравляю отъ всего сердца. Передай кому слѣдуетъ, всѣмъ, мои поздравленія и пожеланія на новый годъ. Признаюсь, что я нѣсколько замотался и сбился съ толку. Легко возможно, что напишу тебѣ кое-что два раза; но лучше два раза сказать одно и то же, чѣмъ умолчать. Я тебѣ писалъ о концертѣ Société d'Emulation и о громадномъ успѣхѣ „Средней Азіи“ и каватины Владиміра Игоревича, которыя были повторены, причемъ меня вызвали два раза. Послѣ концерта въ разныхъ видахъ продолжались привѣтствія и овація. Между прочимъ, осаждали просьбами дать мой автографъ. Одна барышня даже, на улицѣ у подъѣзда, пристала ко мнѣ съ этой просьбой, которой я, разумѣется, удовлетворить не могъ На другой день она написала письмо графинѣ, чтобы та передала мнѣ ея просьбу—дать автографъ, причемъ приложила конвертъ съ готовымъ адресомъ и маркою. Послѣ этого, операціонный базисъ былъ уже не Льежъ, а Брюссель, гдѣ исполнялась моя 2-ая симфонія, и на мою долю выпали такія овація, которыя, по словамъ брюссельскихъ жителей, никогда не дѣлаются по поводу симфоническихъ вещей. Исполнялась она въ субботу, въ залѣ de la

grande Harmonie (для англичанъ, главнымъ образомъ, такъ какъ они по воскресеньямъ не могутъ слушать свѣтской музыки). Затѣмъ исполнялась въ театрѣ, для бельгійцевъ, въ воскресенье. „Сюита“—Кюи точно также удостоилась большихъ овацій (не такъ какъ въ Москвѣ!). Мы оба раскланивались изъ ложи. При выходѣ нашемъ изъ театра, группа молодыхъ людей кричала: „Vivent les Russes!“ и „Vive la Russie!“ Затѣмъ Дюпонъ (дирижеръ) и разные артисты, профессора консерваторіи и пр. потащили насъ въ ресторанъ и угощали. Послѣ концерта и угощенья я проводилъ графиню въ Аржантѐ, а Кюи остался у нѣкоего Терлиндера, живописца. Отзывы печати и подробный анализъ симфоніи, съ нотными примѣрами, далеко превосходятъ то, чѣмъ ты такъ возмущена въ „Музыкальномъ Обозрѣніи“; отзывы пріятеля Кюи куда строже и слабѣе иностранныхъ. (Впрочемъ, о „Музыкальномъ Обозрѣніи“ я поговорю еще съ тобою, ты кругомъ не права по отношенію къ этому органу). Во всякомъ случаѣ, если хочешь знать правду о музыкальныхъ дѣлахъ, то у насъ въ Россіи найдешь ее только въ „Музыкальномъ Обозрѣніи“. Остальные органы или умалчиваютъ, или безсовѣстно врутъ, и врутъ притомъ сознательно, изъ подлости. Затѣмъ операціонный базисъ опять перенесенъ въ Льежъ. Были репетиціи „Кавказскаго Плѣнника“—Кюи; сегодня 1-е представленіе. Всѣ билеты давно уже разобраны. Постановка недурна очень; плоховаты только хоры и маловаты; танцы изъ рукъ вонъ плохи. Солисты очень недурны и ансамбль хорошъ. Дирижеръ—превосходный; оркестръ очень порядочный. Уже послѣ генеральной репетиціи были газетные отзывы, весьма благопріятные для Кюи. Вообще насъ здѣсь на рукахъ носятъ, что называется... Успѣхъ въ Брюсселѣ имѣетъ особенно важное значеніе, такъ какъ за насъ вся консерваторія и всѣ музыкальные элементы. Дюпонъ усиленно проситъ пересылать ему все, что только я сдѣлаю, а также доставить переводъ „Игоря“ и партитуру, ибо хочетъ поставить оперу

на брюссельской сценѣ. Издатели сами набиваются съ предложеніемъ услугъ. Кстати: все, что напечатано у насъ о постановкѣ „Корделіи“ въ Брюсселѣ—чистый вздоръ, утка, пущенная у насъ въ видѣ рекламы! Кромѣ того, о Соловьевѣ и пр. въ Брюсселѣ самаго незавиднаго мнѣнія и называютъ его: „amateur râté“ Послѣ „Плѣнника“ пойдетъ въ Льежѣ моя H-moll симфонія 23 января (нов. стиля) и мнѣ необходимо остаться до этого времени здѣсь. Такъ-то, душа моя! Цѣлую тебя крѣпко и обнимаю.

97. Къ ней же.

Замокъ Аржантѣ, 2-го января 1886 г.

Только загналъ тебѣ письмо вчера, голубка моя, какъ пишу сегодня вновь, чтобы дать отчетъ о вчерашнемъ представленіи „Кавказскаго Плѣнника“—Кюи. Опера имѣла огромный успѣхъ и Кюи два раза появлялся на сценѣ и въ ложѣ, вслѣдствіе восторженныхъ вызововъ. При послѣднемъ появленіи его, артисты оперы поднесли ему золотую лиру! Шла опера очень недурно. Баритонъ, басы, теноръ и сопрано—были прекрасны, и, что всего лучше, голоса у нихъ приблизительно одинаково громкіе, такъ что ансамбли всѣ выходили прелестны. Хоры плохи и малочисленны. Танцы — чортъ знаетъ что такое! Одну танцовщицу даже освистали, до того она была плоха. Костюмы тоже пресмѣшные: черкески съ патронами и шапки имѣются, но остальное—чортъ знаетъ что! Дамы одѣты не то въ русскій, не то въ татарскій или грузинскій костюмъ, а самъ плѣнникъ одѣтъ кучеромъ, въ безрукавкѣ—презабавно! Оркестръ очень порядочный, а дирижеръ совсѣмъ молодецъ! На первое представленіе пріѣхало множество лицъ музыкальнаго, театральнаго и журнальнаго міра. Въ Брюсселѣ, вѣроятно, тоже поставятъ эту оперу, но, кромѣ того, идутъ уже переговоры относительно постановки „Анджело“. Чтобы дать тебѣ понятіе, въ какой степени теперь стали интересоваться рус-

скими композиторами, я тебѣ скажу, что вчера пріѣхало нѣсколько молодыхъ людей изъ Парижа на „Плѣнника“. Изъ нихъ одинъ изучилъ предварительно всю оперу по фортепіанному переложенію и зналъ ее наизусть всю. Онъ же знаетъ наизусть обѣ мои симфоніи. А? каково? Сегодня я ѣду на заводъ Кокериля осматривать его, а завтра, въ пятницу, на 2-е представленіе „Плѣнника“.

3-го января, пятница.

Второе представленіе прошло прекрасно. Танцы выпущены. Отъ Дюпона получилъ просьбу оставить партитуру симфоніи до 3-го марта, для концерта въ Брюсселѣ, откуда Дюпонъ получилъ до 30 писемъ, требующихъ повторенія симфоніи въ слѣдующемъ концертѣ. Вотъ какъ дѣла-то идутъ тамъ! Цѣлую тебя крѣпко и обнимаю. Поклоны кому слѣдуетъ. А. Бородинъ.

98. Къ И. И. Гаврушкевичу.

Москва, 6-го мая 1886 г.

Искренно и глубокоуважаемый Иванъ Ивановичъ.

Душевно благодаренъ вамъ за добрую память о вашемъ покорномъ слугѣ, который много виноватъ предъ вами, что такъ поздно откликается на ваше милое письмо. Не мало радуетъ меня, что вы нисколько не измѣняетесь, сохранили вашу свѣжесть, юморъ, горячую любовь къ музыкѣ и даже силы играть на віолончели, что̀ дѣло не легкое! Я давно бросилъ играть: во-первыхъ, потому, что всегда игралъ пакостно и вы только, по милому благодушію вашему, терпѣли меня въ ансамблѣ,—что правда, то правда!—во-вторыхъ, что отвлеченъ былъ другими занятіями, даже на поприщѣ музыкальномъ, гдѣ оказался пригоднѣе въ качествѣ композитора. На этомъ поприщѣ мнѣ пока везетъ, особенно заграницею: обѣ мои симфоніи имѣютъ тамъ большой успѣхъ, котораго я и не ожидалъ. 1-я (Es-dur) испол-

нялась съ большимъ успѣхомъ на фестивалѣ и концертахъ въ Баденъ-Баденѣ, Лейпцигѣ, Дрезденѣ, Ростокѣ, Антверпенѣ, Льежѣ и проч., и составила мнѣ солидную репутацію заграницею, особенно въ Германіи. 2-я (H-moll) особенно понравилась бельгійскимъ музыкантамъ и публикѣ, такъ что была причиной явленія небывалаго въ Брюсселѣ,— что „по требованію публики“ была исполнена вторично въ слѣдующемъ концертѣ (Concert populaire), чего не случалось никогда съ самаго основанія этихъ концертовъ! Въ Льежѣ и на Антверпенской выставкѣ ее играли тоже съ огромнымъ успѣхомъ. Теперь, кажется, будутъ ее исполнять въ Зондергаузенѣ на фестивалѣ—съѣздѣ музыкальнаго общества „Allegemeiner Deustcher Musikverein“. Эта симфонія доставила мнѣ еще лучшую репутацію. Но всего популярнѣе заграницею оказалась моя симфоническая поэма: „Въ Средней Азіи“, которая облетѣла всю Европу, начиная съ Христіаніи и кончая Монако. Не смотря на непопулярную программу сочиненія (рѣчь идетъ объ успѣхѣ русскаго оружія въ Средней Азіи), музыка эта почти всюду вызывала bis, а иногда, въ Вѣнѣ у Штрауса, въ Парижѣ у Ламурё и др., по требованію публики повторялась и въ слѣдующемъ концертѣ. 1-му квартету моему повезло нетолько въ Европѣ (Карлсруэ, Лейпцигѣ, Льежѣ, Брюсселѣ, Антверпенѣ и проч.), но и въ Америкѣ,—да еще какъ! въ нынѣшній сезонъ Филармоническое общество Buffalo исполнило его 4 раза!—вещь небывалая для сочиненія иностраннаго автора изъ новыхъ! Вокальныя вещи мои тоже имѣли всюду успѣхъ (чтобы не сглазить!). Лично я играю такъ же пакостно на всѣхъ инструментахъ, какъ и прежде. Квартеты и камерную музыку смерть люблю попрежнему, но только слушаю; нынче только тряхнулъ, подобно вамъ, стариной, и, не бравъ віолончели въ руки 11 лѣтъ, сѣлъ играть D-мольный тріо Мендельсона съ женой (отличной піанисткой) и однимъ пріятелемъ въ Москвѣ, да еще сыгралъ тріо Рейсигера E-moll. Игралъ, разумѣется, скверно, но усерд-

но, въ потѣ лица. И вы угадали, спросивъ ради шутки, что если я не игралъ Radicati *), то не игралъ ли ради Кати? Именно на сей-то разъ я игралъ ради Кати, такъ какъ моя жена, Катерина Сергѣевна, пристала, чтобы я игралъ, за неимѣніемъ другого віолончелиста. Вашъ юморъ оказался въ данномъ случаѣ, какъ сонъ въ руку! Я очень часто и весьма тепло вспоминаю о васъ, уважаемый Иванъ Ивановичъ, о вашихъ вечерахъ, которые я такъ любилъ и которые были для меня серьезною и хорошею школой, какъ всегда бываетъ серьезная камерная музыка! Съ благодарностью вспоминаю я о вашихъ вечерахъ и съ удовольствіемъ—о пельменяхъ, которые мы запивали „епископомъ", какъ вы оригинально обозвали бишофъ. Отъ души желаю вамъ всякаго успѣха во всѣхъ дѣлахъ, здоровья, долгоденствія, наслажденій и радостей всякихъ. Неизмѣнно и душевно-преданный вамъ—скверный Violoncello II-do А. Бородинъ.

99. Къ Л. И. Шестаковой.

Село Раменское, Московской губерніи, Бронницкаго уѣзда
6-го августа 1886 г.

Дорогая и безконечно-уважаемая всѣми нами Людмила Ивановна. Несказанно благодаренъ вамъ и за письмо ваше, и за добрую память, и за любезное предложеніе. Нужно ли говорить вамъ, что я желаю почтить память дорогого всѣмъ намъ Листа? Нужно ли говорить, что я былъ бы глубоко огорченъ, еслибы мнѣ не пришлось участвовать въ подпискѣ на вѣнокъ? Поэтому прошу васъ сдѣлать мнѣ великое одолженіе и внести отъ моего имени сколько найдется нужнымъ и сообщить мнѣ; я вамъ немедленно возвращу съ благодарностью. О себѣ ничего путнаго написать не могу. Нынѣшній годъ мнѣ во многихъ отношеніяхъ былъ очень тяжелымъ годомъ. На

*) Radicati—сочинитель камерной квартетной музыки въ первой четверти настоящаго столѣтія. В. С.

Святой я былъ вызванъ въ Москву по случаю тяжкой болѣзни моей тещи, которая едва не умерла, а 3-го іюня я вызванъ былъ телеграммою по случаю тяжкой болѣзни моей жены, которая два раза была уже буквально при смерти и только чудомъ спаслась. Опасность для жизни, въ ближайшемъ будущемъ, миновала, но больная все-таки очень трудна; не можетъ еще ни ходить, ни лежать и даже спитъ не иначе, какъ въ креслѣ, сидя. Такъ тяжело она еще никогда не бывала больна. Теща моя едва дышетъ. На бѣду, обстоятельства сложились такъ, что никого изъ близкихъ нѣтъ въ Москвѣ. Понятно, что при такихъ условіяхъ мудрено писать оперу или вообще музыку!

Жена моя поручила мнѣ передать вамъ ея глубочайшее почтеніе. Цѣлую ваши ручки и желаю вамъ всего хорошаго. Искренно и душевно-преданный вамъ А. Бородинъ.

100. Къ К. С. Бородиной.

16-го октября 1886 г.

Не знаю, какъ тебя и благодарить за твое послѣднее письмо, которое я только что получилъ. Еще болѣе благодарю за то, что ты поняла, насколько твое предыдущее письмо меня встревожило, и тотчасъ же поспѣшила успокоить меня. Это очень мило и хорошо съ твоей стороны. Теперь и я тебя поспѣшу успокоить насчетъ разныхъ вещей. Во-первыхъ, мы всѣ живы и здоровы и я здѣсь очень поправился за это время. Образъ жизни у насъ правильный и гигіеничный. Я встаю въ 6 — 7 часовъ, съ утра закушу (яйца, мясо, закуски, etc.), пью чай въ 8—9 часовъ, въ 2—3 часа обѣдаю. Послѣ обѣда ½ часика вздремну въ креслѣ (а иногда и дольше). Потомъ пью чай (а иногда и тотчасъ послѣ обѣда). Часовъ въ 9—10 закусимъ и снова чай пью. Часовъ въ 12, рѣдко позже, ложусь спать. Это на мнѣ очень хорошо отзывается....

Теперь я тебѣ разскажу о томъ, что у насъ было. Былъ

у насъ аристонъ, нѣчто въ родѣ шарманки, и всѣ по очереди каждый день съ утра вертѣли эту шарманку. Иногда по вечерамъ даже танцовали подъ аристонъ. Я иногда тоже принимаюсь за музыку. Ганя поетъ „И жаръ, и зной“ изъ „Руслана“. Боба *) разбираетъ въ запуски—аккорды, мажоры, миноры, наигрываетъ „Матушку-голубушку“, маршъ Шопена, „Парафразы“ и пр.—прельщаетъ всѣхъ. Какъ, бывало, онъ вездѣ видѣлъ и искалъ—шары, кристаллическія формы, такъ теперь во всякомъ звукѣ, стукѣ отыскиваетъ опредѣленныя ноты... Теперь у насъ будетъ рядъ концертовъ новой русской школы. Первый былъ вчера, подъ управленіемъ Корсиньки, который теперь выработался (благодаря Капеллѣ) въ превосходнаго дирижера. Въ воскресенье, понедѣльникъ и вторникъ, съ 9 час. утра, были репетиціи. Я и всѣ наши бывали на нихъ. Въ концертѣ были только я да Павлычъ. Играли „Увертюру на русскія темы“—Корсакова; Ауэръ игралъ 3 пьесы Кюи съ оркестромъ; затѣмъ исполнили новую оркестровую вещь Глазунова—„Idylle religieuse“ (симфоническая вещица очень милая). Затѣмъ шла симфоническая поэма Мусоргскаго „Ночь на Лысой горѣ“ (шабашъ). Это маленькій и даже большой шедевръ! Ты помнишь главную тему оттуда, которую наигрывалъ Мусоргскій бывало у насъ? (Объ этихъ концертахъ, которыхъ еще будетъ три, ты прочтешь въ „Музыкальномъ Обозрѣніи“). Затѣмъ Ауэръ игралъ еще „Sérénade mélancolique“—Чайковскаго съ оркестромъ. II-я часть концерта состояла изъ моей Es-дурной симфоніи, которую Корсаковъ исполнилъ въ совершенствѣ, какъ никто ее еще не исполнялъ у насъ. Всѣ эти четыре концерта будутъ по средамъ. Ну, прощай, дорогая, цѣлую тебя. Твой Матуска.

---

*) Борисъ, 3-хъ-лѣтній сынъ А. П. Діанина, крестный сынъ А. П. Бородина, уже и 3-хъ лѣтъ выказывавшій необычайныя музыкальныя способности, по части слуха и подбиранія слышанной музыки. В. С.

101. Къ ней же.

Спб., 20-го января 1887 г.

Прости, моя голубка, что такъ долго не писалъ тебѣ, и не тревожься вообще, если ты случайно не будешь получать отъ меня писемъ очень часто. Ты не повѣришь, какъ летитъ время въ этомъ водоворотѣ, въ этой безконечной толчеѣ жизни; дни мелькаютъ за днями, точно телеграфные столбы мимо поѣзда на желѣзной дорогѣ, который несется на всѣхъ парахъ. Иногда, право, становится даже страшно, когда подумаешь, какъ бѣжитъ время, куда бѣжитъ и ради чего бѣжитъ. Вотъ уже скоро и масляница на носу. А я начинаю побаиваться, что на масляницѣ не удастся пріѣхать къ тебѣ. Единственнымъ утѣшеніемъ, хотя и слабымъ, является тотъ же безумный бѣгъ времени, которое съ тою же быстротою пробѣжитъ и до Пасхи. О насъ, грѣшныхъ, писать тебѣ много нечего. Я думаю, Ганя тебѣ изложила многое изъ нашего скромнаго житья-бытья: во всякомъ случаѣ о себѣ и о Консерваторіи съ Рубинштейномъ она, вѣроятно, изложила въ подробности, хотя, быть можетъ, и со своей нѣсколько субъективной точки. Рубинштейнъ нагналъ такого холода на всѣхъ въ Консерваторіи, что всѣмъ стало страшно и жутко. Я, съ моей стороны, и ученики боимся очень, чтобы * не вышелъ изъ Консерваторіи, что̀ повлечетъ неминуемо выходъ за нимъ и ** и, быть можетъ, другихъ даровитыхъ и серьезныхъ преподавателей. Z. человѣкъ безтактный, недалекій, и съ убѣжденіями, въ художественномъ смыслѣ, весьма узкими, консервативными. Многіе ужасно жалѣютъ, что Y. ушелъ, это былъ все-таки человѣкъ, гораздо болѣе умный, современный, развитой и образованный, чѣмъ Z. По характеру, быть можетъ, онъ былъ немного слабъ, какъ говорятъ, но онъ, какъ художникъ, имѣлъ болѣе современный взглядъ на искусство и гораздо лучше понималъ современныя требованія, шире смотрѣлъ на дѣло и, какъ человѣкъ, былъ очень гуманный и добрый. Впрочемъ, уви-

димъ, что будетъ дальше. Авось ее не тронутъ. Z. особенно баши-бузукствуетъ въ фортепіанномъ классѣ; пѣніемъ пока интересуется меньше, да и понимаетъ въ немъ меньше, чѣмъ въ фортепіанной игрѣ.

Такъ какъ я уже коснулся музыкальнаго вопроса, то повѣдаю тебѣ, что въ Амстердамѣ съ большимъ успѣхомъ исполняли мою „Среднюю Азію“ и Es-дурную симфонію, въ концертѣ общества Felix Meritis, подъ управленіемъ Рёйтгена, очень хорошаго музыканта и дирижера. Тамъ же исполнялись съ успѣхомъ—„Сербская фантазія“ и многіе номера изъ „Плѣнника“—Кюи; наибольшій успѣхъ выпалъ, повидимому, на долю секстета и финала 2-го дѣйствія; этотъ номеръ былъ повторенъ. Это было 21-го января. Кромѣ того, въ Брюсселѣ, въ Concerts Populaires, у Дюпона, 23-го января исполняли: отрывки изъ „Анджело“, кавказскіе танцы изъ „Плѣнника“—Кюи, „Антара“—Корсакова, „Среднюю Азію“, каватину Владиміра Игоревича и увертюру „Дмитрій Донской“ изъ оперы Рубинштейна. По словамъ графини Аржантò, исполненіе оркестровыхъ пьесъ было, однако, хуже, чѣмъ въ прошломъ году, но каватину мою Энгель (Анжіели) исполнилъ превосходно.

О нашихъ домашнихъ музыкальныхъ дѣлахъ скажу тебѣ, что, помимо тромбона, Павлычъ *) досталъ себѣ валторну, которая нашла больше сочувствія въ средѣ домашнихъ, потому что не такъ реветъ, какъ тромбонъ. У меня музыка идетъ тихо; некогда мнѣ. Главную комиссію, одолѣвавшую насъ три года, я сдалъ, но она все-таки не даетъ мнѣ свободы, ибо требуетъ по поводу ея ѣздить въ Главное управленіе, писать, толковать и пр. Кромѣ того, есть много новыхъ комиссій, хотя и не такихъ затяжныхъ, но все же отнимающихъ много времени. Ну, до свиданія. Цѣлую тебя

*) Ал. Павл. Діанинъ. В. С.

крѣпко. Будь здорова. Нашимъ по положенію. Твой А. Бородинъ.

Пиши хоть понемногу, но почаще. У насъ все растаяло; совсѣмъ весна.

102. Къней же.

С.-Петербургъ, 3-го февраля 1887 г.

Голубка моя дорогая, прости, дружокъ, что я тебѣ долго не писалъ и не объясняй моего молчанія лѣнью или невниманіемъ. Дѣло въ томъ, что тебѣ поочередно писали теперь наши домочадцы, ну я и ждалъ, пока они кончатъ со своей корреспонденціей.....

Мнѣ въ Амстердамѣ повезло очень: симфонія Es-dur тамъ очень понравилась и требовали повторенія ея, вслѣдствіе чего она шла 2-й разъ и теперь пойдетъ въ 3-й разъ. Этакъ было только въ Льежѣ. Капельмейстеръ Юліусъ Рёйтгенъ прислалъ мнѣ очень милую карточку съ надписью и письмо графини по поводу успѣха моей симфоніи. „Средняя Азія“ моя тоже имѣла успѣхъ въ Брюсселѣ и въ Амстердамѣ, гдѣ будетъ исполняться во 2-й разъ. У насъ, въ субботу, Лавровская пѣла мою „Спящую княжну“ въ концертѣ Музыкальнаго Общества. Блуменфельдъ (Сигизмундъ, братъ піаниста, котораго ты знаешь) переложилъ мой второй квартетъ и очень мило. Скоро онъ будетъ издаваться. Моя 2-я симфонія въ партитурѣ печатается. Скоро печатается также квартетъ, посвященный Бѣляеву, на тему Bé—la—eff, гдѣ я сдѣлалъ andante, въ видѣ серенады, а Корсинька 1-ю часть, Лядовъ—скерцо, а Глазуновъ—финалъ.

Ты знаешь, что у меня есть въ зачаткѣ третья симфонія, но она еще едва ли скоро появится на свѣтъ, потому что много работы за „Игоремъ“, который подвигается туго....

Боба теперь переигралъ и переслушалъ все прежнее и какъ-то угомонился немного. Теперь онъ сочинилъ какую-то изумительную, несуществующую мѣстность, гдѣ есть домъ

подъ названіемъ „Эпитаси“, и въ этомъ „Эпитаси“ есть всевозможные инструменты: тубля, дикля, бегіутатаны, пикьюпикья и множество другихъ, съ самыми невозможными именами; Боба разсказываетъ съ увлеченіемъ о всѣхъ подробностяхъ, касающихся этихъ фантастическихъ „Эпитасей“, людяхъ, которыхъ тамъ видитъ, и событіяхъ — точно это было все въ дѣйствительности. Фантазія-то? Вѣрь послѣ того свидѣтельскимъ показаніямъ дѣтей! Пересказать всего нельзя — это значило бы написать тебѣ цѣлый томъ!.. На масляницѣ мнѣ едва ли придется пріѣхать; помимо дороговизны, о которой ты скорбишь, тутъ, просто недостатокъ времени мѣшаетъ. Цѣлую тебя 1.000,000 разъ. Твой А. Бородинъ.

103. Къ ней же.

С.-Петербургъ, 9-го февраля 1887 г.

Ну, голубушка моя дорогая, я тебѣ не писалъ до сихъ поръ, потому что все еще раздумывалъ и раскидывалъ умомъ — ѣхать ли къ тебѣ, или не ѣхать на масляницу? Самъ сознавалъ, что смысла нѣтъ ѣхать при условіяхъ, когда я могу пробыть въ Москвѣ всего 4—5 дней. Жертвовать лекціей въ среду на масляницѣ нельзя; пошли бы толки всякіе неблаговидные; врать—что тебѣ очень скверно, что ты въ опасности и пр.—совсѣмъ скверно. Наконецъ, окружной судъ разрѣзалъ Гордіевъ узелъ: меня вызвали для подачи разъясненій по какому-то дѣлу въ качествѣ эксперта. Тутъ ужъ нельзя ѣхать, хотя бы и хотѣлось. Потому, голубка моя, ты меня и не жди; до Святой, т. е. до Вербной недѣли не могу пріѣхать.....

Я провелъ вечеръ 3-го февраля у Кондратьева. Но, какъ поетъ баянъ въ „Русланѣ“: „За благомъ вслѣдъ идутъ печали“—на другой день утромъ Ганя бѣднан ревѣла бѣлугой навзрыдъ, держа на рукахъ трупъ бѣднаго голубка, который имѣлъ бы право тоже вмѣстѣ съ баяномъ пѣть: „За благомъ вслѣдъ идутъ печали“, ибо, оправившись послѣ

кошачьихъ лапъ, обожрался и отошелъ туда—гдѣ нѣтъ уже ни печали, ни воздыханія. Поэтому онъ оправдалъ и слѣдующую строфу баяна: „печаль же радости залогъ“. Лизутка отбыла свою сердечную повинность раньше: двое сутокъ ревѣла о маленькомъ моисикѣ, котораго изъ благоразумія и участія къ самому моисику отдала m-me Паули въ фельдшерскую школу. Моисикъ первые сутки тоже буквально плакалъ, слезами плакалъ по Лизѣ, но потомъ утѣшился, такъ какъ у Паули нашелъ себѣ настоящую утѣшительницу—миловиднѣйшую сучку моисика, весьма кокетливую, любезную и ласковую. Теперь и моисикъ, и Лиза утѣшились вполнѣ. Переходъ отъ моисиковъ, голубей и нашихъ взрослыхъ дѣвчонокъ къ настоящимъ дѣтямъ, къ Бобѣ. Боба и прежде ужасно любилъ папу Кокинькаго, но теперь на него нашла особенная полоса нѣжныхъ отношеній къ Кокинькому. Когда только возможно, онъ спѣшитъ влѣзть ко мнѣ на колѣни, цѣлуетъ, ласкаетъ и причитываетъ: „Голубчикъ ты мой! Голубчикъ какихъ нѣтъ! Голубки мои маленькіе! Чистенькій мой! Ручки чистенькія! Личико чистенькое! (въ родѣ: occhini bellini! nasino bellino! è poi ride!) Дуся мой! Крошечка моя! Воробушекъ мой! Птичка моя маленькая! Жучокъ мой!“ и т. д. въ томъ же родѣ, всегда съ уменьшительными. При этомъ въ засосъ цѣлуетъ руки и лицо, и требуетъ, чтобы я непремѣнно смотрѣлъ ему прямо въ лицо; чуть я поверну голову въ сторону, онъ сейчасъ поправитъ ручкой мою голову и повернетъ лицомъ къ себѣ. Теперь играетъ „Пляску птицъ“ и „Пѣсни Леля“ изъ „Снѣгурочки“, и проситъ, чтобы я игралъ ему „Пляску шутовъ“ изъ этой же оперы. О себѣ пока не пишу; ничего новаго нѣтъ. Скажу, пожалуй, что получилъ милѣйшее, душевнѣйшее и самое лестное письмо отъ директора театра de la Monnaie въ Брюсселѣ, Дюпона. Онъ проситъ меня прислать ему что-нибудь новое симфоническое и писать для его театра оперу, которую навѣрное и непремѣнно поставитъ какъ нельзя лучше. Какія дѣла-то! Цѣлую тебя крѣпко.

104. Къ ней же.

„С.-Петербургъ, 14-го февраля 1887 г. *).

И такъ, голубушка моя дорогая, я не пріѣхалъ къ тебѣ на масляницу! Сначала я все колебался, хотя и сознавалъ, что ѣхать на такой малый срокъ не стоитъ, но все-таки колебался. Когда же я получилъ отъ судебнаго слѣдователя приглашеніе явиться для допроса въ качествѣ свидѣтеля „по дѣлу.....“ Завтра „у насъ“ танцовальный вечеръ; будетъ „grandement beau“, „il y aura de la bougie!“ какъ пишутъ въ „Vie en Bohême“ у Murger. Сегодня наняли тапёзу. Балъ будетъ костюмированный. Не хочу до поры до времени разоблачать тайну и предоставляю описаніе болѣе искусному перу прочихъ корреспондентовъ твоихъ. Балъ будетъ въ аудиторіи Сущинскаго.... **) Боба меня называетъ теперь: „бюстикъ, кругленькая головка, пятачочикъ мой, струна моя, таракашечекъ“. Прелестный мальчонокъ!

Прочти драму Л. Толстого: „Царство тьмы“ или „Когтокъ увязъ—всей птичкѣ пропасть!“ Стасовъ говоритъ, что это просто шедёвръ, Шекспиръ! Цѣлую тебя крѣпко. Твой А. Бородинъ.

*) Это послѣднее письмо Бородина писано имъ наканунѣ дня смерти, всего за немного часовъ до нея. В. С.

**) Этотъ балъ состоялся, и Бородинъ былъ одѣтъ на немъ по-русски, въ красную рубаху и высокіе сапоги. Среди разгара бала, онъ въ 12-мъ часу ночи былъ внезапно, къ ужасу гостей, среди разговора упалъ на полъ и черезъ нѣсколько секундъ скончался. В. С.

III

МУЗЫКАЛЬНЫЯ СТАТЬИ

1. Музыкальныя замѣтки*).

I.

Концерты Русскаго Музыкальнаго Общества.

При той разнохарактерности, которою отличается наша публика въ музыкальномъ отношеніи, очевидно, должно существовать большое разнообразіе и въ средствахъ къ удовлетворенію ея музыкальныхъ вкусовъ. Значительная часть публики находитъ полное удовлетвореніе своимъ музыкальнымъ требованіямъ—въ итальянской или русской оперѣ, въ комическихъ французскихъ или нѣмецкихъ опереткахъ, въ концертахъ отечественныхъ и заграничныхъ солистовъ,

*) „Музыкальныя Замѣтки“ написаны были Бородинымъ, въ концѣ 1868 и въ началѣ 1869 года, по тому поводу, что Ц. А. Кюи, музыкальный рецензентъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, былъ въ то время сильно занятъ репетиціями своей оперы „Ратклиффъ“ (въ 1-й разъ данной на Маріинскомъ театрѣ 14-го февраля 1869 года). По просьбѣ Ц. А. Кюи, Бородинъ въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ занималъ его мѣсто музыкальнаго обозрѣвателя газеты. Статьи Бородина не были подписаны его фамиліей: подъ одними онъ поставилъ букву:—ъ, подъ другими: Б.

Никогда до тѣхъ поръ не писавши музыкальныхъ критикъ въ газетахъ, Бородинъ не довѣрялъ себѣ и, по указанію М. А. Балакирева, просилъ В. В. Стасова, прежде напечатанія статей, просмотрѣть и „исправить“ (какъ онъ говорилъ) статьи его. Но В. В. Стасовъ нашелъ возможнымъ сдѣлать лишь мелкія замѣчанія.

Первая, двойная статья (I, II) была напечатана въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 11-го декабря 1868 года, № 339. В. С.

въ духовномъ пѣніи, въ хоровомъ пѣніи всякихъ русскихъ, цыганскихъ, тирольскихъ, баварскихъ и иныхъ пѣвцовъ, въ бальной музыкѣ загородныхъ оркестровъ и т. д. Но въ то же время у насъ есть и такая часть публики, для которой всего этого еще недостаточно. Руководствуясь болѣе тонкимъ и вѣрнымъ музыкальнымъ чутьемъ, она постоянно выражала потребность слушать хорошее исполненіе серьезной концертной и симфонической музыки, имѣющей такое громадное вліяніе на музыкальное образованіе и развитіе вкуса. Для удовлетворенія этой потребности, возникали у насъ, въ различное время, болѣе или менѣе организованныя концертныя общества и учрежденія, которыя давали ежегодные концерты и даже цѣлыя серіи концертовъ подобной музыки. Такое значеніе имѣли, въ продолженіе долгаго времени: концерты Симфоническаго Общества, университетскіе концерты, симфоническіе концерты Безплатной Школы музыки, концерты Русскаго Музыкальнаго Общества. Я не говорю здѣсь о концертахъ Филармоническаго Общества, которое могло бы и должно бы имѣть подобное назначеніе. Но такъ какъ цѣль этого Общества по преимуществу не филармоническая, но филантропическая*), то оно ставитъ обыкновенно музыкальные интересы на второй планъ и заботится, главнымъ образомъ, о полученіи возможно бо̀льшаго сбора.

По цѣли своей, ежегодные концерты Филармоническаго Общества подходятъ, слѣдовательно, всего ближе къ ежегоднымъ концертамъ въ пользу инвалидовъ; разница только

---

*) Боясь, чтобы признаніе филантропическаго характера за концертами Филармоническаго Общества не навлекло редакціи „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, новаго судебнаго преслѣдованія со стороны г. Стелловскаго, я заранѣе дѣлаю оговорку, что слово „филантропическій“ употреблено мною въ самомъ почтительномъ и благородномъ смыслѣ. Ich hab'es gut gemeint — какъ говорятъ нѣмецкіе студенты, когда желаютъ отклонить вызовъ на дуэль за неосторожно сказанное слово. Авторъ.

въ томъ, что послѣдніе простираютъ свои благотворенія на военное сословіе, а первые—на вдовъ и сиротъ.

Сохрани меня Богъ осуждать общество за такую благородную цѣль. Филантропія всегда и вездѣ вещь почтенная. Дѣлая мое замѣчаніе, я хочу только указать на истинное значеніе концертовъ Филармоническаго Общества собственно для искусства.

Роль проводниковъ хорошей и хорошо исполняемой симфонической музыки оставалась въ послѣднее время за Безплатною Школой и Русскимъ Музыкальнымъ Обществомъ. Но Безплатная Школа, не смотря на превосходный выборъ музыки и образцовое исполненіе, не могла имѣть слишкомъ большаго значенія, по малочисленности своихъ концертовъ. Поэтому изъ всѣхъ концертовъ, имѣющихъ вліяніе на развитіе музыкальнаго вкуса публики, первенство должно остаться за Русскимъ Музыкальнымъ Обществомъ. Оно располагаетъ большими инструментальными и вокальными массами и средствами, и въ состояніи давать ежегодно очень много музыки, благодаря тому, что имѣетъ въ распоряженіи цѣлые десять большихъ концертовъ, не считая квартетныхъ вечеровъ. Такимъ образомъ, у Русскаго Музыкальнаго Общества есть всѣ матеріальныя данныя для того, чтобы преслѣдовать неуклонно свою главную цѣль—„развитіе музыкальнаго образованія и вкуса къ музыкѣ въ Россіи и поощреніе отечественныхъ талантовъ“, — какъ значится въ первомъ параграфѣ устава Общества. Тѣмъ не менѣе, еще недавно была эпоха въ существованіи этого Общества, когда значеніе его начало падать. Это выражалось постепеннымъ охлажденіемъ публики къ концертамъ Общества и постояннымъ убываніемъ членовъ-посѣтителей, число которыхъ годъ отъ году уменьшалось.

Причиной тому были: во-первыхъ, неудовлетворительность выбора и исполненія музыки вообще; во-вторыхъ, то обстоятельство, что Общество мало-по-малу отклонялось отъ главнаго своего назначенія — „быть проводникомъ му-

зыкальнаго образованія именно въ средѣ русской публики". Обществу угрожала уже совершенная утрата того вліянія, которое должно бы принадлежать ему по праву. Выходъ изъ этого критическаго положенія сдѣлался возможнымъ только тогда, когда Общество начало строго относиться къ выполненію главной своей задачи, ввѣрило управленіе оркестра и хоровъ самому даровитому изъ нашихъ дирижеровъ, и оживило программы своихъ концертовъ удачнымъ выборомъ музыки, имѣющей дѣйствительный интересъ какъ для современнаго искусства вообще, такъ и для русскаго искусства въ частности. Съ этого времени значеніе Общества начало быстро подниматься, и это выразилось всего яснѣе въ быстромъ увеличеніи числа абонентовъ. Это возрастаніе числа слушателей въ прошедшемъ году можно еще объяснить, пожалуй, пріѣздомъ Берліоза, заранѣе возвѣщеніемъ и выполненіемъ музыки знаменитаго композитора подъ личнымъ его управленіемъ. Но чѣмъ объяснить громадное стеченіе публики на концерты Общества въ нынѣшнемъ году?.. Почему нынче, еще до перваго концерта, число абонентовъ достигло такой огромной цифры, какой оно никогда не достигало въ прежніе годы? Этого уже нельзя объяснить никакими случайными и внѣшними приманками. Нынче, какъ на бѣду, Общество объявило впередъ программы всѣхъ десяти концертовъ и тѣмъ заранѣе предупредило публику, что на этотъ разъ никакихъ Берліозовъ не будетъ. Мы объясняемъ такое несоразмѣрное привлеченіе публики только сочувствіемъ къ внутренному содержанію исполняемой музыки и превосходному исполненію ея подъ талантливымъ управленіемъ М. А. Балакирева.

Программы концертовъ на нынѣшній сезонъ въ высшей степени разнообразны и интересны. На ряду съ произведеніями классиковъ, при имени которыхъ музыкальная публика привыкла испытывать священный трепетъ, исполняется множество произведеній такихъ новѣйшихъ композиторовъ, одно имя которыхъ такъ недавно еще возбуждало

чувство ужаса въ присяжныхъ музыкантахъ стараго закала. Вѣрное второму параграфу своего устава, Общество доставляетъ также возможность слышать и новыя произведенія русскихъ композиторовъ, находящихся еще въ живыхъ, даже очень молодыхъ и развившихся внѣ тѣсныхъ рамокъ музыкальной схоластики. Общество поступаетъ въ этомъ случаѣ чрезвычайно честно и разумно, не стѣсняясь тѣмъ, что многіе изъ присяжныхъ жрецовъ Аполлонова храма смотрятъ на подобныхъ композиторовъ, по меньшей мѣрѣ, какъ на еретиковъ, или какихъ-то нигилистовъ, попирающихъ якобы священныя преданія схоластической эстетики, музыкальной риторики и пінтики. (Про музыкальную грамматику, т. е. умѣнье писать музыку грамотно, я не говорю, ибо присяжные жрецы Аполлоиова храма частенько и сами грѣшатъ по этой части).

Въ первомъ концертѣ (23-го ноября) шли три части изъ драматической симфоніи Берліоза: „Ромео и Джульетта“, 9-й концертъ для скрипки—Шпора, хоры изъ перваго дѣйствія „Русалки“—Даргомыжскаго, полонезъ (E-dur)—Вебера, аранжированный для фортепіано и оркестра — Листомъ, увертюра (№ 2) къ „Леонорѣ“ — Бетховена. Отрывки изъ симфоніи Берліоза извѣстны уже нашей публикѣ. Одинъ изъ нихъ изображаетъ, сначала, „Мечтающаго Ромео, долетающіе отдаленные звуки бала и концерта, наконецъ, самый праздникъ въ домѣ у Капулеттовъ“. Второй отрывокъ представляетъ: „Садъ Капулеттовъ, молчаливый и пустой; лунная ночь; молодые Капулетты, возвращаясь съ бала, проходятъ, напѣвая отрывки изъ бальной музыки (мужской хоръ); Джульетта на балконѣ; Ромео въ тѣни; сцена любви (инструментальное адажіо“). Сюжетъ третьяго отрывка, наиболѣе извѣстнаго у насъ—„Царица Мабъ“, волшебница сновъ и всѣ ея продѣлки (инструментальное скерцо).

Въ первомъ отрывкѣ самое слабое — начало, гдѣ Ромео мечтаетъ какими-то нѣжными и безсодержательными хроматическими ходами. Но за то потомъ, когда къ итальян-

ской кантиленѣ, распѣваемой очень мило гобоемъ, примѣшиваются вдругъ звуки тамбурина, какъ бы отголоски доносящейся бальной музыки совсѣмъ другого ритма (превосходный оркестровый эффектъ) — интересъ музыки ростетъ все болѣе и болѣе. Звуки оркестра переходятъ въ блестящую, живую, итальянски-ухарскую бальную музыку, тема которой по этому самому банальна. За то, далѣе изъ нея выростаютъ чудеса оркестровки и гармоніи, свойственныя исключительно Берліозу, и переходятъ въ эффектное фортиссимо— сочетаніе бальной темы съ темою кантилены. Въ концѣ опять мелькаетъ тема, характеризовавшая мечтающаго Ромео. Все это сдѣлано необыкновенно смѣло, бойко и ловко.

Интродукція адажіо второго отрывка составляетъ одно изъ самыхъ поэтическихъ вдохновеній Берліоза. Когда вы слышите эти прелестные аккорды піаниссимо, передъ вами живо воскресаетъ впечатлѣніе душистой, теплой, южной ночи. Вамъ тогда дѣлается не шутя досадно на „молодыхъ Капулеттовъ“, неожиданно врывающихся съ своимъ непрошеннымъ хоромъ и разрушающихъ ваше настроеніе. Мнѣ сдается даже, что и самъ Берліозъ былъ золъ на „молодыхъ Капулеттовъ“, иначе онъ не написалъ бы для нихъ такого хора: неимовѣрно банальнаго по содержанію и въ то же время труднаго по исполненію. Послѣднее обстоятельство, впрочемъ, очень обидно, ибо наказанными остаются въ этомъ случаѣ не самые Капулетты, а бѣдные хористы, которымъ суждено изображать Капулеттовъ. Хорикъ этотъ особенно трудно дается нашимъ сѣвернымъ хористамъ, вовсе неспособнымъ напѣвать легонькія, игриво-банальныя южныя пѣсенки. Потому-то исполненіе этого хорика отличается у насъ всегда неуклюжестью и неповоротливостью „Amen'овъ“ въ знаменитыхъ классическихъ ораторіяхъ и мессахъ. По задачѣ своей, хорикъ этотъ, однако же, какъ нельзя болѣе у мѣста. Вы здѣсь сразу чувствуете, что эти пошлые, подгулявшіе Капулетты не имѣютъ ничего общаго съ поэтическою личностью Ромео, его лю-

бовью и обаятельною обстановкой южной ночи. Контрастъ выраженъ превосходно и въ эфектной гармонизаціи, причемъ оркестръ, по вступленіи хора, продолжаетъ свое піаниссимо, и поэтическіе ходы его образуютъ чрезвычайно эфектныя и своеобразныя гармоническія сочетанія съ банальными гармоніями хора. Слѣдующая затѣмъ сцена любви сильно пропитана итальянизмомъ, благороднаго, впрочемъ, не банальнаго характера.

Мѣстами музыка въ ней даже очень хороша и своеобразна, мѣстами слышится вліяніе Бетховена. Но вообще вся эта сцена непомѣрно длинна и растянута, что̀ составляетъ капитальный недостатокъ всего нумера. Нечего говорить о томъ, что все это оркестровано обезподобно, и не лишено замѣчательныхъ красотъ въ подробностяхъ инструментовки и гармонизаціи. Самъ Берліозъ цѣнитъ именно этотъ нумеръ особенно высоко, и въ автографахъ на своихъ портретахъ помѣщаетъ обыкновенно фразы изъ начала этого адажіо.

Третій отрывокъ, безспорно, самый лучшій. Это верхъ совершенства по новизнѣ, оригинальности, свѣжести фантазіи, изяществу и тонкости оркестровки. Поэтическая обстановка вымысла о царицѣ Мабъ и всѣхъ ея проказахъ нашла здѣсь полнѣйшее отраженіе въ прихотливомъ и своеобразномъ вдохновеніи Берліоза. Всѣ три нумера были исполнены съ замѣчательнымъ совершенствомъ. Даже крайне неловкая роговая музыка (въ средней части скерцо), которая у самого Берліоза не выходила совершенно удовлетворительно, прошла на этотъ разъ вполнѣ хорошо. Жаль только, что вмѣсто двухъ арфъ, неизвѣстно почему, была всего одна.

Концертъ Шпора, не смотря на превосходную игру г. Ауэра, навелъ непомѣрную скуку. Это замѣчательнѣйшій образецъ тупаго и бездарнѣйшаго консерваторскаго сочинительства, съ предлинною-длинною первою частью, кислымъ сантиментальнымъ Andante и уморительнымъ финаломъ, съ темою въ видѣ трепачка. Многіе упрекаютъ г. Ауэра за холодность исполненія. Я, напротивъ того, хвалю его за это:

подобную музыку нельзя и не слѣдуетъ играть съ одушевленіемъ, ибо самое содержаніе пьесы лишено всякаго вдохновенія. Здѣсь требуется только хорошая техника, которою г. Ауэръ владѣетъ въ совершенствѣ.

Хоры изъ „Русалки“ прошли безукоризненно. Они слишкомъ хорошо извѣстны публикѣ, чтобъ распространяться о нихъ. Намъ кажется даже, что вмѣсто нихъ, можно бы дать что-нибудь другое, менѣе извѣстное. Выборъ этотъ можетъ быть оправданъ только тѣмъ, что на театрѣ хоры эти никогда не исполняются надлежащимъ образомъ.

Полонезъ Вебера — пьеса эфектная и ловко сдѣланная, какъ всѣ вещи, инструментованныя Листомъ. Г. Кроссъ исполнилъ ее бойко и заслужилъ одобреніе публики.

Увертюра „Леонора“ (№ 2) одна изъ четырехъ увертюръ, написанныхъ Бетховеномъ къ одной и той же оперѣ („Фиделіо“, „Леонора“. — тожъ). Три первыя, собственно — „Леонора“, составляютъ варіанты и, если можно такъ выразиться, различныя степени развитія одной и той же пьесы. Четвертая, собственно увертюра къ „Фиделіо“—не имѣетъ по музыкѣ ничего общаго съ ними. Изъ трехъ Леоноръ, первая—самая слабая, вторая лучше, а третья верхъ совершенства по силѣ и глубинѣ творчества, и составляетъ одно изъ самыхъ замѣчательныхъ произведеній безсмертнаго композитора. Въ настоящемъ случаѣ выборъ палъ на № 2 потому, безъ сомнѣнія, что № 3 слишкомъ часто играется и слишкомъ извѣстенъ музыкальной публикѣ. Увертюра была сыграна замѣчательно хорошо: въ высшей степени отчетливо, съ энергіей, огнемъ и вѣрною передачей творческой силы Бетховена.

II.

Второй концертъ (30-го ноября) начался 2-ю симфоніей Шумана (C-dur), однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ произведеній по музыкѣ, но оркестрованнымъ дурно, какъ и боль-

шинство оркестровыхъ вещей этого композитора. Вообще странно, какъ человѣкъ съ такимъ тонкимъ музыкальнымъ чутьемъ, громадною силой творчества и глубокою музыкальною эрудиціей совершенно не умѣлъ пользоваться красками оркестра. Это тѣмъ удивительнѣе, что самъ Шуманъ зналъ и понималъ всѣ красоты оркестровки въ партитурахъ другихъ композиторовъ и любилъ наслаждаться ими. Но возвратимся къ его симфоніи. Она состоитъ изъ четырехъ частей, и начинается интродукціей (въ $^6/_4$), въ медленномъ темпѣ, тихими, плавными, прелестными ходами у струнныхъ инструментовъ и крайне простою темой у мѣдныхъ. Далѣе интродукція оживляется немного и начинаются уже намеки на первую тему перваго allegro. Первая тема этого allegro (въ $^3/_4$)—сильная, прекрасная; вторая гораздо слабѣе; но самое лучшее въ этой части—середина, въ которой развитіе и разработка темъ и педаль на G, изумительно хороши. Вообще это allegro — одинъ изъ лучшихъ образцовъ симфонической музыки. Вторая часть — скерцо (въ $^2/_4$) очень живое, но немного растянутое, съ двумя тріо. Оно неизмѣримо слабѣе первой части; всего симпатичнѣе здѣсь второе тріо. Третья часть—адажіо, самая лучшая по музыкѣ и сравнительно недурно оркестрована; мѣстами даже эфектна (напримѣръ, тема и потомъ трели у скрипокъ на высокихъ нотахъ во время исполненія темы духовыми — чрезвычайно эфектны). Финалъ ($^4/_4$)—allegro — по музыкѣ слабѣе; въ немъ проскальзываютъ темы интродукціи и andante, и въ концѣ появляется эпизодически еще совершенно новая тема. Но собственно темы финала не отличаются большими достоинствами, особенно первая. Самое замѣчательное во всемъ финалѣ—это его форма, своеобразная и свободная, отклоняющаяся отъ общепринятаго построенія симфоническаго allegro. Вся вообще симфонія по музыкѣ выше первой симфоніи Шумана (B-dur), хотя и ниже третьей (Es-dur), которая, впрочемъ, оркестрована гораздо хуже. Исполненіе симфоніи было вполнѣ образцовое. У насъ

никто никогда не дирижировалъ пьесъ Шумана съ такимъ увлеченіемъ, такою ясностью и такимъ тонкимъ пониманіемъ, какъ г. Балакиревъ. Въ его дирижировкѣ какъ-то сглаживаются даже самые недостатки Шумановской оркестровки: неуклюжее употребленіе мѣди, постоянная надоѣдливая дублировка струнныхъ духовыми и наоборотъ, и т. д. Но главная трудность исполненія вещей Шумана заключается въ вѣрной передачѣ бездны тонкихъ оттѣнковъ, которые требуютъ отъ дирижера чрезвычайно развитаго художественнаго чутья. А этой-то именно сторонѣ всего болѣе удовлетворяетъ дирижировка М. А. Балакирева.

Вторымъ нумеромъ было извѣстное „Аріозо“ изъ оперы „Пророка“—Мейербера, пропѣтое г-жею Лавровскою. „Аріозо“ есть одно изъ лучшихъ и эфектнѣйшихъ произведеній Мейербера, очень замѣчательное по тонкой и красивой оркестровкѣ. Здѣсь видно, насколько Мейерберъ, какъ художникъ, тоньше и талантливѣе Вагнера, который, при всемъ умѣніи владѣть оркестромъ, несравненно грубѣе Мейербера, и во всѣхъ вещахъ своихъ держится извѣстной, имъ выработанной, рутины. Кромѣ „Аріозо“, г-жа Лавровская пропѣла еще три романса: одинъ романсъ Шумана, „Еврейскую мелодію“—А. Г. Рубинштейна и „Es war ein König im Thule“—Листа. Нельзя не сказать спасибо г-жѣ Лавровской за то, что она познакомила публику съ послѣднимъ романсомъ, который, сколько мнѣ извѣстно, никогда еще не былъ исполняемъ у насъ въ концертахъ. Вообще вокальныя сочиненія Листа у насъ почти неизвѣстны. Всего лучше были спѣты г-жею Лавровскою именно романсы, особенно второй.

Между „Аріозо“ и романсами шли два отрывка изъ „Руслана и Людмилы“—Глинки: Восточные танцы, переложенные для одного оркестра М. А. Балакиревымъ, и хоръ: „Погибнетъ“. Оба нумера безъ пропусковъ. Трудно себѣ представить что нибудь оригинальнѣе и прелестнѣе этихъ танцевъ, особенно знаменитой „Лезгинки“. Что за роскошь красокъ! Словами невозможно передать весь эфектъ взвизги-

ванія пикколо и скрипокъ, весь задоръ ритмическихъ фигуръ ударныхъ инструментовъ и мѣди, все своеобразіе восточнаго колорита въ гармоніи! И какъ жаль, что именно самое оригинальное и лучшее изъ „Лезгинки“, окончаніе въ $^3/_4$, и выпускается при исполненіи ея на нашемъ театрѣ. Смѣлость и своеобразіе гармоніи у струнныхъ, фигуры скрипокъ и духовыхъ, потомъ переливы кларнета и гобоя, капризные ритмическіе эфекты ударныхъ инструментовъ и дикое, необузданное заключеніе—все это вмѣстѣ производитъ глубокое впечатлѣніе своею подавляющею новизною и прелестью музыкальныхъ элементовъ. Тутъ такъ и слышатся тѣ „восточныя орды“, нашествія которыхъ на равнины рутинной нѣмецкой музыки такъ боятся наши музыкальные Лоэнгрины.

Хоръ „Погибнетъ“—одно изъ самыхъ капитальныхъ произведеній безсмертнаго композитора. Построенный крайне оригинально и смѣло на гаммѣ цѣлыми тонами, съ изумительными, по новизнѣ, перебивками духовыхъ и мѣди—хоръ этотъ замѣчателенъ по своей красотѣ, силѣ и цѣлости концепціи. Объ исполненіи я не буду распространяться. Г. Балакиревъ составилъ себѣ громкую извѣстность образцовою передачею твореній Глинки. Впрочемъ, относительно хора можно было бы сдѣлать ему одинъ упрекъ: хоровыя массы были нѣсколько слабы въ сравненіи съ оркестровыми, хотя и нельзя не согласиться съ тѣмъ, что исполненіе бо̀льшей части оперныхъ вещей на концертной эстрадѣ есть въ сущности аномалія. Настоящее мѣсто ихъ—театръ со всею обаятельностью хорошей сценической обстановки. Но что̀ же дѣлать тогда, когда плохое исполненіе на театрѣ, съ варварскими купюрами, невѣрными темпами и безжизненной, вялой дирижировкой—совершенно искажаетъ музыку многихъ образцовыхъ оперныхъ вещей? Остается радоваться хоть тому, что слышишь надлежащее исполненіе ихъ въ концертахъ.

Концертъ окончился извѣстною увертюрою Мендельсона

„Морская тишь и благополучное плаваніе“. Послѣ „Фингаловой пещеры“ это, безспорно, лучшая изъ его увертюръ. Интродукція увертюры, изображающая морскую тишь, необыкновенно хороша и по содержанію, и по инструментовкѣ. Какъ красивы эти секунды флейтъ, хоры струнныхъ внизу, пока скрипки тяиутъ высокое D, фигура флейты, изображающей вѣтерокъ, и проч. Въ интродукціи нѣтъ и тѣни той общей надоѣдливой Мендельсоновской рутины, которая выработалась въ послѣдующихъ сочиненіяхъ этого композитора и надолго заразила музыкальный міръ. Замѣчательно, что ни одно направленіе не породило столько бездарныхъ подражателей, какъ именно эта Мендельсоновская рутина. Скажу болѣе, ни одно направленіе не испортило такъ музыкальнаго вкуса, какъ именно эта внѣшнестрастная, внѣшне-красивая, условная, чистенькая, гладенькая и форменная, буржуазная музыка. Она отдалила надолго распространеніе сильной, трезвой и глубокой по содержанію музыки Шумана, отодвинула даже Бетховена, не говоря уже о Глинкѣ, Шубертѣ, Берліозѣ, Листѣ и другихъ. Но возвратимся къ увертюрѣ. Allegro ея далеко уступаетъ интродукціи, и хотя первая тема его прелестна, но далѣе проявляется вышеупомянутая рутина, мѣстами во всей ея наготѣ: напримѣръ, во второй темѣ, въ пошлыхъ фанфарахъ (въ концѣ увертюры). Впрочемъ, что касается оркестровки, то она вездѣ безподобна, эфектна, колоритна, какъ и во всѣхъ оркестровыхъ вещахъ Мендельсона, который въ этомъ отношеніи составляетъ рѣзкую противоположность Шуману. Первый умѣетъ всегда въ высшей степени эфектно инструментовать самую безсодержательную музыку, послѣдній портитъ иногда самыя капитальныя произведенія свои тяжелою, неуклюжею и безцвѣтною оркестровкой. Какъ красивы въ упомянутой увертюрѣ Мендельсона, напримѣръ, переливы духовыхъ, аккомпанирующихъ второй темѣ, когда она идетъ у віолончеля (въ C-dur), или

у кларнета (въ D-dur); какой эфектъ производитъ соло литавръ фортиссимо въ концѣ увертюры!

Вообще, оба первые концерта Музыкальнаго Общества вполнѣ оправдали ожиданія публики. —ъ.

III *)

Концерты Русскаго Музыкальнаго Общества.

Въ четвертомъ концертѣ Музыкальнаго Общества были исполнены: третья симфонія Бетховена (героическая) и „Реквіемъ"—Моцарта. Оба произведенія такъ хорошо извѣстны публикѣ, что было-бы совершенно излишне пускаться въ подробный разборъ ихъ.

Третья симфонія Бетховена принадлежитъ къ колоссальнымъ памятникамъ искусства и далеко опередила свое время. Первыя двѣ симфоніи Бетховена—какъ это было уже много разъ высказано критикою—относятся еще къ эпохѣ Моцарта и Гайдна; третья симфонія не имѣетъ ничего общаго съ ними. Здѣсь все ново: и мысль, и развитіе ея, и краски оркестра, все дышетъ такимъ своеобразіемъ и свѣжестью, что симфонія эта должна быть разсматриваема, какъ родоначальница современной симфонической музыки.

Не смотря на то, что симфонія написана слишкомъ шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, она до сихъ поръ еще почти ни въ чемъ не утратила своей свѣжести, и уступаетъ, въ силѣ и глубинѣ, развѣ только лучшимъ изъ самыхъ послѣднихъ твореній Бетховена. Не удивительно поэтому, что она всюду принадлежитъ къ числу самыхъ любимыхъ симфоній и чаще другихъ исполняется въ концертахъ. Симфонія была сыграна на этотъ разъ съ такимъ совершенствомъ, какъ никогда. Общее настроеніе каждой части и самые тонкіе оттѣнки подробностей были переданы съ по-

*) Эта статья была напечатана въ „Спб. Вѣдомостяхъ" 8-го февраля 1869 года, № 39.

разительною вѣрностью и рельефностью. Въ этомъ отношеніи особенно хорошо сыграны были: первая часть и похоронный маршъ.

О „Реквіемѣ"—Моцарта говорить много также нѣзачѣмъ *). Кто не знаетъ, что это—послѣднее, самое капитальное изъ всѣхъ сочиненій Моцарта и одно изъ самыхъ замѣчательныхъ произведеній церковной музыки вообще. Объ этомъ было писано и говорено такъ много, что даже самыя слова „Реквіемъ Моцарта" также вошли въ общее употребленіе и злоупотребленіе, какъ и слова: „Мадонна Рафаэля", „Аполлонъ Бельведерскій", „Венера Медицейская" и т. д. Ихъ повторяютъ съ благоговѣніемъ не только тѣ, кто въ самомъ дѣлѣ поклоняется музыкѣ „Реквіема"—но еще чаще люди, никогда неслыхавшіе ея, которые никогда и не пойдутъ слушать ее, которымъ нѣтъ ни малѣйшаго дѣла ни до „Реквіема", ни до Моцарта. Однакожъ, самая музыка „Реквіема", не смотря на все это, далеко не пользуется такою популярностью, какъ ея заглавіе. Нерѣдко увидишь, какъ многіе съ напряженнымъ почтеніемъ и вниманіемъ сидятъ и слушаютъ исполненіе „Реквіема",—но это только въ началѣ. Посмотрите немного погодя: мало-по-малу эти самые ревностные цѣнители Моцарта дѣлаются разсѣяны и начинаютъ даже зѣвать. Это бываетъ особенно при самыхъ послѣднихъ нумерахъ. Всего чаще приходится замѣчать, что большинство слушателей оживляется только при исполненіи нумеровъ „соло", которые по музыкѣ принадлежатъ къ самымъ слабымъ. Ничего не слушаютъ съ такимъ интересомъ, какъ „Tuba mirum" или „Lacrimosa". А почему? Потому, что они всего менѣе похожи на церковную музыку и по характеру приближаются къ оперной. Церковная музыка

*) Какъ читатель можетъ видѣть выше, въ „Біографіи" Бородина, „Реквіемъ"—Моцарта былъ данъ М. А. Балакиревымъ въ 4-мъ концертѣ Русскаго Музыкальнаго Общества по поводу кончины Даргомыжскаго. В. С.

въ концертномъ залѣ—всегда будетъ вещью нѣсколько монотонною и скучною. Извѣстная условность и форменность построенія и разработки, неизбѣжныя при строгомъ соблюденіи церковнаго стиля, однообразіе музыкальнаго настроенія, вызываемое содержаніемъ текста, значительная длина, зависящая отъ формы сочиненія и способа развитія музыкальныхъ идей, преобладаніе медленныхъ темповъ, строгость, а подчасъ и сухость темъ, отсутствіе живости и страстности — все это вмѣстѣ служитъ причиною, почему строго-церковная музыка никогда не можетъ пріобрѣсти такой же популярности, какъ свѣтская.

Что̀ касается до исполненія „Реквіема“, то оно было вообще превосходно. Упрекъ можно сдѣлать развѣ только относительно второго нумера, „Dies irae“, гдѣ темпъ былъ взятъ немного скорѣе надлежащаго. Были еще кое-какіе мелкіе недостатки въ исполненіи партіи солистовъ, но это нисколько не повредило общему впечатлѣнію, которое было вполнѣ удовлетворительно. Соло были спѣты: Ю. Ѳ. Платоновою, А. А. Хвостовою, В. М. Васильевымъ и О. А. Петровымъ. Но особенно хороши на этотъ разъ были хоры, представляющіе въ другихъ случаяхъ самый слабый элементъ въ концертахъ Музыкальнаго Общества. Хоры „Res tremendae majestatis“, „Confutatis“ и еще нѣкоторые другіе, исполнены во всѣхъ отношеніяхъ безукоризненно; фуги, трудныя по вокализаціи, спѣты были легко, вѣрно и чисто, такъ что ни одна фраза не ускользала отъ слушателя. Фугамъ даже апплодировали, что рѣдко бываетъ.

Пятый концертъ, помимо интереса исполненной музыки, представлялъ еще другой особенный интересъ, вслѣдствіе участія Н. Г. Рубинштейна—директора Московской Консерваторіи и директора Московскаго Музыкальнаго Общества. Онъ выступилъ на этотъ разъ въ двоякой роли — піаниста и дирижера.

По характеру исполненной музыки, концертъ этотъ былъ совершенно противоположенъ предыдущему.

Программа г. Балакирева, въ четвертомъ концертѣ, отличалась выборомъ пьесъ строго классическаго репертуара; программа г. Рубинштейна, въ пятомъ концертѣ, составлена была исключительно изъ произведеній новѣйшей музыки. Концертъ начался увертюрою Гольдмарка — „Сакунтала", игранною у насъ въ первый разъ. Увертюра эта написана на индѣйскій сюжетъ. Дѣло вотъ въ чемъ: Сакунтала была дочь нимфы и жила въ лѣсу у одного отшельника, принявшаго на себя ея воспитаніе. Однажды царь Душьянта, находясь на охотѣ, встрѣтился случайно съ Сакунталою и влюбился въ нее. Между ними произошла страстная сцена. Уѣзжая, царь вручилъ Сакунталѣ перстень, по которому бы онъ могъ узнать ее, когда она къ нему явится. Но одинъ могущественный жрецъ, разгнѣванный на Сакунталу за то, что она однажды не оказала ему гостепріимства, отнялъ у царя память, вслѣдствіе чего послѣдній забылъ и Сакунталу, и свою любовь къ ней. Когда она явилась къ нему, онъ не узналъ ея и отвергъ. Сопровождавшіе ее друзья, видя это, также отступились отъ нея, и она осталась одна, на жертву своему отчаянію. Однажды она уронила въ священную рѣку перстень, данный ей царемъ. Рыбаки нашли перстень и принесли къ царю. Какъ только Душьянта увидѣлъ этотъ перстень, тотчасъ же вспомнилъ и Сакунталу, и все происходившее между ними. Тутъ онъ предался неутѣшному горю, и отчаяніе его объ утратѣ любимой женщины было безпредѣльно. Наконецъ, опять-таки случайно, во время похода противъ народа злыхъ демоновъ, Душьянта снова встрѣтилъ Сакунталу и соединился съ нею на вѣкъ.

Увертюра начинается пасторальною интродукціей, изображающей Сакунталу и житье ея у отшельника. Пастораль эта очень свѣжа по музыкѣ и носитъ на себѣ отпечатокъ сильнаго вліянія французской музыки. Затѣмъ слѣдуетъ аллегро, построенное на фанфарахъ охоты, которая потомъ переходитъ въ сцену любви, по музыкѣ отзывающуюся вліяніемъ Листа. За этимъ слѣдуетъ снова пасто-

раль, которая переходитъ въ аккорды, выражающіе отверженіе Сакунталы. Но тутъ уже музыка какъ-то измѣняетъ программѣ, и, вмѣсто отчаянія Сакунталы, исторіи съ перстнемъ и рыбаками, отчаянія Душьянты, похода и пр.,—вы слышите опять тѣ же охотничьи фанфары и ту же любовную сцену, только въ другомъ тонѣ. Что же это значитъ? Неужели одна и та же музыка должна выражать и охоту, и войну, и отчаяніе? Отступленіе отъ текста происходитъ, повидимому, единственно отъ желанія автора сохранить увертюрѣ условную сонатную форму. Увертюра оканчивается тою же пасторалью, характеризующею личность Сакунталы, но на этотъ разъ пастораль разрослась уже въ массивное tutti, съ шумнымъ окончаніемъ, выражающимъ ликованіе влюбленной четы. Главные недостатки увертюры: 1) отсутствіе согласія музыки съ программою; 2) нѣкоторая длиннота, происходящая отъ повторенія всей пасторали въ срединѣ увертюры; 3) нѣкоторая мелкость темъ и развитія ихъ въ аллегро. Главныя достоинства ея: 1) свѣжесть музыки—явленіе весьма рѣдкое въ произведеніяхъ нѣмецкой школы послѣдняго времени; 2) хорошая оркестровка. Вообще эта увертюра производитъ пріятное впечатлѣніе отсутствіемъ той рутины, которая выработалась нѣмецкими консерваторіями.

За увертюрой слѣдовалъ симфоническій концертъ № 4-й (D-moll), Литольфа. Этотъ родъ концертовъ, въ формѣ симфоніи, созданъ Литольфомъ и составляетъ переходъ отъ фортепіанныхъ концертовъ прежняго времени къ фортепіаннымъ концертамъ Листа. Въ прежнихъ концертахъ виртуозное фортепіано рѣзко преобладало, по значенію, надъ оркестромъ, которому удѣлялась большею частію только скромная роль аккомпанемента. Въ концертахъ Листа оркестръ становится почти равноправнымъ концертному инструменту и, сливаясь съ послѣднимъ, сообщаетъ самой музыкѣ несравненно бо́льше разнообразія и колоритности. Это достигается уже въ значительной степени и у Ли-

тольфа. Четвертый концертъ послѣдняго для нашей публики уже не новость. Онъ былъ игранъ самимъ авторомъ и, раньше того, г. Кроссомъ. По достоинству музыки здѣсь всего лучше—первая часть скерцо—эфектное и чрезвычайно граціозное. Фортепіанная партія была исполнена г. Рубинштейномъ превосходно; тутъ были и сила, и энергія, и блескъ, и бездна вкуса. Сравнивая исполненіе г. Рубинштейна съ исполненіемъ той же пьесы самимъ Литольфомъ, можно отдать предпочтеніе послѣднему только развѣ относительно первой части, начало которой сыграно было Литольфомъ еще съ бо́льшею отчетливостью. За то въ скерцо, г. Рубинштейнъ далеко превзошелъ самого автора; это было верхъ изящества, блеска и увлеченія.

За концертомъ слѣдовали танцы изъ третьяго дѣйствія оперы „Воевода“ молодого русскаго композитора, г. Чайковскаго. Танцы эти составляютъ, въ сущности, цѣлую сцену, содержаніе которой слѣдующее. „Невѣста воеводы, насильно увезенная въ его теремъ, лежитъ въ тоскливой полудремотѣ. Сѣнныя дѣвушки стараются развеселить ее. Сначала закрытыя фатами, онѣ выходятъ на сцену и, раздѣлясь на группы, тихо двигаются вокругъ боярыни; мало-по-малу движенія ихъ оживляются и переходятъ въ пляску“. Согласно этой программѣ, музыка дѣлится на двѣ половины. Сначала идетъ родъ длинной интродукціи, построенной на минорной темѣ славянскаго характера и въ очень медленномъ темпѣ; за нею слѣдуетъ уже собственно пляска, которая, по характеру музыки, нѣсколько подходитъ къ славянскимъ танцамъ Даргомыжскаго въ „Русалкѣ“, но по оркестровкѣ выше послѣднихъ. Вообще инструментовка у г. Чайковскаго колоритная, эфектная, и по красотѣ далеко превосходитъ самую музыку. Относительно формы можно сдѣлать упрекъ г. Чайковскому въ нѣкоторой рѣзкости перехода отъ медленной интродукціи (выражающей полудремоту боярышни и „тихія движенія“ сѣнныхъ дѣвушекъ) къ пляскѣ, причемъ, вмѣсто постепеннаго оживленія, какъ тре-

буетъ программа, вскорѣ раздается оглушительный ударъ турецкаго барабана. Впрочемъ, чтобъ судить объ этомъ нумерѣ окончательно, нужно бы слышать его въ театрѣ, въ связи со сценой. Изъ программы же очень трудно понять, въ чемъ состоятъ эти „тихія движенія“, чѣмъ они производятся и какъ „оживляются“.

За танцами г. Чайковскаго слѣдовалъ второй концертъ Листа (A-dur)—одно изъ самыхъ трудныхъ и эфектныхъ фортепіанныхъ произведеній его, превосходно оркестрованное. Г. Рубинштейнъ сыгралъ его съ такимъ совершенствомъ, что едва ли возможно сыграть еще лучше этого. Сколько тутъ было силы, энергіи, огня и пониманія! Въ игрѣ г. Рубинштейна слышенъ былъ не только первокласснный піанистъ, но и тонкій художникъ. Виртуозная сторона отодвигалась у него на второй планъ и уступала мѣсто чисто-музыкальной. Рѣдко случалось намъ выносить такую полноту впечатлѣнія при передачѣ фортепіанныхъ произведеній.

Далѣе была исполнена вторая симфонія г. А. Рубинштейна—„Океанъ“. Симфонія эта вообще считается едва ли не самымъ лучшимъ произведеніемъ этого автора. Къ сожалѣнію, она служитъ только подтвержденіемъ того мнѣнія о сочиненіяхъ г. А. Рубинштейна, которое было неоднократно высказано въ музыкальныхъ хроникахъ „Спб. Вѣд.“ Въ этой симфоніи видно умѣнье писать музыку чисто и правильно, знаніе формы, знакомство съ оркестровкой—и только. Во всемъ сочиненіи нѣтъ ни искры творчества, ни слѣда самобытности. Это такое же повтореніе общихъ мѣстъ Мендельсоновской рутины, какъ и большинство остальныхъ произведеній г. А. Рубинштейна. Та же бѣдность и мелкость идей, та же безцвѣтность оркестровки, та же обычная симметричность построенія. Разсматриваемая съ точки зрѣнія программной музыки, симфонія эта также не выдерживаетъ критики. Симфонія имѣетъ цѣлью представить музыкальную картину океана. Къ чему же тутъ общепринятое раздѣле-

ніе симфоніи на четыре части? Какое отношеніе имѣетъ каждая изъ этихъ частей къ изображенію океана? Что значитъ это адажіо, служащее вступленіемъ къ финалу? и т. д.? Все это остается непонятнымъ: программы къ симфоніи не приложено, а музыка сама по себѣ не рельефна. Вы слышите здѣсь просто какую-то симфонію вообще, построенную по условной, симфонической формѣ. О намѣреніи автора изобразить океанъ вы можете догадаться послѣ только по чисто внѣшнимъ признакамъ: рутиннымъ тремоло, хроматическимъ ходамъ, самымъ обыкновеннымъ фигурамъ, употребляемымъ для изображенія волненія, и пр., наконецъ, по нѣкоторому внѣшнему сходству музыкальныхъ элементовъ финала съ „Meeresstille und glückliche Fahrt“, Мендельсона (напримѣръ, фигура басовъ въ первой темѣ финала, удары литавръ фортиссимо передъ концомъ и т. д.). Прибавимъ ко всему этому непомѣрную растянутость сочиненія, и тогда сдѣлается понятнымъ, почему публика приняла симфонію чрезвычайно холодно. Успѣху пьесы не могли помочь ни безпредѣльная любовь къ г. А. Рубинштейну, какъ піанисту, ни отличное исполненіе симфоніи подъ управленіемъ г. Н. Рубинштейна.

Сравнивая обоихъ братьевъ Рубинштейновъ, невольно рождается желаніе сопоставить ихъ художественныя силы. Относительно фортепіанной игры, по моему мнѣнію, оба брата должны быть признаны величайшими піанистами нашего времени. Между ними можно сдѣлать развѣ только разницу, что настоящая сфера г. А. Рубинштейна—салонъ и мелкія фортепіанныя вещи; настоящая сфера г. Н. Рубинштейна—концертная эстрада и большія вещи съ оркестромъ, въ Листовскомъ родѣ. У обоихъ техника игры развита въ самой высокой степени, но г. А. Рубинштейнъ разнообразнѣе относительно тонкихъ оттѣнковъ техники. Сравнивая обоихъ братьевъ, какъ дирижеровъ, приходится отдать преимущество, безспорно, г. Н. Рубинштейну. У него въ оркестрѣ все ясно, опредѣлительно, все на мѣстѣ; нѣтъ

ни того хаотическаго шума, ни того злоупотребленія быстрыми темпами, ни той грубости оттѣнковъ, которыми сопровождалось почти всегда исполненіе оркестровыхъ вещей подъ управленіемъ г. А. Рубинштейна. Въ этомъ концертѣ г. Н. Рубинштейнъ дирижировалъ всѣ вещи, кромѣ фортепіанныхъ. Нечего и говорить о томъ, что онъ встрѣтилъ полнѣйшее сочувствіе публики и какъ піанистъ, и какъ дирижеръ. Со времени основанія петербургскаго и московскаго Музыкальнаго Общества, еще въ первый разъ дирижеръ одного изъ нихъ является участвовать въ концертахъ другого. Примѣръ этотъ свидѣтельствуетъ о возникновеніи солидарности обоихъ обществъ—явленіе, которое можетъ имѣть весьма хорошее вліяніе на развитіе у насъ музыкальнаго дѣла.

Шестой концертъ былъ, какъ обыкновенно, подъ управленіемъ г. Балакирева. Программа этого концерта слѣдующая: 4-я симфонія (D-moll) Шумана, скрипичный концертъ Макса Бруха, два эпизода изъ поэмы Ленау: „Фаустъ“—Листа, еще скрипичный концертъ Мендельсона и увертюра къ оперѣ „Проданная невѣста“—Сметаны (капельмейстера пражской чешской оперы).

Симфонія Шумана принадлежитъ къ числу лучшихъ его произведеній, хотя по достоинству музыки уступаетъ и второй (C-dur), и третьей (Es-dur). Оркестрована она лучше послѣдней. Самое замѣчательное въ четвертой симфоніи Шумана—ея форма. Всѣ части: интродукція, первое аллегро, анданте (романсъ), скерцо и финалъ — переходятъ непрерывно одна въ другую и отличаются удивительнымъ единствомъ мысли. Однѣ и тѣ же темы проходятъ повсюду, но съ различнымъ колоритомъ и въ различныхъ степеняхъ развитія. Такъ, напримѣръ, тему интродукціи вы находите и въ романсѣ; скрипичныя фигуры тріолями, изъ романса, встрѣчаете въ полномъ развитіи въ тріо скерцо; первая тема перваго аллегро является снова при вступленіи въ финалъ; первую тему послѣдняго вы уже слышали въ сре-

динѣ первой части, и такъ далѣе. Большинство темъ, впрочемъ, не отличается ни особеннымъ достоинствомъ, ни даже оригинальностью: нѣкоторыя отзываются Мендельсономъ (напримѣръ, тема романса); вторая тема финала есть совершенный сколокъ съ Бетховена (изъ второй симфоніи его). По музыкѣ особенно хороши: середина въ первой части и въ финалѣ, а также тріо въ скерцо, въ высшей степени граціозное и оригинальное. Во всей симфоніи очень много свѣжести, жизни и увлеченія. Она была исполнена съ одушевленіемъ и огнемъ.

„Эпизоды"—Листа составляли самые капитальные нумера концерта. Это два симфоническія сочиненія для оркестра, написанныя въ произвольной формѣ на программу изъ „Фауста"—Ленау. Первый эпизодъ („Ночное шествіе") изображаетъ тихую лѣтнюю ночь; на небѣ нависли тяжелыя тучи, но въ лѣсу раздаются пѣсни соловья, и вся природа наполнена чувствомъ блаженства. У опушки лѣса появляется Фаустъ верхомъ. Онъ ѣдетъ шагомъ, и, погруженный въ тяжелыя думы, не обращаетъ никакого вниманія на окружающую его гармонію природы. Вдругъ до него долетаютъ звуки отдаленной религіозной процессіи. Онъ останавливаетъ коня и прислушивается. Звуки становятся все яснѣе и яснѣе, процессія приближается и, наконецъ, проходитъ передъ Фаустомъ. Фаустъ внимательно вслушивается въ пѣніе, полное религіознаго чувства, и начинаетъ завидовать счастію благочестивыхъ людей. Когда процессія исчезаетъ вдали—онъ заливается такими горючими слезами, какихъ не проливалъ во всю жизнь.

Другой эпизодъ („Вальсъ Мефистофеля") совершенно противоположенъ по содержанію. Мефистофель и Фаустъ приходятъ въ деревенскій шинокъ во время веселой крестьянской свадьбы. Фаустъ поражается красотою одной изъ танцующихъ дѣвушекъ; въ немъ проявляется страстное влеченіе къ ней, но онъ робѣетъ и не рѣшается подойти къ дѣвушкѣ. Мефистофель смѣется надъ нимъ; видя, что это

не помогаетъ, онъ беретъ у одного изъ музыкантовъ скрипку и начинаетъ играть. Въ игрѣ его сначала рисуются картины любви и сладострастія, потомъ музыка все болѣе и болѣе оживляется, становится страстною, дикою и, наконецъ, переходитъ въ какую-то бѣшеную пляску. Все находится подъ вліяніемъ этой адской музыки, и начинается всеобщая вакханалія, среди которой Фаустъ шепчетъ дѣвушкѣ страстныя клятвы любви. Неистовая пляска выноситъ обоихъ изъ шинка; они несутся въ лѣсъ, куда уже едва долетаютъ звуки Мефистофелева вальса. Средн кустовъ раздается пѣніе соловья; страстное упоеніе Фауста и дѣвушки достигаетъ крайняго предѣла, и они утопаютъ въ блаженствѣ любви.

Эти два эпизода—самыя счастливыя вдохновенія Листа. Съ точки зрѣнія программной музыки, это верхъ совершенства. Музыка здѣсь изумительно картинна и передаетъ не только общее настроеніе, но и всѣ частности, съ неподражаемою рельефностью. Въ началѣ перваго эпизода вамъ сказывается не только мрачное, тяжелое настроеніе Фауста, но и топотъ его коня, который идетъ шагомъ и останавливается. Вы вполнѣ чувствуете всю поэтическую обстановку этой тихой лѣтней ночи, всю гармонію природы. Въ отдаленныхъ звукахъ колокола и церковнаго пѣнія вы ясно слышите приближеніе процессіи, которая, наконецъ, проходитъ какъ будто передъ вашими глазами и теряется вдали. Вы сами, подобно Фаусту, невольно поддаетесь обаянію этого простого, строгаго, торжественнаго пѣнія, и вамъ становятся тогда ясны и слезы Фауста, и душевное настроеніе его.

Произведеніе это глубоко прочувствовано самимъ авторомъ и оставляетъ въ воспріимчивомъ слушателѣ сильное впечатлѣніе, отъ котораго долго нельзя отдѣлаться. По трасотѣ музыки и оркестровки, это одно изъ самыхъ лучшихъ сочиненій Листа.

Особенно хороши начало и церковный хоралъ. Тема по-

слѣдняго необыкновенно хороша; отъ нея вѣетъ чѣмъ-то древнимъ, византійскимъ, нисколько не напоминающимъ темы всякихъ ученыхъ мессъ и молитвъ новѣйшаго времени. Тема эта исполняется сначала однимъ англійскимъ рожкомъ, на низкомъ регистрѣ, гнусливый тембръ котораго какъ нельзя болѣе идетъ къ характеру этого безъискусственнаго монашескаго пѣнія. Затѣмъ она переходитъ на три флейты и, гармонизированная въ церковныхъ тонахъ, пріобрѣтаетъ новую прелесть. Развиваясь далѣе, она доходитъ до массивнаго tutti, гдѣ тема исполняется унисономъ во всѣхъ регистрахъ и получаетъ въ высшей степени грандіозный характеръ. Не смотря на эфектное употребленіе колокола и на крайне колоритную окрестровку, въ хорахъ нѣтъ ничего декоративнаго, ничего такого, что̀ напоминало бы театральныя процессіи въ операхъ. Вся пьеса преисполнена обычныхъ гармоническихъ особенностей, свойственныхъ только Листу; со многими изъ нихъ любители условной чистоты гармоніи, безъ сомнѣнія, никогда не примирятся (напримѣръ, педаль на cis—въ концѣ), но все это здѣсь какъ нельзя болѣе у мѣста и вполнѣ мотивировано. Нумеръ этотъ былъ исполненъ у насъ въ первый разъ и встрѣтилъ сочувствіе публики.

Второй эпизодъ—вальсъ Мефистофеля былъ уже исполненъ у насъ въ одномъ изъ концертовъ Безплатной Школы и сразу чрезвычайно понравился публикѣ. Это вещь въ высокой степени колоритная и эфектная, какъ по музыкѣ, такъ и по оркестровкѣ. Въ смыслѣ программной музыки, она такъ же вѣрна съ текстомъ, какъ и предыдущій нумеръ. Въ началѣ вы слышите вальсъ, исполняемый деревенскими музыкантами; наростаніе звуковъ квинтами въ самомъ началѣ придаетъ ему совершенно народный и нѣсколько комическій характеръ. Тема вальса жива, но еще совершенно спокойна. Когда же скрипка переходитъ въ руки Мефистофеля, вальсъ пріобрѣтаетъ характеръ страстности, съ оттѣнкомъ какой-то болѣзненной чувственности, доходящей до разврата. Въ

этомъ случаѣ звукъ віолончелей на высокомъ регистрѣ какъ нельзя лучше подходитъ къ характеру самой темы. По мѣрѣ оживленія вальса, музыка пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе страстности и переходитъ, наконецъ, въ бѣшеную пляску, причемъ Листъ бросаетъ уже трехчетвертной ритмъ и беретъ двухчетвертной. Движеніе вальса переходитъ въ какой-то дикій чардашъ, полный огня и необузданной страсти. Эта перемѣна ритма производитъ большой эфектъ. Тутъ, какъ и въ предыдущемъ нумерѣ, переданы съ удивительною вѣрностью не только общій характеръ программы, но и всѣ частности ея: и смѣхъ Мефистофеля, и пѣніе соловья, и утопаніе въ „морѣ блаженства“. Это произведеніе и по музыкѣ, и по эффектной и колоритной оркестровкѣ, составляетъ, безспорно, одно изъ самыхъ лучшихъ оркестровыхъ произведеній вообще. Въ двухъ эпизодахъ, совершенно противоположныхъ по содержанію программы и характеру музыки, выразилась вполнѣ глубоко-художественная натура Листа, вся сила и самобытность его творчества. „Вальсъ Мефистофеля“ понравился публикѣ еще болѣе „Ночного шествія“ и былъ повторенъ. Успѣху этихъ вещей, впрочемъ, не мало содѣйствовало и превосходное исполненіе, въ которомъ рельефно выступали всѣ даже малѣйшія красоты и эфекты. Въ „Вальсѣ Мефистофеля“ г. Балакиревъ выказалъ столько огня, страсти и увлеченія, сколько могъ выказать развѣ только самъ Листъ.

Что же сказать теперь о скрипичныхъ концертахъ? Концертъ Макса Бруха, по музыкѣ, такъ же плохъ и безсодержателенъ, какъ и многіе другіе. Въ финалѣ есть одна темка мадьяро-словацкаго характера, которая могла бы служить освѣжающимъ элементомъ, но Максъ Брухъ не умѣлъ этимъ воспользоваться. Концертъ Мендельсона извѣстенъ публикѣ давно. Его часто слышали у г. Вѣнявскаго, который игралъ его съ гораздо бо̀льшимъ одушевленіемъ и блескомъ, нежели сыгралъ его г. Ауэръ. Скажу болѣе — г. Ауэръ сыгралъ его просто плохо. Концертъ Бруха прошелъ лучше, но и онъ

былъ исполненъ холодно и не произвелъ эфекта. Вообще игра г. Ауэра въ квартетѣ оставляетъ болѣе хорошее впечатлѣніе, чѣмъ игра его въ концертныхъ соло.

Мнѣ остается сказать еще объ увертюрѣ г. Сметаны. Она написана къ чешской комической оперѣ „Проданная невѣста“ и отличается народнымъ характеромъ. Форма ея условная сонатная. Первая тема изображаетъ болтовню бабъ и хороша только въ смыслѣ болтовни, но не по музыкѣ, которая крайне безсодержательна и походитъ на какія-то фортепьянныя упражненія, въ родѣ Черни или Крамера, переложенныя на оркестръ. Вторая тема чешская, національная, и недурна. Недостатокъ музыкальнаго содержанія выкупается развѣ только необыкновенною живостью темпа и музыки, а также округленностью формы. Б.

IV *).

Концертъ Безплатной Музыкальной Школы.—Концерты Русскаго музыкальнаго Общества (7-й и 8-й).

Концерты Безплатной Школы занимали всегда видное мѣсто въ ряду концертовъ, имѣющихъ, дѣйствительно, музыкальное значеніе. Они отличались не только хорошимъ исполненіемъ оркестровыхъ и хоровыхъ вещей, но и чрезвычайно интереснымъ выборомъ музыки. Въ составъ программъ всегда входило не мало замѣчательныхъ произведеній, имѣющихъ живой современный интересъ для искусства и по бо̀льшей части вовсе неизвѣстныхъ нашей публикѣ, или исполняемыхъ у насъ очень рѣдко. Не смотря на недавнее существованіе Школы и на малочисленность ея концертовъ, она успѣла уже познакомить публику со множествомъ превосходныхъ произведеній, имѣющихъ неоспо-

*) Эта статья была напечатана въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 1869, 20-го марта, № 78.

римо важное значеніе въ развитіи музыкальнаго искусства, но составлявшихъ до сихъ поръ достояніе только весьма тѣснаго кружка записныхъ любителей и знатоковъ музыки. Такимъ образомъ, Школа не мало содѣйствовала распространенію музыкальнаго образованія въ массѣ публики и упрочила за собою значеніе серьезнаго музыкальнаго учрежденія. Настоящій концертъ ея принадлежитъ къ числу наиболѣе замѣчательныхъ. На этотъ разъ Безплатная Школа доставила намъ возможность слышать, въ прекрасномъ исполненіи, одно изъ интереснѣйшихъ и капитальнѣйшихъ произведеній современнаго искусства — „Te Deum“—Берліоза. Это одно изъ позднѣйшихъ его сочиненій (Op. 22) и, безспорно, самое совершенное по внутреннему достоинству музыки. Пьеса эта написана для большихъ хоровъ, съ тенoромъ соло, органа и громаднаго оркестра. Она была исполнена, въ первый разъ, 30-го апрѣля 1855 года, въ Парижѣ, въ церкви St. Eustache, при участіи 900 музыкантовъ и подъ управленіемъ самого автора. У насъ въ Петербургѣ её еще никогда не давали цѣликомъ; публика наша имѣла случай познакомиться только съ однимъ нумеромъ „Te Deum'a“ (Tibi omnes), который нѣкогда былъ исполняемъ въ концертахъ Безплатной же Школы и очень понравился публикѣ. Всѣхъ нумеровъ въ „Te Deum'ѣ“ восемь, изъ которыхъ шесть вокальные, а два чисто инструментальные. Въ печатной партитурѣ, впрочемъ, одинъ изъ нумеровъ (Prélude militaire) почему-то выпущенъ; онъ находится только въ оригинальной рукописной партитурѣ, присланной Берліозомъ въ подарокъ нашей Публичной Библіотекѣ. Въ концертѣ были исполнены всѣ восемь нумеровъ.

Первый нумеръ — гимнъ „Te Deum laudamus“ (Allegro moderato $^3/_4$ F—dur) — хоровой, съ большимъ оркестромъ и органомъ. Онъ построенъ „главнымъ образомъ, на темѣ („Te Deum laudamus“), которую поютъ сначала сопрано, и на другой темѣ, играемой сначала однимъ органомъ, унисономъ во всѣхъ регистрахъ, и служащей потомъ контрапунк-

томъ первой темѣ. При дальнѣйшемъ развитіи, обѣ темы переплетаются весьма разнообразно другъ съ другомъ и съ прочими фигурами въ оркестрѣ и хорѣ. Вообще этотъ нумеръ отличается большою полифоничностью и сложностью разработки. Не смотря на такую сложность, однако же, голоса всюду ведены крайне ясно, естественно и свободно. Общій характеръ музыки — спокойный, свѣтлый, грандіозный и вполнѣ церковный. Красота ея и оригинальность, строгая выдержанность церковнаго характера, превосходное употребленіе хора и инструментальныхъ массъ, при отсутствіи всякаго стремленія къ чисто-внѣшнимъ эфектамъ — дѣлаютъ этотъ нумеръ замѣчательнѣйшимъ образцомъ церковной музыки вообще. Въ цѣломъ, первый нумеръ, безспорно, лучшій изъ всего „Te Deum'a".

Въ самомъ концѣ его тональность измѣняется изъ F въ H-dur, и нумеръ этотъ переходитъ непосредственно во второй: „Tibi omnes". Второй нумеръ (Andantino $^3/_4$, H-dur) начинается прелестною прелюдіею органа, за которою слѣдуетъ самый гимнъ: „Tibi omnes" сначала у однихъ сопрано, съ деревянными духовыми, чередующимися съ органомъ. Замѣчательно хорошъ и оригиналенъ здѣсь „Sanctus" какъ по музыкѣ, такъ и по неожиданному измѣненію тональностей (изъ H въ Cis и наоборотъ), и красивому и эффектному аккомпанементу деревянныхъ духовыхъ. Постепенное crescendo „Sanctus'a" разростается и приводитъ къ сильному массивному „Pleni sunt coeli" и пр. Какъ хорошъ здѣсь эфектъ массы въ ff послѣ предшествовавшаго pp, и слѣдующее затѣмъ тихое заключеніе органа! Вслѣдъ за этимъ, тема гимна, съ другимъ текстомъ, переходитъ къ тенорамъ, затѣмъ идетъ снова „Sanctus", но только гармоническая обстановка, колоритъ и оркестровка всего этого уже совершенно другіе: гораздо торжественнѣе и грандіознѣе, необыкновенный эфектъ производитъ здѣсь мѣдь, неожиданно врѣзающаяся съ своимъ A въ гармонію H-dur, остальныхъ инструментовъ и хора. Въ третій разъ тема гимна идетъ

у басовъ, и здѣсь достигаетъ, какъ и самый „Sanctus“, высшей степени развитія относительно силы и величія. Весь нумеръ заключается музыкою начальной органной прелюдіи, идущей на этотъ разъ не у органа, но у струнныхъ, съ контрапунктирующими фигурами деревянныхъ духовыхъ. Самые послѣдніе заключительные такты играетъ одинъ органъ. Нумеръ этотъ превосходенъ по содержанію музыки и по фактурѣ. Съ начала до конца онъ оригиналенъ, дышетъ необыкновенною теплотой и искренностью выраженія. Онъ едва-ли многимъ уступаетъ предыдущему по красотѣ музыки, хотя и совершенно противоположенъ ему по фактурѣ.

Послѣ этого, по рукописной партитурѣ Берліоза, слѣдуетъ маленькій, оркестровый нумеръ „prélude militaire“, который, какъ значится въ партитурѣ, играется въ томъ случаѣ, когда „Te Deum“ исполняютъ по поводу побѣды. Этимъ мотивируется военный характеръ прелюдіи. Нумеръ этотъ одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ во всемъ сочиненіи, и построенъ весь на первой темѣ „Te Deum laudamus“, которой приданъ военный, нѣсколько маршевой характеръ. Начинаетъ маленькій барабанъ, потомъ тема идетъ у деревянныхъ духовыхъ, переходитъ къ рогамъ и, наконецъ, къ тромбонамъ и др. Передъ концомъ прелюдіи есть одинъ чрезвычайно красивый и своеобразный гармоническій поворотъ. Вообще этотъ нумеръ очень свѣжъ и хорошъ по музыкѣ. Непонятно, почему онъ выпущенъ въ печатной партитурѣ.

Прелюдія переходитъ непосредственно въ четвертый нумеръ: „Dignare“. Въ цѣломъ, четвертый нумеръ (Moderato, D-dur, $^4/_4$) уступаетъ первымъ двумъ по музыкальному достоинству; но за то начало и конецъ здѣсь очень хороши и симпатичны. Музыка его отличается вообще теплотою и мягкимъ, нѣсколько пасторальнымъ оттѣнкомъ. Онъ написанъ для хоровъ съ органомъ и небольшимъ оркестромъ, безъ тромбоновъ и ударныхъ инструментовъ.

Пятый нумеръ—„Christe, rex gloriae“ (Allegro non troppo,

D-dur, $^4/_4$) — хоровой, съ участіемъ тенора соло съ оркестромъ, безъ тромбоновъ и органа. Общій характеръ музыки—торжественный. Этотъ нумеръ, однако же, значительно слабѣе предыдущихъ и менѣе оригиналенъ. Всего слабѣе здѣсь теноровое соло—сантиментальное и нѣсколько изысканное. Тѣмъ не менѣе и этотъ нумеръ не лишенъ замѣчательныхъ красотъ въ деталяхъ. Такъ, напримѣръ, очень хорошо дальнѣйшее веденіе первой темы, построенной на діатонической гаммѣ; весьма эфектенъ одинъ гармоническій поворотъ, въ концѣ, когда, при общей гармоніи D-dur, басы и мѣдь берутъ неожиданно C. Если этотъ эфектъ недостаточно рельефенъ, такъ развѣ только вслѣдствіе отсутствія тромбоновъ въ составѣ мѣди. Вообще странно, почему при общемъ торжественномъ характерѣ музыки этого нумера, при частомъ употребленіи массы въ f, при массивномъ tutti ff въ концѣ, Берліозъ исключилъ изъ оркестра тромбоны и употребилъ въ дѣло сравнительно небольшой оркестръ.

Шестой нумеръ (Andantino, $^3/_4$, G-moll) — молитва „Te ergo quaesumus“, для тенора соло, съ хоромъ и нѣсколько изысканнымъ оркестромъ: тутъ есть и англійскій рожокъ, и басъ-кларнетъ, и три тромбона, и корнеты, хотя вовсе нѣтъ ни роговъ, ни ударныхъ. По музыкѣ это самый слабый нумеръ изъ всѣхъ. Тема, на которой онъ построенъ, натянута, сантиментальна и напоминаетъ какую-то плаксивую Lacrimos'y. Въ оркестрѣ тема эта ведена оригинально, но некрасиво, въ трехъ октавахъ: сначала у струнныхъ, потомъ у деревянныхъ духовыхъ. Недостатки музыки не выкупаются даже особенностью и исключительностью оркестроваго состава, который здѣсь не производитъ никакого эфекта, что въ сочиненіяхъ Берліоза чрезвычайная рѣдкость. За то въ концѣ нумера есть прелестный хорикъ „Fiat super nos“, піаниссимо, безъ оркестра. Онъ написанъ въ церковныхъ тонахъ, и не только эффектенъ въ исполненіи, но и очень хорошъ по музыкѣ.

Седьмой нумеръ: „Iudex crederis“—съ хорами, органомъ и громаднымъ оркестромъ — самый эфектный изъ всѣхъ. Онъ начинается рѣшительнымъ и мрачнымъ вступленіемъ органа въ Es-moll (Allegretto maestoso, $^{9}/_{8}$), за которымъ идетъ хоръ басовъ, въ унисонъ съ контрбасами, съ чрезвычайно эфектнымъ аккомпанементомъ мѣди. Потомъ тема переходитъ въ сопрано, и далѣе къ тенорамъ, разростаясь въ могучій хоръ, полный силы и мрачнаго величія. Онъ оркестрованъ сильно, массивно и очень эфектно. Тональности въ немъ мѣняются такъ часто, что Берліозъ счелъ даже за лучшее не ставить здѣсь никакихъ знаковъ въ ключѣ. За нимъ слѣдуетъ плавное, пѣвучее и мягкое „Salvum fac“ ($^{3}/_{4}$), очень красивое въ женскихъ голосахъ, съ деревянными духовыми и струнными. Оно переходитъ въ мелодическое „Per singulos“ мужскихъ голосовъ, аккомпанируемое своеобразно и эфектно арпеджіями альтовъ и віолончелей, съ красивыми фигурами скрипокъ и духовыхъ инструментовъ. Впрочемъ, сама мелодія басовъ не особенно хороша по музыкѣ. За нею въ струнныхъ и женскихъ голосахъ слышится опять музыка „Salvum“ въ $^{3}/_{4}$, но въ то же время басы уже вступаютъ съ своимъ „Iudex crederis“ въ $^{9}/_{8}$. Первая фраза этого „Iudex crederis“, повторяясь далѣе p, поочередно, басами обоихъ хоровъ, съ своеобразною и превосходною гармонизаціей на низкомъ регистрѣ и изумительно новымъ и эфектнымъ употребленіемъ мѣди на самыхъ низкихъ нотахъ, пріобрѣтаетъ необыкновенно мрачный и торжественный колоритъ. Это одно изъ самыхъ оригинальныхъ и лучшихъ мѣстъ по музыкѣ, не только въ этомъ сочиненіи, но и въ подобнаго рода музыкѣ вообще, хоръ ростетъ и развивается въ tutti и, наконецъ, тема „Iudex crederis“ идетъ ff у хора унисономъ съ массивнѣйшимъ оркестромъ и органомъ, достигая здѣсь апогея силы и выразительности. Заключеніе этого нумера составлено изъ тѣхъ же самыхъ элементовъ, о которыхъ мы упоминали выше, но по музыкальному достоинству оно ниже сере-

дины. Невозможно передать словами весь эфектъ этого нумера. Это верхъ совершенства по образцовому употребленію голосовыхъ и оркестровыхъ массъ, по силѣ и красотѣ. Впрочемъ, съ точки зрѣнія болѣе серьезныхъ музыкальныхъ требованій, въ цѣломъ онъ долженъ быть поставленъ ниже первыхъ двухъ нумеровъ. Слабыя стороны его слѣдующія: во-первыхъ, нѣкоторая декоративность, сильно напоминающая манеру Мейербера; во-вторыхъ, мѣстами нѣсколько оперный характеръ музыки, что̀ составляетъ недостатокъ въ произведеніи церковнаго стиля; въ-третьихъ, пестрота и отсутствіе того единства, которымъ проникнутъ, напримѣръ, первый нумеръ.

Заключительный нумеръ „Te Deum'a“ — оркестровый, изображающій собою — „Marche pour la présentation des drapeaux“ (4/4, B-dur). Самый маршъ, по музыкѣ, плохъ и сильно отзывается Мейербером̀ъ. Недуренъ здѣсь только одинъ гармоническій поворотъ изъ Des въ B-moll. За то очень хорошо и оригинально слѣдующее потомъ мѣсто, играющее какъ бы роль trio въ маршѣ, подобно „Prélude militaire“: оно построено на первой темѣ „Te Deum laudamus“, въ разработкѣ fugato, но съ маршевымъ характеромъ. До сихъ поръ оркестровка идетъ почти исключительно военная, духовая, струнныя только кое-гдѣ прихватываютъ нѣсколько нотъ. Но послѣ fugato повторяется маршъ уже съ участіемъ струнныхъ и арфъ, которыя до сихъ поръ ни разу не были въ дѣлѣ. Очевидно, что Берліозъ разсчитывалъ въ этомъ случаѣ на совершенно особенный эфектъ ихъ. Органъ, въ этомъ нумерѣ, вступаетъ всего два раза: въ fugato, гдѣ онъ играетъ вторую тему перваго нумера (слегка измѣненную), и затѣмъ въ концѣ, гдѣ играетъ ту же тему (но безъ измѣненія), въ видѣ контрапункта.

Невозможно въ такомъ бѣгломъ обзорѣ разобрать въ частности всѣ красоты этого замѣчательнѣйшаго произведенія, которое должно быть поставлено, безспорно, на ряду съ самыми оригинальными, лучшими сочиненіями по церковной

музыкѣ. Это не одинъ изъ тѣхъ блѣдныхъ сколковъ съ Генделей и Баховъ, какъ множество всякихъ нѣмецкихъ мессъ и ораторій новѣйшаго времени. Это и не какая-нибудь итальянская, диллетантски-салонная музыка, въ родѣ „Stabat Mater'a"—Россини. Если мною указаны кое-какіе недостатки и слабыя стороны, то онѣ имѣютъ значеніе только относительное, и нисколько не уменьшаютъ высокаго музыкальнаго достоинства „Te Deum'a"—въ цѣломъ, Вспомнимъ, что при строгомъ разборѣ не найдется буквально ни одного большого музыкальнаго сочиненія, которое бы во всѣхъ частяхъ своихъ и деталяхъ вполнѣ удовлетворяло серьезнымъ требованіямъ искусства. Нельзя не поблагодарить Безплатную Школу и г. Балакирева, стоящаго во главѣ ея, за подобный выборъ пьесы для концерта. Выборъ этотъ доставилъ истинное наслажденіе всѣмъ, кому дороги интересы музыкальнаго искусства въ его современномъ развитіи.

Полнотѣ наслажденія не мало содѣйствовало превосходное исполненіе, подъ управленіемъ г. Балакирева, и прекрасный составъ исполнителей. Массивные хоры Школы пѣли на этотъ разъ положительно безукоризненно: крайне согласно, вѣрно и съ тщательнымъ соблюденіемъ всѣхъ оттѣнковъ. Г. Васильевъ исполнилъ партію тенора соло вполнѣ удовлетворительно. Вмѣсто фисгармоники, на эстрадѣ красовался настоящій, большой органъ великаго князя Константина Николаевича, вслѣдствіе чего чередованіе органа съ оркестромъ выходило очень эфектное. Про оркестръ нечего и упоминать: превосходный составъ его слишкомъ извѣстенъ публикѣ, посѣщающей концерты, въ которыхъ исполняется серьезная музыка. Словомъ, лучшей обстановки можно желать развѣ только въ смыслѣ той, какая была при первомъ исполненіи пьесы въ Парижѣ. Но такая обстановка, очевидно, немыслима ни для какого частнаго концерта.

Про вѣрную и рельефную передачу духа сочиненія и всѣхъ музыкальныхъ красотъ Берліозовской партитуры также распространяться не приходится. Высокій дирижерскій та-

лантъ г. Балакирева оцѣненъ и признанъ какъ публикою, такъ и безпристрастными музыкантами.

Тонкій вкусъ, глубина пониманія, обширная музыкальная эрудиція и крайне строгое отношеніе его къ музыкальному дѣлу—также извѣстны и были доказаны не разъ. Отрицать это сознательно могутъ развѣ только тѣ, кому есть какой-либо интересъ въ умышленномъ игнорированіи истины.

Кромѣ „Te Deum'a", въ концертѣ исполнена была еще одна изъ любимѣйшихъ симфоній Бетховена—пасторальная. Она слишкомъ извѣстна для того, чтобы разбирать ее въ подробности. Я напомню только, что въ этой симфоніи Бетховену показались уже тѣсными рамки условной, сонатной формы, и что эпизодическая буря, между скерцомъ и и финаломъ, составляетъ громадный шагъ въ исторіи развитія свободной симфонической музыки. Эпизодъ этотъ, лучшій во всей симфоніи, и до сихъ поръ остается самымъ художественнымъ воспроизведеніемъ бури въ оркестрѣ. Симфонія была сыграна вполнѣ безукоризненно. Не говоря уже объ удивительной отчетливости и вѣрной передачѣ самыхъ тонкихъ оттѣнковъ, все исполненіе дышало жизнью и увлеченіемъ. Даже финалъ, нѣсколько вялый и растянутый, вышелъ здѣсь какъ-то особенно оживленнымъ.

При всѣхъ достоинствахъ симфоніи, главный интересъ въ этомъ концертѣ сосредоточивался все-таки на „Te Deum'ѣ". Оно и понятно: симфонія слишкомъ хорошо извѣстна, пьеса же Берліоза, помимо ея музыкальнаго значенія, имѣетъ для насъ еще интересъ новизны. Нельзя не сознаться, что было бы весьма желательно слышать „Te Deum" въ подобномъ исполненіи еще разъ. Такія капитальныя вещи, богатыя новыми и первостепенными музыкальными красотами, положительно требуютъ повторенія.

Перейдемъ теперь къ 7-му концерту Русскаго Музыкальнаго Общества. Концертъ начался первымъ аллегро и анданте изъ недоконченной симфоніи (H-moll) Ф. Шуберта. Обѣ части исполнялись у насъ еще въ первый разъ. Пер-

вая часть (Allegro, $^3/_4$) написана въ условной сонатной формѣ, ясна, проста по содержанію и разработкѣ темъ, свѣжа по музыкѣ. Первая тема, въ басахъ и віолончеляхъ pp, очень хороша и сильна; быстро наступающая вторая тема положительно слаба и напоминаетъ дюжинный нѣмецкій вальсъ. Въ этомъ Allegro всего лучше средняя часть, построенная на элементахъ первой темы: въ ней много силы и новизны (взявъ въ разсчетъ, конечно, что Allegro написано въ 1822 году). Все же, что̀ построено на разработкѣ второй темы, бо̀льшею частью слабо и довольно рутинно, даже для того времени. Въ противоположность большинству прочихъ сочиненій Ф. Шуберта, это Allegro отличается замѣчательною сжатостью формы, отчего оно не мало выигрываетъ въ силѣ впечатлѣнія. Слѣдующее затѣмъ Andante, также въ условной сонатной формѣ (E-dur, $^3/_8$), вообще слабѣе и нѣсколько растянуто; но и въ немъ есть весьма недурныя и новыя вещи по музыкѣ (ка̀къ хорошъ и оригиналенъ, напримѣръ, подходъ къ первой темѣ въ срединѣ Andante!). Первая тема—общенѣмецкая, малозамѣчательная; вторая лучше, съ пасторальнымъ оттѣнкомъ и отчасти славянскимъ характеромъ. Оркестровка обѣихъ частей симфоніи простая, скромная, но хорошая. Въ цѣломъ, музыка эта должна быть причислена къ числу лучшихъ сочиненій Ф. Шуберта.

Послѣ этого сыграна была, также въ первый разъ, „Чухонская фантазія“—А. С. Даргомыжскаго. Какъ извѣстно у него есть нѣсколько оркестровыхъ пьесъ комическаго характера и построенныхъ на народныхъ темахъ (напримѣръ, „Малороссійскій казачокъ“, и т. д.). Прототипомъ этого рода музыки служитъ всѣмъ извѣстная, геніальная „Камаринская“—Глинки. Къ этому же роду принадлежитъ и „Чухонская фантазія“. Но если музыка „Малороссійскаго казачка“ напоминаетъ еще нѣсколько „Камаринскую“, то „Чухонская фантазія“ не имѣетъ ничего общаго съ послѣднею. Она построена на народныхъ чухонскихъ темахъ и рисуетъ раз-

гулявшихся и раскутившихся чухонцевъ, которые сперва затягиваютъ одну изъ своихъ заунывныхъ пѣсенъ (интродукція Fis-moll, $^5/_4$), потомъ, развеселившись, пускаются въ плясъ, сначала умѣренный, но мало-по-малу разгорающійся до крайнихъ предѣловъ чухонской удали и чухонскаго задора, вялаго, хилаго, неуклюжаго и комичнаго въ высшей степени (Allegro, A-dur, $^2/_4$). Нѣтъ никакой возможности передать на словахъ весь юморъ и комизмъ этой прелестной музыкальной картинки. Даргомыжскій является здѣсь такимъ же великимъ музыкальнымъ жанристомъ, какъ и въ своихъ комическихъ романсахъ („Червякъ", „Титулярный Совѣтникъ" и проч.). Что̀ касается до техническихъ красотъ музыки, то „Чухонская фантазія", не смотря на маленькій объемъ свой, представляетъ богатый матеріалъ для изученія. Она переполнена совершенно своеобразными, новыми пріемами и эфектами—гармоническими, инструментальными и ритмическими. Музыкальные курьозы, самые небывалые, самые разнообразные, встрѣчаются здѣсь на каждомъ шагу; перечислить ихъ въ частности рѣшительно невозможно—пришлось бы останавливаться чуть не на каждомъ тактѣ пьесы. И все это блещетъ самымъ неподдѣльнымъ юморомъ и остроуміемъ. Изъ оркестрованныхъ вещей Даргомыжскаго—„Чухонская фантазія" положительно самая лучшая. Впечатлѣніе пьесы на публику высказалось ясно въ единодушныхъ рукоплесканіяхъ и крикахъ: „bis", послѣ которыхъ пьеса была повторена.

За пьесой Даргомыжскаго слѣдовалъ фортепіанный концертъ Шумана, исполненный г. Беггровымъ. Концертъ этотъ уже извѣстенъ нашей публикѣ: его играли у насъ и Клара Шуманъ, и А. Рубинштейнъ.

На этотъ разъ публика имѣла право только пожалѣть объ исполненіи пьесы. Г. Беггровъ игралъ до того вяло, бездушно, скучно, до того извратилъ живой темпъ финала, что пьеса совершенно утратила свой характеръ.

Затѣмъ исполнены были, въ первый разъ, два отрывка

изъ оперы „Демонъ“ г. Б. Шеля: „Восточные танцы“ и заключительный хоръ. Оба нумера по музыкѣ слабы. Танцы (собственно лезгинка) выигрываютъ еще тѣмъ, что первая тема ихъ настоящая восточная и вѣрно-передающая движеніе лезгинки; но, къ сожалѣнію, дальнѣйшее развитіе ея блѣдно и вяло. Въ танцахъ мало жизни, увлеченія, красокъ. При всемъ томъ лезгинка гораздо лучше хора, который, по музыкѣ, просто плохъ. Если онъ и могъ кому нибудь понравиться, такъ развѣ только благодаря красивому исполненію въ голосахъ.

Концертъ окончился увертюрой къ оперѣ „Нюренбергскіе пѣвцы“—Вагнера. Трудно представить себѣ что-нибудь скучнѣе и безцвѣтнѣе этой музыки! Хоть бы одна свѣжая мысль въ цѣлой увертюрѣ! Хоть бы проблескъ вдохновенія! И что за неуклюжее, насильственное сочиненіе темъ! Что за невыносимая оркестровка! Мѣдь реветъ безъ умолку въ продолженіе всей увертюры и просто приводитъ въ отчаяніе; такъ и радуешься всякому такту, гдѣ какой-нибудь трубачъ или тромбонистъ остановится, чтобъ перевести дыханіе. По непомѣрной сухости, торжественности и обилію мѣдныхъ инструментовъ, можно подумать, что это форшпиль къ какой-нибудь бездарнѣйшей ораторіи, изображающей паденіе стѣнъ Іерихона. А между тѣмъ это не болѣе какъ увертюра къ комической оперѣ изъ народнаго быта. Вообразите себѣ музыку къ народной комической оперѣ — и ни малѣйшаго слѣда жизни и юмора! Сколько нужно имѣть слѣпой вѣры въ авторитеты, чтобъ не видѣть всей бездарности подобной музыки.

Перейдемъ теперь къ 8-му концерту.

Главный интересъ этого концерта сосредоточивается, безспорно, на новой, второй симфоніи г. Римскаго-Корсакова—„Антаръ“. Симфонія эта представляетъ произведеніе замѣчательное, какъ по новизнѣ и красотѣ музыки, такъ и по изумительно блестящей и колоритной оркестровкѣ. По формѣ она принадлежитъ къ тому роду симфоническихъ

сочиненій, который былъ созданъ Берліозомъ. Это—симфонія въ нѣсколькихъ частяхъ, написанная на опредѣленный сюжетъ, причемъ раздѣленіе на части и построеніе каждой изъ нихъ опредѣляется не условною рамкою сонаты, но исключительно содержаніемъ самого сюжета.

Сюжетъ симфоніи г. Римскаго-Корсакова — восточная сказка, содержаніе которой я постараюсь передать въ короткихъ словахъ. Антаръ, возненавидѣвшій людей, потому что они платили ему за добро зломъ, рѣшился покинуть ихъ навсегда. Онъ удаляется въ Шамскую пустыню, гдѣ находятся развалины города Пальмиры. Тамъ онъ вдругъ видитъ бѣгущую газель. Мучимый голодомъ, онъ гонится за нею съ копьемъ. Но въ это время раздается страшный шумъ: за газелью летитъ чудовищная птица и хочетъ растерзать ее. Антару становится жаль газели, онъ вмигъ перемѣняетъ свое намѣреніе, и вмѣсто нея поражаетъ птицу. Раненое чудовище съ грохотомъ проваливается въ пропасть, причемъ дѣлается такая буря, что Антаръ не можетъ удержаться на ногахъ, и падаетъ безъ чувствъ. Когда онъ очнулся—онъ видитъ себя въ роскошномъ дворцѣ, гдѣ множество рабовъ и рабынь ему прислуживаютъ и услаждаютъ его пѣніемъ, плясками и яствами. Оказывается, что это дворецъ царицы Пальмиры — Пери, которая подъ видомъ газели искала спасенія отъ нападенія злого волшебника, принявшаго на себя образъ чудовищной птицы. Антаръ, поразивъ чудовище, спасъ Пери. Въ благодарность за спасеніе, Пери обѣщаетъ сдѣлать жизнь его полною наслажденій, предупреждая, однако, что каждое изъ нихъ оставляетъ послѣ себя горечь, излечиваемую только другимъ наслажденіемъ. Затѣмъ очарованіе исчезаетъ, и Антаръ видитъ себя попрежнему въ пустынѣ. Это собственно и составляетъ сюжетъ I-й части симфоніи. Остальныя три части изображаютъ три наслажденія, которымъ по очереди предается Антаръ. Первое изъ нихъ—сладость мести (II-я часть симфоніи). Упившись местью, Антаръ хочетъ испытать сладость

власти (III-я часть симфоніи); пресытившись ею, онъ проситъ сладости любви, которую и находитъ въ объятіяхъ самой Пери, превратившейся въ красивую бедуинку. Но Пери напоминаетъ Антару, что это наслажденіе—послѣднее, и что горечь, оставляемая ею, ничѣмъ уже не излечивается. Тогда Антаръ умоляетъ Пери отнять у него жизнь при первыхъ же проявленіяхъ этой горечи. Пери исполнила и это желаніе. Такимъ образомъ, послѣ долгаго обоюднаго счастья, Антаръ умираетъ возлѣ нея, какъ только ядъ пресыщенія начинаетъ проникать въ его душу (IV-я часть симфоніи).

Восточный элементъ, фантастическія подробности сюжета, характеръ Антара и разнообразіе положеній, въ которыхъ онъ находится, даютъ музыканту обильную пищу для фантазіи. И надобно сказать, что г. Римскій-Корсаковъ мастерски воспользовался всѣми этими элементами.

Каждая частность сюжета воспроизведена имъ въ музыкѣ необыкновенно рельефно и съ неподражаемою вѣрностью. Какъ хорошо, напримѣръ, изображеніе пустыни (аккорды трехъ фаготовъ и т. д.), въ началѣ и концѣ I-й части. Какъ картинно изображеніе бѣгущей газели, гдѣ вѣрно передано не только движеніе бѣга (ритмическія фигуры скрипокъ), но обрисована отчасти уже личность самой Пери, скрывающейся подъ видомъ газели (фигуры флейты. Эти фигуры флейты составляютъ элементы темы, характеризующей далѣе поэтическую личность Пери въ IV-й части). Сколько оригинальности въ изображеніи чудовищной птицы, тяжелый полетъ которой такъ выразительно передается струнными. Необыкновенная гармонія, совершенно своеобразная, какъ нельзя больше идетъ къ этому фантастическому чудовищу, хищная натура котораго такъ и слышится въ характеристическихъ клеваніяхъ духовыхъ. Сколько нѣги и воздушной граціи въ музыкѣ, которою услаждаютъ Антара во дворцѣ Пери. Замѣтимъ кстати, что плясовая тема этой музыки—подлинная арабская и обставлена превосходно. И

черезъ все это проходитъ унылая тема, обрисовывающая разочарованнаго Антара. Въ смыслѣ описательной музыки, I-я часть симфоніи—верхъ совершенства, и въ особенности замѣчательна по необыкновенно картинной передачѣ самыхъ разнородныхъ подробностей сюжета. II-я часть столько же вѣрна сюжету, но передаетъ скорѣе общее настроеніе Антара, упивающагося местью, нежели изображеніе отдѣльныхъ частностей мщенія. Поэтому она не представляетъ такой пестроты и разнохарактерности музыкальныхъ элементовъ, какою отличается I-я часть. По формѣ она также круглѣе и законченнѣе. Музыка этой части необыкновенно хороша, дышетъ восточною страстностью, энергіею и какою-то необузданною свирѣпостью, вполнѣ отвѣчающею программѣ. Тема, рисующая Антара, проходитъ и тутъ, но колоритъ ея уже совершенно другой, нежели въ I-й части. Оркестрованная въ мѣди, она пріобрѣтаетъ характеръ грозной силы. Музыка III-й части изображаетъ воликолѣпную обстановку власти на Востокѣ. Тутъ есть и пляски невольницъ, и ликованіе. Сама тема Антара получила здѣсь опять новый колоритъ — свѣтлый и грандіозный. Одна изъ темъ (автора) здѣсь также подлинная арабская, напоминающая персидскій хоръ Руслана, но только еще красивѣе. Впрочемъ, по музыкѣ эта часть нѣсколько слабѣе двухъ первыхъ, особенно конецъ ея. Музыка IV-й части чрезвычайно симпатична, и построена, главнымъ образомъ, на подлинной же арабской темѣ, полной любви и нѣжнаго томленія. Тема эта идетъ сначала у англійскаго рожка, съ аккомпанементомъ и скрипокъ, причемъ она получаетъ характеръ уже болѣе страстный. Также удивительно симпатична здѣсь и вторая тема, рисующая личность Пери. Сколько въ ней граціи, теплоты и грусти! Въ первой части были только намеки на нее, здѣсь же она является въ полномъ развитіи. Тема самого Антара получаетъ здѣсь характеръ мягкій, нѣжный и полный глубокой грусти. Ко-

нецъ этой части необыкновенно хорошъ и поэтиченъ, на арфахъ, флейтахъ и альтахъ.

Всѣ четыре части носятъ на себѣ вполнѣ восточный колоритъ какъ по гармонизаціи, такъ и по оркестровкѣ. Относительно оркестровки—„Антаръ“ положительно одно изъ совершеннѣйшихъ и самобытнѣйшихъ произведеній современной музыки. Невозможно перечислить всѣхъ изумительныхъ оркестровыхъ эфектовъ, которыми переполнена каждая изъ частей этого сочиненія, и найдется весьма не много мѣстъ, которыя оркестрованы некрасиво (напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ II-й части некрасиво употреблены рога и т. д.). Итакъ, все это ново и колоритно. Сколько тутъ фантазіи самой прихотливой и роскошной!

Во всей симфоніи нѣтъ и тѣни чего-нибудь рутиннаго, обыденнаго. Вообще „Антаръ“ представляетъ новое доказательство необыкновенно сильнаго творческаго таланта г. Римскаго-Корсакова, композиторская дѣятельность котораго составляетъ крайне отрадное явленіе въ нашемъ музыкальномъ мірѣ. Говоря о достоинствахъ этой симфоніи, я долженъ указать также и на слабыя стороны. Автору можно сдѣлать упрекъ въ томъ, что тема, изображающая самого Антара, не вполнѣ оригинальна; что въ III-й части не довольно величія и грандіозности, что въ IV-й части музыка мѣстами холодновата, что симфонія нѣсколько грѣшитъ пестротою элементовъ въ деталяхъ; но послѣднее обстоятельство находитъ себѣ оправданіе отчасти въ самомъ сюжетѣ.

Послѣ симфоніи, г-жа Щетинина сыграла извѣстный концертъ Гензельта и сыграла очень мило. О самомъ сочиненіи г. Гензельта говорить нечего—оно крайне безцвѣтно и плохо не только въ музыкальномъ, но даже и въ техническомъ отношеніи. Всѣ виртуозныя трудности здѣсь пропадаютъ даромъ и не производятъ никакого эфекта. Какая разница въ этомъ отношеніи, напримѣръ, съ концертомъ Литольфа, не говоря уже о концертахъ Листа. А что за странная оркестровка у г. Гензельта, что за наивныя темы

За этимъ слѣдовала испанская фантазія Глинки—„Ночь въ Мадридѣ“. Первостепенныя красоты и оригинальность ея такъ извѣстны публикѣ, что было бы излишне разбирать ее въ частности. Пьеса эта, по требованію публики, была повторена.

Потомъ, г-жа Хвостова прелестно спѣла три, самые разнохарактерные, романса: Waldgespräch“ — Шумана, „Еврейскую мелодію“—Мусоргскаго и „Серенаду“—Гуно. Романсъ Мусоргскаго былъ повторенъ.

Въ заключеніе исполнена была увертюра „Гебридія“ (Аталія тожъ) — Мендельсона. Увертюра эта также слишкомъ извѣстна даже тѣмъ, кто слушаетъ музыку только въ Павловскомъ вокзалѣ. —ъ.

2) Листъ у себя дома въ Веймарѣ.

(Изъ личныхъ воспоминаній А. П. Бородина) *).

I.

Съ давнихъ поръ Листъ имѣетъ обыкновеніе проводить лѣто въ Веймарѣ, куда онъ пріѣзжаетъ бо̀льшею частью къ 8-му апрѣля, — дню рожденія гроссъ-герцогини. Къ этому времени, вмѣстѣ съ весенними птицами, налетаютъ туда съ разныхъ сторонъ свѣта „Lisztianer“ и „Lisztianerinnen“, — ка̀къ тамъ называютъ Листовскую учащуюся молодежь. Въ это время, и въ теченіе всего лѣта, поѣзда привозятъ сюда и отвозятъ обратно массу гостей, поклонниковъ и друзей Листа, разныхъ тузовъ музыкальнаго и вообще художественнаго міра. Веймаръ — маленькія Аѳины Германіи — оживляется. Вмѣсто обычныхъ чопорныхъ гофратовъ „не у дѣлъ“, въ перчаткахъ и цилиндрахъ, — на улицахъ появляются молодыя лица самыхъ разнообразныхъ типовъ, полу-студенческія, полу-артистическія фигуры. Вмѣсто зимней мертвящей скуки и гробового молчанія, раздается веселый, иногда даже безшабашный, смѣхъ, говоръ и пѣніе на различныхъ языкахъ: нѣмецкомъ, французскомъ, англійскомъ, русскомъ, польскомъ, венгер-

*) Статья эта была напечатана въ журналѣ „Искусство“ 1883 г., №№ 11 и 12. В. С.

скомъ, чешскомъ и т. д. Изъ открытыхъ оконъ льются цѣлые потоки фортепіанныхъ звуковъ:—это „Lisztianer“ и „Lisztianerinnen“, не смотря на прелестную погоду и убійственную жару, съ увлеченіемъ и упорствомъ преодолѣваютъ разныя виртуозныя трудности фортепіанной игры „высшей школы“. Такія окна и потоки звуковъ встрѣчаются все чаще и чаще, по мѣрѣ приближенія къ Wielands-Platz'у. На этой площади стоитъ огромный Виландъ, съ толстыми икрами и мѣднымъ неподвижнымъ лицомъ. Лѣвая икра мѣднаго поэта обращена къ Amalienstrasse, правая къ Marienstrasse. Обѣ улицы ведутъ къ музыкальнымъ знаменитостямъ: первая — на кладбище, къ покойному во всѣхъ отношеніяхъ Гуммелю; вторая—къ живому во всѣхъ отношеніяхъ Листу. Листъ живетъ на самомъ концѣ улицы и города, около парка, въ придворномъ домикѣ, нижъ котораго занятъ, кажется, главнымъ садовникомъ гроссъ-герцога, а верхъ — Листомъ. Домикъ каменный, маленькій, двухъ-этажный, окрашенный желтовато-сѣрой краской, крыша высокая, черепичатая. Фасадъ, выходящій на Marienstrasse, имѣетъ въ верхнемъ этажѣ всего три окна, изъ которыхъ среднее — большое широкое, боковыя—маленькія; въ нижнемъ всего одно окно настоящее и два фальшивыхъ. На углу доска съ надписью: „Marienstrasse 17—1“. Боковой фасадъ, имѣющій всего по два окна въ каждомъ этажѣ, обращенъ къ парку и до половины обвитъ виноградомъ.

Домикъ примыкаетъ къ рѣшотчатымъ воротамъ, ведущимъ въ большой садъ, чистый, точно языкомъ вылизанный. Фасадъ домика, выходящій въ садъ, имѣетъ три небольшихъ окна вверху, и одно внизу, четыре ступеньки и небольшую одностворчатую дверь, ведущую во внутренность домика. Нижняя часть домика убрана цвѣтами и виноградомъ. Около домика—зеленая скамейка. Словомъ, домикъ совсѣмъ дачный. Изъ сѣней, очень простая, деревянная лѣстница, выкрашенная желтой масляной краской, ведетъ во второй этажъ — къ Листу. Поднявшись по лѣстницѣ, входите въ маленькія

сѣни. Направо — шкафъ и окно. Налѣво — дверь, украшенная цвѣточною гирляндой. Дверь эта отворяется только для высокаго гостя: самого гроссъ-герцога. Остальные смертные проходятъ прямо въ другую дверь, ведущую въ узкую и длинную прихожую, гдѣ помѣщается, между прочимъ, слуга-черногорецъ, о которомъ рѣчь впереди. Здѣсь, направо: два комода, окно, письменный столъ, у котораго занимается помянутый черногорецъ, кресло; налѣво—дверь въ столовую, столикъ съ зеркаломъ, печь и еще столикъ. Въ глубинѣ, за драпировкой, кровать черногорца. По входѣ въ столовую, направо, вдоль по стѣнѣ — этажерка краснаго дерева, со шкафиками, полочкой и часами; шкафъ ясневаго дерева со стеклами; по правой стѣнкѣ: огромное окно, съ большой репсовой драпировкой, по лѣвой стѣнкѣ отъ входа—дверь въ гостиную и широкая печь; прямо противъ входа — дверь въ спальню; по срединѣ комнаты небольшой обѣденный столъ и нѣсколько стульевъ. Стѣны столовой, а равно и дверь, оклеены бѣлыми обоями, безъ всякаго рисунка.

Гостиная отдѣляется отъ кабинета только огромною драпировкою, такъ что въ сущности составляетъ съ нимъ одно цѣлое. По входѣ изъ столовой въ гостиную, по лѣвой стѣнѣ,—дверь, завѣшенная драпировкою; дверь эта ведетъ въ прихожую и открывается только для гроссъ-герцога. Далѣе идетъ піанино, нѣсколько разбитое уже, и мягкій диванчикъ. По стѣнкѣ, противъ входа, три окна, обращенныя въ садъ; рояль Бехштейна, порядкомъ пострадавшій отъ ретивыхъ учениковъ Листа. За нимъ драпировка, отдѣляющая гостиную отъ кабинета, столикъ, стулья. Въ углу наискось поставленъ маленькій столикъ съ бумагами, фотографіями и т. д. Направо отъ входа, вдоль стѣны, идутъ: каминъ, съ часами на немъ, драпировка, отдѣляющая гостиную отъ кабинета, небольшая кушетка съ круглымъ столикомъ передъ нею, этажерка съ книгами, дверь въ спальню. По правой стѣнѣ отъ входа: большое трюмо, далѣе окно съ видомъ на паркъ и дорогу въ такъ называемый

„Бельведеръ“—загородную резиденцію гроссъ-герцога. Почти по срединѣ кабинета, наискось, поставлены кресло и крохотный, совсѣмъ дамскій, письменный столикъ, на которомъ Листъ пишетъ свою музыку. Легкія формы и миніатюрные размѣры столика какъ-то вовсе не отвѣчаютъ грандіознымъ размѣрамъ произведеній, которыя на немъ пишутся, равно какъ и высокой, массивной фигурѣ самого маэстро. Возлѣ этого столика, другой—еще меньшаго размѣра, на которомъ обыкновенно стоитъ подносикъ съ рюмками, графинчикомъ коньяку и бутылкою отличнаго краснаго вина.

Колоссальная драпировка, раздѣляющая помѣщеніе на гостиную и кабинетъ, равно какъ и драпировки на окнахъ и гроссъ-герцогской двери—изъ тяжелаго полосатаго репса съ широкими красными полосами, чередующимися съ болѣе узкими зелеными, темновато-бѣлыми и бѣлыми. Мебель, кромѣ стульевъ передъ роялемъ—мягкая и обита такимъ же репсомъ. Карнизы и багеты вездѣ золотые. Въ спальнѣ, съ окномъ, обращеннымъ также на дорогу въ „Бельведеръ“, небольшія ширмы, большая массивная кровать, умывальный столъ и прочая спальная мебель. Полы вездѣ обиты сплошь ковромъ. Въ окнахъ вездѣ двойныя рамы. Между рамами вездѣ, кромѣ гостиной, мелкіе цвѣты. На роялѣ, окнахъ и столахъ — груды нотъ, печатныхъ и рукописныхъ.

Вотъ подробности о жилищѣ великаго маэстро. Теперь о костюмѣ.

Какъ свѣтскій аббатъ, Листъ носитъ все черное: черный долгополый сюртукъ, черную низенькую, съ широкими полями шляпу, черныя перчатки и черный высокій галстукъ. Образъ жизни Листа довольно правильный.

Встаетъ онъ очень рано: зимой въ 6, а лѣтомъ въ 5 часовъ утра, въ 7 часовъ идетъ къ обѣднѣ, станетъ куда-нибудь въ уединенный уголокъ, нагнется на аналоѣ и усердно молится. Чуждый всякаго ханжества, отличающійся поразительно широкою вѣротерпимостью, еще недавно написавшій второй „Вальсъ Мефистофеля“, Листъ въ то же

время человѣкъ не только глубоко религіозный, но и католикъ по убѣжденію. Возвратясь отъ обѣдни, Листъ пьетъ въ 8 часовъ кофе, принимаетъ своего секретаря, органиста Готшалька, толкуетъ съ нимъ о дѣлахъ, а равно принимаетъ и другіе дѣловые визиты. Покончивъ съ ними, Листъ садится за работу, и съ 9 ч. до часу сочиняетъ, пишетъ музыку. Обѣдаетъ Листъ не въ часъ, какъ буржуазія нѣмецкая, а въ 2 ч. — какъ и вся веймарская аристократія.

Обѣдъ у него всегда очень простой, но хорошій. Не смотря на свой возрастъ, Листъ можетъ ѣсть и пить очень много и совершенно безнаказанно, благодаря своей желѣзной натурѣ. Замѣчу при этомъ, что онъ ведетъ образъ жизни кабинетный, сидячій, и никогда не гуляетъ на воздухѣ, не смотря на то, что у него подъ бокомъ прекрасный садъ и гроссъ-герцогскій паркъ.

Послѣ обѣда онъ всегда обязательно спитъ часа два, а затѣмъ принимаетъ къ себѣ учениковъ и другихъ посѣтителей, занимается уроками музыки, или даже просто болтаетъ о разныхъ разностяхъ. Вечера бо̀льшею частію проводитъ не дома, а въ кругу близкихъ интимныхъ друзей, въ числѣ которыхъ на первомъ планѣ стоитъ баронесса Мейендорфъ, урожденная княжна Горчакова, вдова бывшаго посланника русскаго при веймарскомъ дворѣ, а затѣмъ семья князя Витгенштейна. Въ 11 часовъ вечера Листъ ложится спать, если только нѣтъ особенныхъ причинъ просидѣть долѣе.

Говоря подробно о внѣшней обстановкѣ жизни Листа, нельзя не сказать и о его прислугѣ. Изъ женскаго персонала при немъ состоитъ только нѣкая Паулина, почтенная женщина, занимающаяся хозяйствомъ, но не представляющая ничего особеннаго; за то у Листа есть слуга, о которомъ стоитъ упомянуть. Это нѣчто въ родѣ Лепорелло, Санхо-Панса и тому подобное, т. е. камердинеръ-фактотумъ, все что хотите, горячо преданный старому маэстро, сопровождающій его во всѣхъ путешествіяхъ и пользующійся

громаднымъ довѣріемъ. И тутъ высказались крайній космополитизмъ и вѣротерпимость маститаго маэстро: венгерецъ, католикъ, аббатъ—облюбовалъ, въ качествѣ своего Лепорелло, яраго черногорца, схизматика, православнаго славянофила Спиридона Княжевича, или Спиридіона, какъ его называютъ во всемъ Веймарѣ. Выразительную черномазую фигуру его, съ густыми черными усами и бакенбардами, знаютъ въ Веймарѣ всѣ, и онъ пользуется тамъ почетомъ и популярностью. Онъ со всѣми бесѣдуетъ почтительно, но смѣло, безъ подобострастія и лакейскихъ пріемовъ,—даже съ самимъ гроссъ-герцогомъ. Не только ученики Листа, но и разные юстицраты и гофраты при встрѣчѣ съ нимъ подаютъ ему руку. Его можно видѣть въ кофейняхъ и ресторанахъ распивающимъ кофе въ компаніи съ учениками Листа и разными другими „господами“. Дать ему на чай значило бы кровно обидѣть его, но маленькую вещицу на память, въ родѣ мунштука для сигаръ, фотографической карточки и т. п., онъ приметъ съ благодарностью, и въ послѣднемъ случаѣ готовъ даже подарить вамъ взамѣнъ свою фотографическую карточку, да еще съ надписью. Какъ истый черногорецъ, онъ особенно симпатизируетъ русскимъ.

Горячій патріотъ, славянофилъ и православный человѣкъ—во время войны за освобожденіе славянъ, онъ особенно усердно посѣщалъ русскую церковь въ Веймарѣ, ревностно клалъ земные поклоны за „Бѣлаго Царя“ и горячо молился объ успѣхахъ русскому оружію. Католикъ Листъ съ своимъ православнымъ Лепорелло представляютъ крайне оригинальный примѣръ возможности согласія западной церкви съ восточной.

II.

Упрямый, подчасъ даже капризный, Листъ частенько выслушиваетъ терпѣливо совѣты своего Лепорелло. Лепорелло буквально боготворитъ своего барина и при всякомъ

удобномъ случаѣ съ благоговѣніемъ показываетъ всѣмъ и каждому большой портретъ Листа, подаренный ему самимъ маститымъ маэстро и украшенный очень милою собственноручною подписью послѣдняго. Портретъ этотъ виситъ у Лепорелло въ прихожей на самомъ видномъ мѣстѣ. Вообще, гордый черногорецъ видимо дорожитъ своимъ положеніемъ у Листа, считаетъ выше всѣхъ „своего“ барина; на „остальныхъ“ господъ смотритъ только снисходительно.

Лепорелло, подобно своему барину, говоритъ свободно на нѣсколькихъ языкахъ, но между собою — венгерецъ баринъ и черногорецъ-слуга разговариваютъ обыкновенно на нейтральномъ языкѣ — по-итальянски. Въ разговорахъ со всѣми прочими Листъ, гдѣ только можно, предпочитаетъ всегда французскій языкъ: по-нѣмецки или по-итальянски онъ говоритъ только по необходимости, хотя владѣетъ всѣми тремя языками въ совершенствѣ. Говоритъ онъ вообще очень хорошо: свободно, красиво, образно, съ увлеченіемъ, остроумно и умно. Ротъ его при этомъ широко раздвигается и крѣпко захлопывается, громко отчеканивая каждый слогъ и напоминая мнѣ нѣсколько дикцію покойнаго А. Н. Сѣрова. Высказавъ, что̀ ему было нужно, Листъ захлопнетъ ротъ окончательно, откинетъ сѣдую голову назадъ, остановится и вперитъ въ своего собесѣдника орлиный взглядъ, какъ будто хочетъ спросить: „А, ну-ка! посмотримъ, что ты мнѣ теперь скажешь на это?“ Впрочемъ, у него есть еще и другая манера говорить: едва шевеля губами, тихо, какимъ-то старческимъ и аристократическимъ шамканьемъ, напоминая мнѣ дикцію другого покойника— Н. М. Пановскаго, извѣстнаго когда-то фельетониста „Московскихъ Вѣдомостей“.

Много прожившій, видавшій, читавшій, хорошо образованный, одаренный умомъ, наблюдательностью и самостоятельнымъ критическимъ отношеніемъ къ тому, о чемъ идетъ рѣчь, Листъ является всегда въ высшей степени интереснымъ собесѣдникомъ.

Особенно интересны его откровенныя бесѣды о музыкальныхъ дѣлахъ, на что̀ его, однако, не всѣ и не всегда могутъ вызвать. Какъ музыкантъ, Листъ, въ противоположность Вагнеру, видимо тяготѣетъ болѣе къ музыкѣ концертной, симфонической и т. д., нежели къ оперной; и въ операхъ онъ по преимуществу интересуется болѣе чисто музыкальною стороною, нежели сценическою. Новой нѣмецкой школы, кромѣ Вагнера, онъ вообще не жалуетъ. По его мнѣнію, большею частію произведенія ея блѣдны, безцвѣтны, утратили свѣжесть, интересъ и жизненность. Симпатіи его на сторонѣ новой французской и, въ особенности, новой русской школы, произведенія которой онъ цѣнитъ высоко, изучаетъ и знаетъ основательно. Онѣ не сходятъ у него съ рояля; онъ играетъ ихъ самъ, играютъ и ученики его. Четырехручныя вещи, которыми онъ увлекается или интересуется, онъ любитъ переигрывать чуть не съ каждымъ ученикомъ или піанистомъ, подвернувшимся подъ руку. При этомъ онъ разбираетъ музыку по косточкамъ и отмѣчаетъ все выдающееся и оригинальное. Такой періодъ увлеченія какою-либо вещью продолжается у него довольно долго. Высокимъ интересомъ Листа къ новой русской школѣ, симпатіями къ ней и вліяніемъ на другіе музыкальные элементы Германіи нужно объяснить то обстоятельство, что, напримѣръ, такія, чуждыя нѣмецкому уху, вещи, какъ моя 1-я симфонія и „Антаръ“—Римскаго-Корсакова, не только исполнялись на фестиваляхъ въ Баденъ-Баденѣ и Магдебургѣ, но имѣли тамъ большой успѣхъ и встрѣтили крайне сочувственное отношеніе нѣмецкой прессы. Какъ явный примѣръ симпатіи Листа къ русской новой школѣ, могу привести еще извѣстное необыкновенно сочувственное письмо Листа и печатное мнѣніе его о пресловутыхъ „Парафразахъ“, вызвавшихъ маленькую бурю въ стаканѣ воды среди нашихъ рецензентовъ; далѣе еще то обстоятельство, что, узнавъ про эту бурю, Листъ выразилъ желаніе „скомпрометироваться вмѣстѣ съ нами“ и написалъ съ своей сто-

роны маленькую варіацію, для помѣщенія въ видѣ интродукціи къ одному изъ нумеровъ при второмъ изданіи „Парафразъ“, что и сдѣлано издателемъ согласно желанію Листа. Листъ очень любитъ эти „Парафразы“ и даже возилъ ихъ съ собою изъ Веймара въ Магдебургъ во время фестиваля, заставляя всѣхъ и каждаго—піанистовъ, пѣвцовъ и пр.—играть ихъ съ нимъ. Еще доказательство: онъ очень любитъ и высоко цѣнитъ „Исламея“,—Балакирева и даетъ его играть своимъ ученикамъ; пьесу эту превосходно играла одна изъ самыхъ любимыхъ его ученицъ, наша талантливая соотечественница В. В. Тиманова; другой ученикъ его—Фридгеймъ игралъ эту пьесу въ своихъ концертахъ, даже за предѣлами Европы. Наконецъ это доказываютъ его собственныя переложенія, напримѣръ вещей Чайковскаго, а также исполненіе ихъ въ его концертахъ и т. д.

Кстати объ его игрѣ: вопреки всему, что я часто слышалъ о ней, меня поразила крайняя простота, трезвость, строгость исполненія; полнѣйшее отсутствіе вычурности, аффектаціи и всего бьющаго только на внѣшній эффектъ. Темпы онъ беретъ умѣренные, не гонитъ, не кипятится. Тѣмъ не менѣе, силы, энергіи, страсти, увлеченія, огня—не смотря на его лѣта — бездна. Тонъ круглый, полный, сильный; ясность, богатство и разнообразіе оттѣнковъ—изумительныя. Играть вообще онъ лѣнивъ. Публично онъ давно уже не игралъ, а только въ частныхъ обществахъ, и то немногихъ, избранныхъ. Теперь даже знаменитыя matinées у него на дому прекратились. Чтобы заставить его сѣсть за рояль, нужно часто прибѣгать къ маленькимъ хитростямъ: попросить, напримѣръ, напомнить то или другое мѣсто изъ какой нибудь пьесы, попросить показать, какъ слѣдуетъ играть какую либо вещь; заинтересовать какою нибудь музыкальною новинкою, иногда даже просто дурно исполнить что-либо. Тогда онъ разсердится, скажетъ, что такъ играть нельзя, самъ сядетъ за рояль и покажетъ, какъ нужно играть. Теперь его можно иногда слышать на занятіяхъ съ учени-

ками, гдѣ онъ нерѣдко, начавъ показывать, какъ нужно играть какое-либо мѣсто въ пьесѣ, увлечется и сыграетъ всю пьесу. Играя съ кѣмъ-либо въ 4 руки, онъ большею частью садится на secondo. Читаетъ ноты и партитуры онъ, разумѣется, превосходно, но теперь онъ плохо видитъ и, не разглядѣвъ иногда какого-нибудь знака, сердится и съ досады черкнетъ карандашемъ на нотахъ чудовищный бекаръ или діезъ и т. д. Разыгрывая какую-либо вещь, онъ иногда начинаетъ прибавлять къ ней свое, и мало-по-малу изъ-подъ его рукъ выходитъ уже не самая вещь, но импровизація на нее—одна изъ тѣхъ блестящихъ транскрипцій, которыя составили его славу, какъ піаниста-композитора. Уроки у него бываютъ большею частью два раза въ недѣлю, послѣ обѣда; начинаются съ $4^1/_2$ часовъ и продолжаются часа полтора, два и болѣе. Постороннимъ лицамъ, не получившимъ особаго приглашенія отъ самаго Листа, трудно попасть на такой урокъ. Черногорскій Лепорелло обыкновенно категорически отказывается даже доложить Листу о пріѣзжающихъ въ часы урока. На каждомъ урокѣ бываетъ около десяти, пятнадцати, даже двадцати человѣкъ учащихся, въ числѣ которыхъ перевѣсъ на сторонѣ піанистокъ. Играютъ обыкновенно не всѣ, а только часть изъ нихъ, причемъ никакого опредѣленнаго организованнаго порядка не соблюдается. Урокъ состоитъ въ томъ, что ученики проигрываютъ Листу то, что они приготовили; онъ слушаетъ, останавливаетъ, дѣлаетъ замѣчанія и самъ показываетъ, какъ нужно играть то или другое. Листъ никогда не задаетъ никому ничего самъ, а предоставляетъ каждому выбрать, что угодно. Впрочемъ, ученики всегда прямо или косвенно справляются о томъ, приготовитъ ли имъ ту или другую пьесу, или нѣтъ, такъ какъ случается, что когда начнутъ играть что-либо ненравящееся Листу, онъ безъ церемоніи остановитъ и скажетъ: „Бросьте, охота вамъ играть такую дребедень!“ или сѣостритъ что-либо по поводу выбранной вещи. Собственно на технику въ узкомъ

смыслѣ онъ обращаетъ мало вниманія, а главнымъ образомъ упираетъ на вѣрную передачу характера пьесы, экспрессіи. Это объясняется, между прочимъ, тѣмъ, что за очень рѣдкими исключеніями у него всѣ ученики уже съ вполнѣ выработанной техникой, хотя учившіеся и играющіе по разнымъ системамъ. Собственно своей личной манеры Листъ никому не навязываетъ, мелочныхъ требованій относительно держанія, постановки пальцевъ, пріемовъ удара, никогда не предъявляетъ, отлично понимая, что индивидуальность играетъ здѣсь большую роль. Впрочемъ, онъ никогда не отказывается показать и разъяснить свои пріемы, когда видитъ, что ученикъ затрудняется въ исполненіи. Отношенія между Листомъ и его учениками—фамильярныя и сердечныя, нисколько не напоминающія обыкновенныя формальныя отношенія между профессоромъ и ученикомъ. Это скорѣе отношенія дѣтей къ доброму отцу, или внучатъ къ дѣдушкѣ. Ученики и ученицы, напримѣръ, безъ всякой церемоніи цѣлуютъ у Листа руку; онъ цѣлуетъ ихъ въ лобъ, треплетъ по щекѣ, подчасъ ударитъ по плечу, и довольно крѣпко, заставляя обратить на что-либо особое вниманіе. Ученики вѣжливо, но совершенно свободно, обращаются къ нему со всякими вопросами, отъ души смѣются его шуткамъ, его умному и подчасъ ѣдкому юмору, который при всемъ его добродушіи проскальзываетъ въ его замѣчаніяхъ, всегда дѣльныхъ и серьезныхъ по существу, хотя и легкихъ по формѣ. Какъ человѣкъ въ высшей степени благовоспитанный и съ тактомъ, Листъ умѣлъ поставить себя такъ, что, не смотря на крайнюю разношерстность своихъ учениковъ, въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ никогда не проскользнетъ ничего грубаго, неловкаго, рѣзкаго.

Нужно замѣтить еще, что Листъ никогда и ни съ кого не беретъ никакой платы за уроки.

Вообще же онъ неохотно принимаетъ новыхъ учениковъ и къ нему попасть не легко. Для этого необходимо, чтобы онъ самъ заинтересовался личностью, или за нее ходатай-

ствовали люди, которыхъ Листъ особенно уважаетъ. Но разъ допустивши кого-либо, онъ рѣдко удерживается въ тѣсныхъ рамкахъ исключительно преподавательскихъ отношеній, скоро привыкаетъ къ ученику и начинаетъ принимать близко къ сердцу частную жизнь его. Начинаетъ входить иногда въ самые интимные интересы и нужды его, какъ матеріальныя, такъ и нравственныя; радуется, волнуется, скорбитъ, а подчасъ и не на шутку будируетъ по поводу домашнихъ и даже сердечныхъ дѣлъ своего ученика. Само собою разумѣется, что при такихъ отношеніяхъ, онъ всегда готовъ помочь во всемъ своему ученику, и нравственно и матеріально. И во все это онъ вноситъ столько теплоты, нѣжности, мягкости, человѣчности, простоты и добродушія. На моихъ глазахъ было нѣсколько примѣровъ подобныхъ отношеній, которыя заставляютъ высоко цѣнить Листа какъ человѣка.

Помню я разъ, какъ однажды Листъ, проводивъ, по обыкновенію, своихъ учениковъ, послѣ урока, въ прихожую и простившись съ ними, долго смотрѣлъ имъ вслѣдъ, и, обратившись ко мнѣ, сказалъ: „А какой это все отличный народъ, еслибы вы знали!.. и сколько здѣсь жизни!..“

„Да, вѣдь жизнь-то это въ тебѣ сидитъ, милый ты человѣкъ!“—хотѣлось мнѣ сказать ему. Онъ въ эту минуту былъ необыкновенно хорошъ.

Какъ видно, ни годы, ни долгая, лихорадочная дѣятельность, ни богатая страстями и впечатлѣніями артистическая и личная жизнь не могли истощить громаднаго запаса жизненной энергіи, которою надѣлена эта могучая натура.

Все это, вмѣстѣ взятое, легко объясняетъ то прочное обаяніе, которое Листъ до сихъ поръ производитъ не только на окружающую его молодежь, но и на всякаго не предубѣжденнаго человѣка. По крайней мѣрѣ, полное отсутствіе всего мелкаго, узкаго, стадоваго, цѣхового, ремесленнаго, буржуазнаго, какъ въ артистѣ, такъ и въ человѣкѣ, ска-

зывается въ немъ сразу. Но за то и антипатіи, которыя Листъ возбуждаетъ въ людяхъ противоположнаго ему закала, не слабѣе внушаемыхъ имъ симпатій. По крайней мѣрѣ мнѣ случалось встрѣчать и у насъ, и въ Германіи не мало людей, иногда вовсе и немузыкальныхъ, путемъ даже ие знающихъ, кто такой и что такое Листъ, но которые чуть не съ пѣной у рта произносятъ это имя, и съ особеннымъ злорадствомъ старательно пересказываютъ про него всякія небылицы, которымъ подчасъ сами не вѣрятъ.

Впечатлѣнія, которыя я передаю, вынесены мною отчасти уже изъ перваго знакомства моего съ Листомъ въ 1877 году. Познакомился я съ нимъ случайно, проѣздомъ черезъ Іену и Веймаръ. Поводомъ къ знакомству послужила моя первая симфонія, какъ оказалось, давно и основательно изученная имъ по фортепіанному переложенію. Она же послужила и къ быстрому сближенію съ маститымъ маэстро, отъ котораго мнѣ суждено было выслушать, по поводу этой вещи, столько хорошаго, сколько я не слыхалъ ни отъ кого во всю жизнь.

Теплый, истинно дружескій пріемъ, оказанный мнѣ Листомъ, и тѣ немногіе дни, которые я провелъ съ нимъ вмѣстѣ, останутся для меня навсегда однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ воспоминаній въ жизни. Покидая Веймаръ, я тогда, однако, не сразу оторвался отъ Листа. Я попалъ въ Марбургъ. Здѣсь жила, умерла и похоронена св. Елисавета, поэтическій образъ которой вдохновилъ великаго маэстра. На мѣстѣ, гдѣ она была погребена, стоитъ одинъ изъ самыхъ изящныхъ готическихъ соборовъ. Видалъ я этотъ памятникъ и прежде, но тогда онъ говорилъ мнѣ только объ одной Елисаветѣ.

На этотъ разъ съ воспоминаніемъ о ней связывалось воспоминаніе и о художникѣ, воспѣвшемъ ее. Женственный, свѣтлый образъ Елисаветы сливался для меня неразрывно съ величавою фигурой сѣдого маэстро. Да и немудрено.

Въ нихъ есть много общаго: оба случайно родомъ изъ Венгріи, занесены судьбою къ нѣмцамъ, стали достояніемъ католической церкви, но во всемъ, что̀ въ нихъ есть симпатичнаго, не видно ничего ни венгерскаго, ни нѣмецкаго, ни католическаго, а только одно—вѣчно великое общечеловѣческое.

А. Бородинъ.

Надгробный памятникъ А. П. Бородину.

Памятникъ Бородину надъ его могилою, на кладбищѣ Александро-Невской лавры, въ С.-Петербургѣ, сооруженъ на сумму, пожертвованную его друзьями и почитателями. Памятникъ изображаетъ золотую музыкальную страницу, оставленную Бородинымъ въ нашей исторіи. На этой страницѣ написаны, по золотому мозаичному фону, мозаикой же, нѣсколько главныхъ темъ изъ главнѣйшихъ музыкальныхъ созданій Бородина:

Первая тема изъ 2-й его симфоніи;
Хоръ половецкихъ женщинъ: „Улетай моя пѣсня“ изъ второго дѣйствія оперы „Князь Игорь“;
Начало „Пѣсни темнаго лѣса“;
Первая тема Скерцо 3-й симфоніи;
Начало симфонической картины „Въ Средней Азіи“.

Надъ этой музыкой—цвѣтная изящная заставка, какъ въ древнихъ русскихъ рукописяхъ. Подъ музыкой, автографная подпись Бородина, изъ мозаики.

Впереди своей „золотой страницы“ является на монументѣ самъ Бородинъ, представленный бронзовымъ бюстомъ. Подъ бюстомъ русскіе музыкальные инструменты, гусли и гудокъ: оба они представлены въ музыкѣ Бородина, гусли—въ финалѣ 2-й симфоніи, гудокъ—въ оперѣ „Князь Игорь“. Надъ „золотой страницей“ надпись изъ гранита:

БОРОДИНУ.

Она осѣнена двумя вѣтвями, поднимающимися справа и слѣва. Подъ одной надписано: „Симфонія“, подъ другой: „Опера“. Вверху—крестъ въ грузинскомъ архитектурномъ стилѣ. Внизу годы рожденія и кончины Бородина:

1834—1887.

Вокругъ памятника, рѣшотка изъ кованнаго желѣза. Середина ея изображаетъ буквы АБ, окруженныя тремя вѣнками одинъ внутри другаго. Изъ нихъ одинъ—изъ химическихъ формулъ:

C^7H^5OJ ‖ $C^{10}H^{18}O$ ‖ $C^{10}H^{22}O$ ‖ $C^{10}H^{20}O$ ‖ $C^{10}H^{20}O^2$ ‖ $CH^3—CH.OH—CH^3—CHO$.

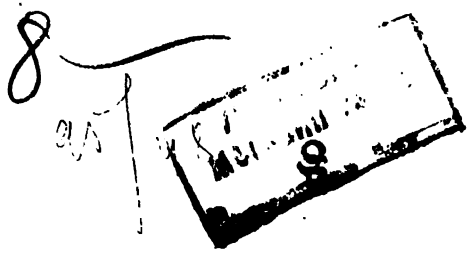
(это четыре изъ числа главнѣйшихъ формулъ, установленныхъ химическими изслѣдованіями Бородина); другой вѣнокъ—изъ музыкальныхъ темъ Бородина:

1-я тема 1-й симфоніи;
2-я тема 2-й симфоніи;
Начало хора русскихъ плѣнныхъ въ половецкомъ станѣ, въ оперѣ „Князь Игорь“;
Начало заключительнаго хора въ той же оперѣ.

Третій вѣнокъ — лавровый.

Памятникъ Бородина сочиненъ архитекторомъ Ив. Павл. Ропеттомъ. Онъ выполненъ изъ сердобольскаго гранита монументныхъ дѣлъ мастеромъ Граціозо Ботта. Мозаика выполнена архитекторомъ-мозаичистомъ А. А. Фроловымъ. Рѣшотка выкована изъ желѣза въ художественно-слесарномъ заведеніи К. И. Винклера.

Надгробный памятникъ А. П. Бородину, на кладбищѣ Александро-Невской Лавры, по проекту И. П. Ропетта.



Дозв. ценз. Спб., 11 февраля 1889 г.

12-50

Mus 1005.14.3
Aleksandr Porfirevich Borodin : ego
Loeb Music Library
BBU9193

3 2044 040 971 525